

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«КАМЕННАЯ МОГИЛА»**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ
МОНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Б. Д. МИХАЙЛОВ

ПЕТРОГЛИФЫ
КАМЕННОЙ МОГИЛЫ
СЕМАНТИКА. ХРОНОЛОГИЯ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

*Издание третье,
переработанное и дополненное*

Севастополь
2026

УДК 903/904 (470)
ББК 63.4 (2)
М — 69

*Рекомендовано к изданию решением Ученого совета
Государственного историко-археологического музея-заповедника
«Херсонес Таврический»*

Ответственный редактор
А. В. Зайков

Издание подготовлено при участии сотрудников
Государственного историко-археологического музея-заповедника
«Каменная могила»:
Н. И. Михаловой
О. В. Заматаевой
И. Н. Зыковой

Михайлов Б. Д.

Петроглифы Каменной Могилы. Семантика. Хронология. Интерпретация / отв. ред. А. В. Зайков. — 3-е, перераб. и доп. — Севастополь : ГИА МЗ «Херсонес Таврический», 2026. — 266 с. : ил.

ISBN 978-5-6054674-0-3

Монография представляет собой третье переработанное и дополненное издание обобщающей работы по семантике, хронологии и интерпретации наскальных рисунков (петроглифов) Каменной Могилы, датируемых от эпохи позднего палеолита (16–14-е тыс. до н. э.) до эпохи бронзы (2-е тыс. до н. э.) и более позднего времени.

Выводы автора, основанные на многочисленных естественных, археологических, исторических, этнографических и литературных данных, позволили представить уникальные петроглифы Каменной Могилы как особый источник, позволяющий нам прикоснуться к духовной культуре и искусству первобытного общества на территории Евразии.

Для археологов, историков, искусствоведов, краеведов, студентов вузов и всех интересующихся древней историей.

ISBN 978-5-6054674-0-3

© Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», 2026

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ МИХАЙЛОВ. ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ В НЕСКОЛЬКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Цель жизни в этом и заключается:
жить так, чтобы и после смерти не умирать.
Муса Джалиль

Борис Дмитриевич Михайлов (1936–2007 гг.) — основатель и первый директор историко-археологического заповедника «Каменная Могила», автор трех монографий, нескольких научных и научно-популярных книг об этом уникальном памятнике древней культуры, а также многочисленных статей и публикаций по истории и археологии Северного Приазовья.

Борис Дмитриевич родился 26 марта 1936 г. в г. Мелитополь Запорожской области. По окончании Харьковского государственного университета в 1967 г. он получил специальность «Историк-археолог». Но археологией он начал заниматься еще с 1961 г. как участник экспедиций Института археологии АН УССР в Северном Приазовье и на Донбассе.

С 1970 по 1986 г. трудовая деятельность Бориса Дмитриевича была связана с Мелитопольским краеведческим музеем, где он служил сначала в должности старшего научного сотрудника, а в 1971 г. стал директором данного учреждения. На этом посту он внес значительный вклад в развитие музееведения на Мелитопольщине.

За время службы Б. Д. Михайлова в должности директора в музее открылись три новые экспозиции: природа, археология, история г. Мелитополя и Мелитопольского района. Это вывело музей на новый уровень — здесь формируется методическая и научная база для проведения семинаров и стажировок для музейных работников всей Украины. Под руководством Бориса Дмитриевича созданы музейные филиалы в Токмаке, Михайловке и пятьдесят народных музеев в селах Запорожской области. В ходе реализации этой масштабной задачи

был приобретен бесценный опыт в деле музейного строительства. В это время Борис Дмитриевич проводил большие краеведческие изыскания, благодаря чему из небытия возвращались факты, имена, события. В 1985 г. он был награжден знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу», а в 1991 г. Указом Президиума Верховного Совета УССР ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Украинской ССР». За сохранение историко-культурного наследия и высокий профессионализм в 2008 г. Б. Д. Михайлов награжден украинским орденом «За заслуги» III степени.

Б. Д. Михайлов досконально изучил многочисленные архивные материалы по истории возникновения г. Мелитополя, документально обосновав дату его основания — 1784 г., что было отражено в статье «К 200-летию г. Мелитополя», опубликованной в «Украинском историческом журнале» АН УССР (1984 г.).

С 1971 по 1986 г. Борис Дмитриевич возглавлял несколько археологических экспедиций по изучению памятников древней истории на территории Северного Приазовья. Во время раскопок он неизменно демонстрировал высокопрофессиональные навыки и исследовательское чутье в деле обнаружения древних стоянок в разных ландшафтных ситуациях и их изучения.

Б. Д. Михайловым было открыто первое в степной зоне междуречья Днестра и Молочной подовое позднепалеолитическое местонахождение Каштаева балка, памятники эпохи позднего палеолита Секиз-1, Ново-Павловка, а также дюнная стоянка раннего неолита (с. Прилуковка на р. Молочная), поселение неолитического времени (с. Семеновка). В течение длительного времени Борис Дмитриевич проводил раскопки курганов эпохи меди и бронзы, сарматского периода и средневековья. Результатом исследований в Северном Приазовье стало опубликование научных трудов в академических и университетских изданиях Украины и России.

С 1983 по 2008 г. Б. Д. Михайлов вел раскопки холма Каменная Могила, результатом которых стало открытие пятнадцати новых гротов и пещер с петроглифами, созданными древними художниками. Среди них выделяются пещеры Бизона и Козы с позднепалеолитическими изображениями мамонтов, птиц, бизона, коней и др. представителями древней фауны, что позволило установить нижнюю хронологическую границу наскальных изображений Каменной Могилы.

Впервые Б. Д. Михайловым на Каменной Могиле были выявлены мезолитические красочные изображения оленя, оленихи, лучника и женщины, а в 1985 г. открыт грот с уникальной скульптурой эпохи бронзы — голова некоего существа, отождествленного исследователем с ведическим драконом Вритрой. Значимым событием стала находка песчаниковых плит с изображением древних «письмен», которые датируются 6-м — началом 5-го тыс. до н. э.

Многолетние исследования Каменной Могилы — этого удивительного памятника первобытной культуры — сформировали Б. Д. Михайлова как одного из ведущих специалистов по наскальному искусству. Он принимал участие в многочисленных международных конференциях и научных семинарах по вопросам истории и археологии (Москва 1990, 1996, 2005; Саскатун, Канада, 1993; Львов 1994; Кишинев, 1995; Тирасполь, 1996; Кемерово, 1998; Харьков, 1999; Киев, 2002). Борис Дмитриевич имел большой авторитет у коллег, в среде

историков и археологов, которые высоко ценили его ум, широту познаний, нетривиальный взгляд на вещи, масштабность мышления, умение решать проблемы в самых разных сферах.

Благодаря настойчивости, упорству и энергии Б. Д. Михайлова в 1986 г. решениями Совета Министров Украинской ССР был создан Государственный историко-археологический музей-заповедник «Каменная Могила», первым директором которого он и стал.

Разносторонние изыскания Б. Д. Михайлова воплотились в многочисленных научных статьях, а также трех монографиях: «Петроглифы Каменной Могилы. Семантика. Хронология. Интерпретация» (два издания 1994 и 1999 гг.; 2005 г. — украинский перевод), «Мелитополь: при-

рода, археология, история» (2002, 2006), «Каменная Могила — подземный “эрмитаж” Приазовья» (2005, 2007, 2018). Следует также отметить сборник научных трудов «Каменная Могила и ее окрестности» (2003, 2006, 2008) и фотоальбом «Каменная Могила — всемирный памятник древней культуры» (2003, 2011). Уже после смерти автора в свет вышла книга «Загадки древнего Герросса» (Киев, 2009).

В монографии «Петроглифы Каменной Могилы» автор впервые предложил расшифровку разнообразных изображений, обнаруженных на этом памятнике. Опираясь на предыдущие изыскания О. Н. Бадера, М. Я. Рудинского, В. Н. Даниленко и В. Н. Гладилина, которые исследовали этот памятник в разные годы, Борис Дмитриевич стремился в своем моделировании петроглифов использовать широкую гамму новых источников, что позволило приблизиться к более глубокому пониманию духовных представлений древних обитателей Северного Причерноморья.

Известный археолог С. Ж. Пустовалов в своем предисловии к изданию 2005 года (на украинском языке) дал высокую оценку этой научной работе: «Аргументированное изложение автором своих мыслей, приобщение археологических, исторических и этнографических параллелей является залогом долгой научной жизни монографии». В книге памятник предстал перед читателями во всем своем многообразии как древнейший культовый центр, который функционировал на протяжении многих тысячелетий и был одним из связующих звеньев в первобытном искусстве Западной Европы и Азии.

Деятельность Б. Д. Михайлова, направленная на создание и развитие музейного комплекса «Каменная Могила», превратила заповедник в настоящее научно-образовательное учреждение культуры. На протяжении длительного времени Б. Д. Михайлов собрал коллекцию древних скульптур — антропоморфные стелы и половецкие каменные бабы, которые явились основой для лапидария заповедника.

В планах Бориса Дмитриевича было много идей и проектов по поднятию на мировой уровень историко-археологического заповедника Каменная Могила. Благодаря его усилиям «Археологический комплекс «Каменная Могила»» в 2006 г. был внесен в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2007 г. Кабинет Министров Украины принял Постановление об объявлении памятника Каменная Могила Государственным историко-археологическим заповедником, а в 2008 г. Указом Президента Украины заповеднику предоставлен статус Национального. Весной 2023 г., вскоре после вхождения Запорожской области в состав Российской Федерации, по поручению Президента В. В. Путина музей-заповедник стал филиалом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Сегодня одна из улиц г. Мелитополя, в котором он родился и прожил всю свою жизнь, носит имя Б. Д. Михайлова.

*Е. А. Морозова
Директор,
председатель Ученого совета
Государственного музея-заповедника
«Херсонес Таврический»*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Монография Бориса Дмитриевича Михайлова (1936–2008 гг.), создателя и первого директора (с 1986 г.) государственного историко-археологического музея-заповедника «Каменная Могила» (ныне филиал Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический») посвящена уникальному ландшафтному и археологическому памятнику, представляющему собой изолированный массив крупных песчаниковых глыб в долине реки Молочная (Мелитопольский район Запорожской области, Россия), его природному окружению, геологической истории и, главное, древним наскальным изображениям.

Одним из несомненных достоинств книги является достаточно подробно представленная в ней история изучения этого необычного памятника. Но главное значение данного издания заключается в том, что в нем публикуется полный корпус древних петроглифов, обнаруженных здесь в разное время и зафиксированных разными исследователями.

Третье издание книги выходит в авторской редакции 2007 г. — за исключением того, что в ряде случаев мы все же посчитали необходимым несколько смягчить слишком прямолинейные аналогии и чересчур смелые авторские интерпретации, главным образом те, которые касаются мифологических сюжетов и так называемых письмен. Но сами идеи, выводы, исследовательские подходы, авторский стиль остались, как отмечено выше, неизменными. В этой связи необходимо сказать, что книга выходит в свет в первую очередь как *памятник науки*. Авторская характеристика первобытной эпохи отражает взгляды конца XX века и по большей части представляет историографический интерес.

С точки зрения современных научных взглядов текст содержит ряд существенных недостатков. Так, к позднему палеолиту автор относит смешанные материалы со дна реки, среди которых нет датирующих орудий. Типологические определения каменных орудий зачастую неверны. Интерпретации изображений также весьма произвольны и не учитывают возможности многократного наложения различных образов, орнаментальных мотивов и тому подобных разновременных элементов, которые обычно воспринимаются автором как части единой композиции. Кроме того, имеются и фактические

ошибки. Например, автором ставится знак равенства между ашелем и средним палеолитом.

Очень много вопросов вызывают рассуждения автора о «письменах». Его построения и выводы в этой сфере не имеют доказательной базы и часто представляют собой произвольное обращение с источниками. Вообще, эта часть работы является наиболее спорной. Обращение к данной теме требует от исследователя соответствующей квалификации и очень большой осторожности.

Еще одной особенностью публикуемого текста, о которой следует предупредить читателя, является неустоявшийся терминологический аппарат. Так, не всегда легко понять, чем «грот» отличается от «пещеры», что такое «группа местонахождений», почему местонахождения из разных гротов попадают в одну «группу», по какому принципу пронумерованы местонахождения и т. п.

Особо следует сказать об иллюстративной части данного издания. Сам по себе представленный материал бесценен, но в большинстве случаев автор дает лишь прорисовки изображений и их описания сами по себе уже являются интерпретациями. Фотографий очень мало, причем исходное качество многих оставляет желать лучшего. В ходе работы над третьим изданием была проведена работа над улучшением качества издававшихся ранее снимков. Кроме того, некоторые из них были заменены более приемлемыми вариантами (с точки зрения разрешения, фокусировки, ракурса). Сотрудникам музея-заповедника «Каменная Могила» Ольге Викторовне Заматаевой и Ирине Николаевне Зыковой удалось разыскать целый ряд не публиковавшихся ранее фотографий, однако кардинально ситуацию изменить не удалось. Главная причина этого состоит в том, что сделать современные снимки описываемых наскальных рисунков на сегодняшний момент невозможно: все гроты с местонахождениями петроглифов в целях их сохранности сейчас законсервированы и доступа к ним нет.

Все сказанное выше отнюдь не умаляет значения книги, которая на сегодняшний день является единственным доступным источником информации о большом и уникальном собрании петроглифов Каменной Могилы, а также об истории исследований этого замечательного природного и историко-археологического памятника — одного из интереснейших комплексов подобного рода на территории нашей страны.

От предыдущих третье издание отличается расширенным научным аппаратом: книга теперь снабжена подробным указателем имен, названий и реалий (составители: А. В. Зайков и С. М. Золотарёв), появился список сокращений, обновлена библиография.

А. В. Зайков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.
*Папирус Древнего Египта*¹

Необозрима приазовская степь... Сколько легенд и песен о ней сложено, сколько удивительных, необыкновенных историй рассказано. Безмолвная степь — свидетельница важных исторических событий, хранительница тысячелетних тайн древних цивилизаций. Среди выжженных солнцем просторов и сегодня стоят молчаливые древние курганы, ровесники микенских гробниц и египетских пирамид.

Неподалеку от Мелитополя, у реки Молочной, есть уникальный памятник древности, воспринимаемый как желтый остров в речной долине. Этот «остров» сложен из причудливо нагроможденных огромных каменных глыб. В народе его издавна называют Каменной Могилой. Обветренные за миллионы лет, обросшие зеленовато-серым лишайником глыбы песчаника разнообразны, причудливы и фантастичны по очертаниям, что создает впечатление молчаливой величавости.

Много легенд сложено об этом чуде природы. Вот первая из них.

В далекие времена жили братья-великаны на берегу реки. Жили дружно, никогда не ссорились. Вместе ходили на охоту, вместе ели и спали, а вечером, когда спадет солнце, ходили к реке напиться воды, освежить тело.

Однажды братья-великаны увидели девушку, которая направлялась в их сторону, как будто самим солнцем посланная им в подарок. Обрадовались братья девушке, но сразу сильно загрустили — каждому очень хотелось, чтобы девушка досталась именно ему. Долго думали они, как быть, кому на ней жениться? Решили бросить жребий, и досталась девушка младшему брату... А старший брат никак не мог смириться с тем, что у младшего красивая жена и дети растут. Затаил он злость и обиду и решил отобрать жену у брата. И вот, когда вся семья брата ужинала, он пошел на берег, принес большой камень и положил его на тропинке, по которой счастливое семейство ходило к реке, а так как первым должен был идти брат, то смерть ждала его на этом камне. Но случилось все иначе. Младший брат нарушил правило, потому что расшалившиеся сыновья начали прыгать и кричать, он стал

¹ Анна Ахматова, «Прославление писцов» (переложение из древнеегипетской поэзии, 1965 г.). См.: [Лирика Древнего Египта 1965, с. 93]. – *Примеч. отв. ред.*

их учить достойному поведению и задержался. А в это время красавица-жена пошла первой по тропинке. Она споткнулась о камень и упала замертво. Кровь пошла из носа и ушей, и ее было так много, что образовалось озеро. С той поры остался камень лежать на тропинке и зовется Каменной Могилой, а озеро люди называли Красным [Михайлов 2002а, с. 255].

Вторая легенда повествует следующее.

Провинился чем-то богатырь Богур перед Аллахом, и тот наказал богатыря: повелел вырыть руками из ближнего горного кряжа камни и сложить из них на берегу Молочной такой высоты гору, с которой во все стороны была бы видна степь. Исполняя веление Аллаха, Богур рвал из кряжа громадные камни, переносил их на себе и складывал один на другой в указанном Аллахом месте. Чтобы скорее закончить работу, прибегнул он к хитрости: неплотно складывал камни. Больше половины работы было уже сделано, когда Богур, втаскивая очередную глыбу, по неосторожности оступился и провалился в оставленные им между камнями щели, завяз там и умер с голоду. Такое наказание постигло его за желание обмануть Аллаха, а тот повелел ветру засыпать песком все щели между камнями и закрыть тело богатыря Богура, кости которого и поныне находятся между камнями. Место то стали называть Камень-гора... [Дзякович 1900, с. 23].

В геологическом и историческом отношении Каменная Могила — единственный в мире памятник подобного рода. Это останец песчаника Сарматского моря третичной эпохи. Миллионы лет назад здесь была песчаниковая мель. Позднее, когда возникло Понтийское море,

на этом месте образовались известняковые отложения (они и сейчас хорошо прослеживаются на правом берегу долины реки Молочной, вблизи села Терпенье Мелитопольского района), в толще которых был найден зуб кита. Море ушло, воцарилась пустыня. Появились красно-бурые глины, содержащие железо и марганец. Впоследствии здесь образовалась впадина реки Молочной, воды которой проникали в глубь земли, а оксиды железа и марганца выходили на поверхность песка сарматского горизонта, преобразовываясь в каменную породу. Так постепенно возник на этом месте песчаниковый монолит. В период таяния ледника на севере (граница его достигла района современного Днепропетровска) «большая вода», стекая к югу, образовала долины рек и так называемые «амфитеатры» — огромные вымоины в правом берегу палеореки, древней Молочной. По мнению академика К. М. Бэра, эти «амфитеатры» стали результатом поворотного движения огромной массы воды на поверхности земли.

Вследствие естественного углубления русла реки Молочной огромный остров оказался на поверхности долины; под воздействием воды и ветра первичный щит песчаника раскололся, а его обломки сползли по песку и возник своеобразный каменный холм с гротами и пещерами. Позднее плиты приобрели удивительные формы и очертания. Сегодня на многих из них можно увидеть отпечатки моллюсков Сарматского моря — жителей могучего древнего водоема. Однако это не беспорядочное нагромождение плит, а правильно развалившийся каменный панцирь, пещеры и гроты которого позднее оказались очень удобными для культовых целей.

У подножия Каменной Могилы произрастает удивительное степное разнотравье, сохранившееся со времен Дикого поля. Особо выделяется реликтовое растение третичного периода — цимбохазма днепровская (лат. *Cymbochasma borysthena*), занесенная в Красную книгу России, а также эндемик — карагана скифская (лат. *Caragana scythica*), степной кустарник с ярко-желтыми цветами, хорошо прижившийся в Севернопричерноморской степи.

В эпоху палеолита по этим просторам бродили мамонты и носороги, бизоны и олени — многие из них стали для первобытных людей одним из основных источников белковой пищи. В эпоху неолита и в

эпоху бронзы здесь носились табуны диких лошадей и сайгаков, в зарослях камыша и терновника водились лоси и кабаны, на равнине паслись дикие туры. Среди типчаково-ковыльной растительности гнездились дрофы, стрепеты, куропатки, в камышах реки — цапли, утки, кулики, в кустарниковых и травянистых зарослях великолепно чувствовали себя ящерицы и степные гадюки. Неописуемая красота царила в долине реки Молочной, где на фоне золотистого песка возник приазовский песчаниковый феномен в форме каменного холма. В древности для путников он был своеобразным ориентиром на равнине, к нему вели многие тропы.

Те, кто оказывались на территории Каменной Могилы, часто оставляли в ее гротах и пещерах свои «автографы» — рисунки на камне (петроглифы). В нартском осетинском эпосе в этой связи сказано:

*В лесу под дубом нарт копье вонзил,
Стрелу на камень знаков положил,
На ветку дуба щит повесил свой
И дальше в путь отправился домой.¹*

Имена людей, оставивших знаки, нам неизвестны, но их быт, культура и духовный мир отразились в петроглифах Каменной Могилы. В ходе изучения наскальных изображений, многочисленных поселений и курганов в бассейне р. Молочной выяснилось, что с этим уникальным степным феноменом связаны судьбы многих народов — от позднего палеолита до эпохи бронзы и более позднего времени.

Река времени донесла до нас достижения человека седой древности. Все, чем мы сегодня располагаем, чего мы достигли в век технического прогресса, было заложено много веков и тысячелетий назад. С помощью археологии мы можем проникнуть в этот неведомый мир и разгадать множество его тайн, а отчасти даже воссоздать те картины мироздания, внутри которых мыслили себя наши далекие предки, чье творчество сохраняют эти древние камни.

¹ См.: [Нарты 1957, с. 16].

ВВЕДЕНИЕ

Петроглифы Каменной Могилы — находящегося близ Мелитополя в Запорожской области холма, сложенного из песчаниковых глыб, — занимают особое место в изучении древней истории Евразии. В многочисленных публикациях О. Н. Бадера, В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинского, В. Н. Гладилина и Б. Д. Михайлова, посвященных степному феномену, нашли отражение не только памятники изобразительного искусства и духовной культуры в гротах и пещерах, но и было определено место этого уникального комплекса в общей исторической цепи как промежуточно-связующего звена между первобытным искусством Западной Европы и Азии [см.: Михайлов, 2000, с. 78–89].

Несмотря на то, что петроглифы Каменной Могилы изучаются уже очень давно, до сих пор остается немало белых пятен в хронологии и интерпретации семантики, определении этнокультурной принадлежности древних изображений, что можно объяснить подчас неточным и неполным воспроизведением их копий. Государственным историко-археологическим музеем-заповедником «Каменная Могила» проводились археологические исследования на песчаниковом холме и вблизи него, на стоянках позднего палеолита, мезолита, неолита и бронзы, а также на степных курганах эпохи меди-бронзы и более позднего времени, что позволило накопить достаточно репрезентативные материалы для лучшего понимания каменномогильских петроглифов (см. археологические отчеты Б. Д. Михайлова в разделе «Архивные материалы»).

В результате наметились основные методологические принципы стратиграфического и стилистико-типологического анализа, с помощью которого петроглифы Каменной Могилы и памятники материальной культуры были соотнесены во времени, что дало возможность уточнить хронологию, интерпретацию, этноисторическую принадлежность многих древних изображений.

В конечном счете принятая методика позволила приблизиться к пониманию искусства и духовной культуры древних народов, населявших Северное Причерноморье. В их сознании Каменная Могила отождествлялась, видимо, с «мировой горой», что было свойственно и соседним цивилизациям (Шумер, Угарит, Урарту, Греция — гора Олимп). В представлении наших далеких предков, по мнению В. Н. Топорова, «гора» являлась как бы вариантом «мирового дерева» и воспринималась как «образ мира, модель Вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира — там, где проходит его ось». Продолжение оси вниз «указывает место, где находится вход в нижний мир, преисподнюю» [Токарев 1980, с. 311].

В жизни первобытных народов гроты и пещеры играли важную роль. На территории Евразии, Средиземноморья и Ближнего Востока в эпоху палеолита они служили убежищами [Ефименко 1953, с. 173]; в эпоху неолита-бронзы их использовали для совершения культовых обрядов. Интересно, например, сообщение Гесиода (VII в. до н. э.) о Геракле и змееобразной богине Ехидне, которая «жила в недрах священной земли, залегающей» в пещере, под скалой, в пустынной местности, вдали от людей и богов [цит. по: Русяева 1991, с. 108].

Холм Каменной Могилы, в соответствии с четко сложившимися традициями, служил местом расположения святилищ-алтарей и, вероятно, склепов-усыпальниц. Автор склонен полагать, что некоторые археологические находки (сосуды и орудия труда) из гротов и пещер входили в погребальные комплексы. Однако останки людей не были найдены в связи с тем, что в песке сарматского яруса органические материалы не сохраняются. Убедительны в этом плане выводы В. С. Бочкарева, полагающего, что в похоронном обряде красной нитью проходит идея поляризации природы и культуры, то есть вечной проблемы жизни и смерти. В частности, автор отмечает: «Одно из этих, но самых драматических и неизбежных столкновений — смерть человека, означающая непосредственное и роковое вторжение природы в сферу культуры, разрушающая социальные связи и грозящая хаосом всему коллективу. Преодолеть, разрешить этот конфликт, это столкновение культуры и природы в первобытном обществе и призван погребальный (похоронный) обряд. Это его важнейшая культовая функция. Проблема разрешается идеологически (как и сейчас), но в духе мифологического сознания, за счет распространения сферы культуры за ее границы. Если природа через смерть вторгается в культуру, то культура предпринимает контрвторжение. Она сознательно и целенаправленно осуществляет (образом и ритуалом) переход, переправу человека (уже усопшего) из жизни к смерти, из этого мира в иной, из культуры к природе. Тем самым процесс как бы берется культурой под контроль» [цит. по: Отрощенко 1990, с. 5–6].

Вот почему холм Каменной Могилы выполнял культовую функцию на протяжении многих тысячелетий. Вероятно, в воображении древнего человека гроты и пещеры песчаникового холма уходили в «подземный мир», а вершина его соприкасалась с небесами и как бы связывала подземный, земной и небесный миры, то есть в системе идеологических представлений наметилось трехчленное деление мироздания.

Удивительно согласуется топография святилищ на холме Каменная Могила с храмами Афродиты и Деметры в Древней Греции, воспетыми в гомеровских гимнах:

*Я для тебя на холме,
отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну
и буду на нем постоянно
Жертвы тебе приносить.¹*

Естественно, петроглифы Каменной Могилы следует рассматривать в контексте общеисторических процессов от позднего палеолита

¹ Гомеровские гимны. IV. К Афродите. 100–102. Пер. В. В. Вересаева [цит. по: Эллинские поэты 1963, с. 81].

до эпохи меди-бронзы, скифо-сарматского и средневекового времени, так как этот степной холм едва мог не привлекать к себе внимание охотников, скотоводов, земледельцев и кочевых народов, приходивших в Северное Приазовье как с востока, так и с запада. Каждая этноисторическая культура оставила свой след как в Северном Приазовье, так и в сопредельных регионах.

Так, памятники эпохи позднего палеолита представлены в пределах Буго-Днестровской, Днепро-Молочанской, Присивашско-Приазовской и Днепровской террасово-дельтовой равнин в Причерноморской низменности. Среди них Амвросиевка, Большая Аккаржа и другие, которые послужили П. П. Ефименко основанием для выделения особой позднепалеолитической культуры. Позднее П. И. Борисковский уточнил географию названной культуры как промежуточную в степной зоне между северными районами и Средиземноморьем¹. Ее характеризовали сезонностью поселений охотников на бизона-зубра с кочевым или полукочевым образом жизни [Палеолит 1984, с. 204–205].

В связи с открытием стоянок Каменная Балка I и II, Мураловка близ Таганрога картина начала меняться. На основании различий кремневой свиты стало ясно, что в Северном Причерноморье, включая Днепровское Надпорожье, существовала в эпоху позднего палеолита разнотипность памятников. На стоянках этой времени плейстоценовая фауна (мамонт) отсутствует, отмечен только бизон-зубр. Исключение составляют Осокоровка (горизонт VI) и Ямбург (горизонт V) на Нижнем Днестре [Борисковский, Праслов 1964, с. 43, 47].

Радиоуглеродный анализ (по C_{14}) позволяет синхронизировать некоторые памятники эпохи позднего палеолита в Северном Приазовье с памятниками Западной Европы. Так, стоянка Мураловка датируется $19\,630 \pm 200$ лет (кость, ЛЕ – 1601) и $18\,780 \pm 300$ лет (кость, ЛЕ – 1438) [Палеолит 1984, с. 357]. Амвросиевское костыще бизонов датируется двумя показателями: $15\,250 \pm 150$ лет (ЛЕ – 1637) [Палеолит 1984, с. 356] и $21\,500 \pm 340$ лет (ЛЕ – 3403) [Кротова 1990, с. 18]. На территории Западной Европы, в пещерах Альтамира (Испания) и Ласко (Франция), датируемых соответственно $15\,500 \pm 700$ лет и $15\,516 \pm 900$ лет, найдены древняя фауна и классические образцы первобытного искусства [Формозов 1966, с. 8].

Важным ориентиром в датировке гравировок Каменной Могилы является местонахождение инвентаря эпохи позднего палеолита на дне русла р. Секиз (приток р. Молочной), расположенное в 600 м к северо-западу от холма. Кремневая свита здесь состоит из 398 предметов: резцы — 40 экз. (17,24 %), скребки — 39 (16,89 %), скобели — 2 (0,86 %), скребло — 1 (0,43 %), пластины — 136 (58,62 %), пластины микролитические — 6 (2,58 %), острие — 1 (0,43 %), нуклеусы — 3 (1,72 %) (рис. 1–2) и отщепы — 70. Она соотносится с Каменной Балкой II и датируется серединой эпохи позднего палеолита [Михайлов 1992а, с. 31–36] (рис. 1–2).

В эпоху мезолита на территории Северного Причерноморья известны микролитические культуры 9–7-го тыс. до н. э. — крымско-белолесская (Шан-Коба, Мурзак-Коба, Белолесье) и осоковско-рогаликская (Осоковка, Рогалик, Гребеники, Ненасытец, Моспино).

¹ Н. П. Оленковский выделил на узком территориальном регионе Северного Приазовья так называемую североприазовскую позднепалеолитическую культуру [Оленковский 2001, с. 3–16].

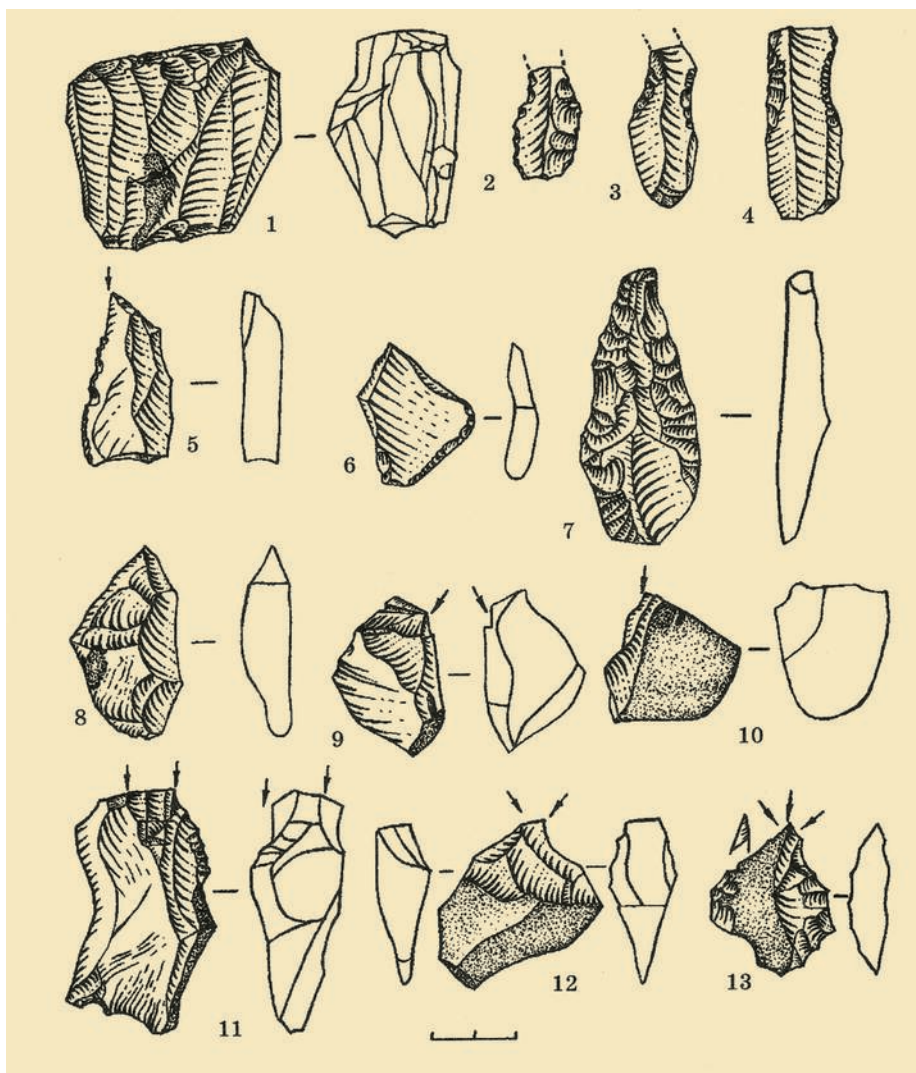

Рис. 1.
Кремневый
инвентарь
эпохи позднего
палеолита
(Секиз I) вблизи
Каменной Могилы:
1 — нуклеус;
2-4 — ножевидные
пластины;
5 — угловой резец;
6-8 — срединные
резцы;
9-10 — угловые резцы
на массивных отщепках;
11 — нуклеидное
орудие;
12-13 — срединные
резцы на массивных
отщепках

К заключительной поре этой эпохи относится кукрекский этап. По мнению Д. Я. Телегина, носители крымско-белолесской культуры были «пришлым населением, а культуры осокоровско-рогаликского цикла сложились на местной финальнопалеолитической основе» [Телегин 1985, с. 106].

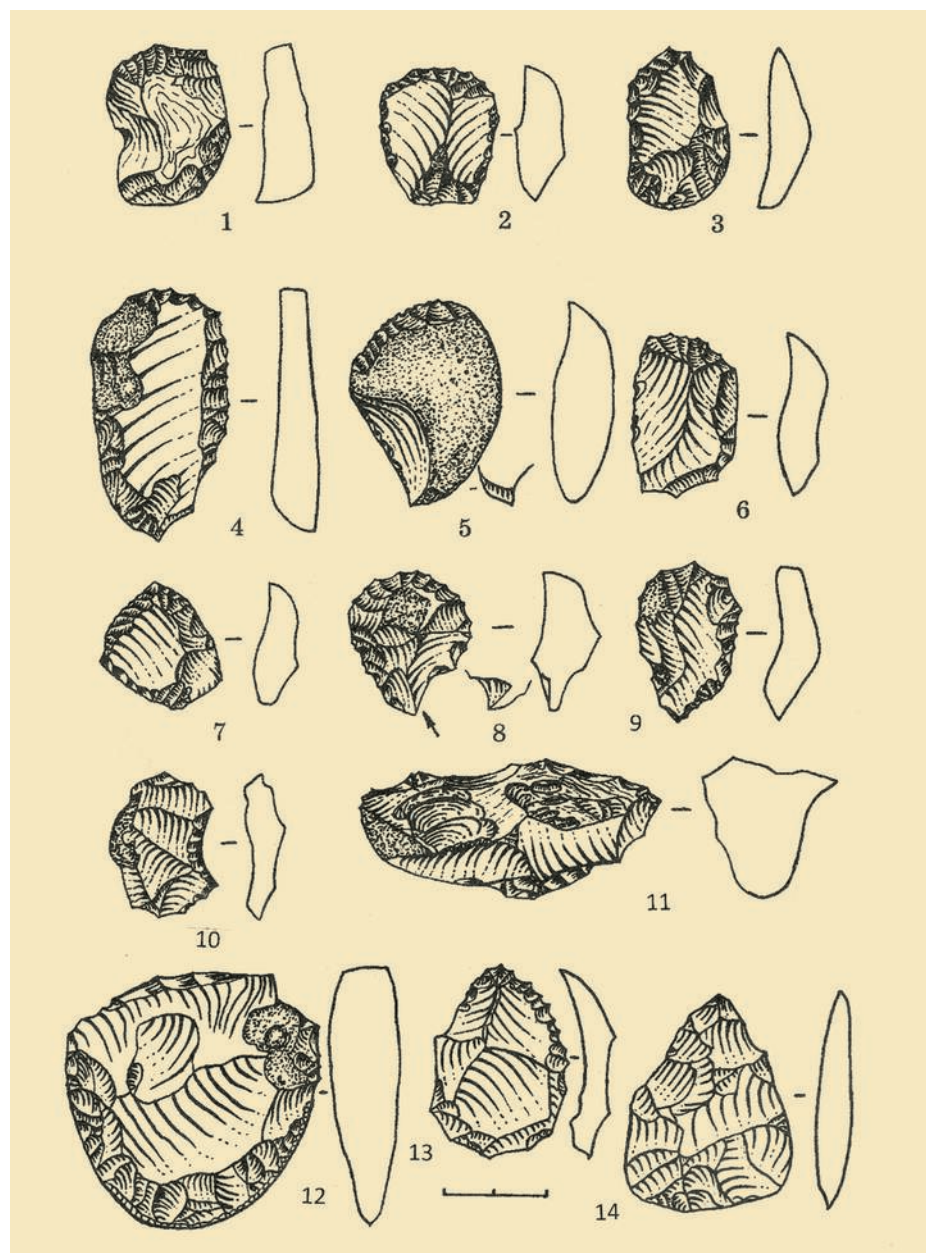
Что касается кукрекской культуры, то ее местная основа у исследователей не вызывает возражений; в Северном Приазовье она представлена одним из ярких памятников у Красного озера вблизи Каменной Могилы.

Вопрос этноисторической принадлежности племен эпохи неолита в Северном Причерноморье достаточно полно разработан в трудах В. Н. Даниленко [Даниленко 1969] и Д. Я. Телегина [Телегин, 1968]. Несмотря на ряд расхождений, эти авторы признают существование следующих культур: в ранний период эпохи неолита (с середины 6-го до начала 4-го тыс. до н. э.) — буго-днестровская, культура линейно-ленточной керамики, сурская или сурско-днепровская. Памятники раннего неолита есть в Крыму (Таш-Аир, Кая-Араси), позднее в Поднепровье появились стоянки днепро-донецкой культуры.

Второй период эпохи неолита (4-е — первая половина 3 тыс. до н. э.) связан с днепро-донецкой культурой (приазовской, по В. Н. Даниленко), уходящей к «позднепалеолитическим племенам» Нижнего Днепра, Северного Причерноморья и Крыма.

В хронологической синхронизации памятников эпохи неолита и петроглифов из гротов и пещер важную роль сыграли данные радиоуглеродного (C_{14}) анализа ракушек и фауны культурных горизонтов поселения у Красного озера вблизи Каменной Могилы, выполненного Киевской радиоуглеродной лабораторией: 6680 ± 40 (Ки — 3274), 4100 ± 30 (Ки — 3280), 4170 ± 80 (Ки — 4023), 4230 ± 90 (Ки — 402), 4426 ± 60 (Ки — 4025) лет до н. э. По мнению Д. Я. Телегина, установленные даты несколько удревнены, но «отражают картину последовательности накоплений в поселениях террасы культурных остатков» [Телегин 1990, с. 33]. Близким к

Рис. 2.
Кремневый
инвентарь
эпохи позднего
палеолита
(Секиз I) вблизи
Каменной Могилы:
1-9 — скребки;
10 — скребковидное
орудие;
11 — нуклевидное
орудие ладьевидной
формы;
12 — скребло;
13-14 — лавровидные
орудия

ним во времени оказалось неолитическое поселение Ракушечный Яр в Северо-Восточном Приазовье; в частности, результаты анализа C_{14} показали, что средние культурные слои датируются в диапазоне 6070 ± 100 лет назад, то есть 4120 лет до н. э., а верхние — 4360 ± 100 лет назад, или 2410 лет до н. э. (Белановская, 1975, с. 111).

Хронология археологических памятников эпохи меди-бронзы в Северном Причерноморье в конце двадцатого века годы стала предметом дискуссии среди исследователей [Николова 1990, с. 14–24; Видейко 1990, с. 107–111]. Несмотря на несовершенство историко-хронологических таблиц эпохи меди-бронзы, мы сочли возможным опираться на датировку этноисторических культур, предложенную Н. А. Чмыховым и И. Т. Черняковым.

Сравнительный анализ памятников, зодиакальный календарь и радиоуглеродный метод позволили этим авторам разработать относительную хронологическую таблицу, приемлемую для датирования некоторых групп петроглифов Каменной Могины. Так, среднестоговская культура, включающая два хронологических периода — ранний (волосский) и поздний (дереивский), представлена памятниками Поднепровья, Нижнего Дона и лесостепи Левобережья. Во всем своем проявлении она имеется и в культурном горизонте у Красного озера вблизи Каменной Могины. По мнению Н. А. Чмыхова и И. Т. Чернякова, среднестоговская культура датируется в хронологическом диапазоне от конца 4-го тыс. до 2200 г. до н. э. [Чмыхов, Черняков 1989, с. 72].

Памятники нижнемихайловского типа представлены Михайловкой I на Нижнем Днепре и стоянками последующих периодов: ливенцовского, михайловского II и широчано-баратовского. Как известно, материальная культура ливенцовского периода соотносится с культурой периода Среднего Стога I, имеет сходство с неолитическими и крымскими памятниками Курцы, Кая-Араси, Таш-Аир и датируется временем от конца 4-го/начала 3-го тыс. до н. э. и до 2200 г. до н. э. [там же, с. 73].

Н. А. Чмыхов и И. Т. Черняков названные памятники связывают во времени с трипольской культурой, майкопскими и среднестоговскими памятниками, то есть датируют концом 4-го тыс. до н. э. — 2200 г. до н. э. [там же, с. 12].

Кеми-обинская культура локализуется на территории Крыма, отчасти она была распространена также и в междуречье Буга — Днепра — Молочной. В ее развитии исследователи видят три этапа: крымский, приазовский и северопричерноморский¹.

Сравнительный анализ этой материальной культуры с соотносимыми во времени культурами и радиоуглеродный анализ (C_{14}) Межлиманского кургана на Тамани дали следующую датировку: 2300 — 2000/1900 гг. до н. э. [Чмыхов, Черняков 1989, с. 76]. Особую роль в хронологии петроглифов Каменной Могины играют памятники ямной культуры, которые известны как в бассейне р. Молочной, так и во многих регионах Северного Причерноморья.

В развитии ямной культуры определены два этапа: ранний этап, соответствующий нижнему слою Михайловка II, и поздний, датируемые соответственно 2800/2750 — 2200 гг. и 2300–1600 гг. до н. э. [Чмыхов, Черняков 1989, с. 81].

¹ Г. Н. Тоцев подверг сомнению существование так называемой кеми-обинской культуры: [Тоцев 2001, с. 37–38].

Эпоха бронзы в степной и лесостепной полосе от Приуралья и Северного Кавказа до низовий Дуная представлена катакомбной этно-исторической общностью. Наиболее ранние памятники (курган I в группе Виноградный Сад II на Николаевщине) датируются 2300 г. до н. э., а наиболее поздние — 1700–1600 гг. [Чмыхов, Черняков 1989; Посредников, Постников 1990, с. 88–90], что подтверждается находкой бусины в виде египетского скарабея в катакомбном погребении в кургане вблизи с. Вознесенка на Мелитопольщине, датируемой XVIII–XVII вв. до н. э. [Михайлов 1974, с. 308; 1991а, с. 63].

Период средней бронзы в изучаемом регионе характеризуется многоваликовой керамикой каменско-ливенцовской и срубной культур. В целом памятники, принадлежащие этим этноисторическим культурам, датируются в следующих хронологических диапазонах [Чмыхов, Черняков 1989, с. 103–110]:

1) многоваликовая — 1850/1800 — 1600 гг. до н. э.;

2) срубная — 1800/1750 — 1300/1200 гг. до н. э.

Поздний период представлен сабастиновской и белозерской культурами, возраст которых определяется так:

1) сабастиновская:

– ранний этап — XVI — кон. XV в. до н. э.;

– средний этап — нач. XIV — пер. пол. XIII в. до н. э.;

– поздний этап — втор. пол. XIII в. до н. э.;

2) белозерская — 1300/1200 — 1000 гг. до н. э. (по Гракову белозерский этап датируется IX–VIII вв. до н. э.) [Граков 1977, с. 136].

Начало первого тысячелетия до нашей эры ознаменовано появлением на исторической арене киммерийцев. «Отец истории» сообщает о «земле киммерийцев», которые были изгнаны из Северного Причерноморья скифами в кон. VII — нач. VI в. до н. э. (Геродот. IV.1). В последующие столетия Северное Причерноморье находилось под властью скифов (кон. VII — IV/III вв. до н. э.), сарматов (II–III вв. н. э.), готов (II–IV вв.), гуннов (кон. IV — VI вв.), протоболгар (салтовская культура) (VI–VII вв.), хазар (VII–IX вв.), печенегов (X–XI вв.), славян (IX — нач. XIII вв.) и половцев (XI — нач. XIII вв.). В 1230–1240-х гг. татаро-монгольское нашествие смело оставшиеся на этих землях народы. Надолго некогда изобиловавшая жизнью степь превратилась в безлюдную местность, получившую символическое название — «Дикое поле».

В датировке каменномогильских петроглифов главную роль играют, как уже отмечалось, предметы материальной и духовной культуры со стоянок, поселений и могильников. При интерпретации ранних рисунков необходимо правильно установить морфологическую принадлежность того или иного животного как «объекта» определенной исторической эпохи, понять геометрические знаки-символы, «письмена» и т. д. Немаловажное значение в датировке и — особенно — в интерпретации петроглифов имеют исторические, литературные и этнографические источники.

Территория Северного Причерноморья в 4–3-м тыс. до н. э. входила в Циркумпонтийскую зону и вобрала в себя ряд этнокультурных общностей. По их поводу Н. Я. Мерперт пишет так: «Каждая имела свои корни, свой ход развития, свое содержание. Но в рассматриваемый период все они были охвачены близкими по характеру событиями, приведшими к определенным интеграционным явлениям на значи-

тельных участках и даже по всей зоне. К ним может быть отнесено широкое распространение фортификационного строительства (Михайловское поселение на Днепре. — Б. М.), зафиксированное именно для конца IV — III тыс. до н. э. <...> Распространяются и единые культурные (в том числе и идеологические) феномены: курганный обряд с индивидуальными скорченными погребениями известен по всей каспийско-черноморской полосе <...>, характерная группа антропоморфных стел охватывает Северный Кавказ, степную полосу, Нижнее Подунавье, Западное Причерноморье, северо-западную Анатолию (Троя — 1) <...> и вполне закономерно сходство как отдельных категорий материальной культуры, так и целых серий их (форма сосуда, шнуровая, резная, рельефная орнаментация, боевые каменные топоры, ножи, украшения, деревянные повозки и др.) на значительных участках зоны как близких, так и достаточно удаленных друг от друга. Оно явилось результатом не единичной инвазии, а всей системы связей и активных перемещений раннего бронзового века, обусловивших “контактную непрерывность”, близкий ход развития и сопряженность культурных изменений внутри циркумпонтийской зоны» [Мерперт 1988, с. 31].

Понимание петроглифов Каменной Могилы невозможно без учета исторических материалов и данных археологических исследований из соседних регионов, оставивших человечеству удивительные памятники древних цивилизаций — Иерихона (Палестина), Чатал-Хююка (Анатолия), Месопотамии, Египта, Греции и других, которые в эпоху неолита-бронзы и железного века достигли значительных высот в научно-техническом и духовном развитии, что в результате миграций и торговых отношений оказывало влияние и на народы Северного Причерноморья.

Время показало, что изучение древних петроглифов Каменной Могилы — это очень трудоемкий процесс, и до сих пор он строился на исследовательской интуиции, причем не всегда учитывались объективные наблюдения, а некоторые источники оставались вне поля зрения. Что касается последнего фактора, то возникает правомерный вопрос: с каких же территориальных пространств следует привлекать археологические, исторические, литературные источники (мифы, эпос, сказания и т. п.), наконец, этнографические данные? По-видимому, чтобы проникнуть в духовный мир древнего человека, посещавшего степной холм и оставлявшего здесь свои «автографы» на камне, следует использовать материалы не только с территории Циркумпонтийской зоны, но и из более отдаленных регионов, которые соотносятся по времени с петроглифами Каменной Могилы.

Подобного мнения придерживается А. А. Формозов, который пишет: «Предположим, что мы изучаем памятники культуры древнейших индоевропейцев где-нибудь в Причерноморье. Разве не имеем мы права на сопоставление произведений их изобразительного искусства с фольклором индоевропейских народов, живущих в Прибалтике или на Балканах, в Индии или Иране? <...> Дело, следовательно, не в территориальной и хронологической отдаленности самой по себе, а в правильном выборе круга аналогий при помощи ключа для расшифровки древних изображений» [Формозов 1979, с. 13].

Вот почему в настоящем издании использованы разнообразные исторические, литературные источники (глиняные таблички Шумера,

гимн арийской культуры — Ригведа, религиозные трактаты Авесты, героические сказания народов Кавказа — нартский эпос, сообщения античных авторов), данные отечественных и зарубежных исследователей древней истории, археологии и этнографии.

Настоящая книга явилась результатом более чем тридцатилетнего труда. Автору посчастливилось работать в экспедициях на территории Каменной Могилы вместе с известными учеными В. Н. Даниленко, В. Н. Гладилиным, быть близко знакомым с О. Н. Бадером и через посредничество Е. Я. Рудинской проникнуться уважением к научным трудам М. Я. Рудинского.

На протяжении трех десятилетий автору пришлось находиться в гуще исследовательских метаморфоз, выслушивать различные концепции по поводу той или иной научной проблемы, при этом вырабатывая свое собственное отношение к уникальному памятнику, к хронологии и интерпретации отдельных сюжетов, чему в немалой степени способствовало исследование стоянок эпохи позднего палеолита — неолита, курганных памятников, открытие новых гротов и пещер на холме Каменная Могила, которые дали удивительные образцы материальной культуры и первобытного творчества.

В процессе подготовки монографии неоценимую помощь автору оказали сотрудники музея-заповедника «Каменная Могила» и преподаватели Мелитопольского педагогического института, доценты Ю. И. Глущенко и А. Т. Тамбовцева. Особенную благодарность хочу выразить моей жене, Наталье Ивановне Михайловой.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФОРМ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Природная среда и человек находятся в постоянном общении и взаимодействии. Творческий потенциал *Homo sapiens*, производственная деятельность способствовали изменению природной среды его обитания и формированию культуры, возникновению первобытных форм религии. Чтобы определить круг представлений древних охотников, земледельцев, скотоводов об окружающем их мире, прежде всего следует реконструировать палеографические условия природной среды конкретной территории на разных этапах развития материальной культуры. Для правильного понимания тех процессов, в ходе которых возникали и развивались различные формы религии, необходимо проанализировать состояние природной среды, окружавшей древнего человека, оценить ее ресурсный потенциал, поскольку все эти факторы в определенных исторических условиях оказывали значительное влияние на формирование всего социально-экономического и духовного уклада общества.

Так, изучение стоянок эпохи позднего палеолита — неолита, погребальных памятников и поселений эпохи энеолита-бронзы, скифо-сарматского периода дало возможность выявить определенную взаимосвязь между природной средой, памятниками археологии и смыслами, заключенными в петроглифах Каменной Могилы.

Василий Осипович Ключевский в этой связи писал: «Человек по-минутно и попеременно то приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспосабливает к себе самому, к своим потребностям, от которых не может и не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает и свою сообразительность, и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям. И чем более природа дает возбуждения и пищи этим способ-

ностям человека, чем шире раскрывает она его внутренние силы, тем ее влияние на историю окружаемого ею населения должно быть признано более сильным, хотя бы это влияние природы сказывалось в деятельности человека, ею возбужденной и обращенной на ее же самое» [Ключевский 1956, с. 62].

Из сказанного вытекает, что взаимовыгодное сосуществование человека и природы приводит к положительным результатам в освоении форм присваивающего и воспроизводящего хозяйства. Однако подчас бездумное отношение к окружающей среде влечет за собой экологические катастрофы [Мордкович 1982, с. 14].

Зональный тип ландшафта рассматриваемого региона — степной. Его особенности на региональном и локальном уровнях обусловлены геолого-геоморфологическим строением, глубиной уровня залегания грунтовых вод и другими факторами [Физико-географическое районирование 1968, с. 16–17]. Северное Приазовье в геоморфологическом отношении — это плоская (Причерноморская и Приазовская низменность) и всхолмленная (Приазовская возвышенность) равнина со слабым уклоном в сторону Азовского моря. Кроме того, в Северо-западном Приазовье, на Днепровско-Молочанском междуречье расположены блюдцеобразные понижения — пади (западины), являющиеся своеобразными коллекторами талых и дождевых вод. Такие пади представляют собой, как полагал П. К. Заморий [Заморій 1961, с. 155–158], остатки больших заток верхнетретичного моря (возможно, верхнеплиоценового), а А. М. Мулика и А. И. Кривульченко считают их результатом суффозионно-просадочных процессов [Мулика 1961, с. 117; Кривульченко 1981, с. 8–10]. Археологические исследования показывают, что по берегам падей с эпохи позднего палеолита селились первожители Северного Приазовья [Михайлов 1987, с. 47–51].

Исследуемый регион представляет собой относительно единую по природным условиям территорию [Природа Украинской ССР 1985, с. 160–166].

В Северном Приазовье протекают, извиваясь, небольшие степные реки: Кальмиус, Берда, Обиточная, Лозоватка, Молочная, Малый и Большой Утлюки. Правые берега их высоки и круты, а левые — пологи и террасированы. Ширина речных долин колеблется от 1 до 2 км, а долина реки Молочной южнее Мелитополя имеет ширину от 4 до 8 км. Узкие долины встречаются у рек Миус, Кальмиус и Берда, протекающих через кристаллический блок Украинского щита. Водный режим и величина гг.ого речного стока зависят от количества выпадающих осадков и объема талых вод, которые стекают с водоразделов через густую овражно-балочную систему. В засушливые годы малые реки пересыхают, образуя не связанные между собой небольшие водоемы.

В структуре растительного покрова преобладают бедные разнотравно-злаковые и ковыльно-типчаковые степи, а в Присивашье — полынно-злаковые. Под степной растительностью сформировались черноземные и каштановые почвы.

Однако на различных этапах развития материальной культуры происходили неоднократные изменения природной среды, вызванные естественными процессами, что отражалось на жизнедеятельности древнего человека, его хозяйственном и культурном образе жизни.

Современные физико-географические условия Северного Приазовья являются результатом длительного и последовательного естественно-исторического развития природной среды на протяжении многих геологических периодов. Так, в докембрийский период изучаемая территория подвергалась активным тектоническим движениям, в результате которых на месте Приазовской возвышенности возникли складчатые структуры, представленные в орографии поверхности горным рельефом [Страхов 1948, с. 139–171].

Следы древней докембрийской складчатости в настоящее время сохранились в виде останцев – «могил» на Приазовской возвышенности в верховьях степных рек Миус, Кальмиус, Берда и Молочная. Среди них выделяются Токмак-Могила, Куксунгур-Могила и другие. Они сложены из кристаллических пород, которые выходят на дневную поверхность в виде гряд, холмов-останцев и достигают высоты над уровнем моря до 200–300 метров.

Северное Приазовье в верхнемеловую эпоху (палеогеновый и неогеновый периоды) неоднократно покрывалось древними морями. Палеоморя оставили после себя огромные осадочные толщи песков и глин, а также известняков, песчаников и других пород, которые нередко обнажаются в долинах рек.

В этой связи чрезвычайно интересным геологическим памятником природы является Каменная Могила, расположенная в долине реки Молочной. Это эрозионно-денудационный останец, сложенный песчаником [Заморій, Молявко 1946, с. 6].

По мнению А. П. Павлова, в доминдельский и миндельский (ледниковая эпоха) периоды сформировались основные черты рельефа интересующих нас южных европейских земель. Ученый отмечал, что в это время местами текли широкие водные потоки, например, в Приднепровье, в Бессарабии и Азово-Черноморском крае, где теперь северное побережье Азовского моря [Павлов 1936, с. 201]. Берега их были покрыты лесной и луговой растительностью, являющейся пищей для многочисленных млекопитающих.

Господство влажного и умеренного климата в этот период, как полагал М. А. Мензбир, обусловило формирование на юге «европейской части СССР» разнообразной растительности и появление многочисленных животных, где «по травянистым равнинам, вероятно, бродили слоны и носороги южного типа <...> паслись табуны лошадей» [Мензбир 1934, с. 158–159].

Остатки фауны названной эпохи в Северном Приазовье известны на южной окраине Мелитополя (череп носорога), вблизи сел Вознесенка и Тихоновка Мелитопольского района, на побережье Азовского моря в районе Бердянска и Приморска (южный слон и гигантский олень), вблизи с. Обиточное (южный слон, зубр, конь, собака, заяц, гиена, бобр, слепыш, хомяк-полевка, тушканчик, куропатка серая, дятел, щука и т. п.); вблизи Таганрога найдены кости бизона, слона Вюста и т. д. [Підопличко 1956, с. 38–49, 52–53; Громов 1937, с. 32–45].

В связи с материковым оледенением климат в Северном Приазовье стал более холодным, что обусловило появление мамонтов, сибирского носорога и многих других травоядных и плотоядных животных. В этой связи следует отметить, что ископаемая плейстоценовая фауна известна в Донецкой (с. Желанное Авдеевского района, п. Еленовка Ольгинского района, с. Новоалександровка Артемовского района,

с. Рубцы и г. Светлогорск Краснолиманского района) и Запорожской областях (с. Степное Акимовского района, с. Вознесенка вблизи Мелитополя, с. Софиевка Новониколаевского района).

Однако 100–70 тыс. лет назад в Европе вновь произошло потепление, наступила межледниковая эпоха рисс-вюрм (микулинская). К этому времени относятся находки ашельских орудий в Северо-Восточном Приазовье и Донбассе. В настоящее время они известны вблизи с. Герасимовка, хут. Хрящи, ст. Бессергеновка, сел Михайловка и Весёлое, а также ст. Амвросиевка и г. Донецка.

В границах Северного Причерноморья и, в частности, Северного Приазовья были проведены палинологические исследования, позволившие восстановить растительность и палеогеографическую картину седой древности. Так, в горизонтах нижнего антропогена (мартоношский, сульский, тилигульский, завадовский) обнаружена пыльца сосны, дуба, пихты, липы, березы, ольхи, орешника, жостера и вербы.

Из травянистых растений в Приазовье были представлены злаковые, маревые, полынные, осоковые, губоцветные, гвоздичные, спорышные, крапивные и т. д. Кроме того, в этом комплексе встречена пыльца третичных растений (орех, тут, сумах, хвойник-эфедра, папоротники и др.).

В среднем антропогене (днепровский горизонт) состав спорово-пыльцевого комплекса оказался намного беднее. Была выявлена пыльца таких древесных и кустарниковых пород, как сосна, орешник, береза, а также травянистых растений семейства маревых, полынных, злаковых, сложноцветных.

В прилукском и кайдакском горизонтах обнаружена пыльца сосны с преобладанием широколиственных пород — граба, мелколистной и крупнолистной липы, вяза, клена. Из кустарников представлены ива, орешник (лещина обыкновенная), из трав — злаковые и разнотравье (крестоцветные, подорожниковые, маковые, лютиковые, крапивные, сложноцветные, вьюнковые растения и др.).

В позднем антропогене в удайском лёссе, в частности, вблизи с. Мироновка Мелитопольского района Запорожской области, с. Широкино и в г. Мариуполе выявлена пыльца травянистых растений: полынных, злаковых и разнотравья, но пыльца деревьев и кустарников отсутствовала. Лишь изредка здесь встречаются сосна и хвойник-эфедра.

Однако в витачевском горизонте у с. Мироновка найдена пыльца древесных и кустарниковых пород, а из травянистых преобладают злаковые растения. В горизонте бугского лёсса (с. Мироновка) спорово-пыльцевой комплекс оказался довольно обыденным: пыльца сосны, маревых, полыни, злаковых, эфедры. В дофиновском горизонте (ископаемая почва), как и в витачевском (г. Мариуполь), представлена пыльца сосны, ореха, ели, пихты, дуба, граба, ясеня, каштановых, кипарисовых и др., а среди травянистых преобладали злаковые.

В отложениях кайдакского и прилукского горизонтов вновь встречены спорово-пыльцевые комплексы достаточно богатой древесной растительности, появляются пойменные и байрачные леса, ареал которых в позднечетвертичное время — в связи с вюрмским похолоданием — вновь сокращается [Артюшенко и др. 1972, с. 82–89].

Эти данные согласуются с материалами палинологических анализов мустьерского поселения Рожок I под Таганрогом. Так, три нижних горизонта содержали остатки пыльцы травянистых растений: маре-

вых, сложноцветных и злаковых, которые свидетельствуют о существовании особого растительного степного сообщества в период потепления. Иная картина наблюдалась в верхних горизонтах, где культурные слои включали пыльцу древесных пород: сосны, ели, дуба, вяза, ольхи, березы, граба, а также маревых, сложноцветных и разнотравья [Праслов 1961, с. 129].

В начале позднего плейстоцена (витачевское время) на черноземах и каштановидных почвах, как отмечают Н. А. Сиренко и С. И. Турло, преобладали злаково-разнотравные степи с байрачными и долинными лесами [Сиренко, Турло 1986, с. 154–155]. На заключительном этапе позднего плейстоцена (поздний палеолит) они уступают место злаково-полынно-маревым степям. В южных районах, непосредственно прилегающих к Сивашу и Азовскому морю, сформировались сухие и полупустынные степи [там же, с. 158]. Как видим, смена растительных сообществ происходила постепенно в связи с изменением климата от близкого к субтропическому в раннем плейстоцене к умеренному и умеренно-континентальному в позднем.

Таким образом, состав и характер растительности изменялся в зависимости от климатических условий. Во время похолоданий растительность приобретала степной облик, а с потеплением (межледниковая эпоха и межстадиалы) наряду со степями произрастали леса байрачного и пойменного типа. Из этого следует, что смена климатических условий влекла за собой изменение всего комплекса природных условий [там же, с. 154–155].

В результате изменений природных условий в Северном Приазовье появились мамонты, бизоны, гигантские олени, лошади, ослы, волки. Многие из них стали основным источником пищи для человека — возникли загонная охота и собирательство. Стоянки мустьерского времени, открытые в Северном Приазовье, как правило, представляли собой сезонные охотничьи лагеря, что свидетельствует о бродячем укладе жизни древних людей.

В эпоху позднего палеолита климат вновь меняется в сторону потепления. Как показали палинологические анализы на Амвросиевской стоянке, в период мадлена (заключительная фаза) происходил процесс образования разнотравья и других степных растений, что свидетельствует о безлесом характере большей части ландшафта изучаемой территории, но отдельные лесные массивы сохранялись в долинах степных рек [Гричук 1951, с. 65].

В этот период древние люди стали интенсивнее заселять южные районы причерноморской степи. Только в границах Северного Приазовья открыто более 80 стоянок этого времени.

Чрезвычайно интересным памятником является Амвросиевская стоянка на р. Крынке (приток реки Миус). Здесь кремневая индустрия представлена резцами, пластинами, скребками, костяными наконечниками копий и т. п. Вблизи стоянки открыто костяше более 950–1000 особей зубров [Борисковский 1953, с. 332], которые были уничтожены племенем из 100 человек. Как видим, количество убитых животных явно превышает норму рационального питания.

Кроме того, существование на дне впадины нынешнего Азовского моря (трансгрессия произошла в 15–12-м тыс. до н. э.) палеодолин Молочной, Миуса и Кальмиуса, являющихся притоками Палео-Дона [Щербаков и др. 1977, с. 52–58], вероятно, обусловило появление в

этом регионе рыболовства, особенно после освоения древним человеком Приазовья универсальных вкладышевых орудий (острога, гарпун, распилка).

Сложившиеся физико-географические условия в эпоху палеолита диктовали человеку способы выживания, а смена крупных животных (мамонта и носорога) на более мелких (бизон, лошадь, олень), известных по рисункам Каменной Могилы, в конечном счете привела к перестройке всей палеолитической формы хозяйства.

Древние люди стали охотиться на более мелких животных, интенсивней стала их жизнь; они вынуждены были переселяться вслед за миграцией животных, придумывать новые типы орудий, а в конце палеолита ими был освоен лук со стрелами. Это открытие, в свою очередь, способствовало более успешной охоте на пернатую дичь и даже на таких животных, как бизоны, ставшие основными объектами охоты.

В конце плейстоцена — начале голоцена на нашей планете произошли новые изменения. Трансгрессия Мирового океана, размыв ложа Босфорского пролива, поднятие уровня Черного моря, затопление впадины Азовского моря и отступление далеко на север последнего валдайского ледника изменили природные условия настолько, что арктическая фауна постепенно вымирает. В этот период также происходит окончательное формирование современных речных долин, складывается современная структура почвенного покрова и устанавливаются близкие к современным границы природных зон. В Северном Приазовье окончательно сформировался степной тип ландшафта, севернее — лесостепной и смешанных лесов.

На территории Северного Причерноморья были получены геологические, палинологические и радиоуглеродные материалы, подтверждающие, что в период дриаса III (свидерский этап) на стыке плейстоцена и голоцена для этой зоны был характерен холодный климат с присутствием северного оленя и других холодолюбивых животных. Еще дольше плейстоценовые животные (северный олень, бизон, пещерный лев, конь, сайгак, осел) сохраняются в Крыму (Шан-Коба) [Зализняк, Яневич 1987, с. 14].

В эпоху неолита наступает качественно новый социально-экономический этап в жизни древнего человека. Исчезновение и сокращение численности животных как источника питания, увеличение численности населения, по-видимому, были главными предпосылками освоения производящего хозяйства, хотя еще долго основными занятиями оставались охота, рыболовство и собирательство.

К этому времени балканские и переднеазиатские народы (Чатал-Хюк) уже освоили прогрессивные формы производящего хозяйства — скотоводство и земледелие. Постоянные контакты между племенами, наметившиеся в эпоху палеолита, способствовали перестройке охотничьего хозяйства и в Северном Приазовье. На стоянках раннего неолита здесь уже найдены кости домашних животных, кремневые трапеции [вкладыши жатвенных ножей (серпов); – *ред*], костяные мотыги, зернотерки. Все это свидетельствует о наступлении новой фазы хозяйствования, в которой основными отраслями являлись скотоводство и земледелие.

Культурные горизонты от позднего мезолита (докерамический неолит, по В. Н. Даниленко) до энеолита на территории поселения Каменная Могила показали четкую сменяемость эпох, а споропыльцевые

анализы (выполнены П. М. Долухановым и Г. А. Пашкевичем) свидетельствуют, что в пойме р. Молочной преобладали степные условия. Правда, в нижней части отложений (верхний докерамический слой) на глубине 1,7–2,4 м есть следы большой облесенности (пыльца сосны, березы, ольхи, вяза, дуба, граба). Слой азово-днепровской культуры (0,9–1,2 м) формируется в более сухих и остепненных условиях, то есть значительно сокращается пыльца деревьев, увеличивается до 70–80 % пыльца маревых и несколько уменьшается доля сложноцветных растений, а верхний горизонт представлен палинологическим спектром, который свидетельствует о существовании засушливой степи, сохранявшейся вплоть до эпохи бронзы [Михайлов 1991в, с. 21].

Несмотря на то что Северное Приазовье в этот период отличалось большой засушливостью (сказывалось влияние суховея и засух), главным видом производящего хозяйства было скотоводство. Это подтверждают фаунистические остатки домашних животных, которые обнаружены в культурных слоях неолитических поселений: Каменная Могила, Матвеев Курган I и II и Ракушечный Яр. Так, в поселении вблизи Каменной Могилы в докерамическом неолитическом горизонте найдено 915 костей быка от 180 особей, 136 — овцекоз, 3 — собаки. Из диких животных здесь встречены 140 фрагментов костей коня от 50 особей и 68 — других животных: зубра, кулана, благородного оленя, зайца, лисицы, волка и пр. [Підоплічко 1956, с. 54].

Однако в жизни неолитических племен по-прежнему немаловажное значение имели охота и рыбная ловля. Например, в культурных слоях поселения Матвеев Курган в фаунистических остатках дикие животные (лошадь, осел, тур, косуля, грызуны) преобладают над домашними [Крыжевская 1974, с. 264]. На поселениях Каменной Могилы [Даниленко 1969, с. 11], Матвеева Кургана [Крыжевская 1974, с. 266] и Ракушечного Яра [Белановская 1974, с. 268] найдены не только остатки ихтиофауны, но и различные приспособления для рыбной ловли: костяные крючки, грузила и т. п. Основными объектами рыболовства были пресноводные рыбы: сом, сазан, щука, а также раковины и черепахи. Все это являлось существенным дополнением к натуральному хозяйству.

Таким образом, в основе экономического быта жителей эпохи неолита в Северном Приазовье было скотоводство, а земледелие, по-видимому, решающего значения еще не имело, так как степная ксерофитная растительность и засушливый климат не благоприятствовали этому. Наоборот, засушливая степь играла решающую роль в развитии животноводства и вместе с тем способствовала сохранению палеолитических форм хозяйства — охоты и собирательства.

Такая картина, вероятнее всего, наблюдалась вплоть до эпохи меди-бронзы, что подтверждается данными палеоботанических анализов. Так, И. Е. Бучинский полагает, что почвы неаллювиального происхождения (расположенные на водоразделах) относятся к суббореальному времени и граница между сухим и влажным климатом приближается к 1500 г. до н. э. [Бучинский 1956, с. 169–171]. Этому же мнению придерживался Г. П. Таранец, который писал, что южные черноземы «переживали раньше более сухой период развития» [Таранец 1937, с. 1183–1188].

Однако против теории суббореального климата в Европе выступил Д. К. Зеров [Зеров 1938, с. 124–127], тем самым поставив под сомнение

общую схему Блитта — Сернандера. В развитии климата на территории Полесья Д. К. Зеров видел переход от резко континентального к умеренно влажному и менее континентальному, когда каких-либо заметных изменений ареалов влаголюбивых растений в позднем голоцене на юге якобы не происходило.

В развернувшейся дискуссии среди ученых Д. К. Зеров приобрел своих сторонников, и таким образом по характеру изменения климата на Русской равнине произошла поляризация мнений.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, мнение И. Е. Бучинского [Бучинский 1956, с. 175], который разработал общую климатическую схему изменения климата в историческую эпоху. В частности, он отмечает:

а) наличие в начальной фазе послеледникового времени более сухого континентального климата (даже И. Г. Пидопличко, отвергающий оледенение в умеренных широтах, не отрицал этого);

б) в конце палеолита, в самом раннем неолите преобладал теплый и влажный климат (время климатического оптимума);

в) судя по приведенным материалам, большинство исследователей приходят к выводу, что в конце неолита и в бронзовом веке климат отличался большей сухостью, чем в настоящее время, хотя появившиеся в последнее время работы еще оставляют этот вопрос дискуссионным;

г) в начале железного века климат стал прохладным и влажным. Что касается южных районов, то здесь происходило ослабление климатических флуктуаций, что способствовало произрастанию типичной степной растительности, так необходимой для развития животноводства.

В связи с развитием скотоводства в южных степях в эпоху медно-бронзы начался процесс формирования кочевого уклада хозяйствования степных племен, что в немалой степени было связано с поиском новых высококалорийных кормовых баз для скота. Весной, вероятно, использовались растительные ресурсы водораздельных пространств рек, где преобладали ассоциации разнотравно-ковыльно-типчаковой, а в Присивашье — типчаково-ковыльной и полынно-типчаковой растительности [Корещук 1947, с. 34–41]. Эти фитоценозы находились в фазе полного цветения в мае-июне; в жаркое время скот пасли в долинах рек, где водно-болотистая и луговая растительность состояла преимущественно из семейства бобовых и мезофитных злаков [Яценко 1972, с. 52–54].

В. П. Золотун получил интересные результаты палеопочвенных анализов погребенной почвы под курганами эпохи медно-бронзы, расположенными в Каховском районе Херсонской области. В частности, этот автор отмечает, что длительность вегетационного периода (225 дней) позволяет в наши дни собирать урожай сена дикого разнотравья от 1,5–2 т с гектара, что дает возможность прокормить круглый год на одном кв. км пастбища 200–300 овец, или 800 особей в летнее время. Однако, поскольку до конца эпохи меди климат здесь был сухим и холодным, количество травостоя, видимо, было в 2–2,5 раза меньше, и, следовательно, на 1 кв. км могло прокормиться лишь 50 овец [Золотун 1972, с. 85].

Фаунистические остатки овцы в ямно-катакомбных погребениях Северного Приазовья составляют 65 %, что указывает на доминиро-

вание этого вида в стаде первобытных кочевников, несмотря на тяжелые климатические условия, то есть можно говорить о высокоспециализированном кочевом хозяйственно-отгонном скотоводстве [Шилов 1975а, с. 14].

Таким образом, новая форма производящего хозяйства в эпоху неолита-бронзы была навязана природой человеку в тот момент, когда древние формы экономики переживали острый кризис в связи с истощением и без того ограниченных природных ресурсов. В то же время в какой-то мере сохранялись и палеолитические формы хозяйства, поскольку степь сама этому способствовала.

Следующим этапом в жизни древних людей Северного Приазовья было освоение пашенного земледелия. Конечно, данная отрасль во многом зависела от количества и сезонности выпадения осадков, динамики и повторяемости засух, суховеев и других неблагоприятных стихийных процессов. Это обрекало людей на голод или обеспечивало их благополучие. На первых порах земледелие проникало в хозяйство древних людей постепенно, так как человек должен был еще познать преимущество хлебных злаков, бобовых культур, их полезность для себя.

К тому же, как показали исследования, солонцеватость и другие негативные свойства черноземных и каштановых почв на водоразделах в Северном Приазовье не способствовали быстрому и успешному освоению пашенного земледелия на больших площадях, да еще с помощью примитивных орудий. На таких почвах всходы культурных растений не могли пробить сухую корку, образующуюся в результате воздействия сухого климата [Гринь и др. 1955, с. 16–19]. Для выращивания зерновых люди стали использовать поймы степных рек и небольшие террасы, где археологи находят множество кремневых пластин и трапезий, служивших в качестве вкладышей для серпов. В приднепровской степи в 1971 г. вблизи с. Балки Васильевского района Запорожской области в могиле ямного времени был найден кусок деревянного бруска – возможно, фрагмент рала, что, вероятно, свидетельствует о существовании пашенного земледелия¹ (авторы раскопок датируют погребение концом 3 – началом 2-го тыс. до н. э.) [Бидзиля, Яковенко 1973, с. 146–151]. В этой связи Г. Д. Кларк отмечал, что «господствующим фактором в средиземноморском земледелии была борьба за сохранение влаги в почве во время летней засухи, борьба, которая была особенно трудна в виде сравнительно малой роли скотоводства и отсутствия в результате этого влагозадерживающих удобрений» [Кларк 1953, с. 106]. Единственным приемом борьбы с засухой в это время была вспашка почвы на небольшую глубину, что «препятствовало поднятию влаги на поверхность путем капиллярного притяжения и не способствовало росту растений» [там же, с. 109].

Таким образом, с возникновением и развитием земледелия появилась необходимость в новых сельскохозяйственных орудиях.

¹ Авторы раскопок датируют погребение концом 3-го – началом 2-го тыс. до н. э., однако в более поздних публикациях памятник передатирован катакомбной культурой бронзового века (ок. 1500 г. до н. э.) и интерпретируется не как рало, а как орудие для обработки почвы без использования тягловой силы животных [см.: Никитенко 1977, с. 45–46; Shramko 1992, р. 50–53], на что обратила внимание Е. А. Денисова (ст. н. сотрудник ГИА МЗ «Херсонес Таврический»). В любом случае, интерпретация памятника из с. Балки неоднозначна. Благодарю Елену Алексеевну также и за другие ценные замечания и за библиографические справки. — *Примеч. отв. ред.*

1. На ранних этапах применялись мотыги, позднее — деревянные рала, а, следовательно, появился тягловый скот — бык.

2. Необходимость рыхления почвы вызвала изобретение бороны¹.

3. Сбор урожая осуществлялся с помощью вкладышевых орудий — серпов, а со второй половины 2-го тыс. до н. э. появляются медные серпы².

4. Обмолот производился на раннем этапе палками, а позднее, вероятно, цепями или деревянными полозьями с кремневыми пластинами в виде санок, изображения которых встречаются на петроглифах Каменной Могилы. Такой вид обмолота широко применялся в странах Двуречья [Клима 1967, с. 118].

В процессе становления производящей экономики огромное значение имело освоение и распространение металла. Как отмечают И. Р. Селимханов [1960, с. 89–102] и Е. Н. Черных [1978, с. 67], зоны распространения ямной и катакомбной культур, включая и территорию Северного Приазовья, снабжались металлом, например мышьяковыми бронзами, с Кавказского металлургического центра. Благодаря исследованиям С. И. Татарина установлены следы местного металлургического центра поздней бронзы в районе г. Артемовска [Татарин 1977, с. 102–106], что подтвердило ранее высказанные учеными предположения о существовании во втором тыс. до н. э. — первом тыс. н. э. медной сырьевой базы на территории Донбасса.

В начале железного века климат в Европе вновь претерпевает изменения — становится прохладным и влажным.

Первые исторические сведения о климатических изменениях в Северном Приазовье сообщает Гомер, воспевающий земли киммерийцев, которые характеризуются им как «печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков» (Гомер. *Одиссея*. XI.14–15, пер. В. А. Жуковского). В «Илиаде» сообщается, что земли эти принадлежали «дивным мужам гиппомолгам (доителям кобылиц), | Бедным, питавшимся только млеко, справедливейшим смертным» (Гомер. *Илиада*. XIII.1–7, пер. Н. И. Гнедича), в чем следует видеть указание на кочевой характер скотоводческого хозяйства, конкретно — коневодства, которое продолжало оставаться традиционным в условиях засушливой степи и без которого кочевничество было бы делом невыносимым.

В VII–VI вв. до н. э. в причерноморских степях появляются колонисты, выходцы из греческих полисов-метрополий, гонимые судьбой в поисках источников питания, поскольку древняя земля Аттики за долгий период воздействия человека на природу исчерпала свои ресурсы. На берегах Черного и Азовского морей возникают древние поселения: на о. Березань, города Ольвия, Пантикапей, Танаис и другие.

Геродот (V в. до н. э.), который, возможно, лично побывал в Приазовской степи, охарактеризовал «скифскую землю» как безлесую и плодородную, где в реках водится много рыбы. Кроме того, «отец ис-

¹ Е. А. Денисова в личном сообщении задается вопросом: а есть ли прямые подтверждения использования бороны в рассматриваемые времена для Приазовья? Из авторского текста и научного аппарата к нему этого не видно. Кроме того, Денисова обращает внимание на то, что рыхление почвы достигалось уже применением рал, а бороны возникла с появлением упряжных орудий как вспомогательного средства, причем лишь в лесной полосе; более поздние находки таковых известны в Белоруссии и на севере Украины. — *Примеч. отв. ред.*

² Как замечает Е. А. Денисова, из текста неясно, относится ли последнее утверждение автора к рассматриваемому региону, или тезис общего характера. — *Примеч. отв. ред.*

тории» сообщает, что «вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы» (Геродот. IV.23). Далее он пишет, что «...зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер <...> Лошади легко переносят такие суровые зимы» (IV.28; пер. Г. А. Стратановского). Важные сведения о суровом климате и богатой растительности сообщают также Гиппократ (ок. 460–370 гг. до н. э.), Аристотель (384–322 гг. до н. э.), Теофраст (372–288 гг. до н. э.) и другие авторы.

Особенно ценные известия оставил Страбон (63 г. до н. э. – 17 г. н. э.), который в связи с Борисфеном писал, что там «даже виноград не растет или не приносит плода» (Страбон. II.1.16 = С 73; пер. Г. А. Стратановского). Далее древний географ еще раз подтверждает, что «вся страна вплоть до приморских областей между Борисфеном и устьем Меотиды (Азовское море. — Б. М.) отличается суровыми зимами (VII.3.18 = С 307); страна отличается «холодами и скудостью, которую местные жители могут переносить, так как они питаются мясом и молоком по обычаю кочевников, но чужеземцы не переносят ее» (XI.2.2 = С 493).

Сообщения древних авторов убедительно подтверждают результаты палеопочвенных анализов, полученные В. П. Золотуном (палеопочвенные профили климатического оптимума в V–IV вв. до н. э.). Как полагает этот ученый, в Северном Приазовье приблизительно с середины 1-го тысячелетия до н. э. наступают благоприятные природные условия для жизни древних кочевников. Растительность степи становится более разнообразной: увеличивается доля злаковых, бобовых, разнотравья, уменьшается количество видов полыни [Золотун 1972, с. 89–90].

Таким образом, древние народы (скифы, сарматы) в период с середины 1-го тыс. до н. э. до рубежа эр имели возможность более продуктивно использовать природные ресурсы для интенсивного ведения производящего хозяйства, в частности кочевого (отгонного) скотоводства. Интересные выводы об этой эпохе сделал Л. Н. Гумилев, который полагал, что оптимальные условия в степи, как правило, способствовали межплеменным войнам, и наоборот, истощение природных ресурсов сопровождалось лишь переселением «для удовлетворения жажды своих животных и собственного голода» [Гумилев 1972, с. 60].

В основе видового состава скотоводства был крупный, мелкий рогатый скот и кони. Характерную картину дают остеологические остатки из археологических раскопок Б. Н. Гракова на Каменском городище [Либеров 1960, с. 124]. В материалах V–III вв. до н. э. костные остатки представлены следующим образом (см. таблицу).

Слои	Виды							
	Крупный рогатый скот		Лошади		Мелкий рогатый скот		Свиньи	
	(шт.)	%	(шт.)	%	(шт.)	%	(шт.)	%
Верхний	35	44,97	28	33,9	13	16,7	2	2,6
Средний	63	45,00	44	31,4	23	16,4	10	7,1
Нижний	22	36,70	24	40,0	13	21,7	1	1,7
Всего	120	43,20	96	34,5	49	17,6	13	4,7

Из таблицы видно, что по количеству крупный рогатый скот и кони в хозяйстве скифов почти равнозначны. Однако в среде кочевников-скотоводов кони играли главенствующую роль в военном и хозяйственном отношении. Кроме того, конь был своеобразным эталоном цены. Osteологические и иконографические материалы свидетельствуют о наличии многочисленных видов коней. В частности, В. И. Цалкин выделяет следующие породы: мелкие, малорослые, средние, рослые и крупные. Однако в скифском мире были распространены лошади преимущественно малорослые (высота в холке — 128–136 см) и средние (136–144 см) [Цалкин 1960, с. 44]. В могилах же скифской знати известны кони, принадлежащие к группе рослых верховых, достигающие высоты в холке 144–145 см [Бибикова 1973, с. 63].

Степи Причерноморья с богатой кормовой растительностью были основными пастбищами у древних кочевников-скотоводов. В этой связи особенно выделяется Нижнее Приднепровье. При этом у скифов, например, не существовало неограниченных пастбищ. Напротив, границы кормовых угодий были четко определены между племенами и родовыми группами. Нередко из-за выпасов велись войны. Об этом свидетельствует Лукиан Самосатский (II в. н. э.): «У нас же (скифов) непрерывные войны: мы или сами нападаем на других, или обороняемся от набега, участвуем в схватках из-за пастбищ и сражаемся из-за добычи» (Лукиан. *Токсарид, или дружба*. 36; пер. Д. Н. Сергеевского).

А. И. Тереножкин полагал, что «скифы должны были кочевать преимущественно в меридиональном направлении с соблюдением годового цикла выпаса скота по сезонам: имея зимники на юге, они, очевидно, доходили в период весенних и летних кочевек вплоть до зоны лесов, а осенью возвращались назад» [Тереножкин 1975, с. 5–6].

Особое место в жизни кочевников занимала охота. В культурных горизонтах памятников скифо-сарматской эпохи найдено 36 видов диких животных. Среди них: благородный северный олень, лось, кабан, кулан, бурый медведь, тур, зубр, сайгак, барсук, степной хорек, заяц и др. [Цалкин 1960, с. 84]. Смешанный характер фауны доказывает наличие в пределах Северного Приазовья лесных массивов (в приграничных его районах: долина Днепра, Дона, низовья Кальмиуса, Миуса).

Лесные массивы в последующие столетия в результате воздействия человека на природу полностью исчезают, что в конечном счете привело и к исчезновению многих видов животных. Особенно это проявилось, по-видимому, в период расширения сельскохозяйственных площадей в скифо-сарматское и последующее время, когда через эллинские города Северного Причерноморья стали осуществляться масштабные поставки хлеба в Грецию.

Базовыми видами культурных злаков у скифов являлись пшеница (мягкая), ячмень и просо. Техника возделывания оставалась примитивной. Использовались рала (о чем свидетельствуют изображения на древних монетах), мотыги и железные серпы. Обработывали скифы также коноплю, освоили огородничество и садоводство. На Боспоре стали разводить виноград. Не случайно Геродот акцентирует внимание на скифских земледельцах, которые жили в нижнем течении Днепра (Геродот. IV.17).

Ежегодно из страны скифов и боспорских городов вывозилось до 2 млн. пудов зерна, но с III в. до н. э. хлеб уступает место рыбе, скоту, рабам [Шелов 1956, с. 75, 97]. Взамен греки привозили в Ски-

фию разнообразную продукцию, в основном предметы роскоши и вино. Греческие товары растекались по скифской земле вплоть до Урала [Граков1947, с. 23–27]. Основными посредниками в скифо-греческой торговле были такие поселения, как Ольвия и Пантикапей, а в устье Дона — Танаис, ставший важнейшим центром торговли в Северном Приазовье.

* * *

Территория Северного Приазовья является ареалом различных вариантов степных экосистем. Многие из них отличаются значительной древностью, что подтверждается палинологическими, палеонтологическими, археологическими и другими материалами. Стратиграфические картины на древних стоянках в Северном Приазовье в совокупности с естественно-историческими и археологическими данными неизменно свидетельствуют о степном ландшафте, прошедшем в своем развитии ряд исторических этапов или фаз. Сложившиеся в эпоху неолита формы производящего хозяйства впоследствии были унаследованы и развиты энеолитическими племенами, ямно-катакомбными кочевниками, а с наступлением века железа — киммерийцами-скифами и последующими кочевыми народами, вплоть до ногайских племен конца XVIII – первой половины XIX в.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Первые сведения о Каменной Могиле — удивительном природном феномене в степи и уникальном памятнике первобытной культуры — относятся к 1778 г., когда в период русско-турецкой войны А. В. Суворов вблизи холма назначил пост из четырнадцати казаков для охраны почтового тракта [Суворов 1778, л. 286–287 и об.]. Позднее, в 1793 г., на карте Мелитопольского уезда Таврической области памятник был означен как «Камень Ююнь-Таш» [Карта... 1793, л. 19–20], что в переводе с тюркского означает — «гора, сборный камень»¹. Он служил, по-видимому, местом сбора для многих кочевых племен на протяжении тысячелетий.

В разгар интенсивного исследования Причерноморской степи в конце XVIII – начале XIX в. степной феномен Каменная Могила оставался вне поля интересов ученых. Только в 1837 г., в период регистрации памятников древности Северного Причерноморья, академик П. И. Кёппен писал об этом уникальном памятнике: «Каменная Могила, так в Мелитопольском уезде называется бугор, состоящий из огромных груд песчаника и находящийся на правом берегу реки Молочной, ниже духоборческого селения Терпения. Взгроможденные тут природою камни то выступают из земли, то, склоняясь в противоположные стороны, образуют как бы навесы. В одном месте между скал, поросших мхом, находится промежуток вроде улицы, шириною в 2 или 3 аршина, и тут-то некогда был вход к пещере, в коей один из моих проводников, бывший в детстве чабаном (пастухом) и нередко с товарищами здесь прохладившийся, видел на стенах надписи, из коих одна была длиною в аршин или более, составляя одну стрку; в других местах были изсечены отдельные слова. Вход к этой пещере занесен песком около 1822 г.» [Список курганов 1908, с. 47].

Несмотря на краткость информации П. И. Кёппена, ученый мир принял факт существования пещер в Северной Таврии, что совпадало с Геродотовой локализацией сообщений о Скифии, где якобы могла жить змееногая богиня, ставшая родоначальницей скифского народа [Брун 1866, с. XXVIII].

Спустя более пятидесяти лет, в 1889 г., Каменная Могила привлекла к себе внимание в связи с тем, что в ее гротах случайно были найдены пять серебряных монет московской чеканки. Слух об этой находке проник в местную печать, дошел до Н. И. Веселовского, который в это

¹ Перевод Э. Р. Тенишева.

время раскапывал скифский курган вблизи с. Шульговка Мелитопольского уезда. В отчете Археологической комиссии Н. И. Веселовский отмечал, что «слух быстро распространился о находке, крестьяне устремились на поиски, стали вырывать песок из пещер, ища клад, взрывали ее порохом и продолжали работы до тех пор, как чуть было не убило одного из крестьян» [Веселовский 1890, л. 12 об.].

Летом того же г. на северном склоне холма Н. И. Веселовский обратил внимание на рисунок, который был расположен на небольшом карнизе пещеры, где «в одном месте высечены <...> сперва рамочка, вверху 4 неглубоких ямки на таком расстоянии, что можно вводить четыре пальца, далее что-то вроде стрелы и ветки, внизу круг с перекрещивающимися линиями» [там же, л. 35]. В 1890 г. исследователь продолжил изучение т. н. «фресок» Каменной Могилы и сделал копию линейно-геометрических изображений одного из гротов, ставшего впоследствии местонахождением № 1, изученным в 1938 г. О. Н. Бадером [Бадер 1947, с. 302, табл. VI.I] и более детально в 1950-х гг. М. Я. Рудинским [Рудинский 1961, с. 28–29, рис. 1].

В небольшой информации, опубликованной в 1893 г., наиболее детально описана пещера, находящаяся вблизи местонахождения № 1 (нумерация М. Я. Рудинского), где «на потолке нацарапаны довольно глубоко, некоторые в 1/2 вершка, пересекающиеся прямые и изогнутые линии» [Веселовский 1893, с. 2–4], то есть так называемые линейно-геометрические изображения, в дальнейшем обнаруженные в большом количестве во многих гротах и пещерах О. Н. Бадером, В. Н. Даниленко и М. Я. Рудинским.

Кроме описанных местонахождений, Н. И. Веселовский открыл еще две пещеры, одна из которых представляет собой «узкий неправильный коридор, потолок <...> местами отделан искусно, но без всяких рисунков, в другой пещере, тоже довольно длинной (расщелина на 2–1/2 сажени) <...> нашли изображения козлов и лошадей, грубо высеченных вглубь и прилагаемы <...> в натуральную величину» [Веселовский Архив, 1890, л. 13, 13 об., 14]. В архиве Императорской археологической комиссии находится отчет Н. И. Веселовского, где приложены изображения двух быков (?) из группы «четыре быка» в гроте № 9.

Таким образом, трудами Н. И. Веселовского были открыты северная и северо-западная группы местонахождений. Однако в то время никто не обратил должного внимания на уникальные рисунки из Каменной Могилы, которые могли бы стать в один ряд с выдающимися образцами первобытного искусства Западной Европы. В этот период русское общество увлекалось преимущественно античными древностями из дорогостоящих материалов: золота, серебра, мрамора и т. д. Повсюду в древних городах Северного Причерноморья проводились археологические раскопки, причем на низком научном уровне, что подчас влекло за собой полное уничтожение уникальных памятников. М. И. Ростовцев вынужден был признать, что археология «научных задач не ставила <...> копали, чтобы найти “вещи”, по возможности золотые <...> результатом была гибель одного памятника за другим <...> Главной причиной этого в высокой степени грустного явления было то, что к памятникам настоящего интереса ни на местах, ни в Петербурге, ни в обществе не было и об их существовании немедленно после их открытия легко, но зато прочно забывали» [Ростовцев 1914, с. 3–4].

Только в 30-х гг. XX в., когда в стране развернулись планомерные раскопки памятников древности, началось изучение петроглифов Каменной Могилы. Ее первыми исследователями стали сотрудники Мелитопольского историко-краеведческого музея; с 1932 по 1935 г. на холме и вблизи него эпизодически проводились раскопки гротов, пещер и неолитического поселения у Красного озера [Курило-Крымчак 1938, с. 37; Михайлов 1979, с. 6].

Поворотным моментом в изучении уникального памятника стали 1936 и особенно 1938 гг., когда в Севернопричерноморской степи работала Азово-Черноморская экспедиция Института материальной культуры Всеукраинской Академии наук под руководством О. Н. Бадера. В частности, О. Н. Бадер в 1936 г. проник в пещеру Каменной Могилы, открытую еще в 1890 г. Н. И. Веселовским, где также увидел «изображения животных: быков, оленей и, может быть, иных животных» [Бадер 1937, с. 144]. Однако в тот год стационарные раскопки не проводились, и только в 1938 г. Бадеру удалось исследовать многочисленные гроты, пещеры и поселение эпохи неолита-бронзы, расположенное на берегу р. Секиз (Красное озеро) [Бадер 1950, с. 175–180].

Грот № 9 вновь был тщательно осмотрен О. Н. Бадером, который отметил, что «потолок грота неровный, изобилует как бы складками, впадинами, выпуклостями, среди которых имеются относительно ровные плоскости. Плоскости и выступающие “ребра” выпуклости покрыты большим количеством выбитых, начерченных, как бы вырезанных в камне различных изображений и знаков» [Бадер 1941, с. 129]. В результате ученый зафиксировал не известные ранее рисунки: схематическую фигуру животного (видимо, хищника), над которым в пересечении многочисленных линейно-геометрических фигур обнаружилось «изображение, напоминающее человека с очень длинными руками и укороченными ногами» [Бадер 1941, с. 129].

В юго-западном углу пещеры было отмечено «обширное поле с полусферовидными ямками (диаметр 2–4 см), иногда с идущими от них короткими линиями, как бы лучами» [Бадер 1941, с. 129]. В центре пещеры зафиксированы изображения животных (быков?), стоящих как бы по кругу, выполненные в технике оконтуривания широкой бороздкой фигуры и пробивания углублений или шлифования всей площади рисунка [Бадер 1941, с. 130], а также многочисленные средние и мелкие лунки, знаки и ранее упомянутые Н. И. Веселовским рисунки козлов и лошадей [Веселовский Архив 1890, л. 14].

Огромную роль в изучении Каменной Могилы сыграло открытие В. Н. Даниленко в этой же пещере изображения «мамонта» (длина — 65 см), ставшего впоследствии предметом оживленной дискуссии. По мнению исследователей, этот рисунок мог стать ярким подтверждением того, что нижняя дата уникального памятника относится к эпохе позднего палеолита.

В полевой сезон 1938 г. были открыты и зафиксированы 43 местонахождения. Среди них «плиты стоп», «конские плиты» и многочисленные пещеры и гроты с линейно-геометрическими изображениями.

Итогом исследований 1936 и 1938 гг. стали публикации О. Н. Бадера «Древние изображения на потолках гротов в Приазовье» и «Петроглифы Кам'яної Могили», в которых автор отмечал, что датировка рисунков данного памятника «не имеет прямой связи с находками остатков материальной культуры». Поэтому, привлекая отдаленные

аналогии с Кавказа (Мгвимеви), из Франции, Италии, Северной Африки, он считал возможным соотносить во времени реалистические и линейно-геометрические изображения с памятниками солютре – мадлена (время создания рисунков в Каповой пещере) и эпохой эппипалеолита [Бадер 1947, с. 304–307].

Касаясь хронологии петроглифов Каменной Могилы, О. Н. Бадер отметил следующую стратиграфическую особенность местонахождений: «древнейшая часть изображений размещается выше, возле самого верха Каменной Могилы. Дальше за ней, западную группу, мы видим уже приблизительно на середине высоты холма <...> Позднейшая южная группа размещается ниже, исключительно возле подножья Каменной Могилы» [Бадер 1947, с. 303].

На Республиканской конференции Института материальной культуры АН Украины в 1939 г. в докладах О. Н. Бадера и В. Н. Даниленко были сделаны первые попытки датировки и интерпретации семантики некоторых изображений Каменной Могилы [см.: Земляков 1939, с. 33 (со ссылками)].

Предметом острой дискуссии на конференции стало изображение «мамонта». Геолог Б. Ф. Земляков высказал мнение, что упомянутый выше рисунок — это изображение не мамонта, но быка. В небольшой заметке по данному вопросу исследователь высказал свою точку зрения более определенно: «Если основываться на том, что единственная в Приазовье верхнепалеолитическая стоянка мадленского возраста — Амвросиевка — дала богатую фауну быков, но оказалась совершенно лишенной следов мамонта, то изображение мамонта Каменной Могилы следует датировать более ранней порой, например, эпохой солютре или даже ориньяка» [там же, с. 33]. Анализируя морфологию изображенного животного, автор отметил, что экстерьер, форма и пропорции туловища с выдвинутыми вперед рогами позволяют трактовать его как быка [там же, с. 35–36], что, по существу, сужало хронологический диапазон памятника, то есть определялась иная датировка — эпоха неолита-бронзы.

Вскоре после Великой Отечественной войны, в 1947 г., на территории Каменной Могилы возобновились исследовательские работы Института археологии АН Украины. Приазовская археологическая экспедиция, руководимая В. Н. Даниленко, сосредоточила свои интересы на продолжении изучения петроглифов на холме Каменной Могилы [Даниленко 1950, с. 78–89] и на поселении Красное озеро [Даниленко 1952, с. 67–69].

В результате В. Н. Даниленко, взяв за основу размеры рисунков, технику их нанесения, стиль и содержание, расчленил петроглифы на шесть хронологических групп. К первой группе (скифо-сарматское время) он отнес изображения всадника на коне (грот № 25, нумерация М. Я. Рудинского). Ко второй (поздний неолит, время Среднего Стога, верхний горизонт) принадлежат также изображения коней (грот № 25), но выполненные в иной схематичной манере, передающей как бы ловлю животных среди многочисленных перекрещенных линий — загонов. К третьей группе были отнесены немногочисленные изображения, тонко врезанные в песчаник в виде квадратных и треугольных рамок, заполненных косой или прямой решеткой, зигзаги, рисунки рыб и т. д., отражающие, по мнению автора, рыболовецко-магическую тематику и датированные наиболее ранним неолитиче-

ским временем. К четвертой группе (которая генетически связана с третьей и по содержанию ближе ко второй группе) были отнесены схематизированные изображения рук и человеческих ступней, являющихся, по мнению В. Н. Даниленко, символами «приготовления охотников-загонщиков и следопытов к коллективно-охотничьим действиям» [Даниленко 1950б, с. 83]; к пятой группе (донецолит — поздний палеолит) — принадлежат известные изображения из грота № 9: рисунок человека с длинными руками перед животным, воссоздающий охотничье-магическую сцену. Шестая группа также характеризовалась известными изображениями из грота № 9 — четыре быка в позе самообороны, три животных (козлы ?) и уникальное изображение «мамонта — быка». Они относились, как полагал В. Н. Даниленко, «...к палеолиту, послесолютрийскому веку» [Даниленко 1950, с. 88].

В особую группу находок ученый выделил полиссуары — древнейшие шлифовальни. Что касается их возраста, то он полагал следующее: «Материал, что имеется в нашем распоряжении, не дает возможность для точнейшего датирования возраста этих шлифовален. Однако их нельзя связывать с существованием возле восточного склона Каменной Могилы поселения эпохи поздней бронзы. Нет также достаточных оснований связывать их с многочисленными находками эпохи ранней бронзы, выявленными на окраине Каменной Могилы» [Даниленко 1950б, с. 81].

В 1950-х гг. в связи с предполагавшимся строительством Молочанского водохранилища исследования на Каменной Могиле проводила Мелитопольско-Терпеньевская археологическая экспедиция под руководством М. Я. Рудинского. В течение пяти полевых сезонов (1951, 1952, 1954, 1956 и 1957 гг.) было вторично обследовано значительное количество пещер, гротов и плит, удалось открыть восемь новых местонахождений с петроглифами.

В первом полевом сезоне 1951 г. М. Я. Рудинским вновь были обследованы открытые ранее 37 местонахождений и составлен план холма Каменной Могилы. Особенно тщательно изучались местонахождения № 17–24, в которых, по мнению исследователя, были разновременные линейно-геометрические изображения, а также плиты № 25–28 («конские плиты»), «плиты стоп» и грот Мамонта-Быка (№ 9).

В предварительной публикации М. Я. Рудинский отметил важную деталь: характерной чертой стиля древних художников было использование естественных неровностей песчаника и включение их «в создаваемые изображения и композиции». Ученый предполагал «возможным в этой связи выдвинуть вполне оправданное предположение, что художественное оформление того или иного грота или навеса, в частности, навеса над центральным гротом (грот № 5) могло быть <...> созданием группы посвященных лиц <...> представляющих на священной горе определенный коллектив, имевший на ней свое святилище» [Рудинский 1952, с. 27].

Далее автор писал, что хронологическое расчленение местонахождений с петроглифами, связанное с разницей высот, вызывает сомнение, а хронологические рамки памятника, определенные О. Н. Бадером и В. Н. Даниленко, не могут быть приняты из-за отсутствия неоспоримых данных. Наоборот, новые наблюдения на Каменной Могиле позволяют «установить хронологическую однослойность обнаруженных в гротах и плитах Каменной Могилы изображений <...>. На Ка-

менной Могиле не отмечено случаев перекрывания более древних изображений позднейшими» [Рудинский 1952, с. 30].

Что касается хронологического диапазона памятника, то было высказано предположение о традиционном искусстве местных племен неолитической эпохи, унаследованном «родоплеменным объединением эпохи бронзы» [Рудинский 1952, с. 31].

Возвращаясь к интерпретации петроглифов Каменной Могилы, М. Я. Рудинский выразил сомнение в существовании на плитах и в гротах памятников «первобытного искусства» (палеолитического. — Б. М.) и, в частности, т. н. рыболовецкой магии [Рудинский 1953, с. 70]. Ученый предположил, что каменномогильские петроглифы отражают скотоводческо-земледельческую тематику, связанную с культом солнца и представлениями о загробном мире. Подобные изображения можно найти в писаницах Сибири и в северных и северо-восточных регионах Восточной Европы. Аналоги некоторым поздним рисункам можно было встретить на юге Скандинавии и на рисунках мегалитических памятников Западной Европы.

Место уникального памятника в общей исторической цепи М. Я. Рудинский оценивал так: «Комплекс изображений Каменной Могилы в какой-то части своей является одним из проявлений того мировоззрения, которое складывалось в эту эпоху в границах широкого историко-культурного пояса, протянувшегося через Старый Свет между Индией и европейским побережьем Атлантики» [Рудинский 1953, с. 71].

Дальнейшие исследования М. Я. Рудинского были направлены на уточнение датировки отдельных изображений. Особое внимание он уделил рисунку «мамонта». В своих выводах он считал возможным поддержать мнение Б. Ф. Землякова о том, что здесь изображен бык и рисунок «свидетельствует о совершенно ином, — «неопалеолитическом укладе», в котором отражены скотоводческая или земледельческо-скотоводческая форма хозяйства» [Рудинский 1955, с. 65–66]. По поводу остальных изображений грота № 9 М. Я. Рудинский указывал, что они могут быть отнесены к эпохе развитого или позднего неолита. По вопросу интерпретации плит 17–24 автор утверждал, что «они дают основания рассматривать их как первые на Каменной Могиле попытки на пути оформления образного письма» [Рудинский 1955, с. 68]. В датировании изображений коней (25–28), солярных знаков и т. п. он считал возможным поддержать точку зрения О. Н. Бадера и В. Н. Даниленко, которые относили эти рисунки к периоду приручения коня и считали их «двухслойными».

Важным открытием на Каменной Могиле стали памятники сарматского времени: кенотаф и часть комплекса с полуземлянкой на южном склоне. Новые находки позволили М. Я. Рудинскому высказать мнение, что «холм Каменной Могилы привлек к себе внимание местного <...> сарматского населения», оставившего на холме изображения в виде человеческих следов (плиты 34а, б; 44; 49), а также «сложные композиции из крупных элементов растительного характера, в которых нет ни изображений животных, ни строго геометризованных фигур (плиты 37, 46, 47)» [Рудинский 1955, с. 70].

Говоря о петроглифах Каменной Могилы, М. Я. Рудинский отмечал, что «в поисках раскрытия смыслового значения наскальных рисунков исследователь сразу же наталкивается на почти непреодолимое препятствие в неразрешенном (или неразрешимом?) вопросе о целях

этого далекого от нас искусства и вызвавших его мотивах» [Рудинский 1957, с. 26]. По мнению этого автора, задача усложнялась многообразием рисунков, то есть техники нанесения, сюжетов, стилей, а главное — стилизацией изображений. Ведь только в одном местонахождении (грот № 9) имели место реалистические рисунки быков. Сложной оставалась датировка петроглифов, так как вблизи гротов и пещер предметов материальной культуры не было найдено, а потому своеобразный хронологический репер отсутствовал. Исключение представляли плиты 51 и 51а, где были обнаружены кремневая свита, чуринга с линейно-геометрическими гравировками и сосуд эпохи бронзы (майкопского типа) [Даниленко 1974, рис. 28, II]. Кроме того, под плитой 37 сотрудником Института археологии АН Украины Б. Ф. Копыловым выявлены «изображения парной воловьей упряжки, тянущей двухколесную повозку и <...> почти целого сосуда эпохи бронзы» [Копылов, Ф. 1956/9, отдельный лист].

В датировке каменномогильских петроглифов М. Я. Рудинский отводил важную роль полиссуарам¹. В частности, он писал: «Если бы нам удалось убедиться, что эти полиссуары созданы после разрушения того или иного грота или навеса с изображениями, мы получили бы достаточно прочные обоснования наших хронологических предположений хотя бы о части изображений» [Рудинский 1952, с. 29]. Однако еще В. Н. Даниленко полагал, что «имеющийся в распоряжении археологический материал не позволяет определить время их появления на холме Каменная Могила» [Даниленко 1950, с. 81]. М. Я. Рудинский же относил полиссуары по их культурно-хронологической принадлежности к периоду не раньше эпохи ранней бронзы [Рудинский 1952, с. 29] и полагал, что их «следует поставить <...> в связи с параллелями скандинавскими и британо-ирландско-английскими для значительной части изображений Каменной Могила и, идя дальше, не следует ли видеть в полиссуарах Каменной Могила памятники шлифовальной техники более позднего времени?» [Рудинский 1961, с. 97].

Итогом многолетних полевых исследований Каменной Могила стал посмертный выход монографии М. Я. Рудинского «Кам'яна Могила» [Рудинский 1961], которая вобрала в себя краткую историю и приемы изучения памятника, корпуса наскальных рисунков, известных на конец 1950-х гг. (51 местонахождение), результаты предварительных раскопок и шурфования на Каменной Могила, историческую характеристику и некоторую интерпретацию петроглифичных комплексов. Однако это не помешало А. А. Формозову высказать мнение, что М. Я. Рудинский «в книге о Каменной Могила отошел от расшифровки древних изображений» [Формозов 1969, с. 16].

Оценивая петроглифы Каменной Могила в целом, М. Я. Рудинский писал: «При всей разнообразности наскальных рисунков Каменной Могила в них нельзя увидеть отражение в своем развитии исторического явления. И, вероятно, разгадку этой разнообразности сюжетов и техники исполнения рисунков следует искать в тех изменениях общего характера производства, которые проявились на разных хронологических группах ее петроглифов. В объяснении этой разнообразности необходимо учитывать и те бытовые особенности, которые могли проявиться в отдельных комплексах наскальных рисунков, начерченных на плитах Каменной Могила раз-

¹ За годы изучения памятника стало известно 14 новых местонахождений. — Б. М

ными общественными группами единого этнического состава» [Рудинский 1961, с. 138].

В 1961 и 1963 гг. на Каменной Могиле продолжали работу В. Н. Гладили и Б. Д. Михайлов [Михайлов 1984, с. 42]. Были доисследованы грот № 9 (Мамонта — Быка) и местонахождения № 37, 46–48, где в основном располагались стилизованные изображения супряг быков, выполненные в верхней проекции.

В результате в гроте № 9 были обнаружены, кроме вышеуказанных петроглифов, открытых Н. И. Веселовским, О. Н. Бадером и В. Н. Даниленко, — в пещере, в ее глубине (ниже уровня пола на 1,7 м) — новые изображения реалистических быков и линейно-геометрические рисунки, разбросанные по поверхности потолка, а также отдельные композиции с изображениями антропоморфной стелы, у основания которой находятся человек и животное вверх ногами и стилизованное животное (бык?) с вертикальными рогами, между которыми нанесено большое количество коротких линейно-геометрических начертаний.

Анализируя новые данные и накопленный предшествующими исследователями материал, В. Н. Гладили пришел к выводу о принадлежности части рисунков грота № 9 к мезолитическому времени — раннему неолиту, определяя нижнюю дату в 10 тыс. лет до н. э. [Gladilin 1969, p. 92]. Кроме того, хронологический диапазон «супряг быков» этот автор определяет первой четвертью 2-го тыс. до н. э. [Гладили 1964, с. 82–88].

В. Н. Гладили полагал, что исходя из этих можно убедительно датировать и другие изображения, а именно те, которые занимают промежуточное место между рисунками грота № 9, изображениями на плитах северного и западного склонов холма, с одной стороны, и рисунками на «конских плитах» (25–28), с другой стороны, а, следовательно, первая группа рисунков не моложе эпохи неолита–энеолита, а последняя, то есть «конские плиты», должна датироваться эпохой бронзы [Гладили 1964, с. 87–88]. Общие же хронологические рамки рисунков Каменной Могины он помещал в промежуток от эпохи мезолита до скифского времени и фактически поддержал точку зрения О. Н. Бадера и В. Н. Даниленко.

В начале 1970-х гг. исследования на Каменной Могиле возобновил В. Н. Даниленко, открывший новые гроты (Колдуна, Чуриг) и 90 плиток-чуринг, покрытых линейно-геометрическими начертаниями [Даниленко 1986, с. 38–39]. В гроте Колдуна на карнизах потолка были открыты гравировки, включающие, по мнению автора, замаскированного охотника с головой оленя, колдуна и, наконец, мамонтенка с танцующими людьми в масках оленей, пещерного льва, козла. На чурингах с линейно-геометрическими начертаниями автор различает человеческие фигуры, животных, птиц и т. д., которые были отнесены к эпохе позднего палеолита.

В книге, специально посвященной нашему памятнику и являющейся своеобразным отчетом экспедиции начала 1970-х гг. [Даниленко 1986], исследователь вернулся к интерпретации изображения животного из грота № 9, то есть «мамонта — быка». Как и в предшествующие годы вместе с О. Н. Бадером, здесь он также отстаивает мнение, что в названном гроте изображена фигура мамонта, а не быка [Даниленко 1986, с. 56–57]. Что касается других местонахождений, то ученый сделал попытку пересмотреть датировку рисунков, а в неко-

торых случаях даже ее конкретизировать. Так, «конские плиты» с многочисленными изображениями коней отнесены им к эпохе энеолита (Средний Стог II), а плиты 17–22 с линейно-геометрическими начертаниями он датирует эпохой неолита. Правда, и в этой работе автор подчеркнул, что предложенная им в 1950-е гг. схема хронологического расчленения петроглифов Каменной Могилы вполне оправданна, поскольку она «как бы наложена на культурно-стратиграфическую картину поселения» [Даниленко 1969, с. 51].

Что касается полиссуаров-шлифовален, то В. Н. Даниленко высказал мнение о появлении их в эпоху ранней бронзы. Однако вопрос о возрасте древнейших рисунков (поздний палеолит) из грота Колдуна остался открытым.

В 1983–2001 гг. исследования на Каменной Могиле проводит Б. Д. Михайлов [Михайлов 1987в, с. 372–373]. В результате были открыты 15 новых гротов (№ 366, 516, 53–65), в которых особый интерес представляют изображения человеческих ступней в соседстве с подковообразным рисунком (грот № 53) [Михайлов 1990в, с. 131–135], изображение женщины с отвислой грудью и животных (быков?), композиция из трех уток (пещера № 54) [Михайлов 1991г, с. 6–7] и скульптура головы зооморфного существа (вишاپ, грот № 55) [Михайлов 1987в, с. 372–373]; изображение быка с хоботом, бизона (?), колдуна (пещеры № 56–57), рисунки на блоке-плитке со сценой охоты на коз (пещера № 60) и другие. Ценная находка — кремневая свита эпохи раннего неолита (сурско-днепровская культура) — была обнаружена в пещерах № 57 и 58 [Михайлов, Отчет 1992–1994].

Интерес представляет пещера № 366 (ранее частично изучалась М. Я. Рудинским), где впервые открыты живописные рисунки, выполненные черной и коричневой красками (олень, конь), а также перекрытые тонкими гравировками (мамонт, бизон, птица, змеи). Поверх них был наложен еще пласт изображений черной краской типа сажи в контурном стиле (олень — олениха, лучник). В восточном углу есть изображение животного (носорог?), выполненное точечной техникой, на голове которого восседает женщина. А рядом — группа сопровождения: две мужские фигуры и собака, выполненные силуэтным стилем [Михайлов архив, 1985].

Неожиданным открытием в 1995 г. стала пещера № 516, где на потолке были обнаружены рисунки плейстоценовой фауны (мамонт) и «прашумерские» письмена [Михайлов 1997, с. 29, рис. 1], а также сюжетная сцена у южного входа в пещеру Чуринг (№ 54), изображающая двух охотников с копьями и животного (?)¹. Кроме того, в 1999–2001 гг. впервые возле холма Каменная Могила открыто ранненеолитическое культово-обрядовое место, сопровождаемое каменной рыбой, птицеподобным и фаллоидным менгирами, среди которых лежали плитки с письменами [Михайлов, Отчет 1995/41; 1999/57; он же 2002, с. 25–29].

Итогом исследовательских работ на Каменной Могиле стала моя монография «Петроглифы Каменной Могилы», выдержавшая несколько изданий [Михайлов 1999; 2005] и содержащая наиболее полный комплекс сведений по семантике наскальных рисунков, что нашло отклик в научных рецензиях [Нечитайло 2001, с. 145–146; Пустовалов 2002, с. 261–270].

¹ Раскопки 1997 г.

Таким образом, история изучения петроглифов Каменной Могилы делится на три хронологических периода и связана с именами следующих исследователей: Досоветский период (П. И. Кёппен, Н. И. Веселовский); советский период (О. Н. Бадер, В. Н. Даниленко, М. Я. Рудинский, В. Н. Гладилин, Б. Д. Михайлов); новейшее время (Б. Д. Михайлов). Однако несмотря на многочисленные исследования памятников Каменной Могилы, до сих пор отсутствует единая точка зрения на хронологический диапазон всего этого комплекса и его отдельных местонахождений. По-прежнему остается сложной интерпретация многих сюжетов, правильное прочтение которых позволило бы глубже понять духовную культуру племен, населявших степи Евразии.

Учитывая уникальность степного феномена и историческую ценность петроглифов Каменной Могилы как комплексного памятника природы и первобытной культуры, Совет министров Украинской ССР в 1954 г. своим распоряжением объявил территорию в 15 га вместе с песчаниковым холмом заповедной зоной Академии наук Украины [см.: Запорожский областной государственный архив, оп. 9, д. 412, л. 161–162], а в 1968 г. она была отнесена к памятникам природы республиканского значения [Законодавство 1970, с. 309]. В 1984 г. в защиту охраны и сбережения Каменной Могилы выступила газета «Правда» [см.: Черкасов 1984, с. 6]. По поручению Совета министров УССР в 1986 г. Министерство культуры УССР создало историко-археологический музей-заповедник «Каменная Могила», в задачу которого входило изучение, охрана и пропаганда памятника¹.

¹ С 2023 г. археологический памятник Каменная Могила имеют статус историко-археологического музея-заповедника и входит в качестве филиала в состав Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». — *Примеч. отв. ред.*

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ И СТИЛИСТИКО- ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПЕТРОГЛИФОВ. ПОЛИССУАРЫ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ПЕТРОГЛИФОВ

Обнаруженные в пределах Каменной Могилы местонахождения с петроглифами по мере их открытия и изучения получали символические названия — грот Мамонта (Быка), «ползучий камень», «плиты стоп», «конские плиты» и т. п., что на первых порах позволяло в некоторой степени ориентироваться в топографии рисунков. Однако М. Я. Рудинский в процессе изучения наскальных рисунков убедился, что принятая О. Н. Бадером и В. Н. Даниленко такая «топография» для местонахождений с петроглифами не выдерживает критики, поэтому он ввел сквозную нумерацию гротов и пещер, иногда сохраняя и старые наименования. Кроме того, известные на конец 1950-х гг. местонахождения он сгруппировал в секторы: северный, северо-западный, юго-западный, южный и восточный [Рудинский 1961, с. 23–24].

В настоящей работе сохранена введенная М. Я. Рудинским сквозная нумерация местонахождений и группировка по секторам. Открытие автором этих строк новых гротов и пещер (36б, 51б, 53–63), пересмотр «старых» местонахождений с петроглифами (1–9, 11–28, 33–37, 46–48, 51, 52) позволили уточнить и дополнить некоторые нерешенные вопросы и по-новому взглянуть на памятник первобытной культуры.

Как выяснилось, указанные местонахождения принадлежали алтарям с посвятельными «текстами» первожителей Приазовской ойкумены, в которых отразились первобытные формы религии: тотемизм, магия, фетишизм и культ предков, облеченные в мифопоэтические образы.

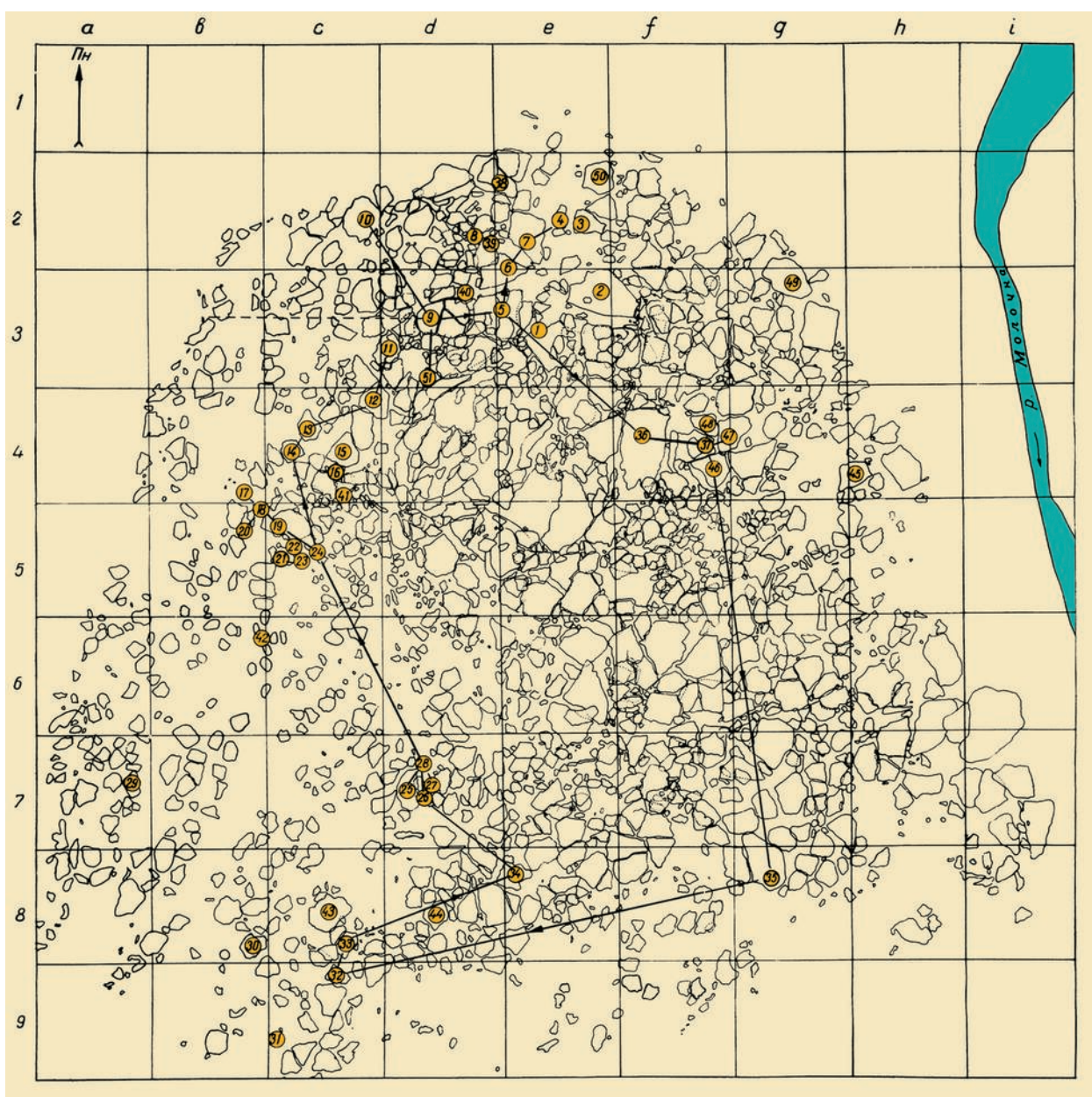

Схема М. Я. Рудинского.
Местонахождения
1-51

А. М. Золотарев подчеркивал, что «в первобытном обществе, в особенности на ранних ступенях его развития, миф считается священным, часто составляет тайну и собственность определенного рода или фратрии» [Золотарев 1964, с. 279]. Вот почему в деле изучения петроглифов Каменной Могилы важно правильно распознать и соотнести рисунки с тем или иным видом животного, антропоморфного изображения или отдельными символами, определенными образами, которые составляют подчас единый сюжетный узел и позволяют смоделировать духовный мир древнего человека. Корпус наскальных рисунков как раз и должен послужить выполнению этой задачи. От правильного «видения» той или иной семантики подчас зависит и конечный результат хронологии и интерпретации. В печати не раз появлялись публикации, посвященные датировке и интерпретации древних рисунков Каменной

Могилы. Однако, как оказалось, они не лишены грубых просчетов. Например, некоторые авторы «интерпретируют» не существующие в природе изображения. В первую очередь это касается местонахождения 4, в котором Ю. А. Шилов «видит» в щитообразном начертании изображение сосуда, «сопоставимого с образом Океана, содержащего зародыш Киан», украшенного, по представлению исследователя, «в основном горизонтальными “елочками”, которые могли обозначать и колоски, и воздушное пространство, и небесные воды или облака» [Шилов 1990, с. 182]. Как оказалось впоследствии, на «щитообразном» начертании внизу воспроизведены пять — семь (?) фигур животных (лошадей?), на которых мы ниже остановимся особо. Подобные выводы не только не решили дискуссионной проблемы, а увели читателя, да и самого исследователя от реальных фактов.

Не лишена недостатков и монография М. Я. Рудинского «Кам'яна Могила», в которой составители Е. Я. Рудинская и В. Н. Гладилин представили читателю неточные копии рисунков, подчас изданные зеркально или с отсутствием фрагментов или даже целых групп изображений, что также лишает нас надежной основы в попытках понять духовную культуру древнего человека.

Таким образом, от степени достоверности источниковедческой базы зависит решение таких важных вопросов, как морфологическая принадлежность изображенной на камне особи к тому или иному виду животных, семантика, распознавание символов, «письмен», их хронология и интерпретация.

Ниже приводим описание стратиграфическо-стилистического соотношения петроглифов, расписанных песчаниковых блоков-конкреций (чуринг), зооморфной и хтонической скульптуры.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 1

Карниз, принадлежащий когда-то большой пещере, находится в глубине мысообразного пространства, образованного в результате развала основного монолита холма. Петроглифы, выполненные в линейно-геометрическом стиле острым и широким орудием, расположены на небольшом карнизе-площадке, как на его вертикальной, так и на нижней стороне. В результате отрыва козырька от основной плиты-монолита карниз (1,2 × 1,4 м) вместе с рисунками оказался обнаженным (рис. 3.1).

Петроглифы представлены в следующем порядке: на правой вертикальной стороне расположены рисунки в виде широких бороздок, и, как отмечал М. Я. Рудинский, «главная часть состоит из решетки, обрамленной не совсем правильной формы <...> овалом в виде небольших зубцов <...>. Выше нанесено длинное елкообразное изображение» [Рудинский 1961, с. 29].

Ниже, слева, нанесены три бороздки, перечеркнутые горизонтальной линией, и ежикоподобное изображение с косым решетчатым квадратом по всему туловищу, рядом — П-образный знак. На нижней поверхности карниза имеется рыбообразное изображение с глазом и несколькими линейно-геометрическими рисунками.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 2

Массивная плита (длина — 12,4 м, ширина — 5,8 м, толщина — 3–4 м) лежит на северном склоне холма.

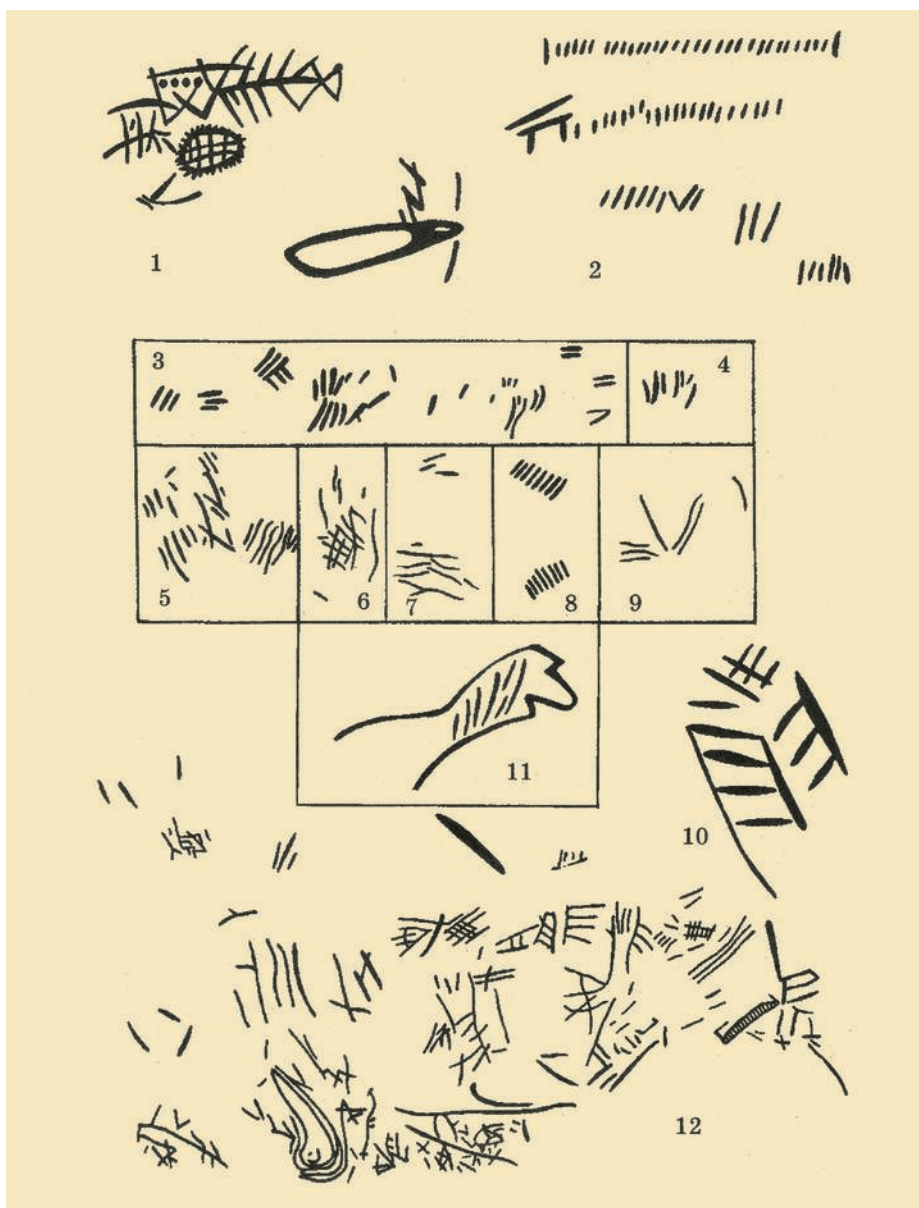
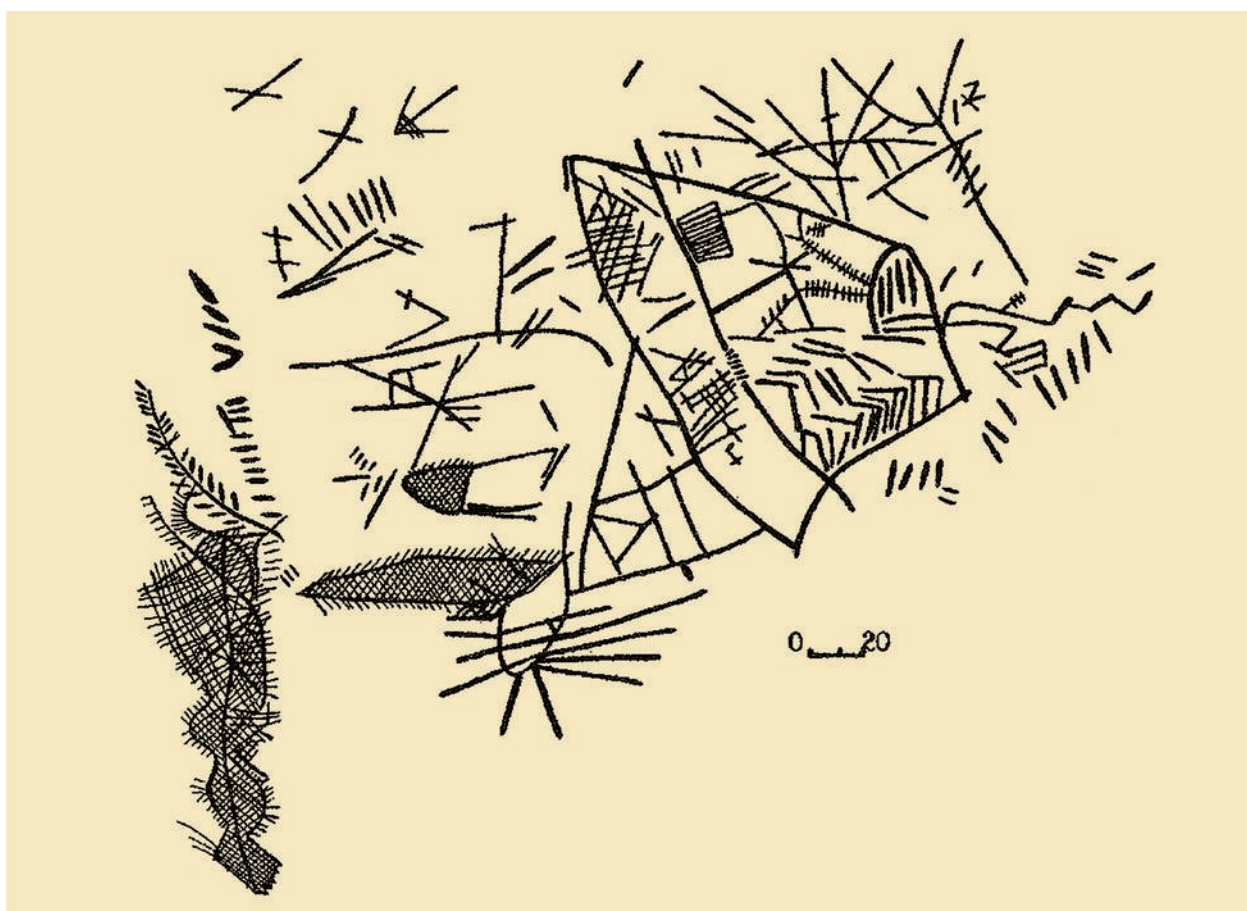

Рис. 3.
Петроглифы
на плитах:
1 (1); 4 (2); 2 (3-7);
8 (8); 12 (9); 5 (10-12)

Рисунки со следами разрушения выполнены поверхностным штрихом. Однако среди вертикальных бороздок хорошо просматриваются фрагменты фигур животных (рис. 3.3), выполненные в стиле «макарон» с подчеркнутыми округлыми бедрами-конечностями, гривой и рогами (рис. 3.4-7). В одном случае на плите просматриваются ре-

Рис. 4.
Рисунки
местонахождения 4

щетчатое изображение и три бороздки, соединенные между собой тремя перпендикулярными линиями.

Местонахождение 3

Плита овальных очертаний лежит у подошвы холма с северной стороны, под углом к северу 45° (длина — 6,25 м, ширина — 1,0 м).

Изображения в виде линейных вертикальных бороздок (32 шт.) расположены на углу излома плиты при входе в небольшую пещеру (длина — 2,0 м, ширина — 1,2 м, высота — 1,1 м) (рис. 3.2). На расстоянии 20–25 см от входа внутри пещеры на небольшом карнизе расположена линия вертикальных бороздок, сгруппированных по 21 штуке, с правой стороны которых нанесен П-образный знак, а дальше имеются 9 косых бороздок, 3 и 6 прямых.

Рис. 5.
Петроглифы
местонахождения
5 (1); 6 (2); 10 (3); 11 (4);
12 (5); 14 (6); 18 (7)

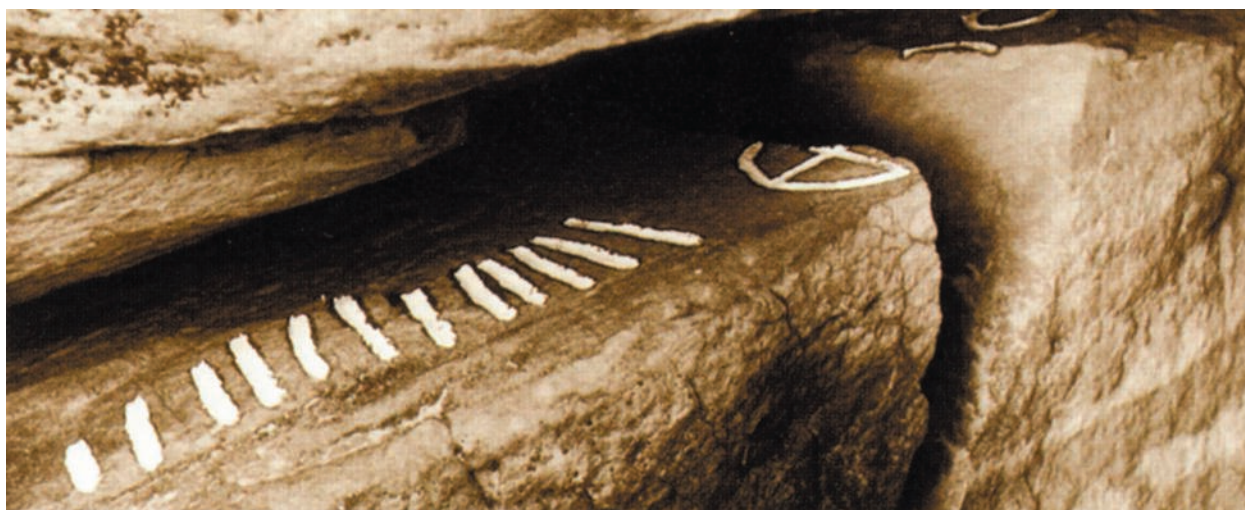

Рис. 6.
Рисунки грота 7:
1 — верхний фриз;
2 — нижнее
местонахождение

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 4

Плита массивной формы с выпуклостями-напывами (длина — 4,25 м, ширина — 2,5 м, толщина — до 1,0 м), оторвавшись от плиты 3, лежит на боку под углом 80° на северной стороне подошвы

холма и ориентирована по линии С–Ю. Рисунки расположены на нижней поверхности плиты, на ее северной половине (рис. 4). Стратиграфия изображений и стилистико-типологические признаки следующие.

1. В центре широкой и неглубокой линией-бороздкой воспроизведено щитоподобное изображение, разделенное посередине прямой линией-бороздкой, с левой стороны которой расположены сетчатые линейно-геометрические рисунки, а с правой, в верхней части, изображены прямоугольник с линейной штриховкой, прямые линии с пересеченными бороздками, овальным изображением с 4 вертикальными бороздками. В нижней части большими и широкими бороздками воспроизведены 5 стилизованных фигур животных в профиль. К центральному рисунку с левой стороны примыкает изображение угла с вписанными в левой нижней части треугольником и двумя вертикальными и одной горизонтальной бороздками, над которыми изображен небольшой крест. Ниже нанесено изображение в виде округлой вытянутой фигуры с «хвостом», с расходящимися линиями-лучами, три из которых проходят по полю рисунка. С левой стороны многочисленные линейно-геометрические изображения, среди которых просматриваются древо жизни с перечеркнутым стволом, ломаная линия и линейные короткие бороздки.

К этой же группе изображений относятся линейные рисунки, А-образный знак, косые кресты, углы и т. п., расположенные в левом верхнем углу.

2. Ко второй группе рисунков относятся три изображения, выполненные косым решетчатым квадратом, обрамленные овальными линиями, воссоздающие какие-то символы, среди которых доминирующее место занимает явно антропоморфно-зооморфная фигура, над которой изображена ветка древа жизни и 11 коротких и 5 широких (длина — 5–6 см) насечек-бороздок.

Местонахождение 5 (Северный грот)

Представляет собой большую массивную плиту (длина — 6,7 м, ширина — 9,4 м, толщина — 4,0–5,0 м), находящуюся на северном склоне холма. Потолок с витиеватыми наплывами-карнизами очень сильно закопчен. В результате многочисленных посещений грота местными жителями многие рисунки разрушены. Первые исследователи, О. Н. Бадер и В. Н. Даниленко, зафиксировали здесь фигуру «танцующего человека» и верхнюю часть фигуры коня (высота — 21 см) с распущенной гривой (рис. 3.11).

М. Я. Рудинскому посчастливилось открыть здесь комплекс петроглифов, состоящий из лабиринтоподобного рисунка (две руки, бороздки, кресты и т. д.). По нашему мнению, на плите среди описанных выше изображений воспроизведены А- и Y-образные знаки (рис. 3.12).

Интерес представляют и изображения на камне, находящемся в глубине грота с восточной стороны, на которых воспроизведены четыре и три короткие бороздки, нанесенные под углом 45°.

Рисунок напоминает «решетчатое» изображение грудной клетки человека, а голова, состоящая из двух бороздок, по нашему мнению, воспроизведена в виде угла (рога), что может свидетельствовать о принадлежности данного антропоморфного изображения к рангу богов (рис. 3.10).

Кроме того, с западной стороны плиты, в небольшой расщелине, нанесены бороздки, сгруппированные по 12 штук. Рядом изображены два солярных знака, в одном из которых внутри нанесен крест (рис. 5.1).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 6

Плита (длина — 5,7 м, ширина — 8,12 м, толщина — 4–5,0 м) расположена к северу от плиты 5 и является частью последней, отколовшейся, вероятно, еще в глубокой древности.

Первая группа рисунков (в глубине пещеры), имеющая вид линейно-геометрических начертаний, выполнена в технике поверхностного штриха и представляет собой, видимо, древнейшие изображения.

Вторая группа, выявленная М. Я. Рудинским, находится в южной стороне плиты. Рисунки расположены вокруг естественного рыболовного наплыва. Петроглифы в виде бороздок сгруппированы по 2, 3, 4, 5, 8 и т. д. Здесь же имеются небольшие кресты, ряды линий и решетчатые подквадраты (рис. 5.2).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 7

Грот представляет собой массивную плиту (длина — 7,0 м, ширина — 6,5 м, толщина — 3,0 м), часть когда-то большого козырька-навеса, расколовшегося натрое. Остальные две части в виде отдельных массивных монолитов расположены к северу от указанного грота (рис. 6.1–2).

Видимо, плита упала задолго до появления петроглифов, а ее северная конечность оказалась на склоне холма под углом до 45°, создав таким образом удобный грот для древнего «алтаря». Потолок грота имеет многочисленные наплывы-карнизы, образованные в период формирования песчаника среднесарматского яруса.

В верхней части в двух местах есть следы излома и расположены многочисленные бороздки, нанесенные поперек по отношению к длине карниза. Только в одном случае обнаружена длинная вертикальная бороздка вдоль наплыва-карниза. Указанные петроглифы сгруппированы по 4, 6, 8, 28 и т. д. Ниже, в центре, на стелоподобном наплыве-выступе есть еще горизонтальные широкие бороздки, в которых М. Я. Рудинский видел произведение скульптурного искусства, а именно антропоморфную стелу [Рудинский 1961, с. 27, рис. 10]. На верхнюю часть «скульптуры» (голова) нанесены две бороздки, образующие угол в 45° (рога), между которыми расположен рисунок овально-вытянутой формы, возможно передающий колос. В средней части просматривается рисунок, похожий на короткий и тупой фаллос, исписанный поперечными бороздками.

В 1980-е гг. автор этих строк проник вглубь грота до 3,5 м. В левой стороне от указанной «скульптуры» на небольшом выступе-наплыве открыты новые реалистичные изображения, выполненные в технике гравировки и воспроизводящие зооморфную фигуру с овально-ромбовидной головой, характерной для степной гадюки и разноцветного полоза [Жизнь... 1985, с. 289, рис. 178–179]. Фигура стоит в коленно-локтевой позиции, с очерченными крутыми бедрами и конечностями (ноги), с небольшим хвостом и многочисленными вертикально-косыми бороздками, воссоздающими, по-видимому, шкуру животного. Впереди согнутой фигуры, под животом, изображены рука и большой

треугольник — символ-признак женского пола (рис. 6.2). Последний выделен древним художником явно преднамеренно — это был, как отмечают В. М. Массон и В. И. Сарияниди, установленный прием «иконографического изображения женских божеств» [Массон, Сарияниди 1973, с. 42–43].

В результате анализа этой композиции следует сделать вывод, что перед нами изображена женщина-богиня в маске зооморфно-хтонического существа, сзади которой — мужская фигура, выполненная в стилизованной манере (воспроизведение отдельных символов).

Неподалеку от фигуры сверху находится солнечная ладья, а перед ней — стреловидный знак, присутствующий обычно в погребальных памятниках Древнего Египта [Дженкинс 1986, с. 63].

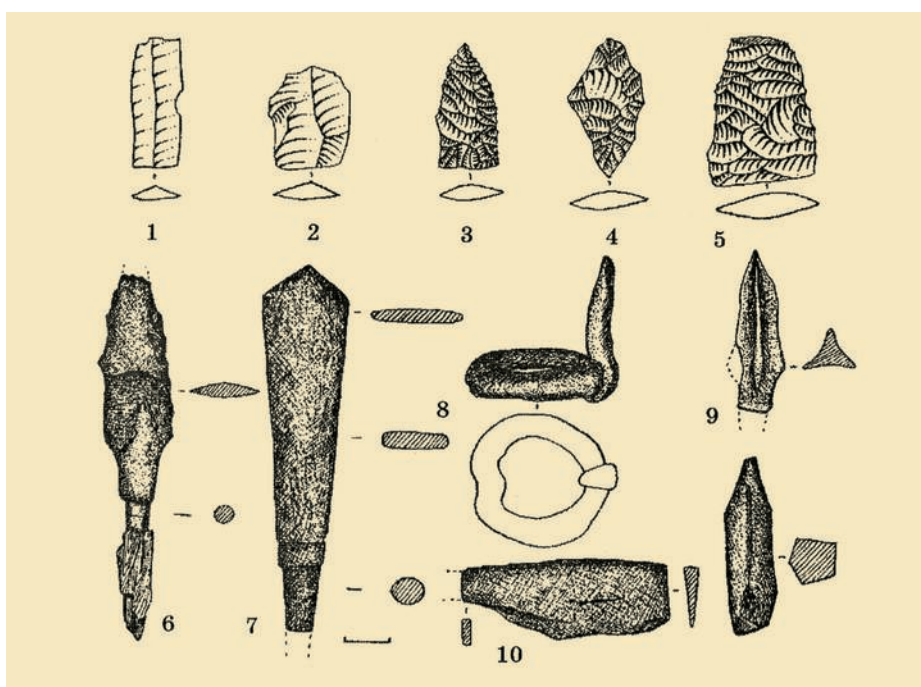

Рис. 7.
Орудия труда и
вооружения
из грота Быка
(местонахождение 9):
1–2 — кремневые
ножевидные
пластины;
3–5 — наконечники
стрел эпохи энеолита;
6–7, 9 — железные
наконечники стрел;
8 — кольцо от
конской сбруи;
10 — нож (позднее
средневековье)

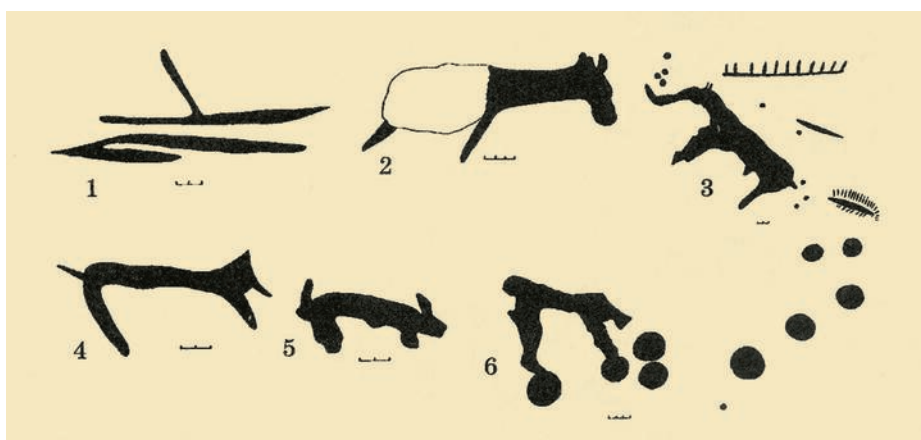

Рис. 8.
Изображения
в гроте Быка
(местонахождение 9):
1 — линейные рисунки;
2 — лошадь (?);
3 — бык с хоботом;
4–6 — собаки

Ладья (длина — 24 см, высота с мачтой — 16 см) выполнена в виде серповидного контура из двух (одна над другой) линий, с приподнятым носом, удлиненной кормой и коробковидной надстройкой, над которой изображен на шесте солярный знак, нанесенный точечной техникой (5 точек). В центре судна расположена высокая мачта с парусом, на клотике имеется небольшая поперечная бороздка (флаг?). Парус передан тремя небольшими вертикально-косыми бороздками.

В правом нижнем углу грота, ниже уровня описанных ладьи, зооморфного и антропоморфного существ, расположены три прямоугольных сетчатых изображения, напоминающих символ солнца на каменных печатях из Месопотамии [Мунчаев, Мерперт 1981, с. 139, рис. 42], фигура в виде короткой линии-рогатины, перечеркнутая поперек в верхней части двумя линиями и, возможно, являющаяся тамговым знаком (?). Рядом, ниже, одна над другой нанесена 21 короткая бороздка. Вся площадь песчаника, на которой расположены названные изображения, покрыта слоем красной охры.

Местонахождение 8

Плита (длина — 2,7 м, ширина — 1,0 м) находится вблизи грота № 7. На плоскости ее небольшой поверхности нанесено два ряда бороздок, сгруппированных по 8 шт. (рис. 3.8).

Местонахождение 9 (Грот Мамонта — Быка)

Грот расположен на северо-западной стороне холма и представляет собой массивную плиту (длина — 10,2 м, ширина — 7,3 м, толщина — 4,0–5,0 м) с выступающим козырьком, под которым на вертикальной стене имеются пять просверленных (круглых) углублений различного диаметра (5 × 5,3 см, 3,2 × 2 см).

Вход в пещеру находится с северной стороны и представляет небольшую щель округлой формы (ширина — 1,10 м, высота — 0,75 м), где на вертикальную поверхность нанесены фигура быка в статичной позе (длина — 43 см, высота — 16 см), как бы идущего в пещеру, и три горизонтальные крючковатые бороздки (рис. 8.1). При входе с правой стороны, на плоской плите у основания пещеры также нанесена одна короткая и глубокая бороздка, соседствующая с полиссуаром (длина — 14 см).

Пещера ориентирована по линии север–юг и представляет собой своеобразную полость, расширяющуюся в бутылкообразную форму (длина — 3,2 м, ширина — 1,6–1,0 м, 1,8–2,0 м, высота — 0,9 м), в основании которой имеется плита-пол. Потолок имеет сферическую неровную поверхность, сильно закопчен, в центре него через всю пещеру проходит узкий висяще-выступающий карниз.

Петроглифы в пещере топографически делятся на:

рисунки на потолке;

рисунки на вертикальных стенах;

изображения на плоскостях небольших плит.

В засыпи пещеры, в светло-сером песке, в 1938 г. О. Н. Бадером были обнаружены кремневые орудия: две ножевидные пластины и два наконечника стрел с двухсторонней отжимной ретушью (первый — подтреугольной формы с прямым основанием, второй — с выделенным черенком) (рис. 7.1–5). Также найдены срединный обломок

наконечника дротика и три отщепа. Кроме того, при входе с левой стороны в расщелине нами обнаружены три железных наконечника стрел, один из которых трехгранный (рис. 7.6, 7, 9), железная пряжка с прямым язычком (рис. 7.8) и обломок железной скобы (ножа? — *Примеч. ред.*) (рис. 7.10), датируемые эпохой Средневековья.

Рисунки на потолке

Фигура 1. Рисунок лошади расположен при входе в пещеру на потолке с западной стороны (длина — 23 см, высота — 10 см). Морда опущена, уши отмечены двумя вертикальными черточками. Изображение выполнено глубоким силуэтным стилем, голова повернута на северо-восток. С этого рисунка предшествующими исследователями был снят гипсовый слепок, вследствие чего задняя часть фигуры отвалилась, но хорошо сохранились голова, передние и задние конечности (рис. 8.2).

Под описанным рисунком на нижней плоскости-расщелине расположен полиссуар вытянутой формы (длина — 0,65 м, ширина — 0,20 м).

Композиция 2. Находится на противоположной стороне пещеры и изображает четырех животных с разветвленными рогами, запечатленных в статичных позах в круговой позиции или, как отмечал М. Я. Рудинский, «в круговой обороне» [Рудинский 1961, с. 44]. Все фигуры выполнены в технике протирания силуэта (диаметр композиции – 53 × 67 см), а на туловищах виднеются небольшие ямки-углубления (рис. 9.3).

Композиция 3. Расположена в центре пещеры и изображает антропоморфное существо (высота — 16 см) с распростертыми руками-крыльями; окружена многочисленными линейно-геометрическими начертаниями и крупными углублениями; у ног фигуры вверх ногами изображено животное, напоминающее волка (собаку или лису?), а вблизи — черепаха (рис. 10.1).

Рядом с этой композицией проходит небольшой выступ-карниз, на плоской стороне которого расположены две группы вертикальных насечек (9 бороздок).

Фигура 4. Расположена на плоской стороне (длина — 32 см, высота — 10 см), представляет собой животное (быка) с хоботом, выполнена все в той же технике. На силуэте фигуры имеются ямки, вблизи находится ежикоподобное изображение и 11 бороздок, соединенных прямой линией (рис. 8.3).

Композиция 5. Находится на противоположной стороне карниза и передает три силуэта животных. Первый силуэт со следами излома. Все фигуры в одну линию идут влево (длина — 62 см, высота — 20,5 см) (рис. 9.2).

Фигура 6. Находится сзади предшествующей фигуры и изображает, по-видимому, собаку, выполненную широкой бороздкой-силуэтом (длина — 12 см, высота — 5 см) (рис. 8.4).

Фигура 7. Выполнена также в виде силуэта, находится сзади описанных животных; морфологически, возможно, перед нами собака (?) (длина — 10 см, высота — 6,5 см) (рис. 8.5).

Фигура 8. Расположена на своде пещеры с восточной стороны (длина — 15 см, высота — 10 см) и явно воспроизводит собаку, стоящую на двух ямкообразных углублениях, рядом с которыми нанесено

1

2

3

Рис. 9.
Рисунки из
грома Быка
(местонахождение 9):
1 — изображение
дождевого
(небесного) быка;
2 — изображения
животных;
3 — рисунки быков

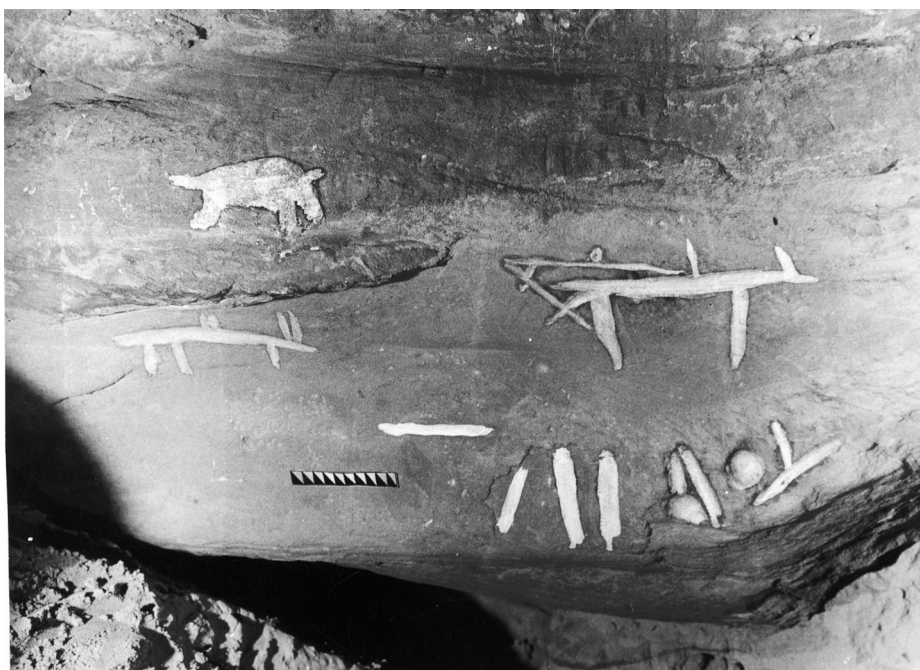

Рис. 10.
Изображения
в гrotte Быка
(местонахождение 9):
1 — шаман; 2 — бык;
3-4 — стилизованные
животные; 5 — бык;
6 — линейно-
вертикальные
бороздки; 7 —
жертвоприношение
человека и животного;
8 — животные в
зарослях

еще 7 ямок; выполнена, как и предшествующие фигуры, бороздкой-силуэтом (рис. 8.6).

Композиция 9. Расположена к западу от полиссуара на расстоянии 0,5 м и представляет собой сюжетную группу, состоящую из ломаной двойной линии, заполненной короткими бороздками-линиями, слева от которых видны фигура животного (собака?) и две лошади, выполненные «рентгеновым» стилем. В правой стороне изображена фигура быка с высокими острыми рогами и мордой с хоботом в окружении шести ямок, просверленных в песчанике.

Вся композиция завершается (на нижнем фризе) вертикальными бороздками, сгруппированными по 2, 4, 6, перечеркнутыми горизонтальной линией и т. д. (рис. 11).

Петроглифы на восточной стене (расположены на изломе)

Фигура 1. Изображает быка, выполненного в прежней технике и том же стиле, с опущенной мордой, горбом и выставленными вперед рогами (длина — 12 см) (рис. 10.2).

Фигура 2. Находится чуть ниже фигуры 1, представляет собой зооморфное существо, выполненное в бороздочно-силуэтом стиле, с острым концом (мордой) и с притупленным хвостом, с прямыми ногами и высоко поднятыми ушами (рогами?) (длина — 17,0 см; высота — 7,0 см) (рис. 10.3).

Фигура 3. Расположена на этой же линии, выполнена в той же технике и том же стиле (длина — 19,5 см, высота — 11,5 см); на нее наложен А-образный знак (рис. 10.4).

Фигура 4. Расположена на третьем нижнем фризе и передает, скорее всего, быка, а не вепря, как полагали В. Н. Даниленко и Ю. А. Шилов. Вся фигура выполнена точечной техникой (рис. 10.5), рядом расположены вертикальные бороздки и одна горизонтальная, среди которых имеются две ямки-углубления (длина — 10,5 см, высота — 7,5 см) (рис. 10.6).

Рис. 11.
Изображения
в гроте Быка
(местонахождение 9)
на западном карнизе
пещеры

Рисунки на южной вертикальной стене и столоподобной плоскости (длина — 2,36 см, высота — 0,65 м) (рис. 12.1; 117).

Фриз 1. В начале первой (верхней) строчки нанесено обрамление подквадратной формы, перечеркнутое в центре тремя бороздками, рядом расположены шесть коротких бороздок и небольшой крест, соседствующий с четырьмя горизонтальными бороздками, а также 15 малых и больших отверстий-точек (1,0–3,0 см).

Фриз 2. Начало обозначено П-образным знаком, соседствующим с длинной и тремя поперечными бороздками, а чуть ниже расположена решетка из 16 квадратов и группа 4 + 10 вертикальных бороздок, слева внизу от которых нанесены в три ряда точки, сгруппированные по 5 + 5 + 3.

Фриз 3. Начало строки представлено тремя вертикальными бороздками, V-образным знаком и бороздкой, обрамленными сверху и снизу квадратными линиями-бороздками. Дальше расположены три точки и два знака, состоящие из трех вертикальных бороздок, перекрытых одной горизонтальной, напоминающих *m*-образный прописной знак греческого алфавита. Здесь же виднеются точки, а чуть ниже изображения трех животных, передающие как будто две фигуры лошадей и одного быка, выполненные силуэтным стилем.

Далее по фризу — линейные бороздки, сгруппированные по несколько штук, среди которых — К- и Y-образные знаки, а также антропоморфная фигура с распростертыми руками, между «шалашей».

Фриз 4. В начале строки обозначен угол, крест и V-образный знак, а далее бороздки в линейно-геометрическом изображении, среди которых присутствуют Т-образный знак, косые кресты, точки, косые решетки, между которыми вписаны пять точек и т. д.

Фриз 5. Строка начинается П-образным знаком, над которым обозначена точка, а далее — решетка из 16 квадратов, вертикальной бороздки, линейно-геометрических начертаний с вписанными углами; за ними нанесены точки и П-образные знаки.

Над этой стенкой с петроглифами находится столоподобная плоскость (75 × 75 см), «заполненная» петроглифами, выполненными в той же технике и в том же стиле. Среди многочисленных бороздок, сгруппированных по-разному, имеются А- и Х-образные знаки, а на небольшой полочке (42 × 45 см) нанесены линейно-геометрические начертания (рис. 12.2).

Выше описанных петроглифов расположены также линейно-геометрические начертания, среди которых доминирует крест мальтийского типа и тюркоподобные рунические знаки¹ (рис. 12.3).

Особое место среди петроглифов грота Быка занимает изображение хоботовидного существа с рогами, расположенное на отдельной плите (длина — 64 см). Фигура выполнена в технике протирания силуэта, который просверлен многочисленными ямками (рис. 9.1). В глубине пещеры (западный сектор) находится группа рисунков, состоящая из многочисленных «древ жизни» и «убиенных» фигур человека и животного (рис. 10.7). Рядом видны фигуры быков, выполненные силуэтным реалистическим и стилизованным стилем (рис. 10.8).

¹ Определение дано С. Г. Кляшторным.

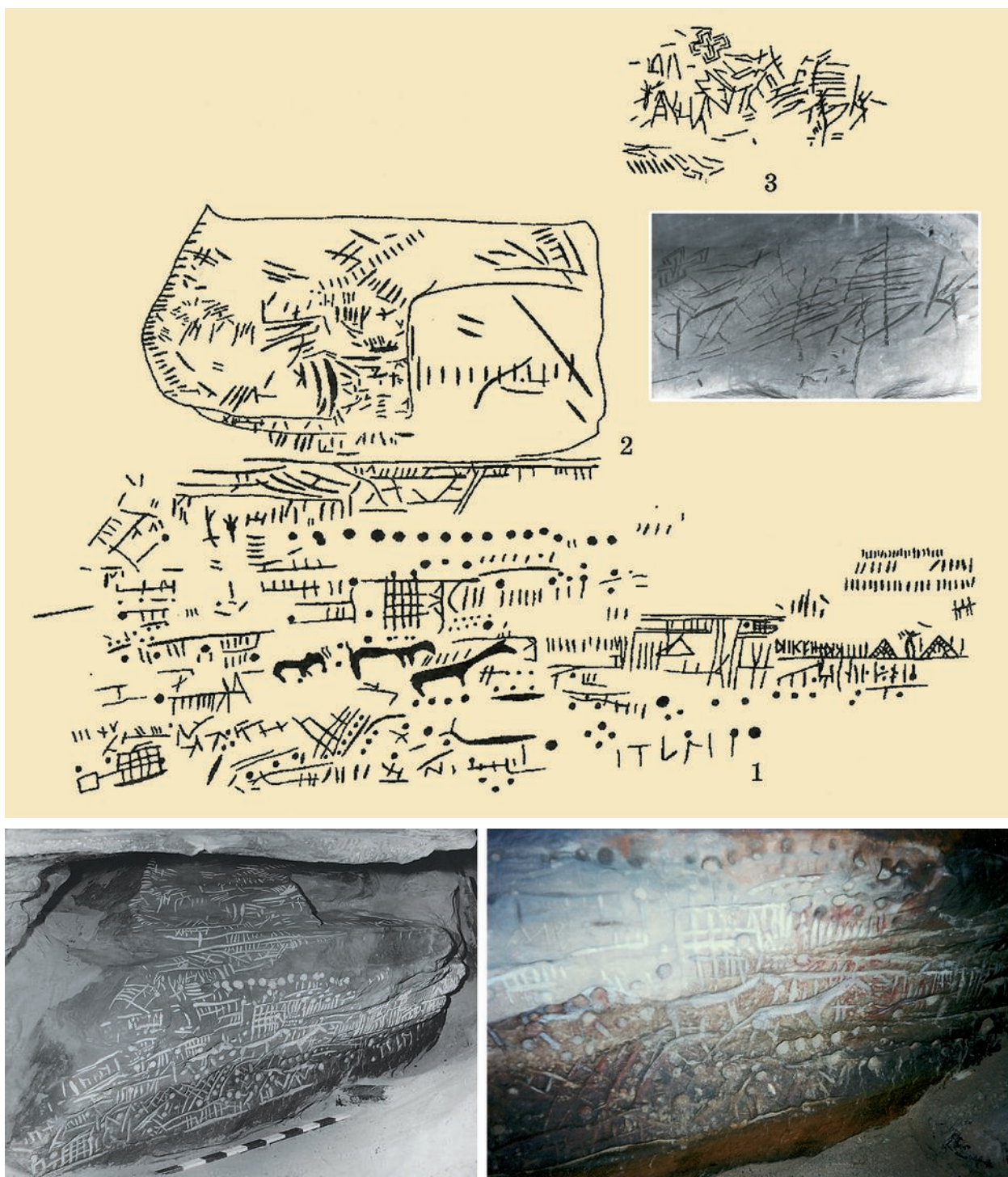

Рис. 12.
Петроглифы
(письмена)
на
вертикальной стене
из грота Быка
(местонахождение 9)

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 9А

Расположено с левой стороны от входа в грот Быка. В небольшой пещере (2 × 3 м) лежат две плиты-блока с петроглифами. По периметру плит-блоков имеются следы разлома, свидетельствующие о первичной принадлежности их к более древнему гроту-святилищу. Думается, что первоначально плиты являлись потолком грота № 59, где в настоящее время сохраняются изображения, идентичные по стилю рисункам на этих двух плитах-блоках.

Плита 1 (размер — 38 × 75 см). В правой стороне на обветренной поверхности нанесены линии-бороздки, округлые знаки, точки и т. д. (рис. 13.1).

Плита 2 (размер — 82 × 95 см). На лицевой стороне нанесены дугообразная линия, кресты, углы, линейные бороздки, точки и т. д. В центре расположена фигура, напоминающая животного (олень?), на туловище которого имеется углубление-ямка (рис. 13.2).

Местонахождение 10

Плита находится на северном склоне холма у самой его подошвы (длина — 8,1 м, ширина — 5,2 м, толщина — 1,5–2,0 м). Она массивна, на нижней поверхности с восточной стороны расположены многочисленные бороздки, по центру один ряд перечеркнут небольшой и широкой линией. Между этими петроглифами виднеются П- и Y-образные знаки (рис. 5.3).

Местонахождение 11

Плита (длина — 5,6 м, ширина — 0,1 м, толщина — 4,5 м) лежит горизонтально между гротом № 9 и 51. На участке 0,5 × 0,5 м изображены линейные бороздки, среди которых — фигура животного с острой мордой, высоко поднятыми ушами-рогами и длинными ногами, выполненная тонким силуэтом-бороздкой (рис. 5.4).

Местонахождение 12

Плита расположена с западной стороны холма (длина — 5,8 м, ширина — 4,6 м, толщина — 1,3–1,5 м). Нижняя поверхность сильно разрушена, однако с северо-восточной стороны прослеживаются мелкие и тонкие бороздки, среди которых просматривается фигура животного (мамонт?), выполненная в стиле «макарон», неопознанная М. Я. Рудинским [Рудинский 1961, с. 50, табл. 11, 8] — (рис. 3.9; 5.5).

Рис. 13.
Плиты-блоки
из грота 9а

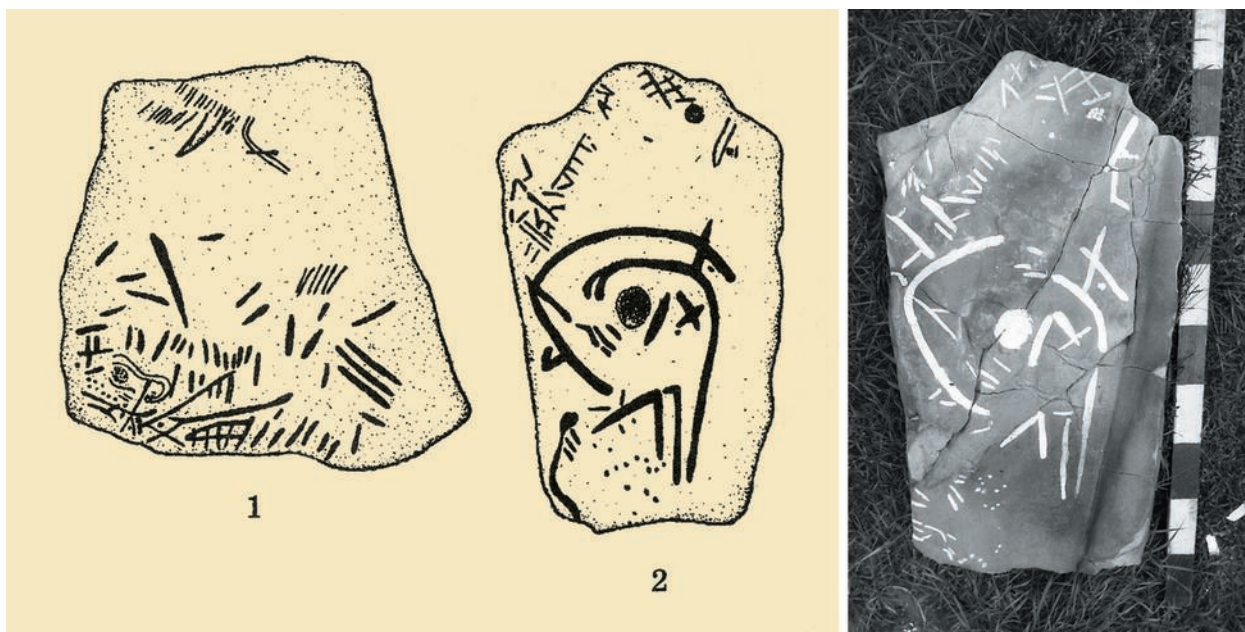

Рис. 14.
Линейно-
геометрические
изображения
в гроте 13

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 13

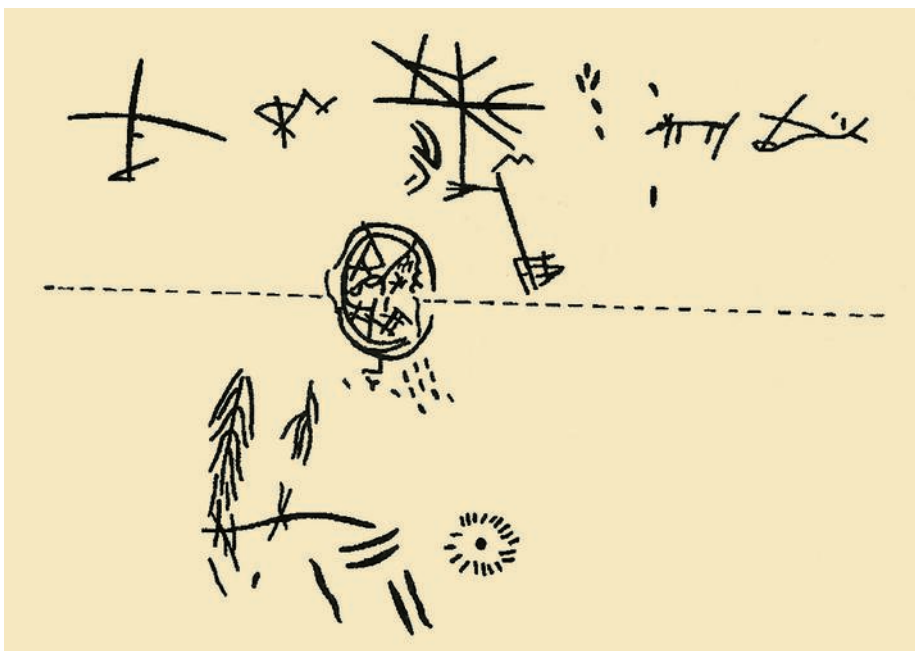
Находится на крутом склоне ($60-70^\circ$) с западной стороны холма (длина — 5,3 м, ширина — 3,4 м, толщина — 1,1 м).

Петроглифы расположены на нижней поверхности плиты, часть из них имеет следы разрушения в результате разлома и выветривания песчаника. Рисунки выполнены поверхностным тонким штрихом, глубокими и широкими бороздками.

Особое значение среди петроглифов этой плиты имеет изображение лодки с парусом и кормовой надстройкой, рядом с которой нанесены X-образный знак и прямая бороздка, а также большое ромбовидное изображение с маленькими ромбиками по углам, ромб с точкой, перекрытый вилообразным изображением (длина — 0,5 м), топорovidный рисунок, три волнистые линии, лодка с сидящей антропоморфной фигурой с ромбовидной головой и шестилучевая звезда в окружении трех фигур животных с рогами (быки?), решетчатый ромб с короткими отростками по всем четырем углам, большой змей и т. д. Кроме того, в стороне начертаны письмена в виде N- и W-образных знаков (рис. 14).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 14

Плита находится на западном склоне холма Каменной Могилы. Петроглифы, как и в предыдущих случаях, расположены на нижней поверхности плиты и представляют собой линии, выполненные широкими

*Рис. 15.
Петроглиф
в гроте Собаки
(местонахождение
15–16)*

и глубокими (овальными) бороздками, сгруппированными по 3, 5, 7 и 10, последняя из групп как бы передает лестницеобразное изображение и единичную бороздку (рис. 5.7).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 15–16 (Грот Собаки)

Плиты находятся на западном склоне холма и когда-то представляли собой целый козырек, соединенный с вершиной-монолитом Каменной Могилы, впоследствии расколовшийся на два самостоятельных обломка: 1) длина — 5,7 м, ширина — 4,4 м, толщина — 0,7 м; 2) длина — 1,9 м, ширина — 1,1 м, толщина — 0,7 м.

На плите 15 на нижней поверхности с южной стороны нанесены тонким орудием линейно-геометрические и реалистические рисунки, в которых В. Н. Даниленко усматривал собаку; с правой стороны видна, по нашему мнению, незаконченная фигура животного (лошадь?), а также часть неправильного многолинейного круга, вторая половина которого в результате разлома плит оказалась на плите 16. Рядом, немного южнее, имеется изображение «древа» и солярного знака с расходящимися лучами-бороздками (рис. 15).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 17

Плита находится у подошвы с западной стороны холма и, по мнению М. Я. Рудинского, является «обломком скалы навеса» [Рудинский 1961, с. 53]. Рисунки расположены на нижней поверхности с плотным загаром и представляют собой многочисленные линейные бороздки, решетчатые прямоугольник и ромбы; есть также ромбовидная фигура, разделенная прямой вертикальной черточкой на две части, в левой из которых видны три вертикальные линии, в правой — три точки. Здесь же изображены чешуеподобные рисунки, треугольники, растянутые крестики, древо жизни, А-образный знак, многочисленные точки и черточки (рис. 16.1). Позднее на описанные петроглифы по

центру наложена широкой бороздкой фигура животного или антропоморфного существа с крутыми рогами и округлым тазом (рис. 16.2).

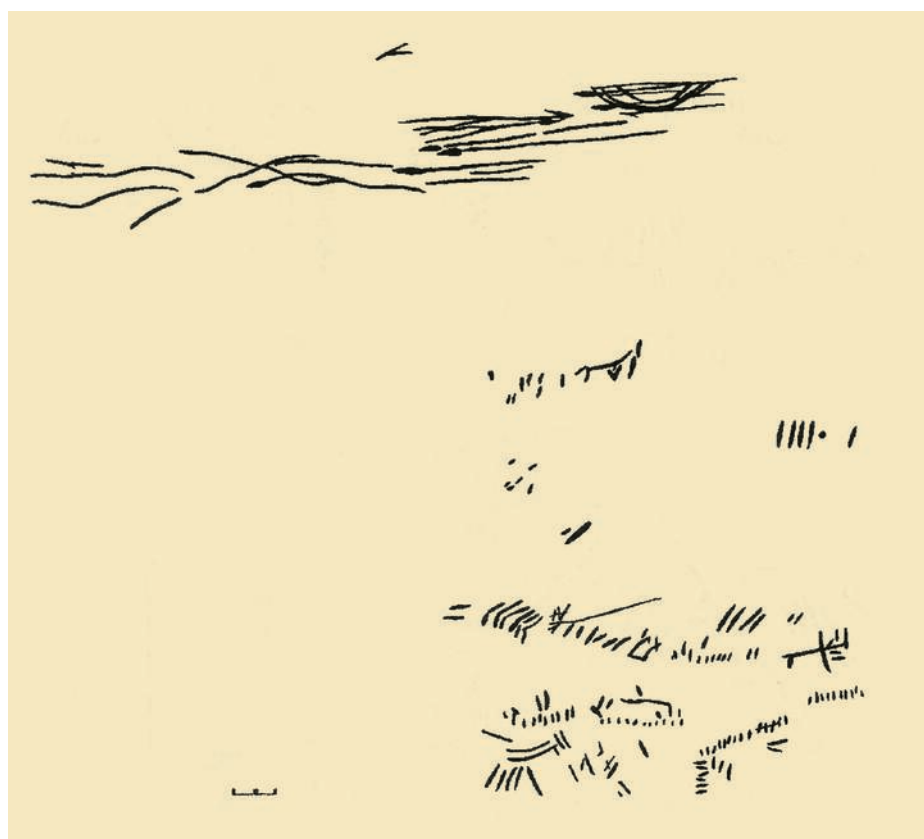
Местонахождение 18

Плита находится в западной группе плит (длина — 13,0 м, ширина — 1,1 м, толщина — 0,5 м). Рисунки, выполненные поверхностным штрихом, представляют собой линейно-геометрические начертания, среди которых есть решетчатые изображения подпрямоугольной формы, нанесенные, видимо, на плиту первыми (рис. 5.6).

Рис. 16.
Линейно-геометрические изображения в гроте 17:
1 — общая ситуация петроглифов;
2 — изображение крупного животного (мамонт?)

Рис. 17.
Петроглифы на плите 19а

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 19

Плиты расположены на юго-западном склоне холма и, по мнению М. Я. Рудинского, в древности представляли собой единый монолит ($12,5 \times 5 \times 1$ м), который еще до прихода первожителей Приазовья раскололся на три отдельные части, ныне лежащие друг возле друга.

Петроглифы, найденные М. Я. Рудинским в четырех пунктах, показаны на плане-схеме в его монографии, однако не все вошли в это издание. В ходе раскопок 1990 г. эта группа плит доисследована, и в результате установлена следующая стратиграфически-стилистическая картина.

Группа А. Плита расположена в центре развала плит. Рисунки, находящиеся с южной стороны плиты, представляют собой многочисленные бороздки на узком карнизе, проходящем через всю плиту-потолок, сгруппированные по 1, 2, 4, 7, 10 и т. д. К северу от этих бороздок изображена фигура животного (конь?) с высокой шеей, туловище выполнено волнистой тонкой линией, а голова, передние и задние конечности — вытянутыми каплеобразными широкими и короткими линиями. Сзади описанной фигуры нанесены 8 каплеобразных вытянутых мелких бороздок, а еще севернее — пучки линий-стрел (в трех случаях с острым наконечником), среди которых имеются лук с тетивой простого типа и Х-образное вытянутое (72 см) изображение (рис. 17).

Группа Б. Петроглифы находятся с западной стороны плиты (50×50 см). Выполнены тонкими линиями, как и первая группа рисунков местонахождения 19а. Представляют собой многочисленные линейные рисунки, в центре которых изображена косая сетка, обрамленная двумя линиями; рядом находятся знак угла и группа из 4 бороздок (рис. 18.6).

Группа В. Плита расположена в восточной стороне развала плит (длина — 4,0 м, ширина — 1,5 м, толщина — 1,6 м). Петроглифы находятся на нижней поверхности с южной стороны плиты. Вероятно, нанесены они были уже после разлома плиты-монолита, так как все четыре группы рисунков не связаны между собой по содержанию.

Рисунки на плите представляют собой два культурно-хронологических пласта. Первый пласт — изображения в виде многочисленных решеток, нанесенные тонким и острым орудием. К ним примыкает по технике исполнения трехчленная геральдическая фигура (дерево в виде палки-столба и двух змей по сторонам), известная на близлежащей плите 22. В правой стороне плиты нанесен «крылатый» знак, а также двухчленный знак; аналогичный рисунок имеется и в центре решетчатых и геральдических изображений. Рядом с «крылатой» фигурой изображены ромб, многочисленные бороздки, сгруппированные по 2, 3, 7; крест, прямые линии (5 шт., длина — 60 см), 8 точек-отверстий, три ромба, соединенных между собой, и т. д.

На указанные изображения нанесены, перекрывая первые (решетки, геральдика), более поздние рисунки в виде двух змей-драконов, выполненные широкой линией, с ромбическими головами и в одном случае — с открытой пастью, во втором — с четырьмя лапами (рис. 19), с которых как бы вытекает ручеек воды — дождя.

Группа Г (Ползучий камень). Находится с западной стороны на массивном обломке, отколовшемся от основной плиты. Рисунки расположены на нижней поверхности плиты, с плотным коричневато-серым загаром, и подразделяются на две композиционные группы.

Рис. 18.
Петроглифы
Каменной Могилы.
Местонахождения:
39 (1); 486 (2); 41 (3);
24 (4); 45 (5); 196 (6);
37 (7); 51 (8)

1. Петроглифы при входе в небольшую пещеру (2 × 2 м), вытянутые на плоскости карниза, представляют собой два параллельно расположенных, по-видимому, зооморфных хтонических существа с острыми мордами, одно из которых перечеркнуто чуть волнистой линией, заканчивающейся линией, нанесенной под углом 45°. Вокруг всех этих фигур имеются линейные бороздки, сгруппированные по 4, 5, 6, 18. Справа, вдоль выступа-карниза имеются аналогичные бороздки, сгруппированные по 2, 3, 4, 8, а также решетчатый подквадрат, знаки в виде букв П — V — L, бороздки, сгруппированные по 7 штук (рис. 20.1).

2. Рисунки в глубине пещеры с юго-западной стороны плиты, нанесенные в два приема. Первые изображения, которые появились здесь, — это решетчатые квадраты, выполненные прямой и косой клеткой, а также мелкие линейные петроглифы, выполненные поверхностным штрихом. Во второй прием была нанесена — причем с использованием

уже существующих линий и штрихов — большая черепаха (длина — 79 см, высота — 27 см), у которой реалистично воспроизведены панцирь, голова с глазом, передние и задние ноги. По сторонам черепахи горизонтально расположены две явно антропоморфные фигуры, одна — с головой и двумя поднятыми двупалыми ладонями-руками, ногами и коротким фаллосом; вторая — над черепахой, также с головой, поднятыми руками, ногами и большим фаллосом.

Создается впечатление, что рисунки «Ползучего камня» выполнялись художником не в один прием, а по мере посещения грота; и если вначале это была, видимо, «рыба», окруженная антропоморфными фигурами, то вскорости она, будучи дополнена новыми деталями, превратилась в черепаху.

Рис. 19.
Петроглифы
на плите 196

Рис. 20.
Петроглифы
на плите 19в

Рис. 21.
Линейно-
геометрические
бороздки
на плите 20

В южной части плиты, сзади черепахи, нанесены многочисленные линейные бороздки, выполненные под различными углами, крючки, ромбы, V-образные знаки, а между группами рисунков — П- и V-образные знаки и 2 бороздки (рис. 20.2).

Местонахождение 20

Плита входит в юго-западную группу плит и находится у подошвы холма (длина — 3,0 м, ширина — 4,2 м, толщина — 0,8 м). Рисунки на нижней поверхности ее представляют собой многочисленные бороздки. На первый взгляд они расположены как будто хаотично, но при более внимательном изучении становится очевидным, что они четко сгруп-

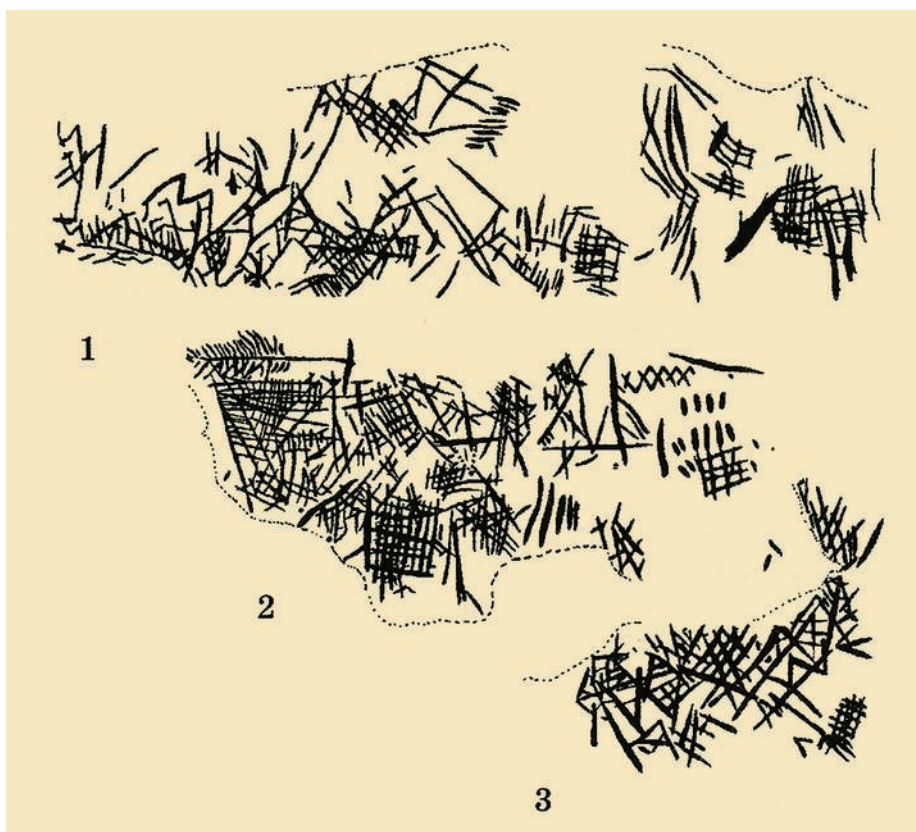

Рис. 22.
Петроглифы
на плите 21

пированы. Примечательно, что среди указанных петроглифов хорошо читаются «письмена», например, А-, П-, V-, X-образные знаки, а также решетчатые прямоугольники. По-видимому, не будет ошибкой предположить однослойность описанного памятника (рис. 21).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 21

Плита лежит у южной подошвы Каменной Могилы, имеет химерные очертания (длина — 6,2 м, ширина — 4,4 м, толщина — 1,0–1,2 м). Рисунки находятся на потолке в трех пунктах и имеют следы сильного выветривания, вследствие чего разрушена большая их часть. Тем не менее установлено, что петроглифы здесь нанесены в два приема:

1) петроглифы поверхностного штриха; это решетчатые неправильные квадраты, состоящие из 9 и 24 квадратов и мелких борозд, также сгруппированных по несколько штук;

2) петроглифы, расположенные выше первой группы и выполненные большими широкими бороздками, составляющие ломаную линию, А-образный знак, растянутый крест, и в одном случае, вероятно, воссоздающие древние «письмена» (рис. 22.1). Особо следует выделить рисунок в виде шалаша с рядом стоящим «древом» (рис. 22.2), а также изображение животного — оленя, выполненное хаотично нанесенными короткими бороздками (рис. 22.3).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 22

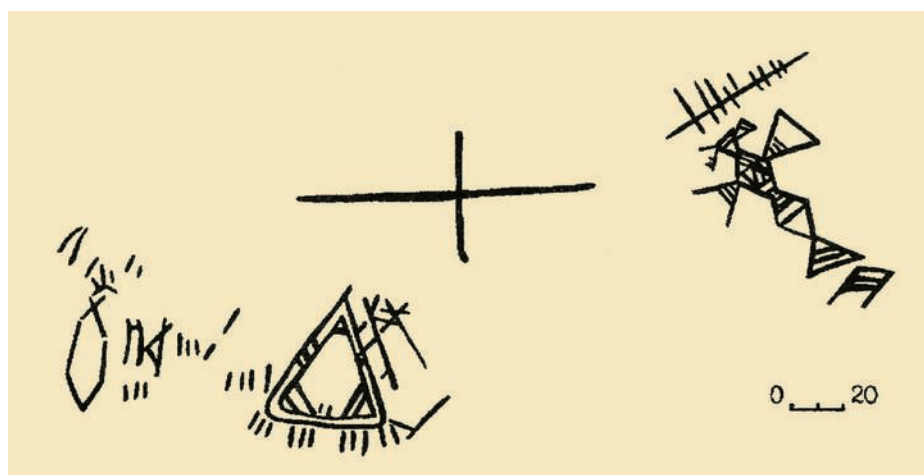
Находится на юго-западном склоне холма и представляет собой массивную вертикальную плиту пирамидальной формы (2,50 × 2,25 м),

Рис. 23.
Петроглифы
на вертикальной
плите 22

Рис. 24.
Петроглифы
на плите 23

одна из сторон-плоскостей которой исписана линейно-геометрическими петроглифами. Среди рисунков выделяются трехчленные композиции:

1) антропоморфная «рогатая» фигура в окружении двух зооморфных изображений;

2) антропоморфная фигура с распростертыми руками-крыльями и хвостом, по сторонам от нее имеются следы зооморфных изображений (змей);

3) антропоморфная фигура в окружении двух зооморфных рисунков;

4) антропоморфная рогатая фигура, изображенная в профиль, в окружении двух зооморфных фигур;

5) антропоморфная фигура, стоящая сзади согнутого женского торса (эротическая сцена?) (рис. 23.2);

6) стопо-человекоподобное изображение, перечеркнутое поперек прямой линией;

7) многочисленные бороздки, сгруппированные в определенные количественные ряды. Кроме того, среди описанных петроглифов имеются косые кресты, А- и П-образные знаки (рис. 23.1).

Местонахождение 23

Плита лежит на склоне с юго-западной стороны холма (длина — 2,5 м, ширина — 1,5 м, толщина — 0,7 м). Рисунки находятся на нижней поверхности плиты, в центре которой нанесен большой растянутый крест, а правее — антропоморфное изображение, состоящее из ромбов и треугольников. Руки распростерты, голова выполнена в виде тре-

*Рис. 25.
Петроглифы
в северо-восточной
части грота 25
(«конские плиты»)*

угольников с большими ушами, которые содержат прямые параллельные бороздки. Создается впечатление, что перед нами антропоморфная фигура с руками-крыльями. Слева от центра изображен рыбообразный рисунок по соседству с бороздками, сгруппированными по 1, 2, 3, 4, и несколько треугольников, состоящих из двойных линий с параллельными бороздками по углам внутри фигуры, из трех групп по три бороздки у основания и двух линий вдоль правой стороны (рис. 24).

Местонахождение 24

Плита лежит под углом 45° на южном склоне холма, почти у его подошвы (длина — 2,0 м, ширина — 1,0 м, толщина — 0,6 м), и входит в юго-западную группу местонахождений.

С северо-восточной части плиты находится зооморфное изображение, скорее всего водоплавающей птицы, выполненное большими бороздками с явно воссозданной фигурой и головой, увенчанной рогами (длина — 30 см, высота — 27 см). Вблизи фигуры находятся две группы линейных бороздок — по 4 и 6, рядом выделяется П-образный знак (рис. 18.4).

Местонахождение 25¹

Большая плита лежит у подошвы холма с южной стороны и ориентирована по линии северо-запад — юго-восток (длина — 7,2 м, ширина — 3,1 м, толщина — 1,0–1,4 м). Потолок сферический, сильно обветренный, имеет следы облома верхних слоев песчаника вместе с многочисленными рисунками.

Петроглифы в гроте делятся на две стилистико-стратиграфические группы. Первая расположена в северо-восточной части грота и представляет собой многочисленные линейные малые и большие бороздки, среди которых встречаются небольшие кресты, просверленные ямки (диаметр — 2 × 2 см), А- и Х-образные знаки (рис. 25).

Вторая группа расположена на своде потолка в южной части грота. Среди многочисленных линий-бороздок в левой стороне представлены «древо жизни», решетки, А- и У-образные знаки, большой квадрат (20 × 21 см), перечеркнутый по диагонали крестом. Наиболее интересна правая часть комплекса. В частности, в центре доминирует изображение фигуры низкорослого животного с рогами (длина — 33 см, высота — 12 см), как будто впряженного в колесницу (четыре колеса). Рядом — большая линия-бороздка (длина — 30 см), напоминающая колотушку, на которой расположена фигура, очень похожая на оленя. Здесь же рядом еще одна фигура животного (косуля?), изображенного в летящем галопе с поджатыми ногами (длина — 12 см, высота — 6,5 см). Среди многочисленных петроглифов в этой части грота просматриваются также части туловищ животных, морфологическое определение которых подчас затруднено.

Кроме того, в стороне на «свободном поле» изображены фигура коня (длина — 6,6 см, высота — 10 см) и всадник на коне (длина — 13 см, высота — 10 см) (рис. 26).

Местонахождение 26

Плита (длина — 5,1 м, ширина — 2,2 м, толщина — 0,8 м) находится в вертикальном положении и ориентирована по линии юго-восток —

¹ Группа плит 25–28 — «конские плиты».

*Рис. 26.
Рисунки в
юго-западной
части грота 25
(«конские плиты»)*

северо-запад. Изображения, которые четко подразделяются стратиграфически, расположены на нижней поверхности. Всего можно выделить три группы изображений. Так, первыми на плите появились линейные бороздки, сгруппированные по 4, 7, 10, 15 и т. д.; они есть в левом углу и в центре плиты. Аналогичные бороздки встречаются на плите, расположенной рядом. Они несут следы повреждения, что свидетельствует об их появлении до разлома основного монолита плиты. Среди линейных бороздок в левом углу видны просверленные ямки (диаметр — 1,8–2,0 см), также сгруппированные по 2, 3, 5, и отдельно выделяются находящиеся рядом ямки (всего 38). Особого

внимания заслуживает правая сторона плиты с многочисленными рисунками, появившимися уже после описанных петроглифов.

Ко второй группе относятся солярные знаки (один с лункой в центре) и некоторое количество линейных бороздок, к этой же группе

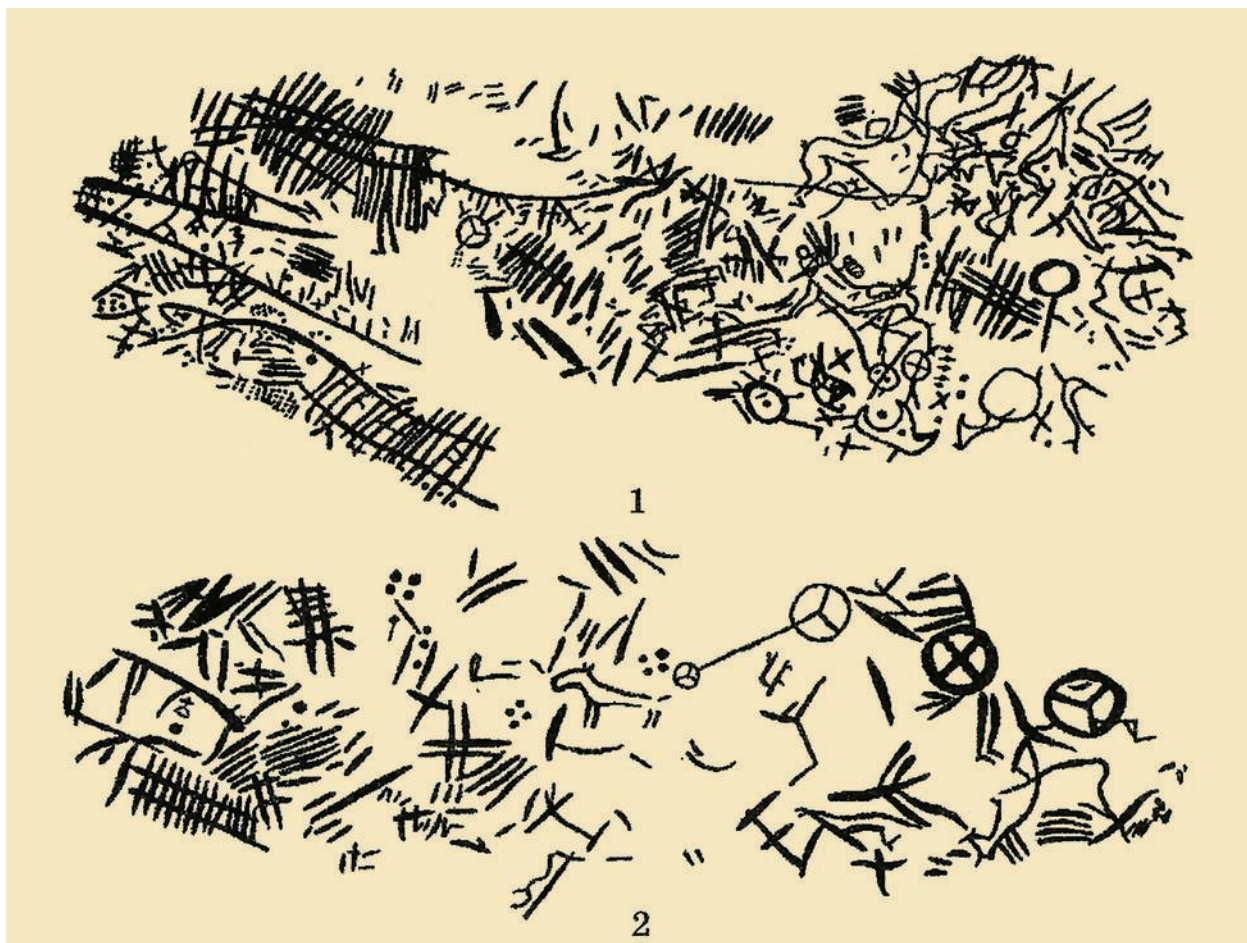

Рис. 27.
Рисунки на
плите 26 (1) и 27 (2)
(«конские плиты»)

следует отнести письмена в виде А-образного знака, сложную шести-лучевую звезду — ★, крестообразный символ, К-, V-, L-, П-образные знаки, две группы ямок, сгруппированные по 2 и 3, а также группу из четырех ямок, соседствующую с маленьким растянутым крестом.

К третьей группе относятся реалистические рисунки семи коней, среди которых воссозданные в правостороннем изображении три фигуры без голов, а под четырьмя лошадьми сзади доминирует фигура жеребца с выделенным фаллосом. В центре этого участка плиты изображены две фигуры оленей: один — с ветвистыми рогами (самец?), на которые нанесен небольшой солярный знак, и второй — фигура с углообразными рогами (самка?). Ниже этих фигур виднеются солярно-лунные знаки и три фигуры животных, среди которых обращают на себя внимание трехлинейный крест и животное массивных очертаний с птичьей головой, в котором угадывается бык, а возможно, конь (рис. 27.1).

Местонахождение 27

Плита (длина — 3,5 м, ширина — 1,1 м, толщина — 0,8 м) находится в вертикальном положении у подошвы местонахождения 26. Изображения на боковой стороне (нижней) по своей сгруппированности напоминают топографию на плите 26. Так, в левой стороне расположены линейные бороздки, сгруппированные по 5, 6, 13, две группы перечеркнуты большими линиями-бороздками, напоминающими своеобразные «лестницы». В центре плиты изображены двухлинейный крест, П-образный знак, фигура животного с высоко поднятыми ушами, внизу — линия-бороздка (столб-дерево?), вокруг которой извивается хтоническое рогатое существо. В правой стороне имеются два солярных знака, разделенных в центре на три части и соединенных между собой прямой линией. Особо выделяются солярный знак (колесо?) с линейно-геометрической приставкой (кузов?), в которой усматривается небесная колесница. Рядом изображен солярный знак, расчлененный на три равные части, с головой змеи в виде вытянутого треугольника, выходящей из обода. Здесь же ниже видны крест, Е-образный знак, древо жизни (?) (рис. 27.2). Следует отметить, что на поверхности плиты 27 в торце находится полиссур, отмеченный М. Я. Рудинским под № 4, появившийся уже после разлома грота.

Местонахождение 28

Плита находится с северо-востока от описанных выше плит 26–27 (длина — 2,5 м, ширина — 2,4 м, толщина — 1,0 м). Рисунки расположены на нижней поверхности. Они немногочисленны, но представляют особый интерес. Так, на фоне линейно-геометрических начертаний даны растянутый крест, решетчатое изображение, малые кресты, схематическая фигура животного, напоминающая по стилю коня с гривой из пещеры Подковы (53), а также большие точки, в двух случаях сгруппированные по 3 и 4.

Особый интерес представляют рисунки животных (лошадей) в правом углу, выполненные в профиль, контуром, тонкой линией. По мнению первых исследователей, кони находятся в «загородках». Второе изображение коня, по определению М. Я. Рудинского, «ржущей кобылицы», воспроизведено в верхней части плиты. Фигура животного

Рис. 28.
Группа рисунков
человеческих стоп
(следов).
1 — грот 44;
2 — грот 49;
3 — грот 28.
Группа
«конские плиты»

выполнена на высоком художественном уровне и может быть отнесена к разряду шедевров первобытного искусства.

Важной особенностью плиты является изображение среди описанных рисунков человеческой стопы-сандалии, перечеркнутой косым крестом с поперечной бороздкой, соседствующей с солярным знаком (рис. 28.3).

Местонахождение 29

Плита (длина — 4,5 м, ширина — 2,5 м, толщина — 1,0 м) расположена на западной окраине Каменной Могилы, на т. н. «выпуклом поле».

Немногочисленные рисунки находятся в юго-западной части плиты и представляют собой две параллельные волнистые линии (длина — 0,9 м). Концы одной из них соединены с горизонтальными бороздками. Здесь же имеются две точки-ямки и несколько бороздок (рис. 29.5).

Местонахождение 30

Плита лежит горизонтально вблизи старого русла р. Секиз, притока Молочной (длина — 3,8 м, ширина — 3,5 м, толщина — 1,2 м). Петроглифы расположены с западной стороны плиты и представлены многочисленными глубокими, но короткими (до 10–14 см) бороздками, сгруппированными по 2, 3, 4, подчас соединенными поперечной линией с левой стороны. Среди указанных рисунков нанесены короткие и широкие бороздки («макароны»), штрихами как бы воссоздающие фигуру животного с хорошо отмеченными передними и задними конечностями, головой, хоботом, бивнями (мамонт?) (рис. 29.1).

Местонахождение 31

Плита лежит горизонтально в старом русле р. Секиз, вблизи полиссуара № 1. Короткие бороздки (11–12 см), сгруппированные по 20, расположены на северной стороне плиты (рис. 29.3).

Местонахождение 32

Плита входит в т. н. дольмен, являясь его левой стороной, камнем (длина — 3,5 м, ширина — 3,5 м, толщина — 1,0 м). На северной стороне камня расположены сильно обветренные гравировки в виде вертикально-параллельных линий.

Местонахождение 33 (Богатырский камень)

Расположено на берегу подового понижения вблизи Каменной Могилы и входит в т. н. дольменообразную группу плит, состоящую из двух лежащих на материковом грунте камней, образующих пространство шириной 1,1 м и перекрытых поперек большой плитой. Исследованиями М. Я. Рудинского обнаружено, что рисунки в виде человеческих рук находятся на восточной плите. Однако раскопки 1990 г. позволили установить следующее.

1. Потолок небольшой пещеры (длина — 4,7 м, ширина — 2,7 м, высота — 0,85–1,0 м) имеет плотный ноздреватый «загар», появившийся явно в результате окисления оксидов железа.

2. Рисунки в виде одной вытянутой «лапы» совершенно иной конфигурации, резко отличающейся от толкования изображения в монографии М. Я. Рудинского, находятся с восточной стороны плиты почти у входа.

3. На расстоянии 2,2 м от входа, на потолке в центре пещеры изображена небольшая лодка (длина — 23 см, высота — 4 см), а под ее килем — стрела с треугольным наконечником (длина — 24 см).

4. С западной стороны пещеры на светлом фоне потолка обнаружены следы (пятна) красной охры, очевидно принадлежащие древнейшему пласту живописных рисунков, вблизи которых изображена антропоморфная фигура, выполненная черной краской типа сажи и напоминающая рисунки из грота 366.

Кроме того, на потолке имеются отдельные небольшие бороздки, разбросанные по всему полю (рис. 29.13).

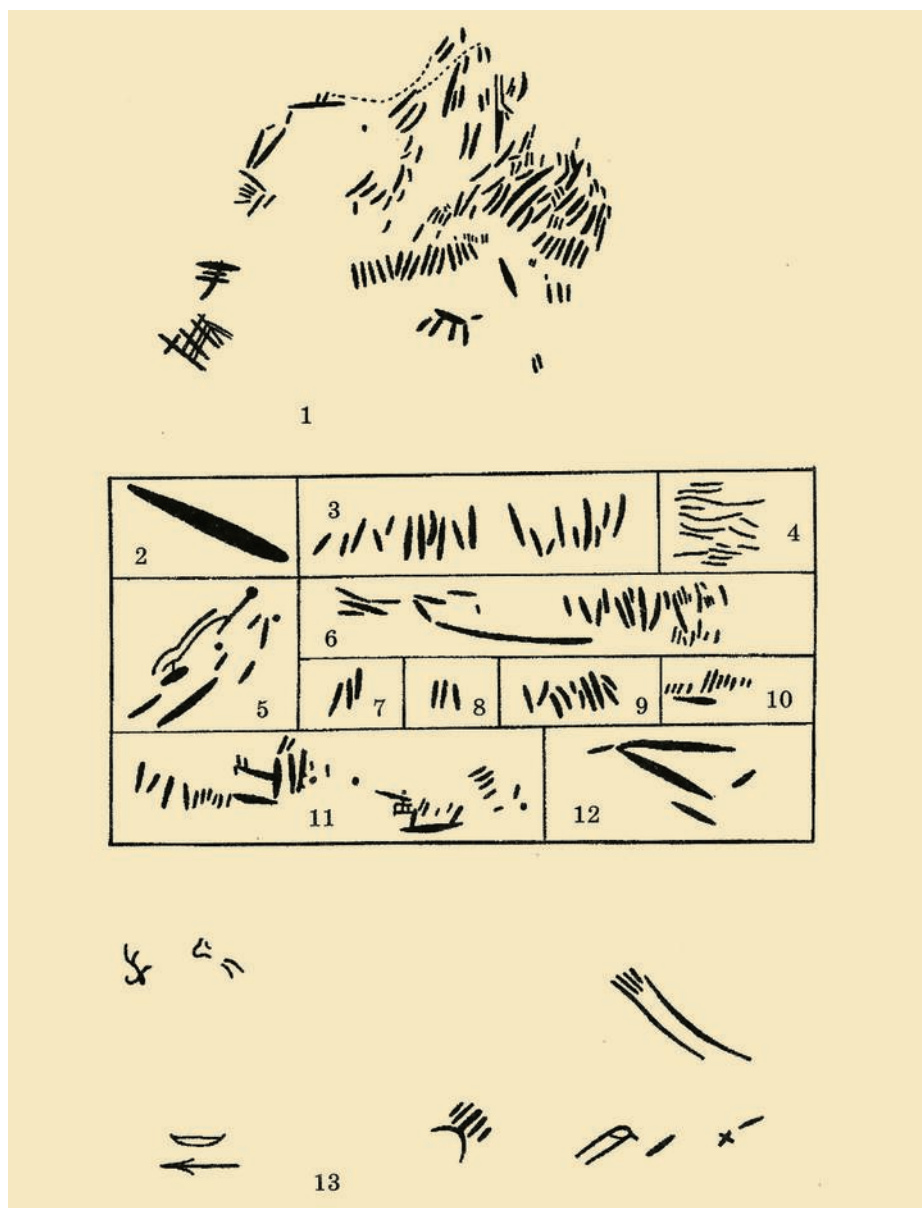

Рис. 29.
Петроглифы
Каменной Могилы.
Местонахождения:
30 (1); 14 (2); 31 (3-4);
29 (5); 38 (6-10);
59 (11); 31 (12); 33 (13)

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 34А, Б

Находится у южной подошвы Каменной Могилы. Плиты малая (3,75 × 2,5 × 0,6 м) и большая (4,5 × 3,25 × 0,7 м) лежат горизонтально, на нижних поверхностях расположены многочисленные изображения человеческих стоп, животного (медведя) и линейных бороздок.

Плита А. На нижней поверхности плиты воспроизведены многочисленные рисунки человеческих стоп — взрослых и детских. Они разбросаны в разной ориентации, большинство из них — явно человеческие, а некоторые, как, например, стопа с четырьмя когтями в центре плиты, принадлежат, возможно, зверю (медведю?).

Примечательно, что изображения стоп находятся среди многочисленных линий-бороздок различной длины, ширины и глубины, которые, как правило, сгруппированы в определенном количестве.

В правом углу воспроизведена фигура животного с опущенной головой, выполненная схематично широкой бороздкой. В левом углу, на входе, расположены А- и Х-образные знаки. На плите среди стоп и бороздок изображены маленькие крестики, точки (рис. 30).

Плита Б. Здесь изображены 12 стоп. По мнению М. Я. Рудинского, среди «босых» стоп с 5 и 6 пальцами есть две «обутые». В центре плиты доминирует большая стопа-сандалия (длина — 35 см), обведенная широким контуром и перечеркнутая линией-бороздкой и вписанной «лестницей». Среди стоп в западной части есть изображение А-образного знака, в центре — лук простого типа (рис. 31).

Местонахождение 35 (Грот «Кабинет Рудинского»)

Плита (длина — 11,0 м, ширина — 6,5 м, толщина — 2,0 м) лежит на юго-восточном склоне холма, почти у его подошвы и поднимается массивным «козырьком» в сторону холма Каменная Могила.

Рисунки, расположенные на нижней поверхности плиты, характеризуются наличием множества протертых в песчанике больших и малых бороздок, крестов, буквенных знаков и занимают площадь 1,5 × 1,5 м. Рисунок в центре напоминает древнейшее рало (рис. 32).

Местонахождение 36а, б (Пещера Бизона)

В 1950-х гг. пещера обследовалась также М. Я. Рудинским. Свой раскоп он ориентировал по линии северо-восток — юго-запад. В результате Рудинский исследовал северную часть плиты (рис. 33), где встретил некоторое количество протертых бороздок [Рудинский 1961, с. 76–77].

В задачу наших исследований входило изучение восточной части плиты. В результате выявлена новая, нижняя пещера (длина — 11,0 м, ширина — 3,73 м, высота — 0,8–1,2 м), образованная в период формирования песчаника среднесарматского яруса, ориентированная по

*Рис. 30.
«Плита следов».
Грот 34а*

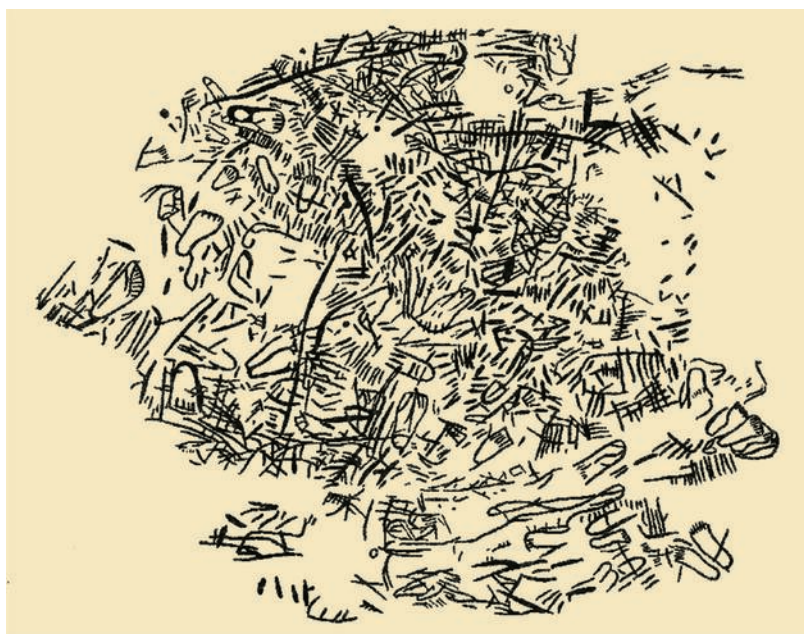

Рис. 31.
«Плита следов».
Грот 34б

линии юг — север (рис. 33). Потолок сферической конфигурации местами имеет небольшие наплывы, поверхность его — коричневатосерого цвета, что, по-видимому, свидетельствует о длительном обветривании. Полость пещеры засыпана песком темно-серого цвета, который стратиграфически хорошо отличается от нетронутого грунта среднесарматского яруса.

В центре нижней пещеры (с западной стороны), под плитой-полом верхней пещеры (36а) обнаружена «штольня» (длина — 3,2 м, ширина — 1,2 м, высота — 0,6 м), заканчивающаяся небольшой округлой полостью (2,0 × 2,5 м), заполненная также слоем темно-серого песка (рис. 33).

На потолке пещеры и в «штольне» обнаружены древние рисунки, выполненные различной техникой и особым стилем. В песке серого цвета выявлены блоки-конкреции с гравировками (чуринги?) (рис. 38.1). Ниже приводим описание рисунков по стратиграфическому соотношению на потолке и по стилистико-типологическому признаку.

ГРУППА I. Расположена в центре потолка пещеры, перед входом в пещеру 36а (рис. 33). Рисунки выполнены черной краской типа сажи в контурном стиле, в технике прокрашивания всей плоскости изображения.

Фигура 1. Воспроизводит диффузное изображение оленя или оленихи (высота — 55 см, длина — 27 см) с большими рогами, в статичной

Рис. 32.
Петроглифы
на плите 35

позе, с повернутой в фас головой. В нижней части фигуры имеются дополнительные ломаные линии, что позволяет, повернувшись на 90°, видеть фигуру оленихи в динамичной позе (высота — 31 см, длина — 45 см) (рис. 34.1–2).

С правой стороны расположены фигура лучника (высота — 6 см) (рис. 34.2), голова и часть туловища животного (лось?) (высота — 8 см, длина — 6 см), ниже имеется изображение водоплавающей птицы (лебедь?) (высота — 11,5 см, длина — 10,5 см) (рис. 35).

Группа II. Рисунки в технике гравировки выполнены тонким острым орудием, перекрывая голову водоплавающей птицы и фрагменты несохранившихся рисунков, выполненных черной краской (рис. 35).

Фигура 1. Изображение мамонта (длина — 27,5 см, высота — 24,0 см). Древним художником использованы естественные неровности на потолке пещеры. Голова и спина переданы с использованием бороздок-линий и неглубокого рельефа потолка. Голова изображена в виде двух острых углов, расположенных один над другим и соединенных между собой, что подчеркивает ее форму: — большие уши, опущенный хобот и небольшие бивни. Спина и туловище покрыты многочисленными горизонтально-вертикальными линиями-гравировками, что воспроизводит, видимо, волосяной покров животного. В этой же технике нанесены линиями-пучками передние и задние столбовидные конечности (рис. 36.2).

Фигура 2. Расположена над мамонтом, имеет вид летящей птицы с длинной головой и клювом, вытянутой шеей, распростертыми крыльями (длина — 21 см, высота — 19 см) (рис. 36.2).

Фигура 3. Находится слева от птицы и изображает бизона с высокой холкой и малыми рогами (высота — 9 см, ширина — 12 см). Рисунок выполнен силуэтом, в статичной позе, штриховой техникой (рис. 36.2).

Фигура 4. Над головой мамонта расположены две волнистые линии, явно воссоздающие змей (рис. 36.2).

Группа III. Рисунки находятся в северо-восточном углу пещеры и выполнены различной техникой и особым стилем.

Фигура 1. Воспроизводит сидящую женщину (высота — 21 см) с непомерно подчеркнутым торсом и подогнутыми в коленях ногами. Правая нога повернута в фас и опущена носком вниз, а левая еще более согнута с вытянутым носком и поднятой пяткой. Туловище женщины с вытянутой рукой и намеченной головой незначительно откинута назад (рис. 34.4). Рисунок выполнен черной краской по всей площади фигуры.

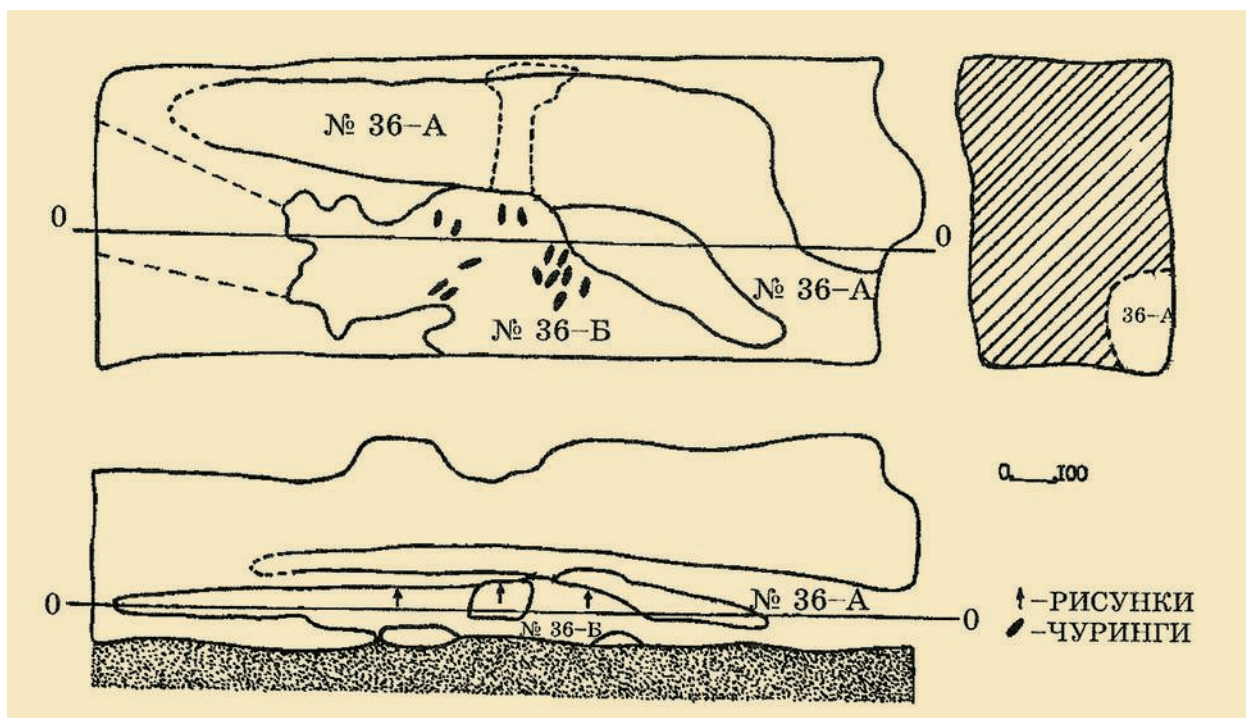
Фигура 2. Принадлежит собаке (?) с поднятым хвостом (высота — 7 см, длина — 8 см), в стойке. Рисунок выполнен темно-коричневой краской и расположен «вверх ногами» под фигурой женщины (рис. 34.4).

Фигура 3. Расположена справа от сидящей женщины, изображает человека в динамичной позе (бегущий?), с намеченной головой и ногами (высота — 14 см). Рисунок выполнен черной краской (рис. 34.4).

Фигура 4. Расположена впереди сидящей женщины и представляет собой изображение человека с фаллосом, в динамичной позе, с расставленными конечностями и поднятой с палкой правой рукой (высота — 12 см) — (рис. 34.4).

Фигура 5. Выполнена точечной техникой, нанесена на фигуру сидящей женщины (фигура 1) и мужчины с фаллосом (фигура 4). Воспроизводит животного (носорога?) с низкой посадкой корпуса, короткими ногами в виде небольших линий под углом в 45–50°, большой головой и вертикальным рогом (длина — 32,5 см, высота — 11,5 см) — (рис. 34.4).

Рис. 33.
План и профиль
пещеры Бизона (36а, б)

Группа IV. Перед входом в «штольню» расположены рисунки, выполненные тонкими гравировками, среди которых изображено животное с овальной головой (сайгак или лось?). Задние ноги животного проткнуты гарпунообразным орудием (рис. 34.5).

Группа V. В «штольне» на потолке с естественными выпуклостями нанесен тонким орудием рисунок в виде женского символа (высота — 13 см, ширина — 13 см) подтреугольной формы (рис. 34.3).

Группа VI. В глубине «штольни», в своеобразной нише округлой формы с витиеватым потолком-наплывом, как бы на карнизе нанесен линейно-геометрический рисунок в виде вертикально-волнистых линий (26–32 см). С левой стороны как будто просматривается женский торс с отвислой грудью, а внизу нанесено 5 вертикальных черточек (рис. 34.6).

В песке светло-серого цвета (мощность — до 0,8–1 м) найдены 18 песчаниковых плиток-конкреций, среди которых имеются обработанные — в виде скульптур животных и рыб с линейно-геометрическими и антропоморфными изображениями.

Чурина 1 (длина — 15,5 см, ширина — 9,0 см, толщина — 5,5 см). Миндалевидной формы, с двух сторон нанесены линейно-геометрические изображения. На одной из сторон, в левой части, явно передан женский торс (рис. 37.1).

Чурина 2 (длина — 11,5 см, ширина — 7,5 см, толщина — 5 см). На лицевой и обратной сторонах имеются линейно-геометрические рисунки. По краю и в центре лицевой стороны расположены 16 ямок различной глубины и диаметра (рис. 37.2–37.3).

Рис. 34.
Пещера Бизона (366):
1–2 — олень-олениха;
3 — геометрическая
фигура;
4 — женщина на
животном (носорог);
5 — «летающий» баран;
6 — антропоморфные
фигуры без голов и
линейно-
геометрические
рисунки

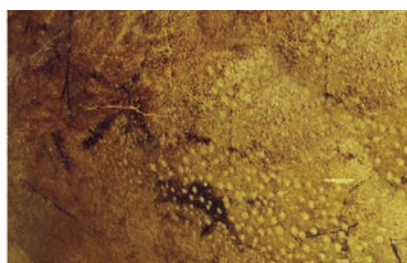
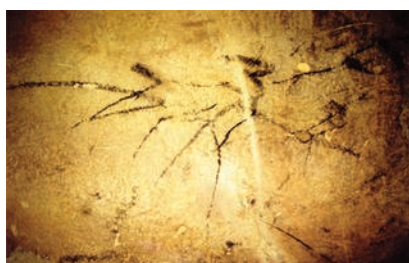

Рис. 35.
Пещера Бизона (366).
Ситуативный план
центральной части
изображений

Чурина 3 (длина — 16 см, ширина — 10,5 см, толщина — 2,5 см). Плоской овальной формы, с левой стороны по краю нанесены три горизонтальные бороздки (длина — 2,0–2,5 см) и одна вертикальная. С правой стороны поля нанесены две ямки (рис. 37.4).

Чурина 4 (длина — 22 см, ширина — 17,5 см, толщина — 3 см). Плоской овальной формы, на лицевой стороне в нижней части видны линейно-геометрические изображения, среди которых — ярко выраженный женский торс (рис. 37.5).

Чурина 5 (длина — 15,2 см, толщина — 4,2 см). Конусовидной формы, напоминает фаллос, вдоль которого по всей длине расположены косые бороздки (длина — 1,2–3 см) под углом 45° (рис. 37.6).

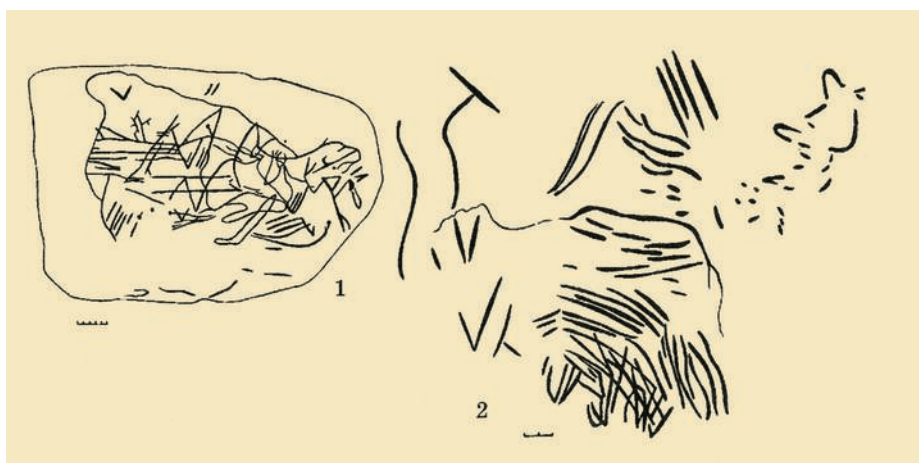

Рис. 36
Пещера Бизона (366):
1 — блок-плита с
изображениями;
2 — фигуры
животных: мамонта,
птицы, змеи, бизона

Чурина 6 (длина — 12,5 см, ширина — 10,3 см, толщина — 5,5 см). Имеет овальную форму, плоская, массивная (фаллос?). На одной из сторон имеются линейно-геометрические изображения в виде глубоких и широких бороздок (рис. 37.7).

Чурина 7 (длина — 21,0 см, ширина — 16,0 см, толщина — 2,5–8,5 см). Представляет собой голову животного или рыбы (?), где с краю с правой стороны расположены линейно-горизонтальные бороздки, а сверху нанесена падающая бороздка под углом 10–15°. С правой стороны имеется ямка (глаз?) (рис. 37.8).

Чурина 8 (длина — 12,0 см, ширина — 15,0 см, толщина — 3,5 см). Имеет подквадратную форму, на лицевой стороне расположены линейно-геометрические гравировки (рис. 37.9).

Чурина 9 (длина — 10,5 см, ширина — 6,5 см, толщина — 1,5 см). Имеет ромбовидную форму, с двух сторон нанесены линейно-геометрические рисунки. На одной из сторон — вертикальные бороздки и линейно-геометрические гравировки, напоминающие голову животного или рыбы (?) (рис. 37.10).

Чурина 10 (длина — 19,0 см, ширина — 12,5 см, толщина — 4,3 см). Овальной формы с вертикальными бороздками в нижней части (рис. 37.11).

Чурина 11 (длина — 9,3 см, ширина — 7,0 см, толщина — 2,3 см). Овальной формы, в правой стороне имеется короткая, широкая и глубокая вертикальная бороздка (рис. 37.12).

Чурина 12 (длина — 6,5 см, ширина — 6,5 см, толщина — 4,5 см). На лицевой стороне видны три острых угла, прямые и дугообразные линии (рис. 37.13).

Чурина 13. Небольшая плитка (длина — 18 см, ширина — 6 см), напоминающая своеобразную скульптуру животного, расписана вертикальными бороздками (рис. 37.14).

Чурина 14. Небольшая вытянутая плитка (длина — 24 см, высота — 9 см), своей конфигурацией также напоминающая фигуру животного. На лицевой стороне имеются многочисленные гравировки, выполненные тонким орудием (рис. 37.15).

Чурина 15 (длина — 15,5 см, ширина — 4,5 см, толщина — 4,5 см). Овально-вытянутой формы, напоминает морду животного. На затылке с двух сторон по краю имеются многочисленные перекрещивающиеся

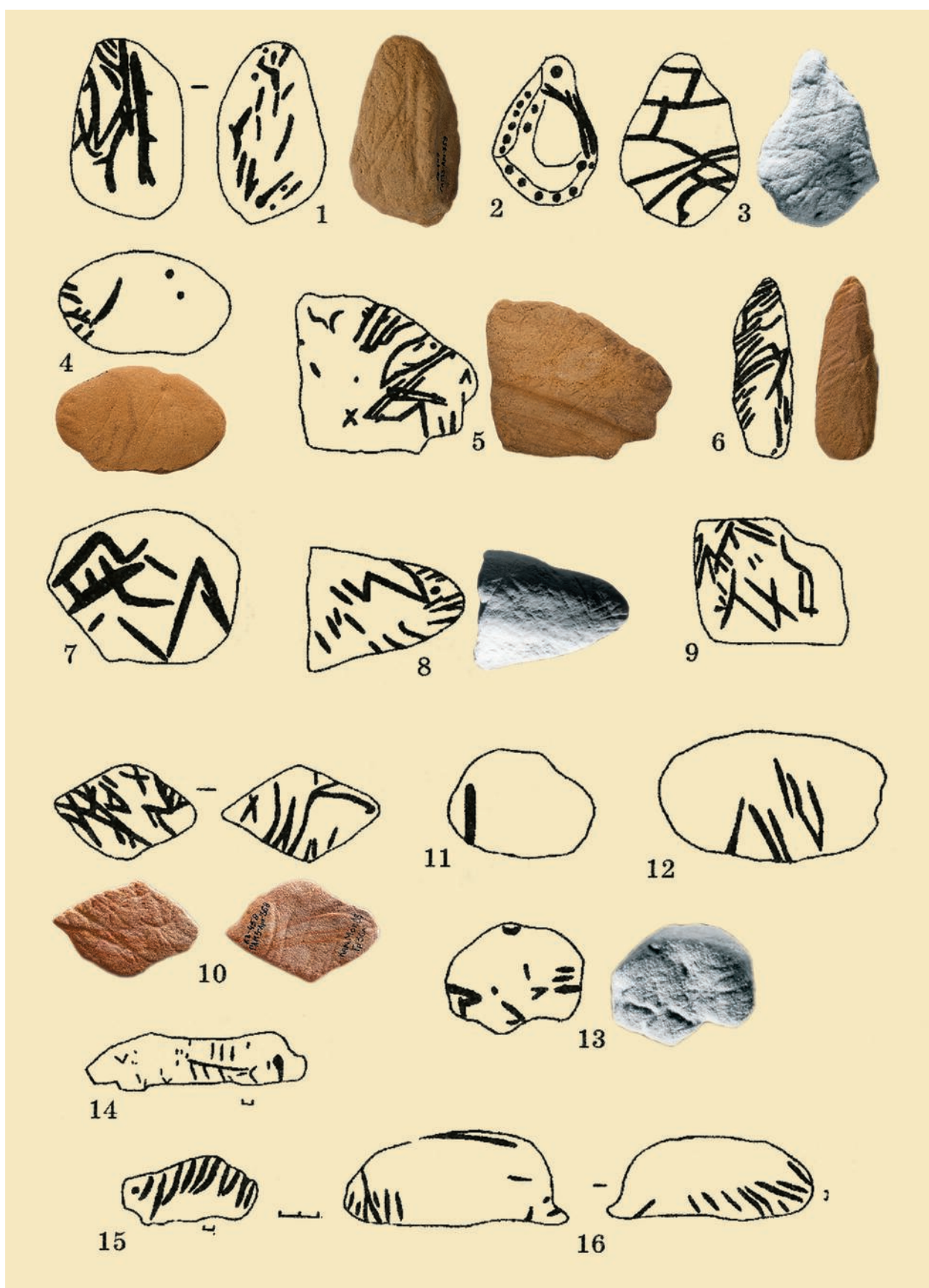

Рис. 37.
Пещера Бизона (366):
1-16 — плиты-блоки с
изображениями

линейные бороздки, как бы передающие шерсть. На лицевой стороне на выпуклостях нанесены единичные бороздки, а на носу расположены две ямки, явно напоминающие ноздри животного (рис. 37.16).

Скульптура 1 (длина — 20,5 см, ширина — 7,0 см, толщина — 3,0 см). Овальной миндалевидной формы, передает форму рыбы. В фас воспроизведен рот двумя горизонтальными короткими бороздками (1,8–2,0 см), а в верхней части имеются плавники, выходящие на противоположную сторону (рис. 38.2).

Скульптура 2. Плитка подтреугольной формы с очевидными следами шлифования, в результате которого появилась форма морды рыбы или животного (10 × 16 см).

На потолок нанесены многочисленные бороздки, рот проработан горизонтальной линией (рис. 38.4).

(См. также описание двух фигур из пещеры Бизона, по каким-то причинам помещенные автором монографии в раздел о скульптуре из пещеры Козы и определенные им как «фигура № 9» и «фигура № 10») (с. 144, рис. 38.1 и 3). — *Примеч. отв. ред.*)

Блок-плитка (длина — 67 см, ширина — 33 см). На лицевой стороне расположены многочисленные гравировки, среди которых просматриваются фигуры животных (бык, корова, олень?), выполненные в суперпозиции (рис. 36.1).

Местонахождение 37 (Грот «Супруги быков»)

Плита (длина — 5,75 м, ширина — 7,0 м, толщина — 1,2–2,5 м) массивная, выступает из толщ песка на восточном склоне холма.

Рис. 38.
Пещера Бизона (366):
1–4 — зооморфные
фигуры-скульптуры

Рис. 39.
Рисунки
из грота 37 (2)
и 48а (1).
Группа «Супруги быков»

Вход (0,8 × 1,7 м) находится с западной стороны и, расширяясь к востоку, образует своеобразную пещеру. Потолок сферических очертаний имеет карнизы-наплывы и ниши, на которых расположены петроглифы.

Рисунки под плитой концентрируются в трех пунктах, однако к одному из них следует добавить т. н. местонахождение на плите 48а [Рудинський 1961, табл. XXIX, фиг. I].

Наши наблюдения позволили установить, что петроглифы нанесены в несколько приемов. Первыми рисунками были широкие и глубокие бороздки, образующие как будто фигуры или фрагменты фигур животных (рис. 18.7). Во вторую очередь нанесены линейно-геометрические рисунки, расположенные в левой стороне плиты 48 (по Рудинскому), состоящие из различных комбинаций, солярного знака с расходящимися лучами в нижней части, креста, животного, П- и А-образного знаков. Более поздние изображения — это «супруга быков» в соседстве со змеей (рис. 39).

Вторая композиционная группа находится в центре пещеры на небольшом узком карнизе: решетчатые квадраты, бороздки, перечеркнутые поперечными линиями, кресты, лапоподобные изображения, явно связанные со второй группой рисунков (рис. 40.3).

Третья — и наиболее самостоятельная — северная группа представляет интерес тем, что здесь изображены две «супруги быков» с земледельческими орудиями на фоне многочисленных бороздок, сгруппированных по 2 и 4 (тут же расположен П-образный знак) и перечеркнутых большим растянутым крестом (рис. 40.1). Рядом находятся линейно-вертикальные бороздки, точки, среди которых внизу расположена зооморфная фигура (рис. 40.2).

Следует отметить, что в датировке описанных петроглифов большое значение имеет найденный Б. Ф. Копыловым сосуд, датируемый ранним периодом поздней бронзы, ныне хранящийся в фондах Института археологии Национальной академии наук Украины и не уч-

тенный ни в одной из публикаций исследователей, о которых было сказано в главе 2-й.

Местонахождение 38

Плита (12,5 × 2,3 × 3,8 м) находится на северной окраине холма Каменной Могилы, ранее представляла собой огромный козырек грота и соединялась с плитами 7, 6, 5. Петроглифы-бороздки находятся в небольших расщелинах, явно соотносясь во времени с линейными бороздками грота № 7, и сгруппированы по 3, 9, 12 (рис. 29.4, 6–11).

Местонахождение 39

Плита лежит вблизи местонахождений 37 и 38. Изображения в виде бороздок выполнены поверхностным штрихом, расположены на

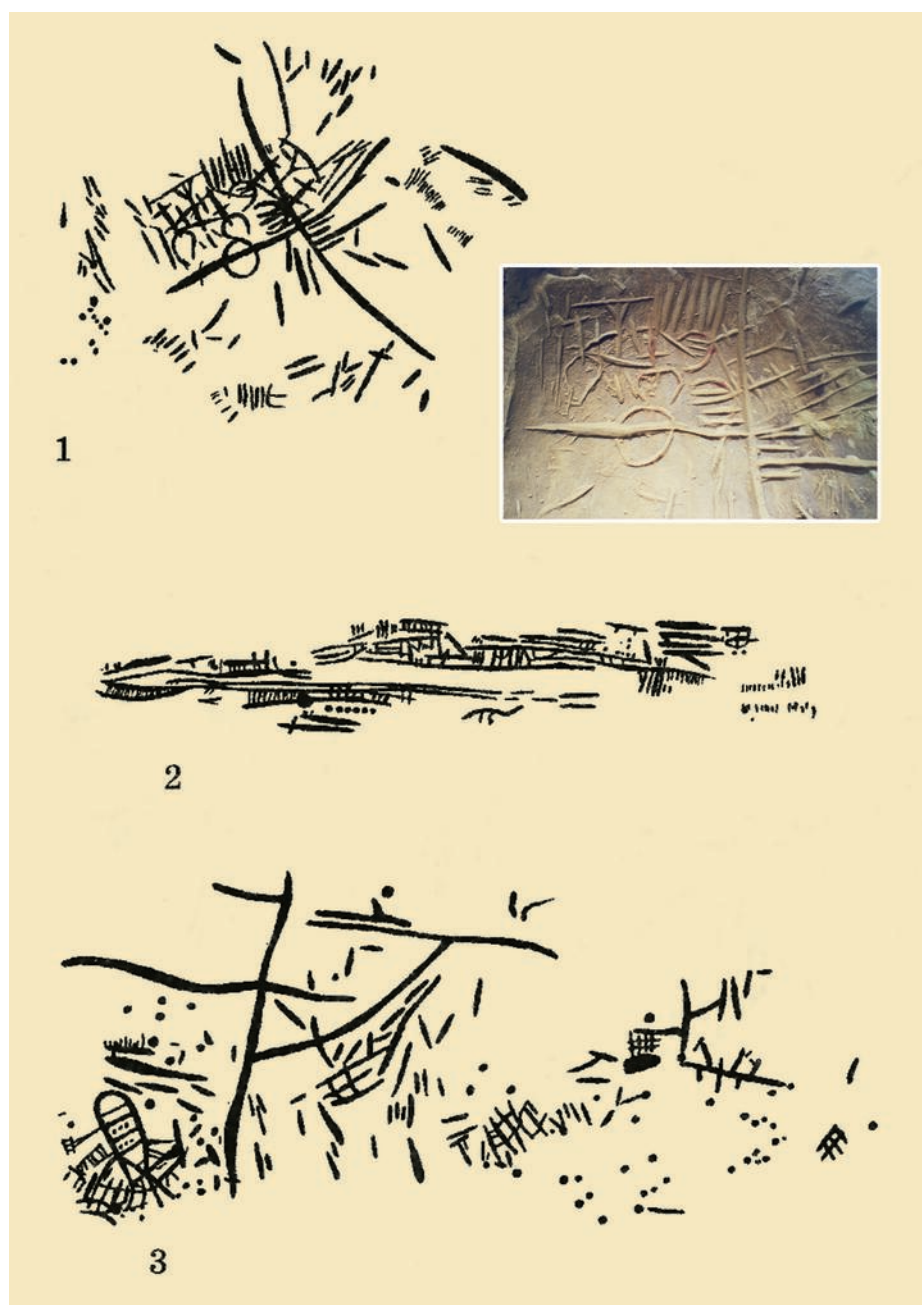

Рис. 40.
Восточная
группа плит
«Супряги быков»:
1–3 — плита 37

нижней поверхности плиты. Они сгруппированы по 2, 3, 5 и более бороздок. В центре расположена фигура животного (лошадь?), выполненная прямыми вертикальными линиями (рис. 18.1).

Местонахождение 40

Небольшая плита, размера которой М. Я. Рудинский не приводит¹. Ее фрагменты найдены между гротами № 5 и № 9, на небольшой площадке, являвшейся, по-видимому, полом крупного карниза, образованного в период формирования каменногогильского холма и разрушенного уже в эпоху бронзы.

На «загорелой» поверхности плиты нанесено большое количество преимущественно вертикальных бороздок, среди которых в левой стороне выделяется змееподобная фигура, а в центре рисунок — «лестница» и крест. Интерес представляет также фигура животного, воспроизводящая быка или корову с опущенной вперед головой и слабодугообразными рогами (рис. 41).

Местонахождение 41

Плита на склоне холма находится между плитами 15–16 и 19. Размер — 1,7 × 1,4 м, толщина — до 0,4–0,5 м. В результате очистки от песка и освобождения от своеобразного перекрытия, образованного в связи с расширением грота, получена следующая картина.

На поверхности плиты с северо-западной стороны нанесены линейные бороздки (группа из 6 шт.), обрамленные неправильной рамкой подпрямоугольных очертаний. Вверху слева и справа имеются линейные бороздки и линейно-геометрические начертания, в правой стороне — явно письмена, среди которых — V-образный знак, четыре вертикальные короткие бороздки и X-образный знак с отростком внизу (рис. 18.3).

Местонахождение 42

Плита (2,5 × 4,2 × 1 м) лежит у юго-западной подошвы холма. Рисунки в виде двух бороздок (длина — 15 см) расположены на нижней поверхности, на расстоянии 1,1 см от края.

Местонахождение 43

Плита (8,5 × 7 × 2 м) лежит с южной стороны подошвы Каменной Могилы. Петроглифы представляют собой две линейно-геометрические фигуры.

Местонахождение 44

Расположено к востоку от плит 33 и 43. Плита (4 × 4 × 1,25 м) лежит горизонтально на материковом грунте. Петроглифы нанесены на площадь 1,75 × 1 м и представляют собой три изображения человеческих стоп, направленных в разные стороны. Линейные бороздки сгруппированы по 2, 3, 9 и более штук (рис. 28.1).

Местонахождение 45

Массивная плита (6,5 × 4 × 1,5 м) находится на восточном склоне холма. Рисунки расположены с северо-восточной стороны на площади 1,2 × 0,5 м и представляют собой линейно-решетчатые фигуры (рис. 18.5).

¹ Хранится в Институте археологии НАН Украины.

*Рис. 41.
Изображение быка
в зарослях
на плите 40*

Местонахождение 46

Плита, лежащая на восточной оконечности холма (длина — 5,6 м, ширина — 5,6 м, толщина — 2–2,5 м), входит в группу местонахождений 37 и 48. Вход в пещеру находится в большой расщелине между плитой 46 и восточной плитой (безымянной). На стенках пещеры имеются следы полировки (20 × 20 см), образовавшейся, по мнению М. Я. Рудинского, в результате «многочисленного протискивания через ровную поверхность разлома» древнего человека [Рудинский 1961, с. 84].

Петроглифы этого местонахождения стратиграфически и стилистически делятся на следующие группы (рис. 42).

1. Рисунки, выполненные длинными вертикальными бороздками, образующие фигуры двух животных, стоящих головами друг напротив друга.

2. Петроглифы в виде многочисленных бороздок, по-разному сгруппированных, подчас перечеркнутых прямой линией; среди них — кресты и другие линейно-геометрические изображения, в центре — «древо жизни».

3. Фигура животного, выполненная широкой линией-бороздкой, наложена на петроглифы группы, доминируя над ними (медведь?).

4. «Супруги быков», расположенные в глубине пещеры. Фигуры быков нанесены в верхней проекции. Рога — полумесяцы, туловище — прямая линия-бороздка, перечеркнутая двумя короткими бороздками, передающими конечности животных. Сзади фигур быков изображено рало в виде угла, соединенного рукояткой. Впереди животных — небольшой крест, точки, ямки, дважды сгруппированные по 2 и 4; вблизи видны короткие бороздки, соединенные прямой линией. Рядом изображена змея, голова которой отмечена в виде угла-рога.

Еще одна (западная) группа рисунков содержит многочисленные бороздки различной длины, ширины и глубины, среди которых просматриваются четыре растянутых креста, решетчатый квадрат, лодка с «лестницей» (рис. 43).

Местонахождение 47

Плита расположена с восточной стороны плиты 37 и представляла в древности единое с ней целое (длина — 6,75 м, ширина — 5,5 м, толщина — 3 м).

Рисунки в виде коротких и широких бороздок находятся с западной стороны и, судя по технике и стилю, принадлежат к группе петроглифов из местонахождения 48 (по М. Я. Рудинскому) (рис. 39.1).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 48

Группа рисунков-бороздок на плите 48а, б выделена М. Я. Рудинским в самостоятельное местонахождение (хотя являлась частью группы рисунков на плите 37) (рис. 18.2, 39.1), отнесена нами к плите 37.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 49

Плита находится на северо-восточном склоне холма, имеет следы сильного разрушения — выветривания (9 × 6,5 × 1,5–2,8 м). Петроглифы,

Рис. 42.
Изображения
из грота 46
(I группа).
Группа
«Супряги быков»

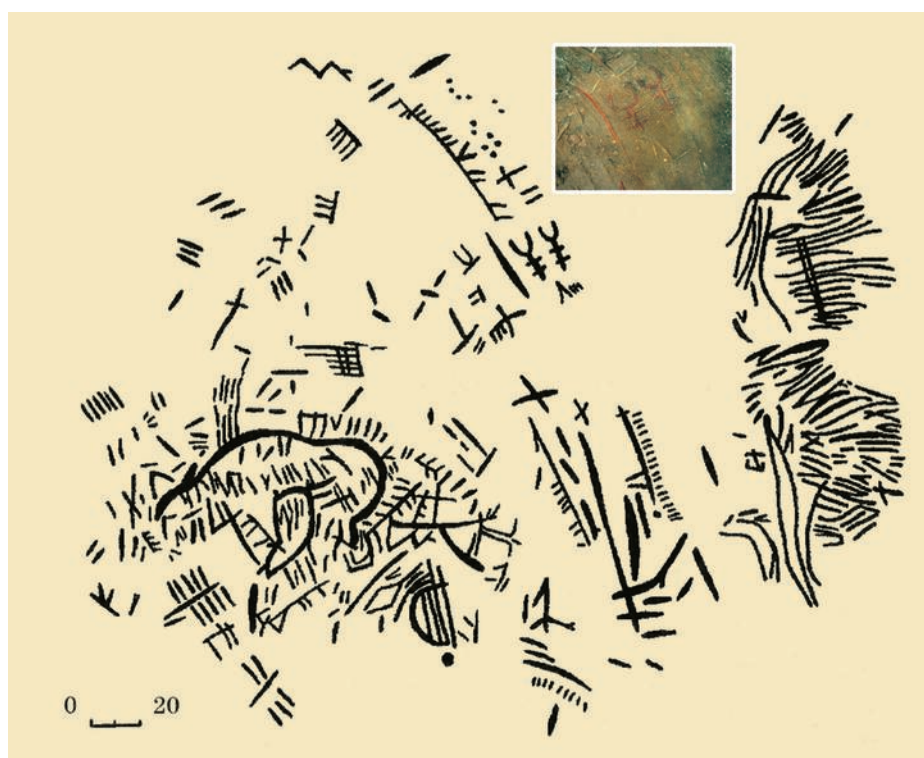

Рис. 43.
Линейно-
геометрические
рисунки из грота 46
(II группа)

расположенные на площади 2×2 м, можно сгруппировать следующим образом: 1 — линейные бороздки, сгруппированные по 2, 3, 4 шт.; 2 — два лабриса; 3 — С-образный знак; 4 — четыре человеческие (босые) стопы в правом углу, как бы идущие вправо (рис. 28.2).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 50

Плита расположена у подошвы на северной стороне, вблизи полиссуара 8 и плиты 38. Размеры: $6,6 \times 5,0 \times 1,8$ м. Рисунки в виде V-образного знака и трех бороздок находятся в глубине подкопа (2 м) (рис. 29.12).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 51а

Грот расположен с южной стороны известного грота Быка и представляет собой небольшой козырек, под которым в толще монолита имеются полости-карманы (длина — 8 м, ширина — 3,75 м, толщина — 2,7 м). Они прослеживаются как на уровне плиты, так и в толще песчаника (1-й — на глубине 1,2 м, шириной 1,5 м, высотой 0,2–0,4 м; 2-й — на глубине — 0,75 м, шириной 1,2 м, высотой от 0,1 до 0,2 м; 3-й — на глубине 1,1 м от уровня плиты, шириной 1,6 м, высотой до 0,6 м) (рис. 44).

К гроту с западной стороны примыкает плита (длина — 2,9 м, ширина — 3,3 м, толщина — 1,2–1,3 м), которая откололась от основного монолита и несет по краю на разломе следы вертикальных бороздок. Аналогичные бороздки есть на карнизах (рис. 18.8).

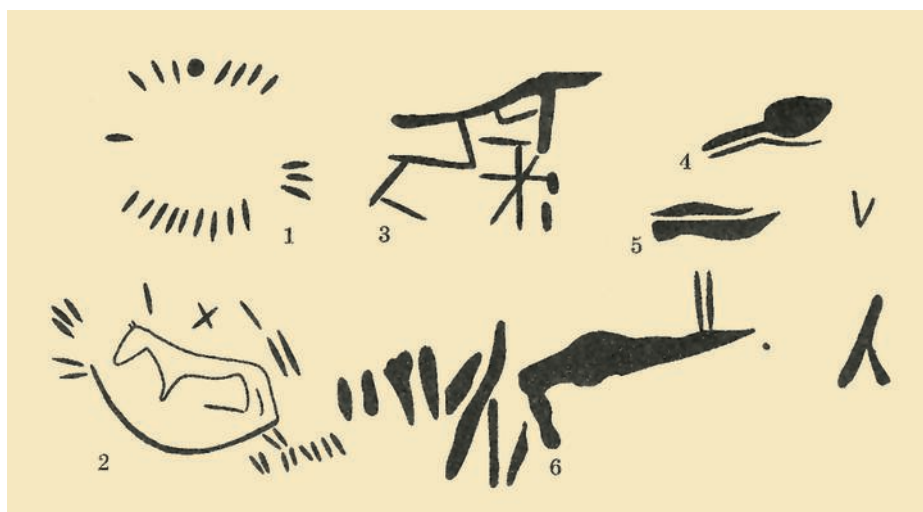
На плоскости плиты расположены по кругу бороздки, в центре имеется обрамленное линейно-вертикальными рисунками углубление (36×40 см), что указывает на использование его в качестве очага (рис. 44, 45.1). По всей видимости, перед нами древний алтарь, в пользу чего свидетельствуют реалистические рисунки и символы.

Так, на плоскости первого «кармана» изображены фигура коня в овальном обрамлении и линейно-геометрические начертания (рис. 45.2),

*Рис. 44.
Грот 51а:
общий вид
грота-алтаря
эпохи ранней бронзы*

Рис. 45.
Грот 51:
1 — обрамление
жертвенника;
2 — фигура коня;
3 — геометрические
фигуры;
4–5 — ложкоподобные
изображения;
6 — фигура животного

а в глубине — ложкоподобный рисунок (рис. 45.4). Ниже, на втором карнизе, изображена фигура животного, возможно коня, в линейно-геометрическом стиле (рис. 45.3). Вблизи имеется еще одно ложкообразное изображение (рис. 45.5). На нижней поверхности плиты-монолита — фигура быка, выполненная в технике глубокого протирания, с вертикальными рогами и отсутствующими передними конечностями; рядом с ним (впереди) находится вилкообразное изображение (рис. 45.6).

В расщелине между плитами В. Н. Даниленко были найдены три миниатюрных сегмента, пластинчатые остроконечники с краевой и чешуйчатой ретушью, наконечники дротиков и стрел вытянутой подтреугольной формы, скребки на пластине и отщепах, обломок молотка, отбойник и т. д., а нами на глубине 120–160 см — ножевидная пластина, сегмент миниатюрный, обломок топора-молотка. Все описанные предметы, по заключению В. Н. Даниленко, соотносятся с материалами майкопской культуры [Даниленко 1986, с. 70].

Местонахождение 51б (Пещера Мистерий)

Находится в своеобразной полости-кармане, являющейся продолжением грота 51а. Потолок пещеры имеет сферическую поверхность и сильно обветрен. На отметке 5–6 метров находится «панно» из многочисленных рисунков-гравировок, которые составляют композиционную группу, вытянутую по линии север–юг (ширина — 10,4 см, высота — 70 см) (рис. 46).

Фигура 1¹. Расположена в левой стороне композиции и воссоздает упрощенный образ мамонта-слона (высота — 15,5 см) в статичной позиции, без бивней и волосяного покрова. На задней части туловища животного нанесены зигзагообразные знаки, на голове — дугообразная линия. Внизу, под ногами мамонта-слона, находятся многочисленные линейно-горизонтальные начертания, за ними расположены рисунки в суперпозиции, в которых прослеживаются образы людей и животных.

Фигура 2. Находится под фигурой 1 и передает уменьшенную фигуру мамонта (высота — 10 см) в позиции полуфаса с хорошо подчеркнутыми

¹ Нумерация по рис. 46.

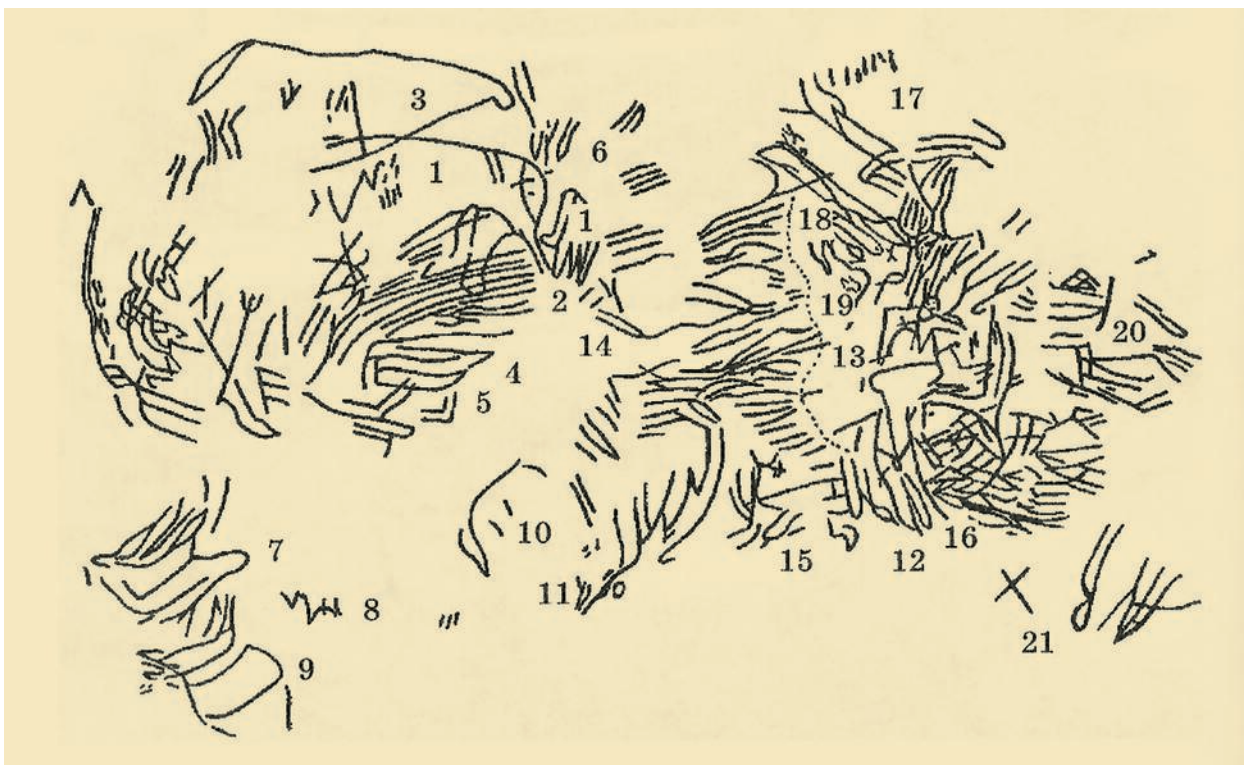

Рис. 46.
Рисунки
из пещеры
Мистерий (516)

тыми головой, хвостом и конечностями. У ног животного, как и у предшествующей фигуры, — линейно-горизонтальные начертания.

Фигура 3. Расположена под фигурой 1 и изображает крупное животное с маленькой головой. Вероятно, в этой фигуре следует видеть коня (высота — 12,5 см, длина — 31 см).

Фигуры 4–5. Фигуры двух животных (высота — 6,5 см) находятся под фигурами 1 и 2, напоминают оленей или ланей с острыми мордами. Верхняя фигура имеет вытянутые назад линии — рога; нижняя изображена с согнутыми в коленях конечностями, то есть как бы в летящем галопе.

Фигура 6. Находится впереди изображения коня (?), выполнена фрагментами-линиями и напоминает оленя с высокими рогами. Конечности животного переданы вертикальными бороздками (высота — 12 см).

Фигура 7. Олень, изображен снизу от описанной композиции. Фигура овально-геометрических очертаний, морда вытянута вверх, овальная, рога «уходят» назад. Под ногами оленя расположен рисунок зооморфных очертаний (высота — 6 см, длина — 13 см).

Фигура 8. Расположена под фигурой 7 и представляет собой, вероятно, оленя с квадратно-овальным туловищем. Голова массивная, с ветвистыми рогами (высота — 12–14 см, длина — 10–11 см).

Фигура 9. Небольшая фигура, вероятно коня или оленя (высота — 3,5 см, длина — 6,0 см), находится вблизи фигур 7–8. Выполнена единой ломаной дугообразной линией. Рога в виде угла переходят в дугообразное туловище, создавая впечатление, что животное бодается.

Фигура 10. Расположена в центре композиции. Фигура животного выполнена контурной линией, воссоздающей спину, голову и рога.

Внизу под брюхом нанесены две небольшие бороздки-конечности (?) (высота — 5 см, длина — 12 см).

Фигура 11. Выполнена вблизи рисунка 10 и находится по отношению к нему как бы в перевернутом положении. Размашистыми дугообразными линиями передан образ медведя с приоткрытой пастью и ниспадающим волосяным покровом (высота — 16 см, длина — 24 см).

Фигура 12. В центре многочисленных линейно-геометрических начертаний просматривается фигура антропоморфного вида (высота — 18,5 см). В фас обозначена человеческая фигура с набедренной повязкой в маске медведя или пещерного льва (?). С левой стороны в первую фигуру вписано еще одно существо, изображенное в профиль, с хвостом и фаллосом. Возможно, в этом рисунке следует видеть колдуна-шамана.

Фигура 13. Изображена над фигурой 12. Рисунок напоминает оленя с лунообразными большими рогами, на голову которого наложено щитоподобное изображение. Фигура выполнена угловатыми и дугообразными линиями (высота — 6,5 см, длина — 3,5 см).

Фигура 14. Расположена в центре всей композиции и представляет собой изогнутое антропоморфное изображение с рогами и двумя конечностями. Вероятно, этот рисунок воспроизводит колдуна (высота — 19 см). Рядом находится множество линейных начертаний, которые, на наш взгляд, в рельефе представляют фрагменты женских и мужских фигур. Высота — от 3–4 до 20 см.

Фигура 15. Рисунок представляет собой изображение оленя с высокими рогами и короткой мордой (высота — 8,5 см). При повороте угадываются новые изображения животных, то есть в суперпозиции прослеживается множественность образов.

Фигура 16. Расположена с правой стороны от фигуры 12. Представляет собой «клетчатое» зооморфное изображение, в котором прослеживается фигура животного с большими рогами (олень?) (высота — 9 см).

Фигура 17. Выполнена в верхней части композиции и напоминает антропоморфную фигуру с рогами (высота — 16 см), у ног которой находятся две фигуры животных (длина — 14 см).

Фигура 18. Расположена перед вышеописанным рисунком 17. Хорошо проработаны конечности (ноги), однако голова отсутствует (высота — 18 см).

Фигура 19. Расположена в центре композиции, выше рисунка 13. Выполнена одной изогнутой линией с подчеркиванием согнутого округлого таза (женского?) и головы с рогами (высота — 10 см). В области таза изображена фигурка маленького животного (длина — 2 см).

Фигура 20. Расположена на правой стороне всей композиции и воссоздает рисунок животного (олень?) (высота — 14 см), над которым изображены очертания женского таза (высота — 9 см).

Фигура 21. Группа рисунков, расположенная в стороне от центральной композиции на своде пещеры (высота — 4, 5, 12, 10 см), состоит из трех знаков — «письмен» (крест, «антропоморфное изображение» и «решетка»).

Фигура 22. Рисунок животного — «единорога», напоминающего быка или кабана, расположен к западу от изображения коня (46.3) (длина — 32 см, высота — 17,5 см), то есть доминирует над всей композицией. Выполнен техникой протирания силуэта. Рисунок хорошо выделяется на поверхности песчаника. Животное изображено в правосторонней

стойке, с угрожающе поднятой головой-рогом, большим ухом, которое, в отличие от всей фигуры, выполнено гравировкой. На туловище изображены две параллельные бороздки, сверху нанесена тонкая бороздка (высота — 10 см), воссоздающая копьё или дротик (рис. 47.3).

Фигура 23. Находится вблизи рисунка 21 и представляет собой изображение животного (олень?) с месяцеобразными высокими рогами (длина — 18 см, высота — 11,5 см). Рисунок выполнен в геометрическо-контурном стиле тонкими линиями-бороздками. На шее животного имеются тонкие и короткие бороздки (копья), как бы поражающие оленя (?) (рис. 47.1).

Фигура 24. Находится в западной стороне от центральной композиции. Представляет собой группу антропоморфных изображений, выполненных в геометрическо-контурном стиле. Центральными являются две фигуры, стоящие друг за другом (высота — 18 см, ширина — 5 см), воссоздающие, видимо, эротическую сцену. Головы отсутствуют, конечности выполнены нисходящими линиями (рис. 47.4). Впереди описанных фигур есть еще одна фигура в согнутом положении и несколько «угловатых» фигур. Вблизи находятся пять бороздок-линий и две «рогатые» фигуры (рис. 47.2).

Фигура 25. Расположена западнее фигуры 24, под сводом пещеры, в малодоступном месте. Просматриваются фигуры двух животных и антропоморфные конечности ($\frac{1}{2}$ целого), выполненные в геометрическо-контурном стиле. Размеры: 1) высота — 12 см, ширина — 15 см; 2) высота — 12 см, ширина — 3–4 см (рис. 47.7).

Фигура 26. Находится с северной стороны от основной композиции, на своде пещеры. Состоит из сгруппированных по 3–4 коротких линий-бороздок. Вероятно, в этом рисунке нужно видеть антропоморфный силуэт в адорации (высота — 21 см, ширина — 18 см). Слева нанесены еще 3 короткие бороздки (рис. 47.6).

В песке этой пещеры на отметке 5–6 метров под рисунками мамонта, коня и оленей найдены наконечник копья из каменномогильского песчаника (рис. 47.5), чуринга-рыба, расписанная линейно-геометрическими гравировками (рис. 48.2), тесло из гнейса (рис. 48.1), боковой скребок на ножевидной пластине и пластина-нож, оба орудия — со следами плотной бело-молочной патины (рис. 49.10, 12), датируемые эпохой позднего палеолита.

В глубине пещеры на отметке 7–8 метров в песке обнаружена разновременная кремневая свита, состоящая из 73 предметов, среди которых 40 орудий труда, датируемых от эпохи позднего мезолита до энеолитического времени¹.

Описание предметов, найденных в пещере Мистерий

Мезолит (кукрекский этап)

1. Тесло (4 × 4, 5 см) (рис. 49.19).
2. Тесло (2,1 × 2,2 см) (рис. 49.20).
3. Скребок (3,2 × 3,5 см) (рис. 49.21).

Ранний неолит (сурско-днепровская культура)

1. Ножи на пластинах, обработанные по краю отжимной ретушью:
1) длина — 3,5 см, ширина — 1,0 см (рис. 50.10); 2) длина — 3,0 см,

¹ Определение Д. Я. Телегина.

ширина — 1,5 см (рис. 50.11); 3) длина — 7,0 см, ширина — 1,5 см (рис. 50.12); 4) длина — 5,2 см, ширина — 1,5 см (рис. 50.13).

2. Резец — концевой скребок на массивном отщепе (длина — 4,5 см, ширина — 2,0 см) (рис. 49.11).

3. Стрельчатый скребок (длина — 3,8 см, ширина — 1,6 см) (рис. 50.17), ногтевой скребок (1,5 × 1,6 см) (рис. 49.17).

Развитый неолит

1. Лавровидное орудие (длина — 5,2 см, ширина — 2,5 см) (рис. 50.7–50.8).

2. Нож на массивной пластине с крутой ретушью (длина — 3,6 см, ширина — 1,8 см) (рис. 50.9).

3. Скребок-нож (длина — 4,5 см, ширина — 2,0 см) (рис. 49.9).

4. Трапеция (длина — 2,2 см, высота — 1,4 см) (рис. 49.8).

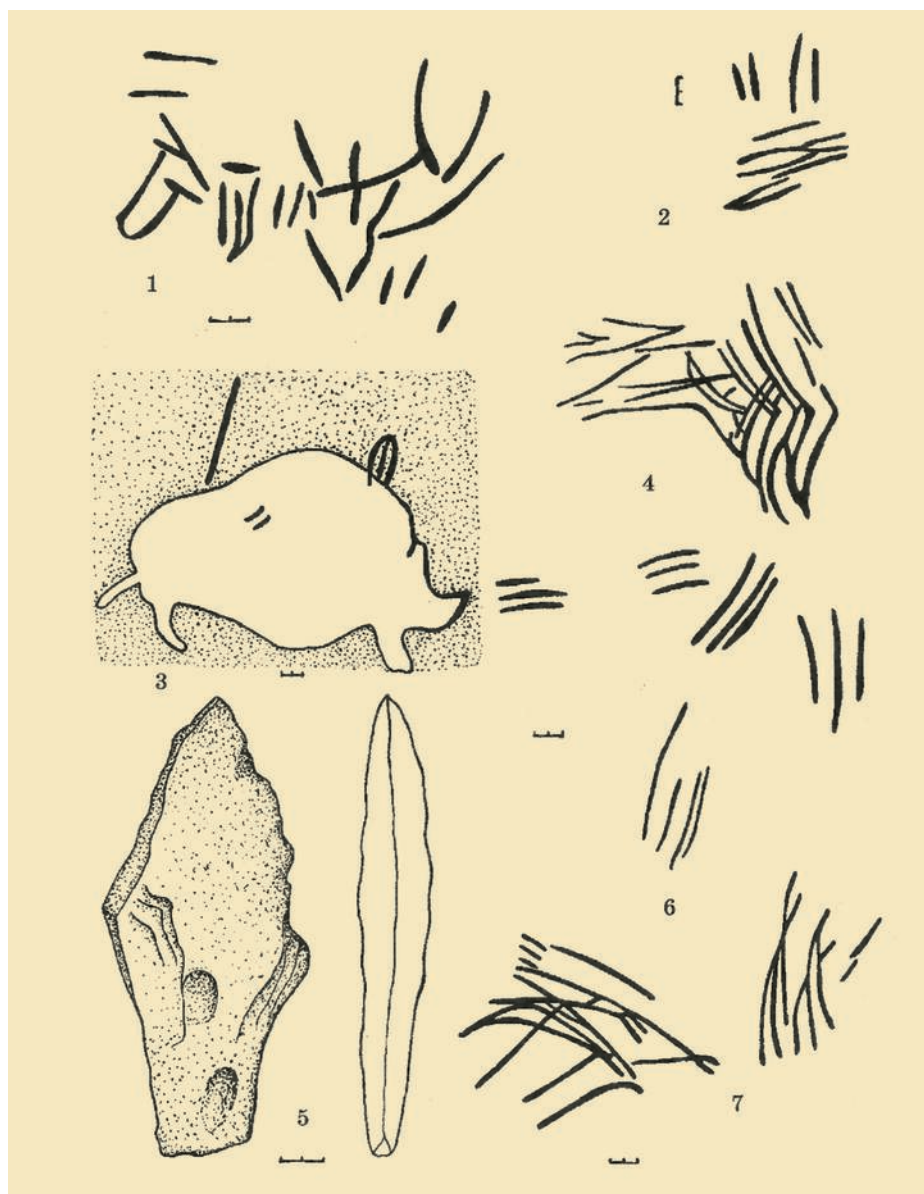

Рис. 47.
Изображения из
пещеры Мистерий
(516) (1–4; 6–7);
каменный
наконечник копья
(ритуальный?) (5)

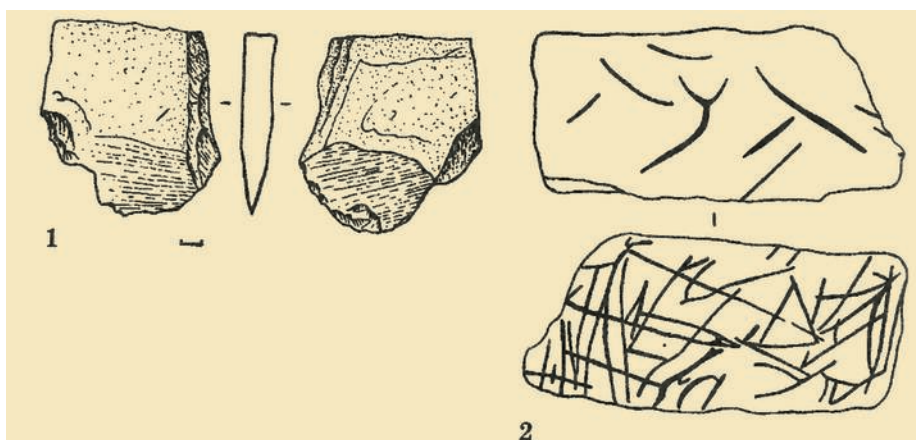

Рис. 48.
Пещера Мистерий
(516):
1 — каменное
тесло-топор;
2 — чуриंगा с линейно-
геометрическими
изображениями

Энеолит

1. Отбойник со скобелеобразным мыском (3,5 × 4,4 см) (рис. 50.20).

2. Ножевидные пластины: 1) длина — 4,0 см, ширина — 1,4 см (рис. 49.1); 2) длина — 3,0 см, ширина — 1,4 см (рис. 49.2); 3) длина — 2,5 см, ширина — 1,5 см (рис. 49.3); 4) длина — 2,8 см, ширина — 1,5 см (рис. 49.4); 5) длина — 4,4 см, ширина — 2,3 см (рис. 49.5); 6) длина — 1,7 см, ширина — 1,7 см (рис. 49.6); 7) длина — 3,8 см, ширина — 1,7 см (рис. 49.7); 8) длина — 5,6 см, ширина — 1,6 см (рис. 49.14).

3. Скребки на пластинах и массивных отщепах: 1) 2,3 × 3,0 см (рис. 49.15); 2) 2,3 × 2,5 см (рис. 49.16); 3) 2,5 × 4,0 см (рис. 49.18); 4) 2 × 3 см (рис. 49.13).

4. Наконечники стрел: 1) 2,0 × 2,0 см (рис. 50.1); 2) 1,0 × 1,8 см (рис. 50.2); 3) 1,2 × 2,6 см (рис. 50.3); 4) 1,6 × 2,5 см (рис. 50.4); 5) 2,4 × 3,0 см (рис. 50.5); 6) 1,8 × 3,3 см (рис. 50.6).

5. Отщепы со следами изношенности и ретуши: 1) длина — 4,3 см, ширина — 2,0 см (рис. 50.14); 2) длина — 4,3 см, ширина — 2,6 см (рис. 50.15); 3) длина — 4,5 см, ширина — 4,5 см (рис. 50.16); 4) длина — 2,7 см, ширина — 1,3 см (рис. 50.18); 5) длина — 6,0 см, ширина — 2,5 см (рис. 50.19).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 52 (Грот Колдуна)

Расположен в центре монолита холма Каменной Могилы (длина — 15–18 м, ширина — 12–15 м). Центральный вход находится с южной стороны плиты (высота — 0,8–1,0 м, ширина — 1,2–2,0 м). На расстоянии 2,4 м от входа на небольшом карнизе на плоской вертикальной стороне обнаружены гравировки, выполненные легким штрихом в две строчки. На верхней линии изображены несколько руноподобных знаков, на нижней — еще три знака, крест из 4 и 5 линий, перекрывающийся угловатой фигурой. Рядом расположены два угла вершинами вниз, крестообразные начертания, на вершине есть S-, U-, P-образные знаки: похоже, что перед нами крестообразная монограмма Иисуса Христа с начальными буквами-символами. Около нее нанесены вертикальные бороздки-линии (рис. 51.1).

На расстоянии 6–7 м в глубине пещеры на потолке выполнена в технике глубокого штриха композиция рисунков с 17-сантиметровой фигурой мамонта (мамонтенка?), стоящего как будто на фигуре круп-

ного животного, над которым доминируют две человеческие фигуры (высота — 14 см). Одна из них в согнутом положении, одета в маску животного с рогами (олень?), вторая, держащая большой бубен или камень, изображена более реалистично — с подчеркнутой большой отвислой грудью (рис. 51.4).

Вблизи описанной композиции на потолке изображена антропоморфная фигура в согнутом положении, одетая в большой и широкий костюм-балахон с птичьей головой (рис. 51.3) и хвостом, в которой следует видеть колдуна (высота — 22,5 см). Кроме того, по всей фигуре нанесены крестообразные линии-бороздки — нередко встречающийся своеобразный прием «гашения» рисунков языческой религии. Рядом на карнизе, на вертикальной плоскости просматривается фигура благородного оленя (длина — 20 см) с большими ветвистыми рогами. Она носит следы разрушения, нанесенные позднейшими посетителями пещеры (рис. 51.2).

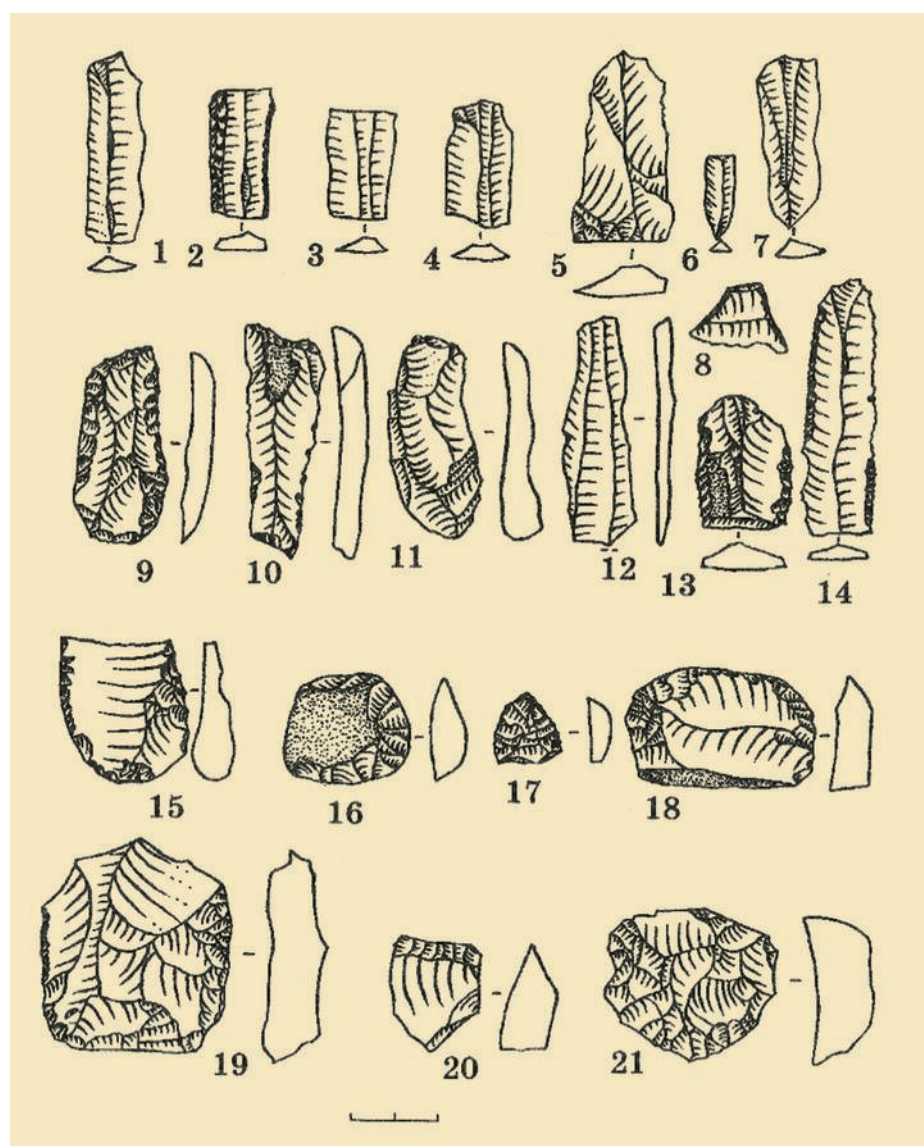

Рис. 49.
Кремневая свита
из пещеры
Мистерий (516)

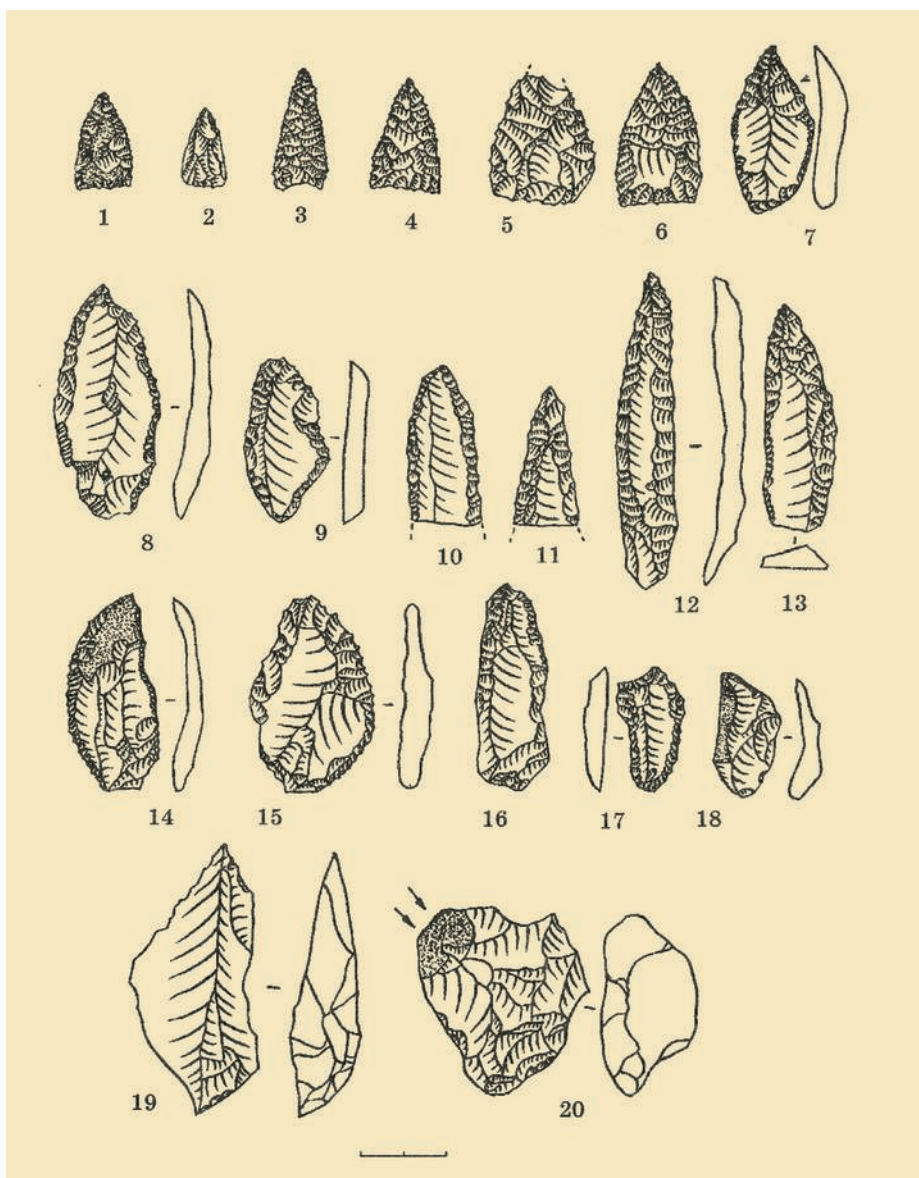

Рис. 50.
Кремневая свита
из пещеры
Мистерий (516)

В центре воспроизведен мамонт с бивнем в динамичной позе, под ним — фигура животного, принятого В. Н. Даниленко за дикую свинью [Даниленко 1986, с. 81, рис. 32], а еще ниже вверх ногами нанесено стилизованное изображение рогатого животного, возможно быка или оленя (рис. 51.5). В стороне от данной композиции — еще одна фигура животного, по Даниленко — сайгака (рис. 52.3).

В глубине пещеры, на расстоянии 9,8 м от центрального входа, на вертикальной плоскости карниза В. Н. Даниленко проследил по слабым бороздкам в песчанике вторую композиционную группу рисунков. Она состоит из 35 фигур, принадлежащих одиночным антропоморфным субъектам и животным (рис. 53.1–7). В частности, им описаны «танцующие» люди, в том числе женщины, одетые в короткие юбки (53.1), группа животных (корова, бык, телка) (рис. 53.2). Интересно изображение стоящей фигуры человека-быка с распростертыми руками в маске животного (рис. 53.3). Внизу, правее названной ком-

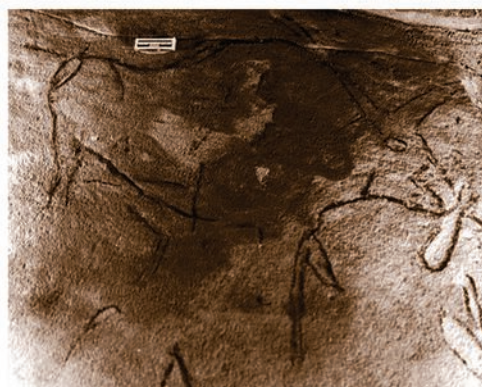
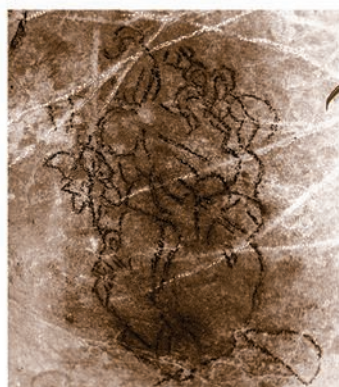
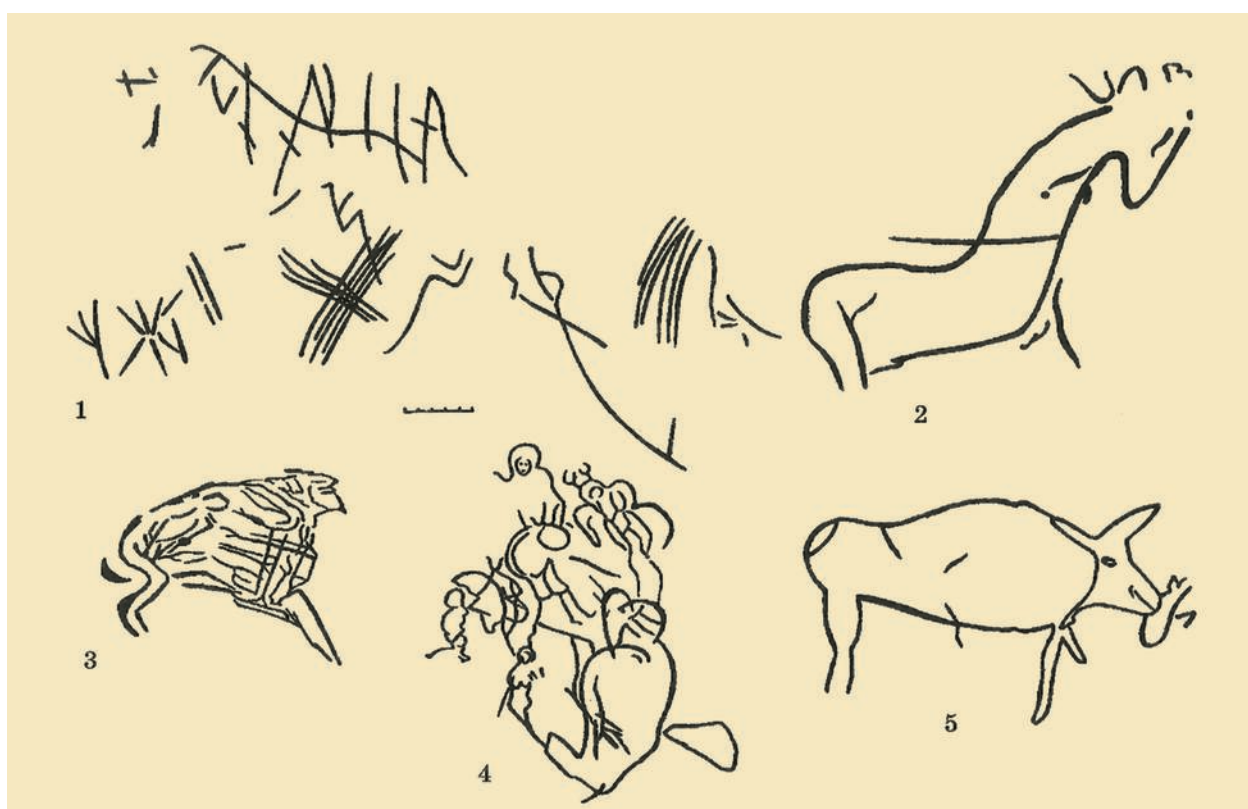
позиции, В. Н. Даниленко увидел мамонта и козлов [Даниленко 1986, с. 83, рис. 22.4, 5].

Недалеко (за 20 см) на плоскости нанесена третья композиционная группа рисунков: мужская фигура с дротиками (рис. 53.8), фантастические фигуры людей (в масках?), 16 животных, среди которых выделяется фигура быка с крутыми серпообразными рогами (рис. 53.7а, б).

По утверждениям В. Н. Даниленко, на карнизе среди описанных рисунков представлена плейстоценовая фауна, в чем усомнились О. Н. Бадер, В. Н. Гладилин и Ю. Г. Колосов. В вину Даниленко было поставлено то, что открытые им гравировки перед копированием он прочертил черным углем и закрепил клеем БФ-2.

При проверке оказалось, что не все изображения могут быть приняты за творчество древних, а потому часть из них, по-видимому,

Рис. 51.
Грот Колдуна (52):
1 — гравировки
христианского
времени;
2 — олень; **3 — колдун**
в маске животного;
4 — сцена «убиения
мамонтенка»;
5 — рогатое животное

утрачена для науки, так как некоторые из бороздок вообще не прощупываются пальцами (рис. 54). Тем не менее грот Колдуна является удивительным памятником, где сосредоточены рисунки от эпохи позднего палеолита до энеолита-бронзы, что также признавалось В. Н. Даниленко.

Подтверждением явились рисунки из «скинии», где на потолке изображены бодающиеся быки, правда, интерпретированные В. Н. Даниленко как «стилизованные изображения мамонта» [Даниленко 1986, с. 87, рис. 38.1, 2]. Здесь же даны изображения сайгака, косули, козы, оленя, коней, быков (рис. 55.1–3), скорченная человеческая фигура (рис. 56.3).

Интерес представляет сюжетная сцена, где на переднем плане стоит в фас женщина с большой грудью, сзади нее находятся две противостоящие друг другу фигуры животных (пещерный лев, по Даниленко) в окружении быков (рис. 55.5).

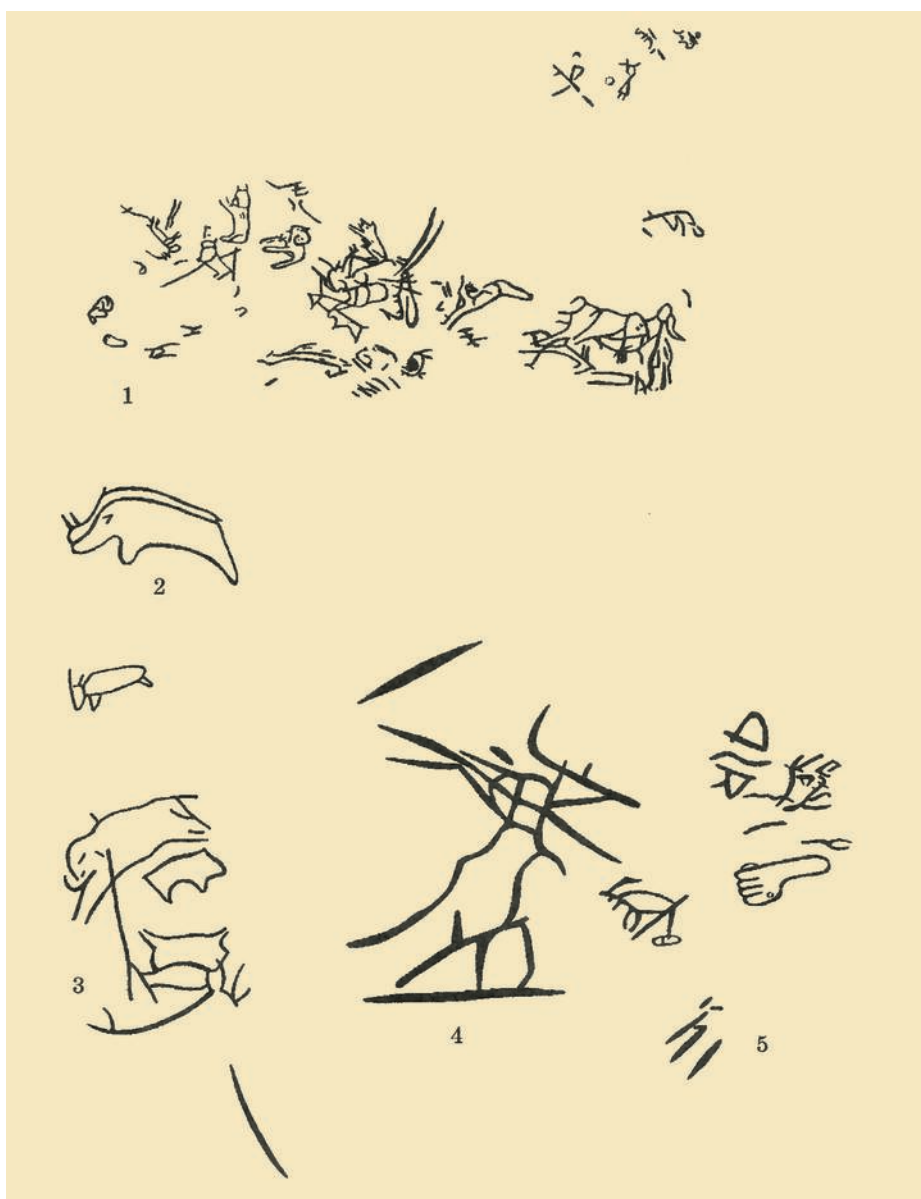

Рис. 52.
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко)

Рис. 53.
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко).
Группа рогатых
антропоморфных
фигур в сопровождении
зооморфных
изображений

Аналогичная сцена представлена на соседней группе рисунков, где пещерный лев, по мнению исследователя, «как бы перелетает через двух мамонтов» [Даниленко 1986, с. 91, рис. 42.4] (рис. 54.1).

Следующая композиционная группа, по утверждению В. Н. Даниленко, также относится к эпохе позднего палеолита. В сплетениях многочисленных кривых линий автор выделил изображения мамонтов, носорога, «фигур, одетых в одежду типа комбинезонов» [Даниленко 1986, с. 92], богини, принадлежащей к лику «Великой Матери» (рис. 54.2, 3).

Интересную группу петроглифов в пещере Колдуна составляют рисунки, выполненные в «размашистом» стиле тонкими гравировками, относящиеся, видимо, к иному историко-хронологическому периоду, скорее к эпохе энеолита-бронзы (рис. 53.4, 5; 56.1–3). В пользу этого мнения свидетельствует изображение человека в скорченном состоянии, как бы иллюстрирующее положение костяка в могиле, характерное для ямно-катакомбного времени (рис. 56.3).

Особая группа рисунков, как оказалось, находилась на многочисленных песчаниковых плитках, найденных в толще песка пещеры. Всего В. Н. Даниленко зафиксировал 40 предметов; уже в кабинетных условиях им были выделены изображения, выполненные «в ребусном стиле» или в «суперпозиции» с помощью кривых линий, что характерно для памятников эпохи позднего палеолита, известных по гравюрам из пещеры Пеш-Мерль (Франция) [Большой Иллюстрированный атлас 1982, с. 287, рис. 456].

На лицевой и обратной сторонах плиток древним художником нанесены изображения фигур мамонта, быка, косули, оленя, льва, людей и т. д. Эти плитки — уникальное явление не только в комплексе петроглифов Каменной Могилы, но и в первобытном искусстве всей Евразии¹ (рис. 57, 58).

¹ Полное описание блоков-конкреций (чуринг) с гравировками выполнено В. Н. Даниленко, что освобождает нас от повторной работы.

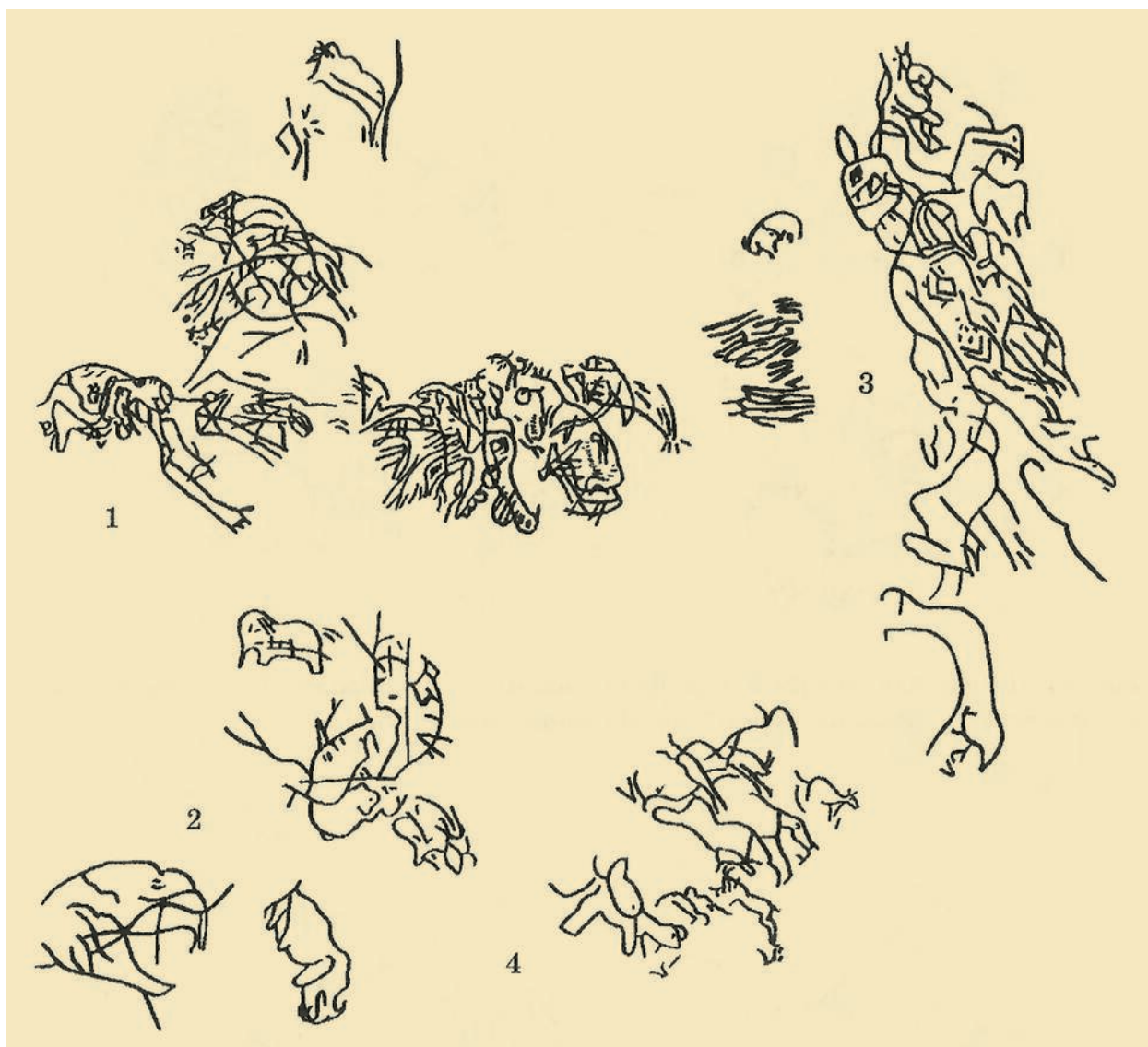

Рис. 54.
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко):
1-4 — изображения
из «Скини»

Кроме того, в пещере Колдуна в северо-восточном секторе нами было открыто в 1973 г. погребение, упомянутое В. Н. Даниленко лишь бегло, но, на наш взгляд, имеющее важное значение для понимания комплекса петроглифов Каменной Могилы. Ниже приводим описание.

Погребение находилось в северо-восточном секторе пещеры на расстоянии 6,2 м от восточного входа. Здесь обнаружена корытообразная деревянная конструкция (длина — 1,6 м, ширина — 0,4 м), ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, по всей видимости, гроб. Крышка, состоящая из трех плоских массивных досок, была пробита гвоздями с широкими головками в интервале 0,4 м, всего найдено шесть гвоздей (рис. 59.1).

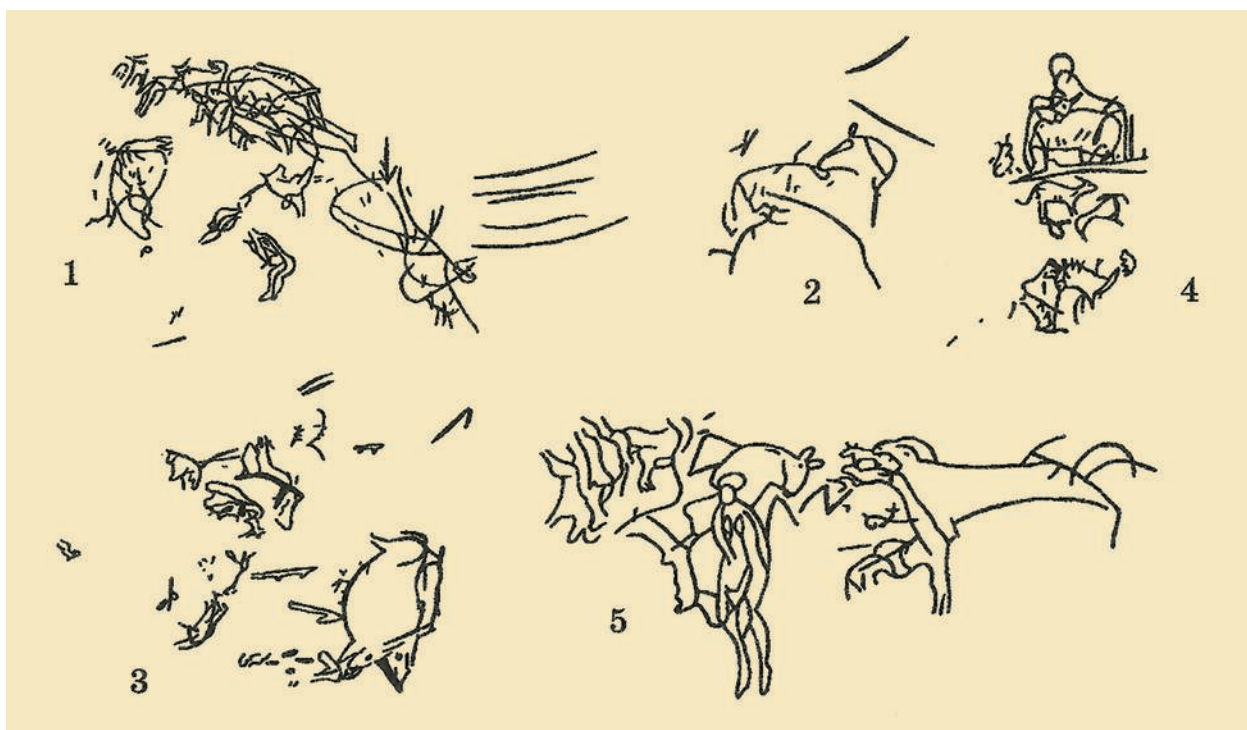
В полуистлевшем гробовище костяк отсутствовал, так как разложился в песке среднесарматского яруса, в котором органические материалы не сохраняются. В центре гробовища обнаружена железная пряжка (длина — 2,0 см, ширина — 1,2 см) округлой формы с высту-

пающим и загнутым язычком (рис. 59.3). Ниже предполагаемого пояса найдена еще одна железная пряжка аналогичного типа (длина — 4,8 см, ширина — 3,5 см) (рис. 59.4).

С северо-западной стороны гробовища было небольшое углубление (ок. 0,4 м), закрытое с западной стороны плоской песчаниковой конкрецией (высота — 22 см, ширина — 26 см) в виде неправильной трапеции, внешняя сторона которой расписана линейно-геометрическими рисунками в стиле поверхностного штриха. В центре плитки изображена фигура мужчины с фаллосом, с округлой головой, распростертыми руками и широко расставленными ногами в широких шароварах (рис. 59.6). В глубине ниши стоял краснолаковый глиняный кувшин с широким горлом и профилирующим венчиком, расширяющимися кверху покатыми плечами, с широким плоским дном и плоской ручкой (рис. 59.8) (высота — 26 см, ширина — 14 см). На горле кувшина лежала миндалевидная конкреция (высота — 12,5 см, ширина — 12,6 см). На нижней стороне плиты имеются следы круглой выемки, образовавшейся от вдавления горловины кувшина. В правом углу конкреции на внешней стороне нанесены тонким орудием (нож?) линейно-геометрические изображения, среди которых угадываются фигуры животных (лошадь?) и человека (?) (рис. 59.5). Рядом с кувшином стоял конусовидный стакан (высота — 10,4 см, ширина по тулову — 8,0 см) из зеленоватого стекла с плоским полым кольцевидным поддоном (рис. 59.7).

Таким образом, погребение из пещеры Колдуна на территории Каменной Могилы датируется концом IV — первой половиной V в. н. э. и относится к периоду, когда в Северо-Таврической степи господствовали гунны, которые из-за постоянных войн должны были менять не только свое местопребывание, но и прятать погребения в пещерах и балках вблизи рек.

Рис. 55
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко):
1-4 — изображения
из «хода Бизона»;
5 — композиция
«Великой Богини»
и пещерного льва
из «Скинии»

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 53 (ПЕЩЕРА ПОДКОВЫ)

Находится на восточном склоне холма. Вход в пещеру (рис. 60) находился в южной стенке большой ямы-расщелины подпрямоугольной формы, перекрытой двумя плитами (первая длиной 1,2 м, шириной 0,8 м, толщиной 0,4 м; вторая длиной 1,1 м, шириной 0,8 м, толщиной 0,4 м). У входа в песке на глубине — 0,3 м найдены железный плоский наконечник стрелы с черенком (длина — 4,5 см, ширина — 1,5 см) (рис. 61.1) и два обломка железной скобы (?), датируемые IX–XI вв.

Пещера (длина — 7,5 м, ширина — 1,0–2,5 м, высота — 0,8–1,2 м) ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На южную сторону потолка нанесены изображения, выполненные в различных техниках и стилях. Ниже приводим их описание по стратиграфическому соотношению на потолке пещеры и по стилистико-типологическому признаку (рис. 62).

Группа I. Рисунки выполнены в технике протирания широких (0,8–1,2 см) линий с округлым и неглубоким дном. На потолке пещеры расположены следующие изображения: подковообразный рисунок, на одном из концов которого имеется небольшое углубление (ямка); пара человеческих ступней, перечеркнутая линиями крест-накрест в технике мелкого и тонкого поверхностного штриха. На одном из рисунков из-за отслоения поверхности песчаника есть следы разрушения. Вторая пара человеческих ступней нанесена к югу от первой и перечеркнута тонкими линиями в той же технике. Вблизи расположено изображение в виде двух параллельных линий (на верхней линии перпендикулярно нанесены две короткие бороздки) с округлым окончанием, напоминающее фаллос.

Группа II. Рисунки выполнены в технике протирания и врезания узких линий-бороздок с округлым и острым дном. Между двумя группами человеческих ступней расположено изображение антропоморфного существа с распростертыми руками-крыльями (правая рука — трехпалая, левая — двухпалая, на правой руке имеются короткие бороздки), крестообразной головой-шапкой (?) и короткими ногами (высота — 18,5 см). С правой стороны просматривается изображение

Рис. 56.
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко):
1-2 — рисунки из
центральной
части стены;
3 — изображение на
плите перед входом

Рис. 57.
Грот Колдуна (52)
(по Даниленко):
1-13 — чуринги
с гравировками
животных

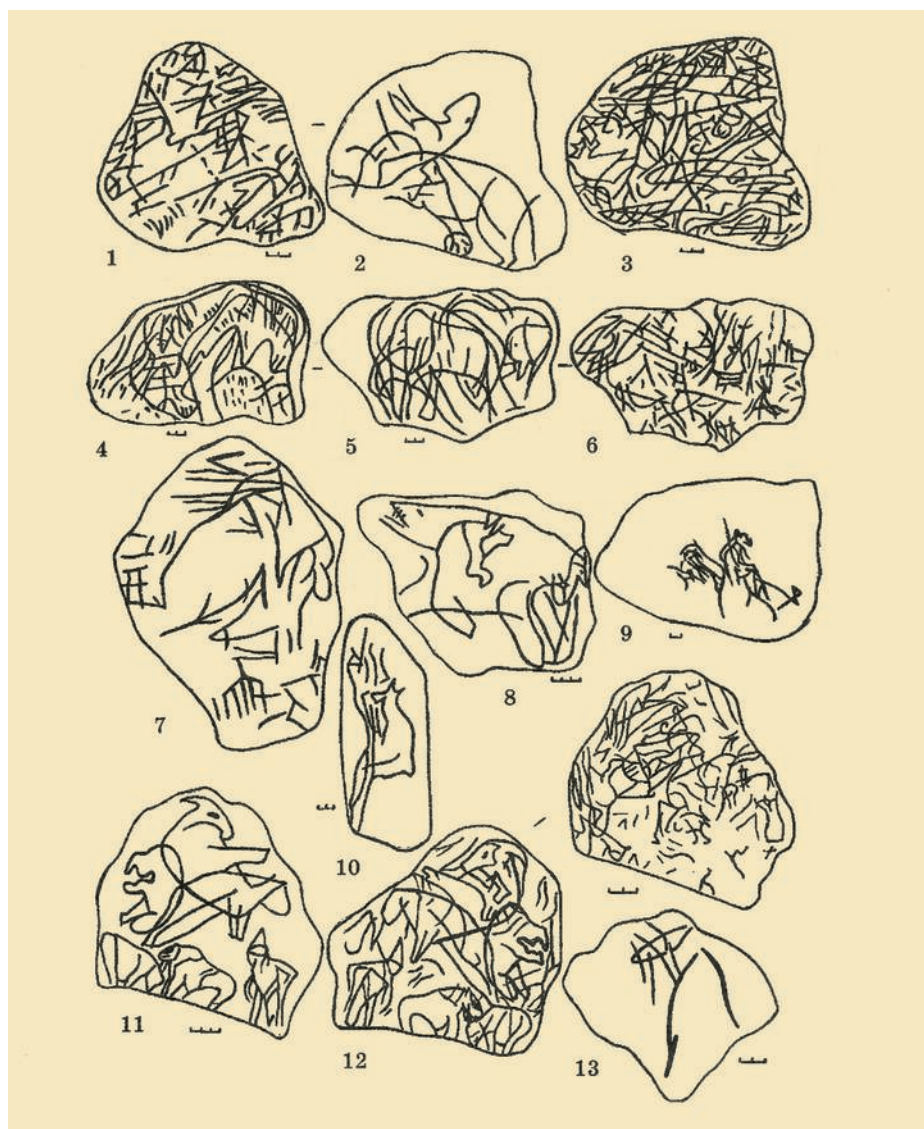
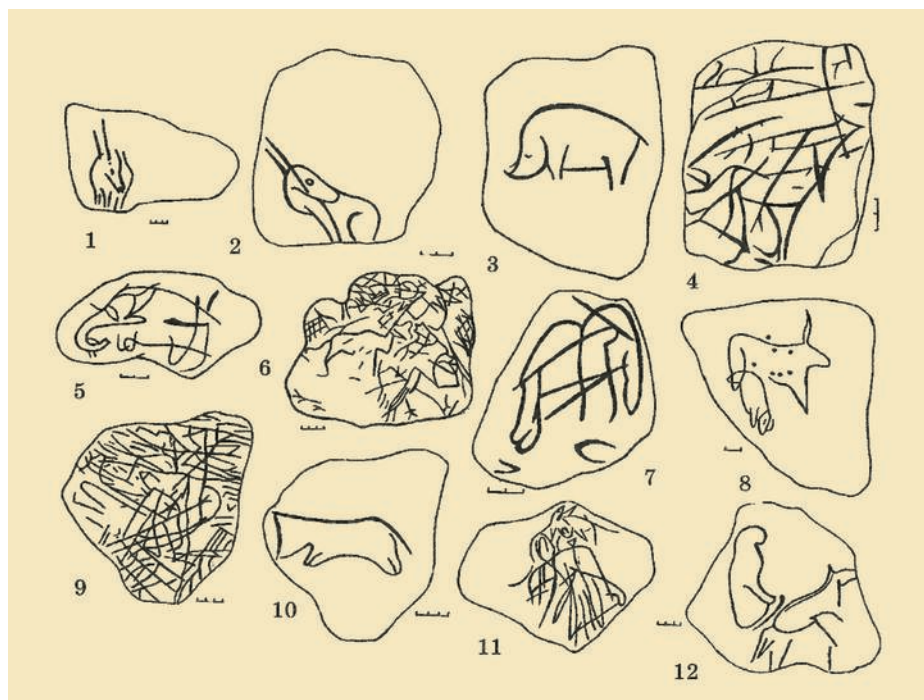

Рис. 58.
Пещера Колдуна (52)
(по Даниленко):
1-12 — чуринги
с гравировками
животных

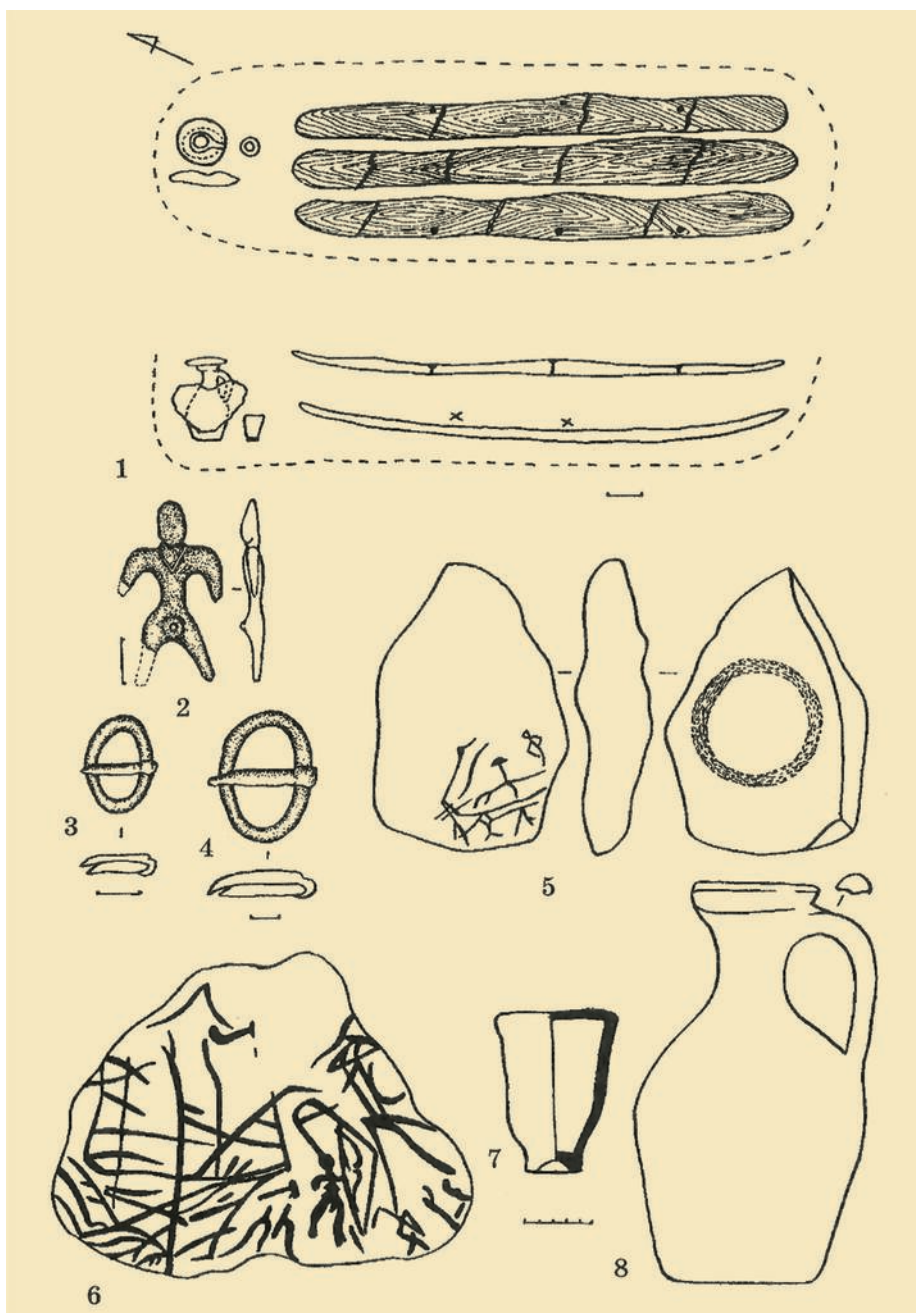

Рис. 59.
Погребение
гуннского времен
в пещере Колдуна (52):
1 — остатки
деревянного
гробовища;
2 — фигурка воина
из окрестностей
Каменной Могилы;
3-4 — железные
пряжки;
5-6 — песчаниковые
конкреции с рисунками;
7 — стеклянный
стакан;
8 — краснолаковый
кувшин

животного, выполненное короткой вертикальной и горизонтально-дугообразной двойной линиями. На верхней линии нанесено 11 вертикальных узких и глубоких бороздок, воссоздающих гриву животного (коня?) (рис. 62.4).

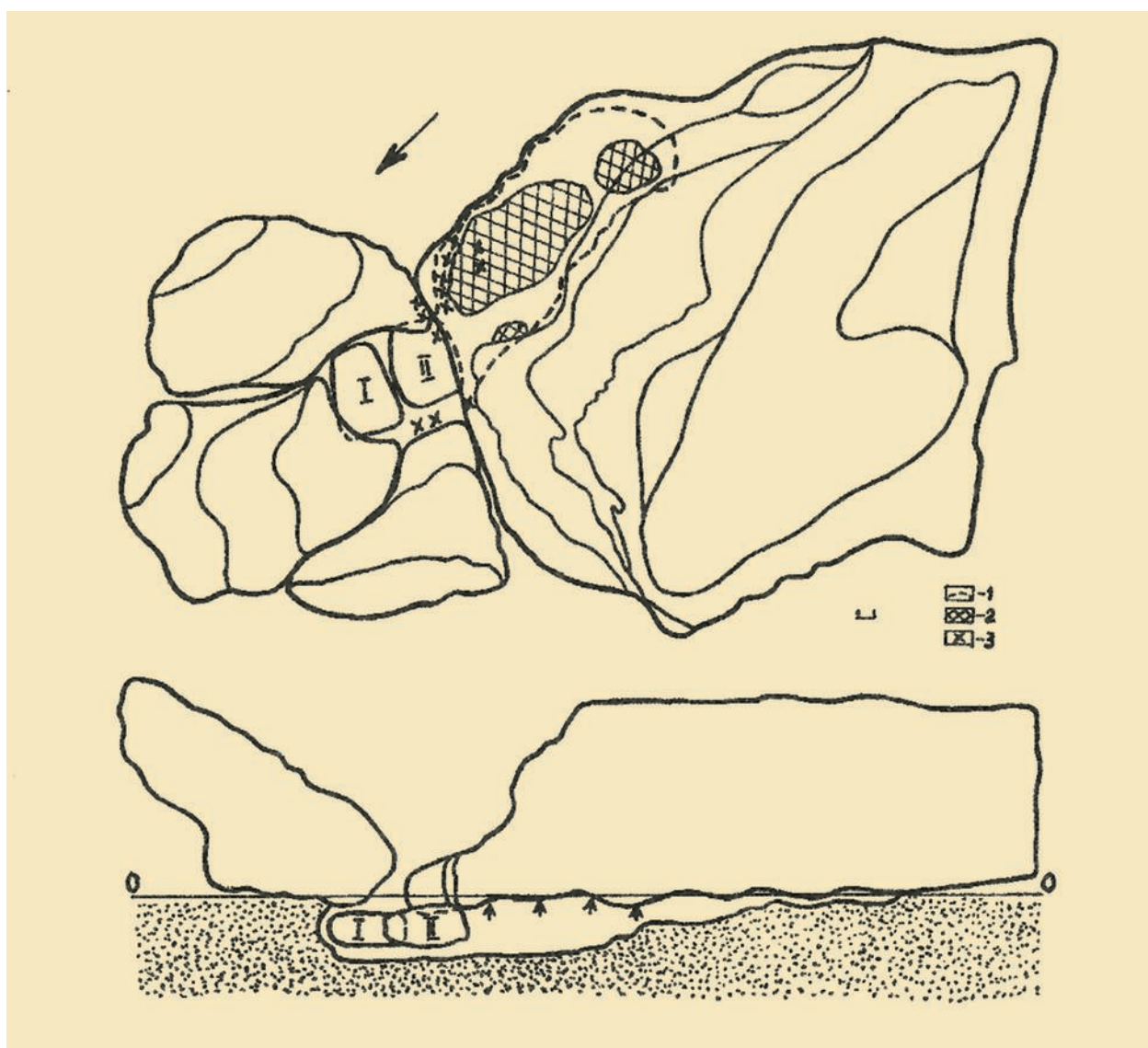
К юго-востоку от названных рисунков расположено изображение, напоминающее широкий массивный серп-секач (длина — 27 см, ширина — 8 см). В западной стороне потолка — фигура животного в летящем галопе с рогами и выпуклыми острыми зубами (рис. 62.1), выполненная широкой бороздкой-линией, голова — с помощью острого и тонкого орудия в стиле «косого решетчатого квадрата». В южной стороне потолка пещеры видны изображения месяца (?); здесь же нанесена идеограмма, состоящая из прямой бороздки, змеевидного су-

щества с миндалевидной головой, стыкующегося в нижней части с вертикальной бороздкой-линией (шест). К этой же группе рисунков относятся петроглифы на карнизе при входе в пещеру, выполненные в стиле «косого решетчатого квадрата» (рис. 63.1).

Группа III. Многочисленные линейно-геометрические рисунки наложены на изображения групп I и II и выполнены в технике мелкого поверхностного штриха. Все бороздки — разной длины, от 5–8 до 20–30 см, нанесены на бороздки большей длины, иногда сгруппированные по 2, 3, 4, 11, 25, 27 шт. Между ними видны два А-образных знака, большой лук сложной формы с плоской стрелой (перо стрелы протерто), а справа на неровной поверхности потолка изображены отдельные буквенные знаки (рис. 62.2).

В пещере заложен раскоп (2 × 4 м), где в смешанном темно-сером песке обнаружен культурный слой мощностью 30–40 см. В кв. 1–2а найдены две чуринги: первая выполнена на плоской массивной широкой плитке-конкреции (длина — 18,4 см, высота — 13,2 см), на внешней стороне которой нанесены три небольшие горизонтально-

Рис. 60.
План и разрез
пещеры Подковы (53):
1 — граница пещеры;
2 — схема
расположения
петроглифов;
3 — археологические
находки в
культурном горизонте;
I–II — плиты-
перекрытия
входа в пещеру

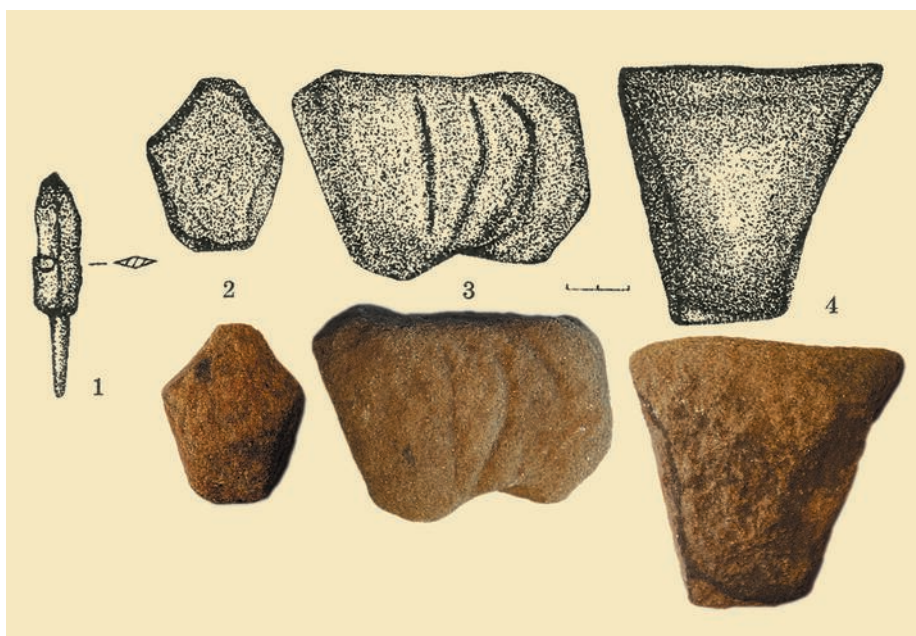

Рис. 61.
Находки из пещеры
Подковы (53):
1 — железный
наконечник стрелы;
2 — антропоморфная
фигурка;
3 — песчаниковая
плитка (чурина?)
с бороздками;
4 — голова быка

параллельные бороздки и небольшая ямка (рис. 63.2); вторая чуринга — небольшая, обработанная шлифовкой плитка (длина — 8 см, высота — 5–6 см) с тремя вертикальными бороздками (рис. 61.3). В кв. 1в найдены песчаниковая антропоморфная фигурка (высота — 5,3 см, ширина в плечах — 4,0 см) (рис. 61.2), а рядом — четыре небольших (8–12 мм) кусочка красной охры. В кв. 2а найдена песчаниковая подтреугольной формы плитка, оббитая с двух сторон крупными сколами, напоминающая по конфигурации голову быка (8,5 × 8,8 см) (рис. 61.4). В кв. 1–2 (б, в) обнаружены шесть обломков мелкозернистого песчаника от какого-то орудия труда (топор-молоток).

Местонахождение 54 (пещера Чуриг — Артемиды)¹

Представляет собой большой массивный козырек толщиной 0,5–0,7 м, выходящий из основного песчаникового монолита Каменной Могилы и образующий своеобразный коридор (длина — 9,2 м, ширина — 0,7–0,8 м, высота — 0,6–0,8 м), в конце которого есть вход (0,8–1,2 м) в небольшую полость — «карман» (длина — 2,6 м, ширина — 1,6 м, высота — 0,6–0,8 м).

Потолок пещеры — сферическая поверхность коричневатого-серого цвета, заканчивающаяся с восточной стороны небольшим карнизом.

На севере пещеры расположено горизонтальное столлоподобное образование песчаника толщиной от 5–6 см до 10–15 см, на котором находились т. н. чуринги (12 шт.), расписанные линейно-геометрическими гравировками, а на противоположном карнизе обнаружены срединный обломок ножевидной пластины и две раковины перловицы (*Unio*) с отверстиями.

Древние реалистические (три фигуры) и линейно-геометрические (одна фигура) рисунки расположены в четырех местах пещеры и вы-

¹ В 1973 г. В. Н. Даниленко раскопал лишь западную «скинию» пещеры. В 1986 г. Б. Д. Михайлов продолжил раскопки пещеры.

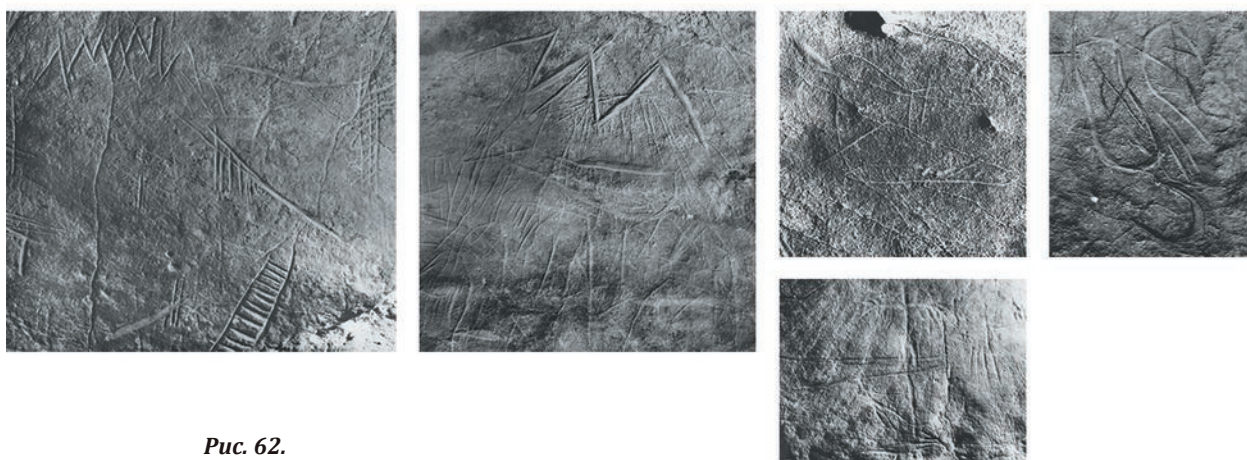

Рис. 62.
Рисунки из пещеры
Подковы (53):
1 — рогатое
животное (конь?);
2 — письмена ХАІР (?);
3 — письмена «шест» ;
4 — колдун над
животным;
5 — стопа и подкова

полнены в технике гравировки с помощью тонкого и острого орудия.

Фигура 1. Расположена на потолке в центре пещеры и состоит из линейно-геометрических начертаний, воссоздающих животное в динамичной позе (высота — 22 см) (рис. 64.1).

Фигура 2. Расположена на вертикальной плоскости небольшого карниза. Выполнена вертикальными и слабодугообразными линиями-бороздками (в стиле «макарон»), составляющими фигуру животного с угловатой короткой мордой и мохнатым хвостом, напоминающего овцебыка (?) (длина — 23,0 см, высота — 10,5 см) (рис. 64.2).

Фигура 3. Расположена на вертикальной плоскости стены пещеры и представляет собой изображение пяти водоплавающих птиц (утки?). Высота рисунков — 8–12 см, над ними нанесены косые линии и треугольник (рис. 64.3).

Фигура 4. Выполнена в той же технике и том же стиле. Расположена на противоположной стене-карнизе, на верхней плоскости. Композиция состоит из следующих (слева направо) изображений: фигура женщины с мощным торсом и большой отвислой грудью (высота — 16 см), увенчанная оленьими рогами и стоящая как будто перед двумя

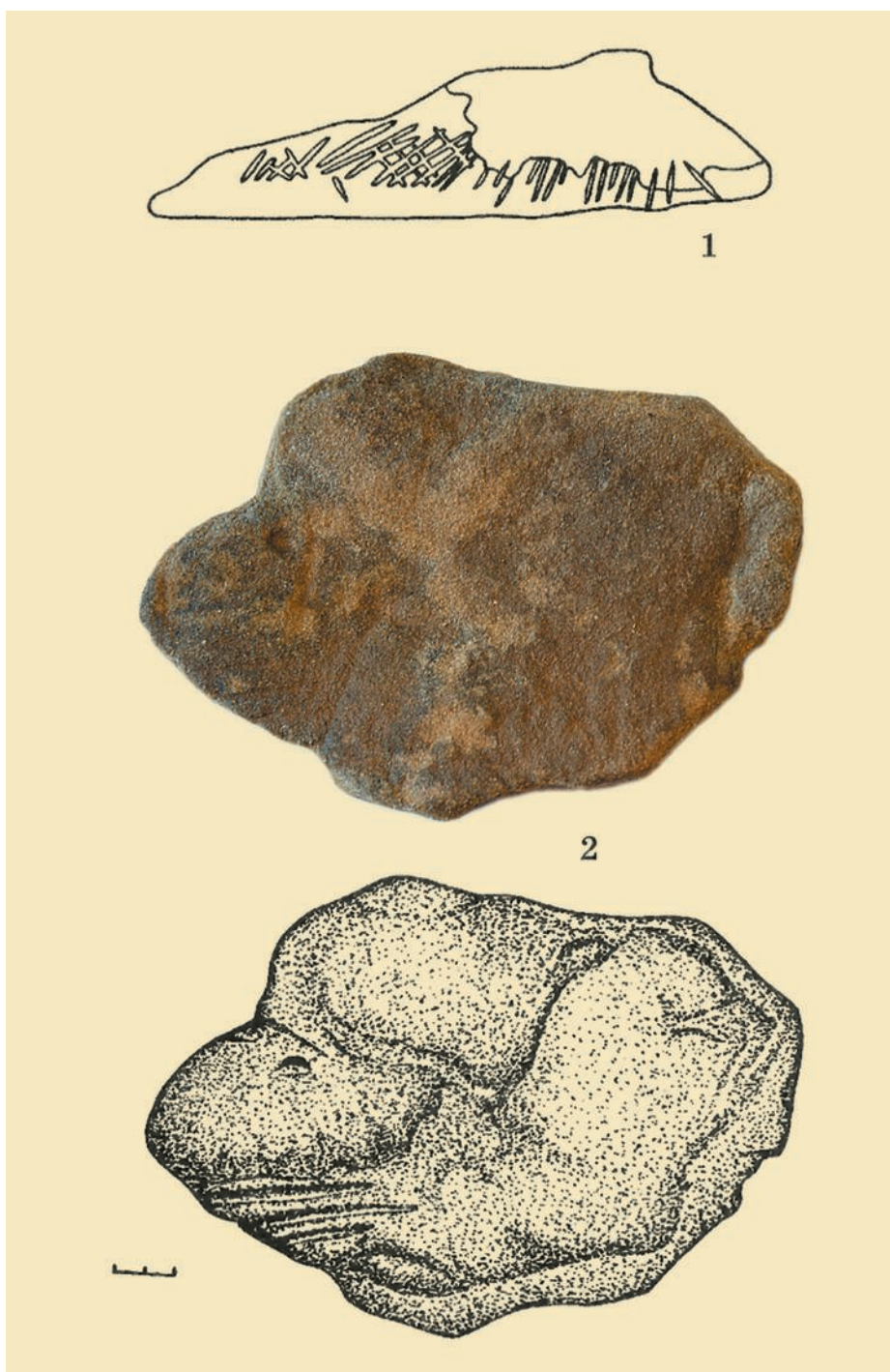

Рис. 63.
Пещера Подковы (53):
1 — линейно-геометрические изображения;
2 — чуринга с линейными бороздками

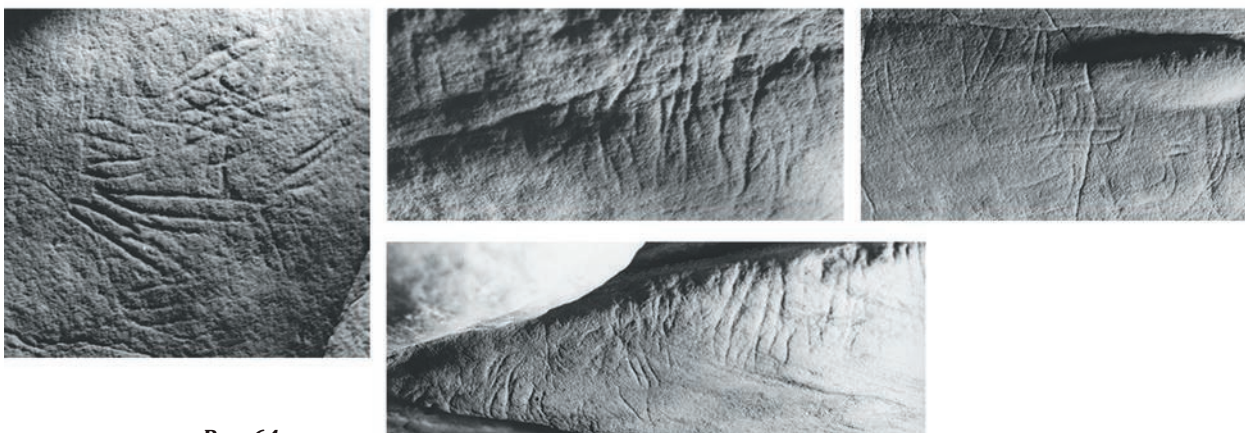
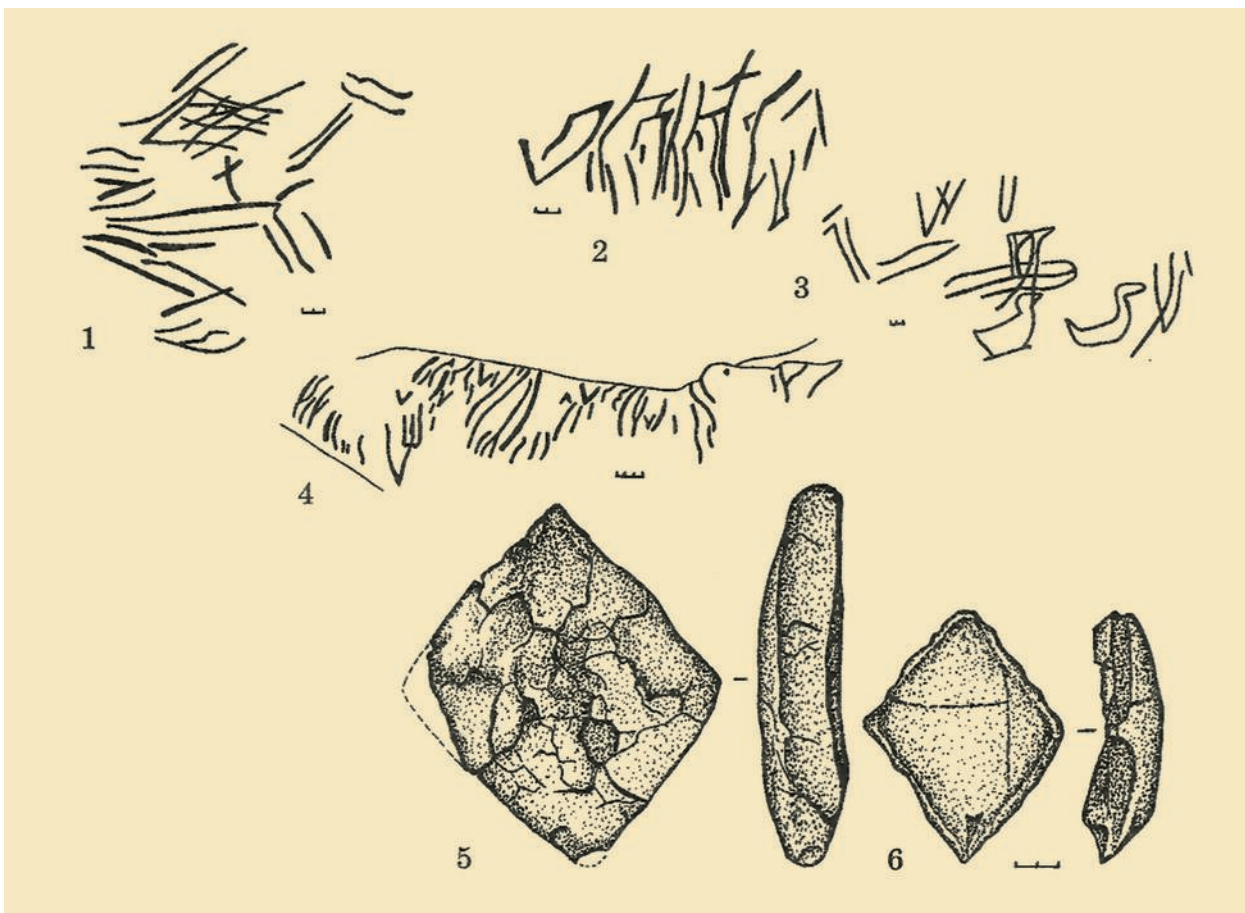

Рис. 64.

Пещера Артемиды (54):

1 — стилизованное животное (олень?);

2 — бык или медведь;

3 — утки;

4 — антропоморфная фигура (Артемиды) с двумя животными;

5 — ромбическая фигура с неолитического поселения около с. Семеновка вблизи Мелитополя;

6 — ромбическая фигура из пещеры Каменной Могилы

небольшими фигурами животных (овцебыки?), идущих друг за другом (рис. 64.4).

Как указывалось выше, на своеобразном «столе»-скинии найдены блоки-конкреции (чуринги), расписанные гравировками в линейно-геометрическом стиле.

Чуринга 1 (длина — 23,5 см, ширина — 22,0 см, толщина — 1,9 см). Овальной формы, в профиле выпуклая, имеет многочисленные линейно-геометрические гравировки в виде прямых и перекрещивающихся линий (рис. 65.1).

Чурина 2 (длина — 30,5 см, ширина — 12,5 см, толщина — 1,2 см). Продолговатой формы в виде рыбы. В нижней части, на месте предполагающихся плавников, нанесены три вертикальные короткие линии и одна дугообразная линия-бороздка, а по краю (внизу) расположены по прямой линии восемь ямок и одна — в центре фигуры (рис. 65.2).

Чурина 3 (длина — 8,0 см, ширина — 6,0 см, толщина — 2,8 см). Косообразной формы, в профиле овальная. По обе стороны имеются линейно-геометрические рисунки (рис. 65.3).

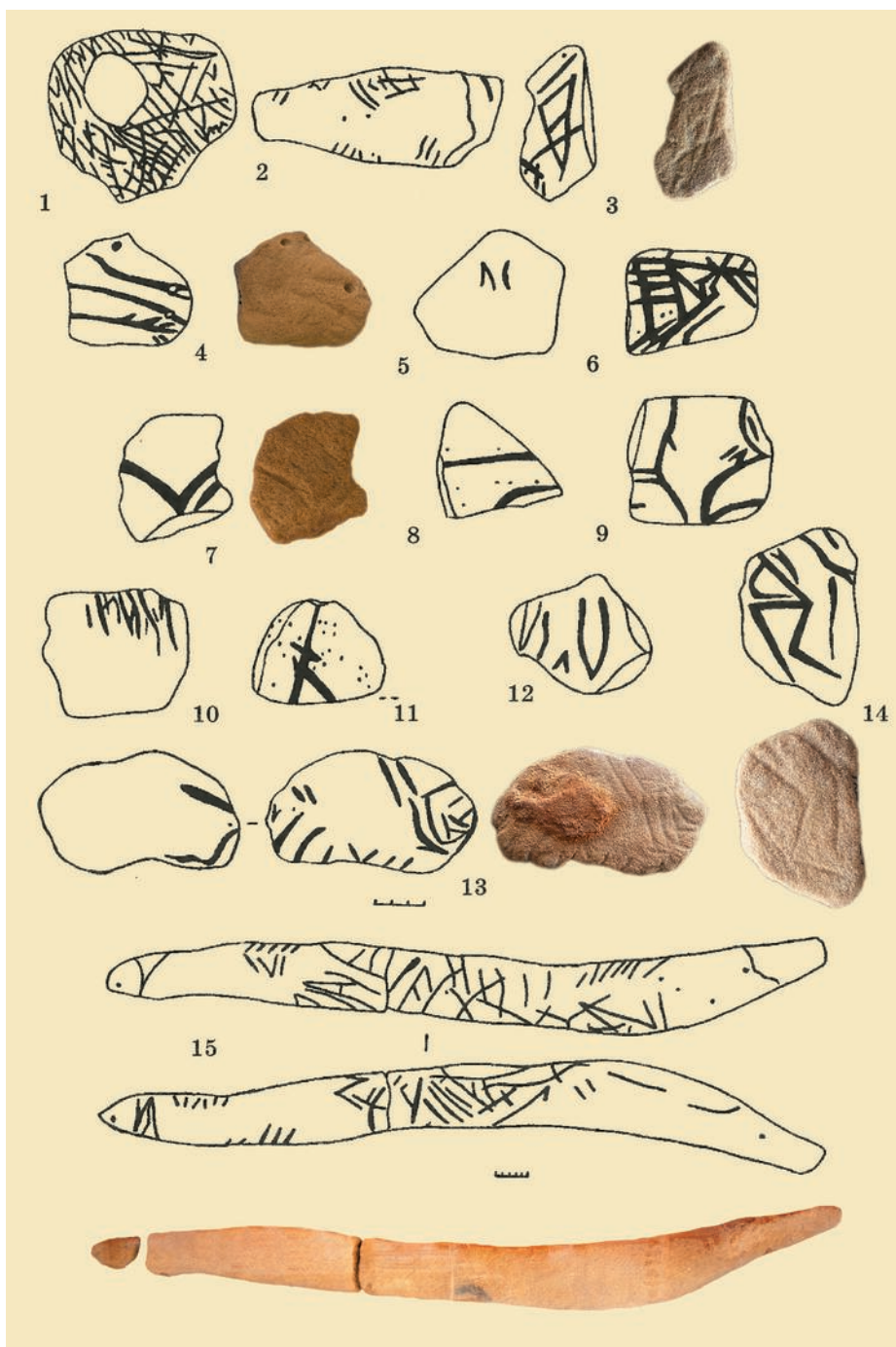

Рис. 65.
Пещера Артемиды (54):
1-14 — плитки-
конкреции;
15 — скульптура змеи-
рыбы с двумя головами
и гравировками

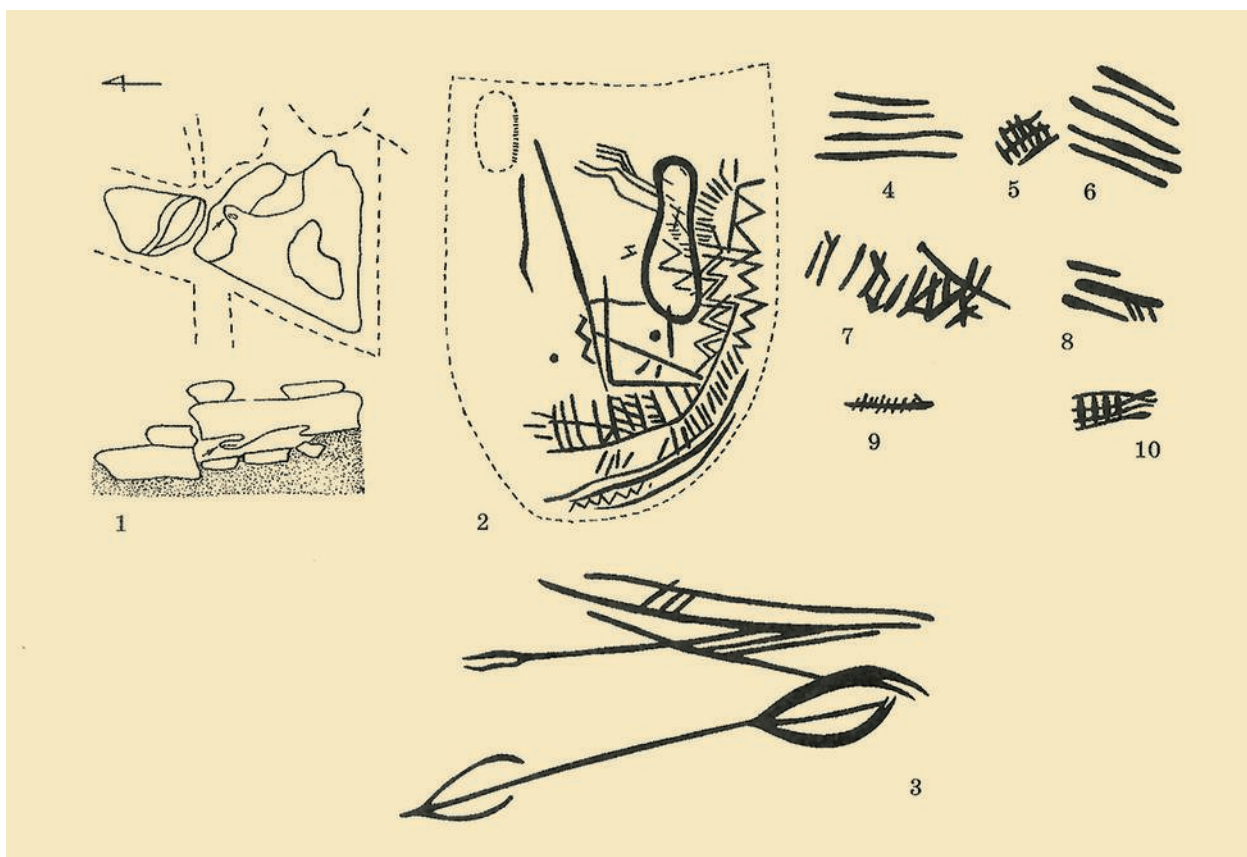
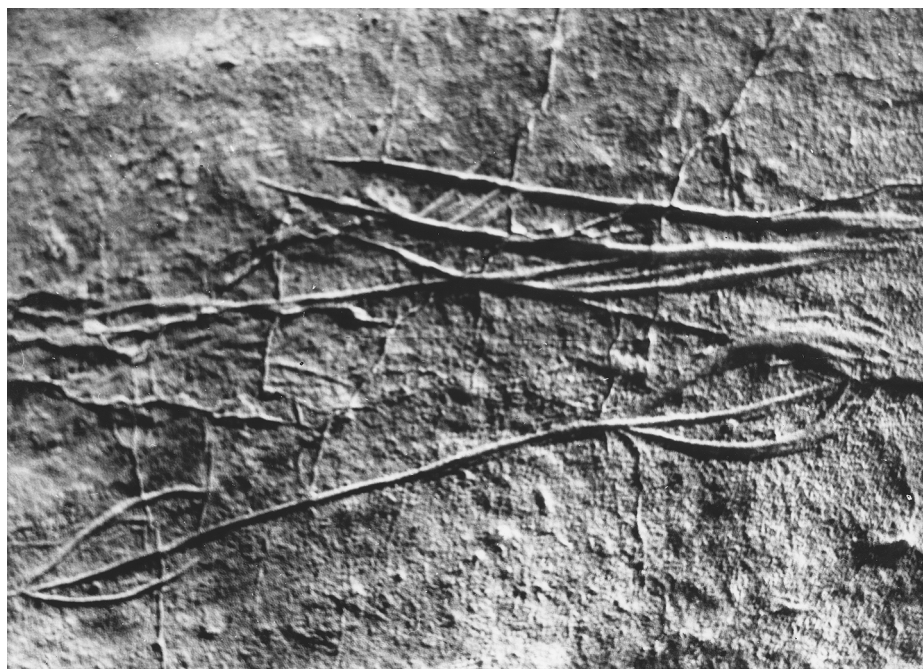

Рис. 66.
Грот 55.
1 — план, профиль и
реконструкция грота;
2 — прорисовка
изображений на голове
вишапа (дракона);
3 — изображение
лука и стрел;
4-10 — линейно-
геометрические
рисунки

Чурина 4 (длина — 8,5 см, ширина — 6,5 см, толщина — 2,5 см). Вытянутой формы, воссоздает голову животного (конь?). Линиями-бороздками передан рот, выделены ноздри и глаз с круглой и глубокой ямкой. На обратной стороне имеются линии-бороздки (высота — 2 см) (рис. 65.4).

Чурина 5 (длина — 7 см, ширина — 9 см). Овальной формы. На лицевой стороне — углообразный и дугообразный знаки (рис. 65.5).

Чурина 6 (длина — 7,5 см, ширина — 3,5 см, толщина — 1,5 см). Подквадратных очертаний. На лицевой стороне — линейно-геометрические рисунки (рис. 65.6).

Чурина 7 (длина — 5,8 см, ширина — 5,0 см, толщина — 2,0 см). Рваных очертаний с одной дугообразной стороной, в центре которой расположен углообразный рисунок (женское начало) (рис. 65.7).

Чурина 8 (длина — 6,0 см, ширина — 5,0 см, толщина — 1,7 см). Плитка подтреугольной формы. В центре внизу проходят горизонтальные линии-бороздки (рис. 65.8).

Чурина 9 (длина — 10,5 см, ширина — 10,0 см, толщина — 2,3 см). Трапезиевидной формы, с выпуклой плоскостью и вогнутой стороной. На лицевой стороне — рисунок, напоминающий конфигурацию согнутой в тазе женщины (?). На выпуклой стороне по краю расположены многочисленные вертикально падающие линии-бороздки (рис. 65.9).

Чурина 10 (длина — 8,0 см, ширина — 8,5 см). Овальных очертаний. В верхней части имеются вертикальные короткие бороздки (рис. 65.10).

Чурина 11 (длина — 15,5 см, ширина — 8,5 см, толщина — 2,8 см). Овально-продолговатой формы, на лицевой стороне нанесены широкая крестообразная линия-бороздка и многочисленные мелкие ямки (рис. 65.11).

Чурина 12 (длина — 7,5 см, ширина — 6,0 см, толщина — 2,0 см). Ромбовидной формы, на лицевой стороне — как будто голова и конечности животного (рис. 65.12).

Чурина 13 (длина — 15,5 см, ширина — 8,5 см, толщина — 2,8 см). Овально-удлиненной формы. На лицевой стороне имеются линии-бороздки, падающие сверху вниз под углом 45°, явно воссоздающие рога и волосяной покров животного. На обратной стороне в правом углу — две короткие бороздки и одна ямка (рис. 65.13).

Чурина 14 (длина — 7,5 см, ширина — 4,7 см, толщина — 1,8 см). Плоская, неправильной конфигурации. На лицевой стороне выгравирована двойными линиями согнутая фигура человека (рис. 65.14).

Чурина 15 (длина — 70,4 см, ширина — 4,5 см, толщина — 4,7 см). Представляет собой двухголовую змеевидную скульптуру, с двух сторон которой по тулову нанесены многочисленные линейно-геометрические гравировки. У одной головы — глаз и приподнятый нос, у второй — плоский нос с глазом (рис. 65.15).

Местонахождение 55 (пещера Дракона)

В настоящее время представляет собой развал многочисленных песчаниковых плит разной формы и очертаний, которые раньше образовывали потолок-монолит глубокой пещеры (длина — 2,5 м, ширина — 2,1 м, высота — 1,2 м) (рис. 66.1). На потолке находятся овальные карнизы-наплывы, образовавшиеся вследствие формирования песчаника среднесарматского яруса.

В центре грота, перпендикулярно к площади карниза, горизонтально размещен выступ конусоподобно-овальной формы со следами шлифовальной и скульптурной обработки, передающий черты заостренного профиля головы ужовой змеи (длина — 57 см, ширина — 35 см), обращенной мордой в сторону р. Молочной, которая находится

в 50 м от северного склона грота. Широкими бороздками обозначены верхняя и нижняя отвислая губы, полуоткрытый рот с зубами (рис. 67а–в), который несет на себе следы многочисленных сколов, образовавшихся вследствие ударов небольшим орудием (молоток?). Глаза выполнены в виде маленьких ямок (диаметр — 1,5–2 см). Очевидно, с помощью таких приемов в камне изваян образ мифического хтонического существа, которое напоминает известных рыбо-змееподобных вишапов на Кавказе, когда в древности их внешний облик был близок к обыкновенным рыбо-змеям и они отличались большими размерами [Мифы 1980, с. 466].

Следует отметить еще одну интересную деталь: сверху на предлобно-лобной части головы скульптуры (рис. 66.2) по центру проходит широкая линия-бороздка, которая слева соединяется с прямоугольником и двумя вытянутыми и расходящимися лучами-бороздками, на конце которых нанесена поперечная бороздка. Рядом изображена человеческая стопа (длина — 37 см, ширина — 6–10 см), перечеркнутая линейно-геометрическими начертаниями в стиле поверхностного штриха, а в левом углу скульптуры есть небольшое овально-вытянутое углубление (длина — 16 см, ширина — 7,5 см, глубина — 4 см), расписанное по краям в виде ободка вертикальными бороздками (длина — 1–1,5 см) (рис. 67а).

На противоположной стороне (слева) прочерчены прямая с согнутым концом и ломаная линии. Короткие вертикальные бороздки нанесены по краю носа (11 шт.), некоторые из них (5 шт.) перечеркнуты дугоподобной линией, а в трех промежутках имеются короткие бороздки под углом 45°. Слева под глазом прочерчена зигзагом двойная

а

б

в

Рис. 67.

- а — скульптура головы вишапа (дракона) в гроте 55 (фас)**
- б — скульптура головы вишапа (дракона) в гроте 55 (правая сторона)**
- в — скульптура головы вишапа (дракона) в гроте 55 (левая сторона)**

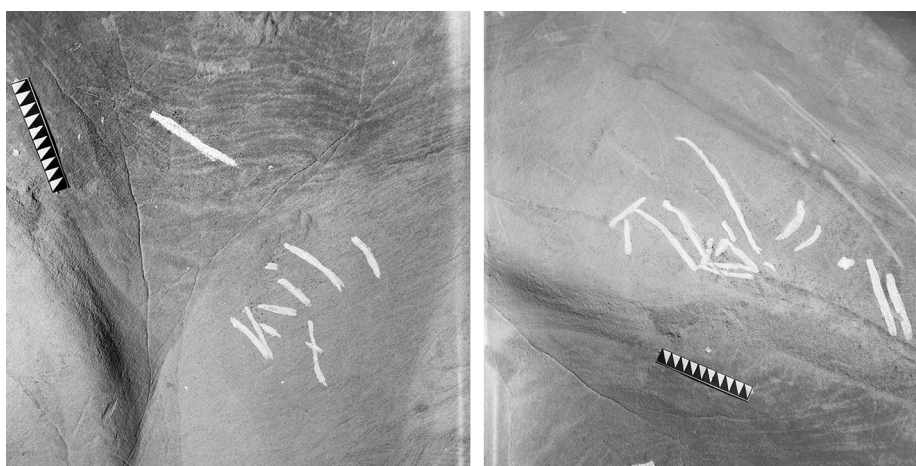

Рис. 68.
Пещера Рыбы (56):
1 — рисунки на
столбоподобном
карнизе;
2 — гравировки на
рыбообразном
выступе;
3-5 — рисунки
на потолке;
6 — знак при входе
в пещеру;
7 — блок-конкреция
с гравировками;
8 — блок (скульптура)
с гравировками

линия, заканчивающаяся вертикальными дугоподобными бороздками (13 шт.); под ними — большая горизонтальная линия-бороздка.

Над верхней губой начертаны бороздки со следами сколов (5 шт.) и под углом 45°, которые постепенно переходят в вертикальные бороздки (12 шт.), сменяющиеся ломаной линией, и соединяются в двух случаях с вышерасположенными дугоподобными бороздками.

Кроме того, на небольшую плиту грота (размер — 0,5 × 0,6 × 1,2 м), отколовшуюся от карниза потолка с левой стороны, нанесены две группы бороздок (по 4 и 5 шт.) и решетчатый квадрат (рис. 66.4–10). С правой стороны на карнизе есть линейно-горизонтальные начертания. В глубине грота (на расстоянии — 1,4 м) на потолке техникой врезания и протираания глубоких бороздок с острым и овальным дном нанесены две стрелы: первая (длиной — 57 см) имеет наконечник треугольной формы, глубокую выемку, асимметричные шипы и широкий оперенный хвост; у второй (длиной — 34 см) есть продолговатый наконечник, но нет хвоста (рис. 66.3). Здесь же виден небольшой лук простого типа длиной 41 см, перечеркнутый в центре тремя небольшими бороздками.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 56 (ПЕЩЕРА РЫБЫ)

Расположена на южном склоне холма, соседствует с пещерой Колдуна (№ 52). Вход (35 × 80 см) в виде расщелины находится под небольшой миндалевидной плитой (длина — 1,85 м, ширина — 1,35 м), которая стоит здесь наклонно под углом 30–35 °. У входа на вертикальной плоскости основного монолита-песчаника нанесен шестилучевой знак (высота — 15 см, ширина — 12 см) (рис. 68.6).

Пещера (длина — 6,0 м, ширина — 2,0 м, высота — 0,8–1,12 м) ориентирована по линии юг — север и представляет собой карман-полость с потолком и полом. Потолок сферической поверхности со слабо обветренными выпуклостями; здесь расположены петроглифы, выполненные в технике протирания широким и тупым орудием.

Две фигуры животных (14 × 15 см, 12 × 14 см) выполнены в стиле вертикальных «макарон» по 4–5 бороздок, передающих туловище и конечности. Слева от них виднеется угол — рога (рис. 68.3–5).

В западной части пещеры расположен столовидный карниз (длина — 2,2 м, ширина — 1,1 м), находящийся на высоте 20–30 см от пола с наклоном 35–40°. Поверхность обветрена и имеет коричнево-серый цвет.

Петроглифы, выполненные в той же технике и стиле, расположены на левой стороне и в центре карниза. Слева вверх изображено небольшое судно с мачтой (длина — 13,5 см, высота мачты — 14,5 см), внизу — крупный треугольник вершиной вверх (23 × 35 см).

В центре плиты нарисованы четыре стрелы с двумя острыми наконечниками (длина 1-й — 34 см, 2-й — 34 см, 3-й — 5 см, 4-й — 22 см), перечеркнутые прямой линией.

На правую часть плиты нанесено несколько бороздок (рис. 68.1).

Рис. 69.
Пещера Рыбы (56)

Дно пещеры представляет собой каменный монолит, в котором горельефом выполнена большая фигура рыбы (длина — 2,6 м, ширина — 0,6–0,7 м, высота над полом — 8–12 см). По всей поверхности фигуры нанесены многочисленные линейно-геометрические рисунки, среди которых есть также небольшие крестики, треугольники и т. д. (рис. 68.2; 69).

Вблизи рыбы, у хвоста и небольшого выступа-карниза с линейно-геометрическими рисунками, найдены песчаниковые конкреции, расписанные также линейно-геометрическими изображениями (рис. 68.7). Особую ценность представляет здесь большая конкреция, похожая на скульптурную обработку профиля человека и расписанная округлыми и прямыми линиями, воспроизводящими черты человека (рис. 68.8). Рядом нанесен стреловидный знак.

Рис. 70.
План и профиль
пещер 57–58

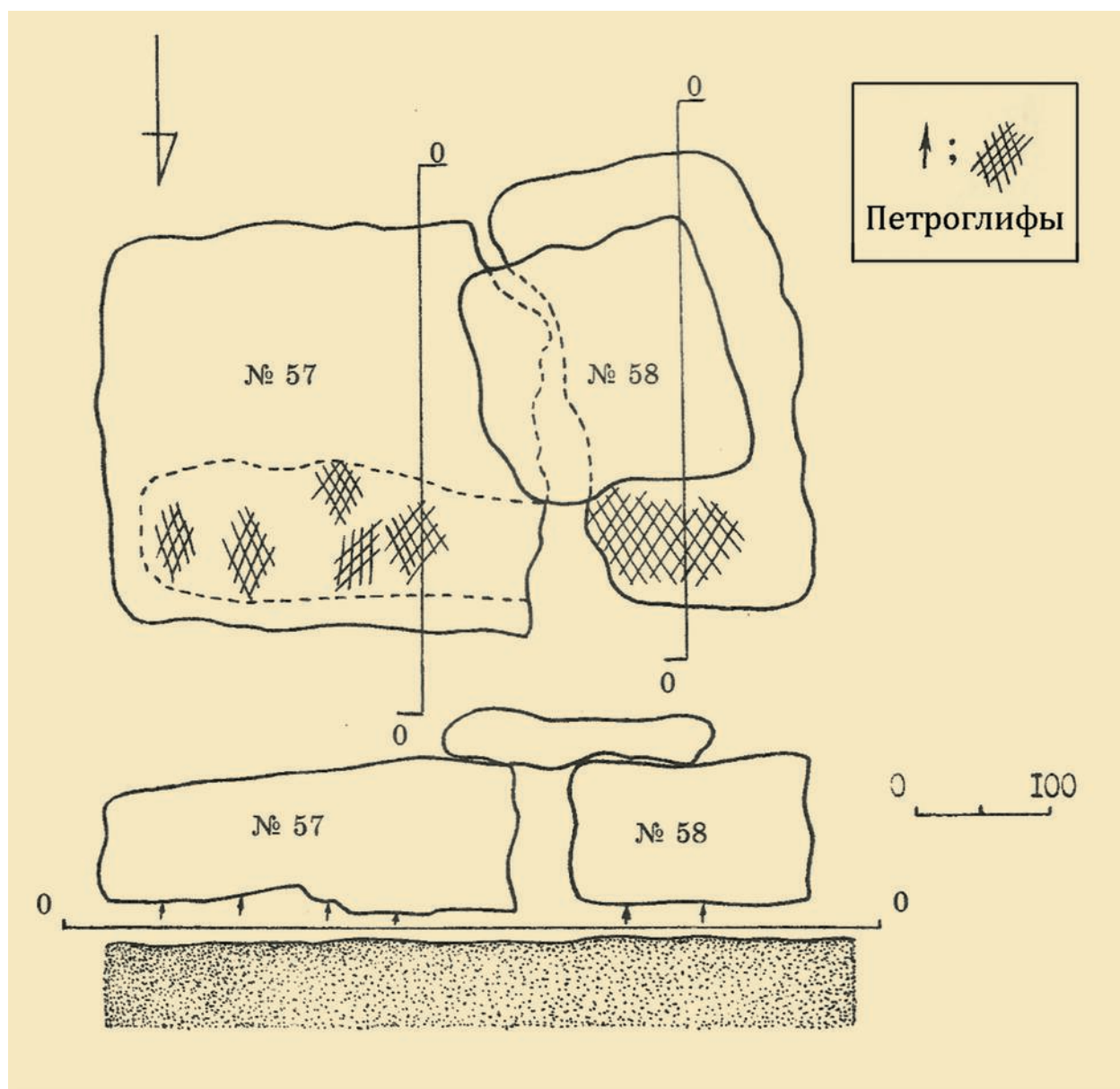
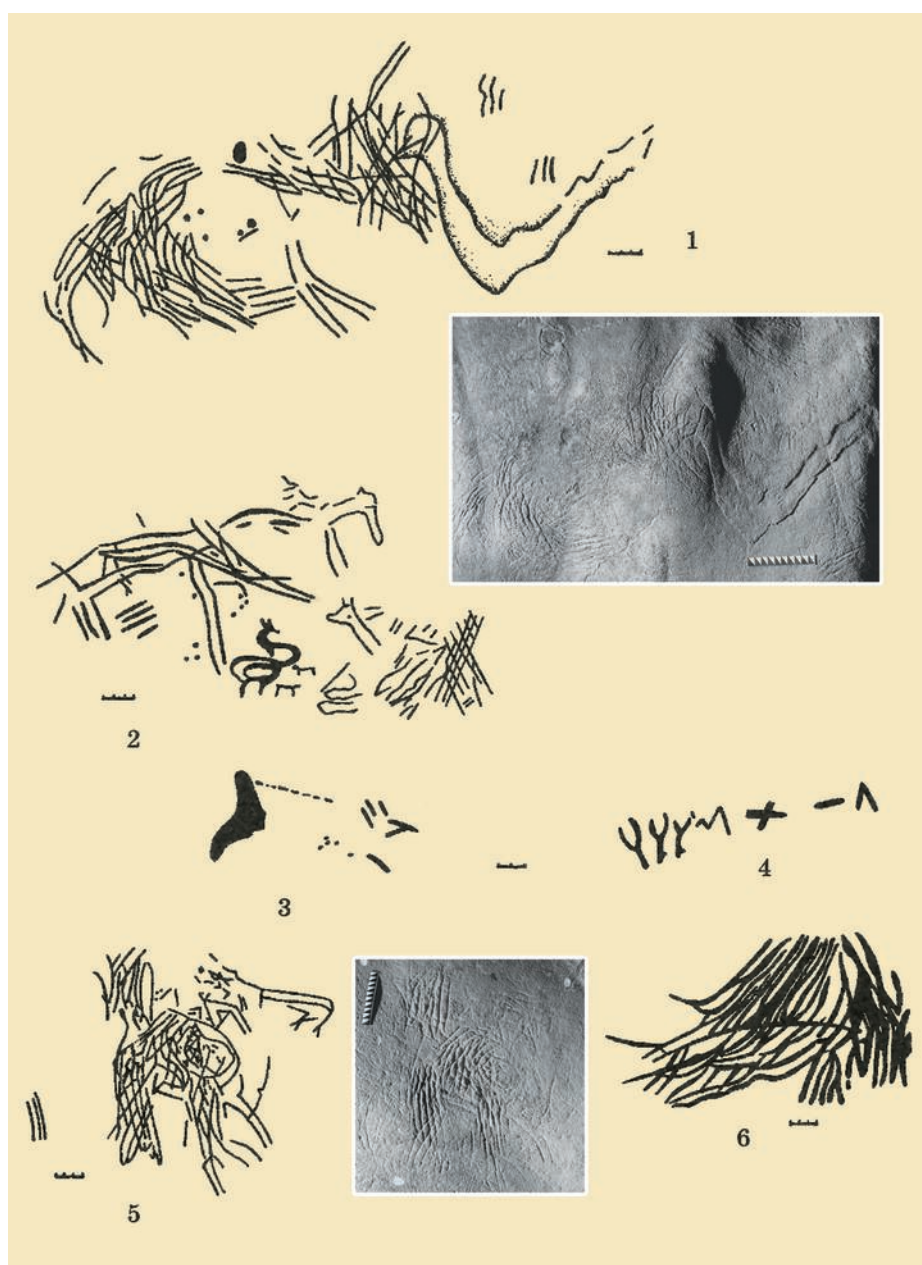

Рис. 71.
Рисунки
из пещеры 57:
1 — фигура лося в
окружении лебедей (?);
2 — бык с
луноподобными
рогами;
3 — собака;
4 — письмена;
5 — колдун;
6 — мифические
животные

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 57

Плита расположена в северо-западном секторе холма у подножия известного грота Быка. Вход в пещеру находится на восточной стенке расщелины (длина — 5,2 м, ширина — 1,5–1,8 м, высота — 1,2 м), представляет собой коридор, переходящий в своеобразный «зал», с потолком сферической конфигурации, имеющим темно- и светло-коричневый «загар» (результат обветривания) (рис. 70). В северной части потолка, на обожженном ярко-красном песчанике, сохранились следы огня в виде черной сажи (?).

Петроглифы выполнены тонкими гравировками в стиле «решетчатого квадрата», и лишь одна фигура (водоплавающая птица) дана в технике горельефа. Изображение овцебыка (?) нанесено вертикальными «макаронами». Рисунки расположены в разных местах пещеры,

Рис. 72.
Рисунки из
пещеры 57:
1 — животные
и петух;
2 — изображения
антропоморфных
фигур и животных;
3 — «сцена соития»

однако концентрируются отдельными сюжетными группами, между которыми видны одиночные петроглифы в виде коротких линий, знаков-символов и т. д.

Фигуры 1 и 2. Находятся на потолке широкого коридора, на расстоянии 1,4 м от входа (рис. 71.1). Первая воспроизводит фигуру животного, стоящего головой вправо, которая выполнена тонкими линиями в стиле «решетчатого квадрата» и кривыми линиями. Морда животного явно напоминает лося (просматривается горбоносость), передние конечности выброшены вперед, задние сильно поджаты. Хвост воспроизводит голову водоплавающей птицы с широким клювом, возможно лебедя. Напротив лося (?) изображена в технике горельефа водоплавающая птица с длинной шеей и коротким клювом.

Фигуры 3–8. Композиция расположена на небольшом карнизе, который является началом сферического потолка пещеры. Состоит из

большой фигуры крупного быка с небольшим хоботом, увенчанного крупными месяцеподобными рогами. Фигура дана в динамике, передние ноги высокие, задние — короткие, что как будто-бы указывает на мамонта. Однако широкие месяцеобразные рога убеждают, что перед нами все-таки бык с хоботом, явно несущий мифологическое содержание (рис. 71.2). Перед описанным рисунком изображены два оленя, стоящие один над другим, с короткими вилообразными рогами. Ниже быка расположены змееподобное существо и две фигуры мелких животных, а рядом — косуля.

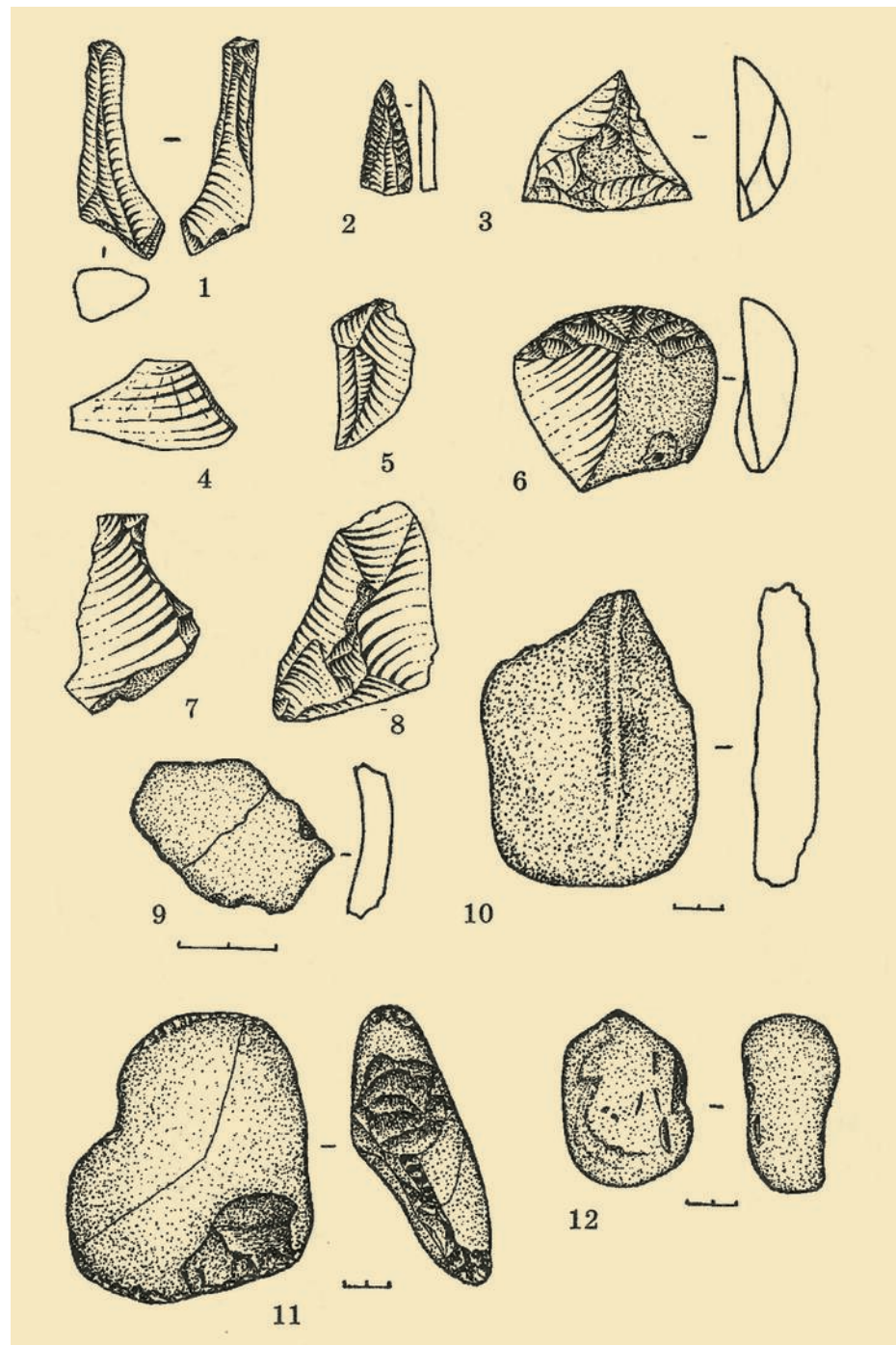

Рис. 73.
Каменный инвентарь
из пещеры 57:
1 — обломок нуклеуса;
2 — острие;
3 — срединный
трехсторонний резец,
обсидиан;
4-5, 7-8 — отщепы;
6 — концевой скребок;
9 — фрагмент
керамики;
10-11 — каменные
диски;
12 — отбойник

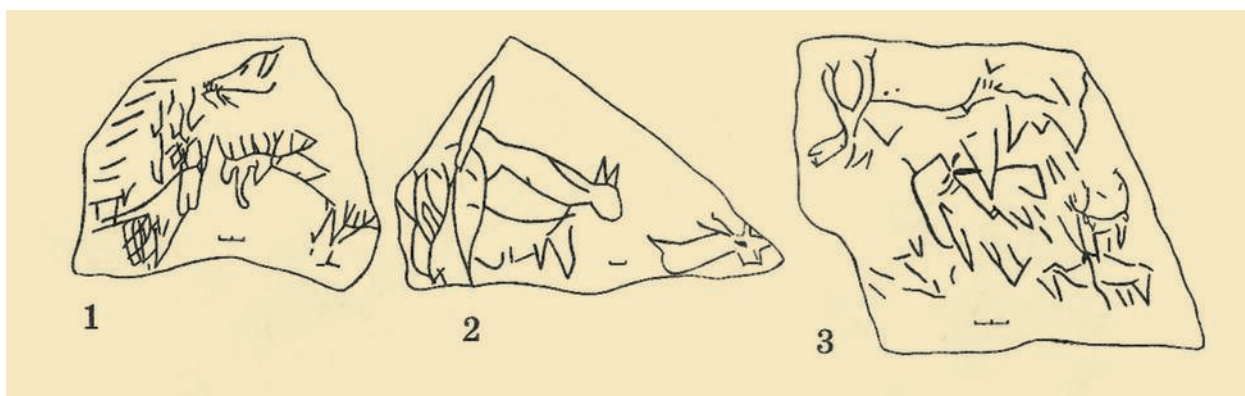

Рис. 74.
Изображения
животных на блоках
из пещеры 57

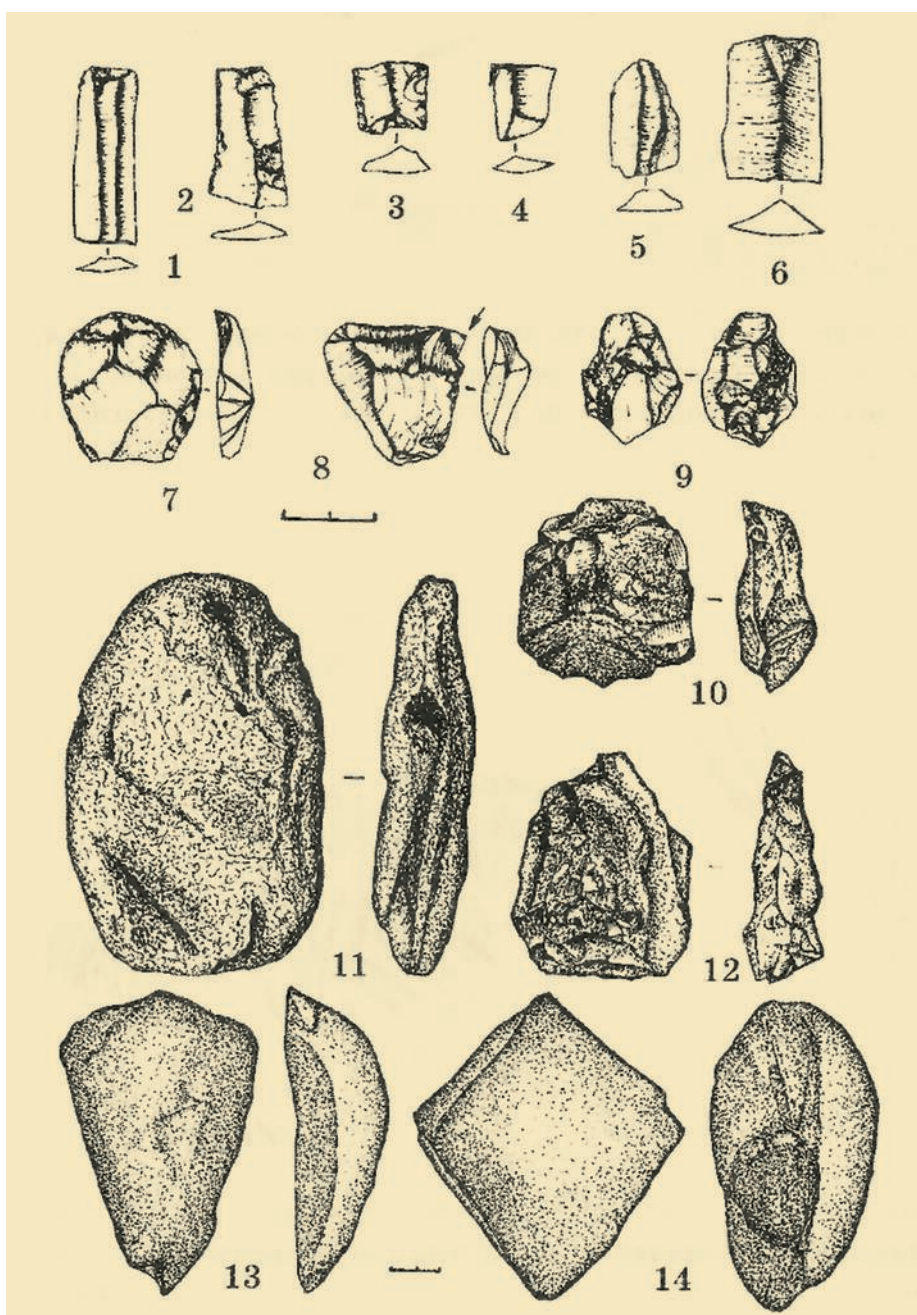

Рис. 75.
Каменный инвентарь
из пещеры 58:
1-6 — ножевидные
пластины;
7 — скребок;
8 — резец;
9 — дисковидное
орудие;
11-12 — дисковидные
скребки.
Каменный инвентарь
из пещеры 57:
13-14 — подтреугольная
и ромбовидная плитки

Фигуры 9 и 10. Находятся в южной части пещеры. Первая изображает, по-видимому, быка с месяцеобразными высокими рогами, воспроизведенного посредством хаотичных прямых и кривых гравировок. За быком дана петушинообразная птица с клювом, в хвосте которой прослеживается морда животного (диффузное изображение), вероятно медведя. Вблизи расположены три фигуры животных с острыми мордами и углообразными рогами (олени?) (рис. 72.1).

Фигуры 11 и 12. Находятся в дальнем северо-восточном углу пещеры. Первая изображает шамана-охотника (высота — 36,5 см), выполненного в «квадратно-решетчатом» стиле, в согнутой позе, с вздыбленной спиной, поднятым вверх большим «хвостом» и опущенной вниз головой, повернутой в фас (рис. 71.5). Над шаманом — бык с острой мордой и вытянутым туловищем, крутыми рогами. Напротив шамана-охотника дано вздыбленное животное (длина — 34,5 см, высота — 19,0 см), по-видимому фантастический овцебык (бизон), выполненный в стиле вертикальных «макарон» (рис. 71.6).

Фигуры 13 и 14. Изображения в виде наклонных и круговых лент, размещенных на потолке в южном секторе. Сохранились очень плохо (осыпались), а потому копировать их не было возможности.

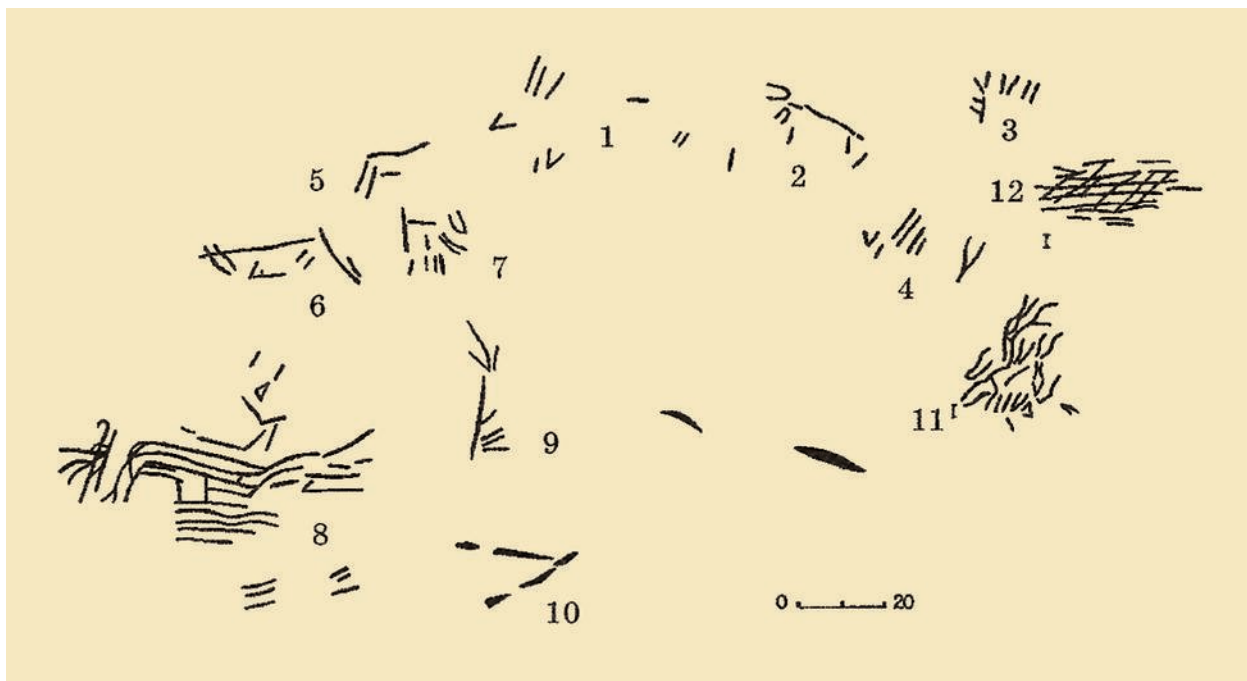
Фигуры 15–20. Расположены к северу от центра пещеры, на сильно обветренной поверхности потолка, выполнены легким штрихом. Они подразделяются на следующие виды:

1) животные с острыми мордами, прямыми и высокими рогами, овальными крупами (быки?), над ними — две волнообразные линии (рис. 72.2);

2) животные в динамичных позах с треугольными мордами (рис. 72.3а);

3) животные с как бы повернутыми тупообразными головами и большими ушами (лоси?), рядом с ними — две вертикальные линии-бороздки, угол и семь коротких бороздок (рис. 72.3б);

Рис. 76.
Изображения из пещеры 58:
1 — фрагмент фигуры животного;
2–3 — бык;
4 — животные;
5 — фрагмент антропоморфной фигуры;
6 — фигура животного;
7 — животное;
8 — бык в позе защиты-нападения;
9 — бык;
10 — знак женский символ;
11 — загадочные фигуры животных

4) две антропоморфные фигуры (мужчина и женщина), хорошо отмечен извергающийся фаллос, на животе мужчины нанесены три параллельные линии (рис. 72.3в);

5) антропоморфно-зооморфная фигура, как будто с рогами (рис. 72.3г).

Фигуры 21 и 22. Находятся на небольшом карнизе рядом с предыдущими фигурами. Первое изображение воспроизводит лишь части (элементы) животного, скорее всего собаки: морду, уши, широкую лапу и заднюю конечность с хвостом (рис. 71.3). На расстоянии 30 см, с правой стороны по фризу легким штрихом начертаны знаковые письмена (длина — 17 см) и вилообразные знаки, ломаная линия, крест, горизонтальная черточка, перевернутый угол и т. д. (рис. 71.4).

При входе в пещеру были найдены кремневое орудие (резец) и фрагмент керамики с растительными включениями, а также пять кремневых предметов и один — из обсидиана: обломок пирамидального нуклеуса (рис. 73.1), острие (верхняя часть, рис. 73.2), срединный трехсторонний резец из обсидиана (рис. 73.3), концевой скребок на массивном отщепе (рис. 73.6) и отщепы (рис. 73.4, 5, 7, 8).

Среди находок есть два каменных диска (первый — 9,0 × 9,5 см, второй — 8,5 × 11,5 см): первый изготовлен из каменномогильского песчаника с большим включением железняка, оббит по краю с двух сторон сколами (рис. 73.10); второй — из мелкозернистого песчаника (высота — 11,5 см, ширина — 9,5 см, толщина — 5,5 см), оббит небольшими сколами со следами изношенности (рис. 73.11). Обнаружен также маленький отбойник (высота — 7,3 см, ширина — 5,9 см, толщина — 3,8 см) со следами изношенности (рис. 73.12).

Кроме того, в песке описываемой пещеры, на глубине до 30 см, обнаружены многочисленные песчаниковые плитки-конкреции со следами обработки в виде прямых сколов по краю и шлифовки, образующие подтреугольные и ромбовидные фигуры (рис. 75.13, 14).

В пещере под изображениями 1–10 найдены три небольшие песчаниковые плитки-блока подтреугольной формы. На лицевой стороне поверхностным штрихом нанесены гравировки. На первой плитке (длина — 34 см, ширина — 21 см, толщина — 12 см) изображена фигура женщины с большой отвислой грудью, в костюме животного (высота — 13 см), с прямыми рогами на голове, напротив нее — вздыбленное животное (высота — 18 см) с округлой мордой и рогами, по-видимому са-

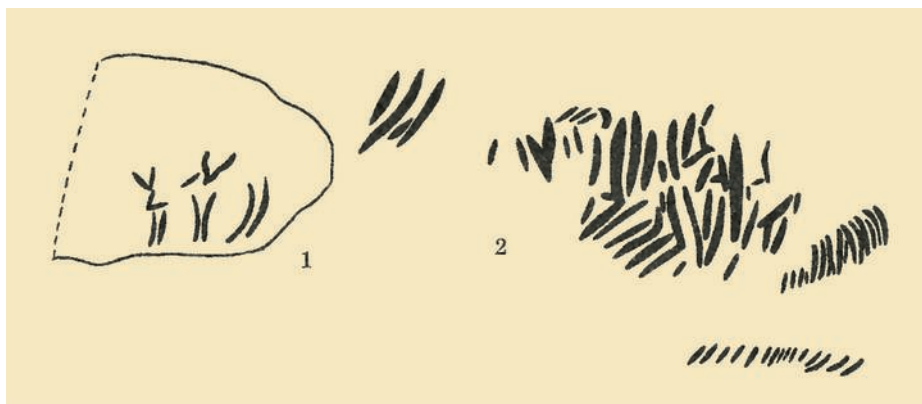

Рис. 77.
Местонахождение 59:
1 — плитка-блок
с изображением
животных;
2 — изображение на
карнизе

Рис. 78.
Петроглифы из
пещеры Козы (60):
1 — лось, олень;
2 — мифическая
фигура животного
(мамонт);
3 — козы, бык;
4 — утка на яйце;
5 — голова змеи и
фигура животного

мец (олень?) (рис. 74.1). На второй плитке (длина — 22 см, ширина — 16 см, толщина — 11 см) изображен дикий кот с поднятым длинным хвостом, округлой мордой и углообразными ушами (высота — 9 см, длина — 12 см) (рис. 74.2). Вблизи верх ногами нарисовано животное (лось или олень). На третьей плитке (длина — 22 см, ширина — 16 см, толщина — 11 см) изображено большое животное (лось?) (длина — 11,0 см, высота — 6,5–7,5 см), а позади него — большая телица и два оленя. Над группой находится еще один лось. Четвертая маленькая фигура, выполненная силуэтно несколькими линиями, расположена в левом углу и представляет собой животное в динамичной позе с выброшенными вперед конечностями; голова передана в виде угла (рис. 74.3).

Рис. 79.
Петроглифы из
пещеры Козы (60):
1-3 — животные;
4 — изображение
женского силуэта,
шалаша и «письмен»;
5, 7, 9 — загадочные
животные;
6 — лебедь;
8 — судно;
10-11 — рыбоподобные
изображения

Местонахождение 58

Представляет собой массивную плиту вытянутой формы (длина — 7,1 м, ширина — 3,4 м, толщина — 1,8-1,5 м), лежащую по линии север — юг (рис. 70).

В толще песка светло-серого цвета, на глубине 10-20 см, найдены две песчаниковые плитки: первая имеет овальные очертания, на одной из ее сторон нанесены два противоположащих угла; вторая — обломок песчаника с хорошо отшлифованным краем, явно служивший в качестве орудия при нанесении петроглифов. Обнаружен также кремневый инвентарь: ножевидная пластина (длина — 3,5 см, ширина — 1,4 см) (рис. 75.1), срединный обломок ножевидной пластины

(длина — 3 см, ширина — 1,2–1,5 см) с краевой ретушью (рис. 75.2), нижний обломок ножевидной пластины с боковой ретушью и мысообразным краем, подправленный мелкой ретушью (рис. 75.3), верхний и нижний обломки пластин (рис. 75.4–6), концевой скребок на отщепе (рис. 75.7), угловой резец на массивном отщепе (рис. 75.8) и дисковидное плоское орудие с острым краем со следами использования (рис. 75.9). Особую ценность имеют находки орудий из гранита: топор-тесло (высота — 8,5 см, толщина — 2,0 см, ширина — 5,5 см), обработанный по краю сколами (рис. 75.11), и два дисковидных скребка (1-й — высотой 4 см, толщиной 1,5 см, шириной 3,7 см; 2-й — высотой 4,8 см, шириной 3,7 см, толщиной 1,6 см) (рис. 75.10, 12).

На потолке пещеры на небольшом участке (1,0 × 1,4 м) нанесены поверхностным штрихом рисунки-гравировки (рис. 76):

Фигура 1. Животное, представленное фрагментами частей тела: угловатая морда, рога, передняя конечность, туловище, хвост (?) (рис. 76.1).

Фигура 2. Бык с серпообразными рогами. Туловище передано прямой линией, конечности — вертикальными линиями (рис. 76.2).

Фигура 3. Животное с угловатыми рогами, воспроизведено вертикальными линиями-бороздками (рис. 76.3).

Фигура 4. Животное, которое напоминает предыдущее, выполнено в том же стиле (рис. 76.4).

Фигура 5. Животное; воссозданы круп и часть туловища (рис. 76.5).

Фигура 6. Животное с удлинённым туловищем и длинной головой-хоботом (рис. 76.6).

Фигура 7. Животное, напоминающее фигуры 3 и 4, с более реалистично отмеченными деталями (рис. 76.7).

Фигура 8. Изображение, расположенное в северном углу и господствующее над всеми рисунками, явно передает фигуру быка в позе бодания (нападение? защита?), с угловатой мордой и выдвинутыми вперед рогами (рис. 76.8).

Фигура 9. Животное, расположенное перед фигурой 8, дано с угловатыми рогами и мордой, вертикальными задними конечностями (рис. 76.9).

Фигура 10. Углообразное штриховое изображение под углом 40–45° (рис. 76.10).

Фигура 11. Животное, выполненное хаотичными витиеватыми линиями, среди которых просматривается туловище с передними и задними конечностями и опущенной головой, а из области шеи как бы выходит антропоморфная фигура (торс?) (рис. 76.11).

Фигура 12. Животное в летящем галопе, перекрытое горизонтальными линиями. Рядом нанесены вилообразный и углообразный знаки (рис. 76.12).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 59

Плита (длина — 60 см, высота — 30 см, толщина — 26 см) находится с левой стороны от входа в грот Быка (№ 9). В нижней части плиты имеется выступ-карниз, на котором расположены многочисленные бороздки, составляющие фигуру животного (медведь?) (рис. 77.2). По крайней мере, хорошо угадываются голова в форме угла, передние и задние конечности. Рядом, позади животного, нанесены П-образный знак и небольшие бороздки, сгруппированные на верхнем фризе

числом 16, а на нижнем – числом 15; очень похоже, что это календарный счет.

Вблизи описанного изображения найден обломок песчаникового блока, на котором в правом углу в геометрическом стиле и с использованием фрагментов фигур нарисованы два оленя (?) (высотой 10–12 см) (рис. 77.1).

Местонахождение 60 (Пещера Козы)

Находится на северном склоне холма (длина — 18,0 м, ширина — 1,0–2,0 м, высота — 0,8–1,0 м). Вход расположен в широкой расщелине между двумя плитами. Пещера ориентирована по линии север — юг. Потолок имеет сферическую поверхность с карнизами-выступами. Петроглифы расположены как на самом потолке, так и на карнизах. В песке (заполнении) пещеры было найдено 62 экземпляра блоков-конкреций, расписанных многочисленными рисунками-гравировками, и 10 экземпляров скульптур.

Рисунки на потолке и карнизах

Фигура 1. Рисунок, выполненный тонкой гравировкой, находится на потолке при входе в пещеру и представляет собой фигуру животного-колдуна в профиль (высота — 28 см), с лосиной или оленьей головой, ветвистыми рогами и задними конечностями (передние отсутствуют). Внизу под описанной фигурой находится изображение небольшой козы (?) (рис. 78.1).

Фигура 2. Расположена на небольшом карнизе и выполнена тонким орудием. Рисунок представляет собой фигуру женщины без головы, согнутой в торсе (высота — 16 см) и с отвислой грудью. Рядом изображено хижинообразное сооружение, испещренное косым решетчатым рисунком (высота — 13 см) (рис. 79.4).

Фигура 3. Петроглифы на вертикальной стеле-карнизе, выполнены в две линии, складываются из следующих рисунков: 1) голова козы; 2) коза; 3) хоботообразная голова и конечности животного; 4) водоплавающая птица с повернутой назад головой, испещренная вертикальными прямыми и крестообразными линиями; 5) голова быка; 6) голова животного (?) (рис. 78.3).

Фигура 4. Расположена на потолке в центре пещеры и представляет собой композицию с животными. Впереди стоит зверь с хоботом (14 × 22 см) (рис. 79.1). Рядом еще три существа: бык/корова (?), олень и животное неопределяемого вида (рис. 79.2).

Фигура 5. Расположена рядом с описанной группой рисунков и состоит из двух линий-туловищ, задних конечностей, небольших рогов (ушей?) и передних конечностей, которые переданы несколькими углами (длина — 18 см) (рис. 79.3).

Фигура 6. Находится рядом с фигурой 5 и выполнена в том же стиле, причем ее главной особенностью является острая и широкая голова (высота — 9 см) (рис. 79.5).

Фигура 7. Расположена на своде потолка и представляет собой рисунок (высота — 12 см) водоплавающей птицы с высокой шеей и острым клювом-головой (лебедь?) (рис. 79.6).

Фигура 8. Находится на противоположном своде пещеры и представляет собой фигуру с рогами на голове и острым птичьим клювом — скорее всего колдуна. Конечности выполнены четырьмя вер-

тикальными линиями (высота — 14 см). Впереди этого изображения расположена еще одна фигура с согнутым торсом (рис. 79.7).

Фигура 9. Находится на потолке перед нишей-«скинией». Представляет собой многочисленные кривые линии, образующие шалашевидное сооружение (высота — 22 см), а при повороте рисунка просматриваются фигуры животных (мамонтов?) (рис. 80.1).

Фигура 10. Расположена рядом с предыдущим рисунком. Посредством тонких, глубоких, кривых линий изображена натуралистическая фигура взрослого мамонта с шерстистым покровом, мощной головой, коротким хоботом (высота — 28 см). Передние конечности короткие, задние — высокие. Над мамонтом художник разместил еще какое-то животное с опущенной округлой головой; туловище выполнено вертикальными линиями, что также, по-видимому, передает волосяной покров (рис. 80.2).

Фигура 11. Расположена рядом с описанной выше группой животных. Представляет собой зверя с удлинено-овальной головой-мордой, высокими месяцеобразными рогами (высота — 7 см). Туловище выполнено посредством многочисленных углов (волосяной покров) с детализацией передних и задних конечностей (рис. 80.3).

Фигура 12. Находится рядом с фигурой 11. Выполнена многочисленными кривыми и дугообразными линиями (высота — 14 см). Воссоздана голова с острой мордой, туловище приземистое. Возможно, здесь следует видеть медведя (?) (рис. 80.4).

Фигура 13. Животное (высота — 14 см) выполнено «решетчатым квадратом», имеет динамичную позу и птичью голову-клюв (рис. 79.9).

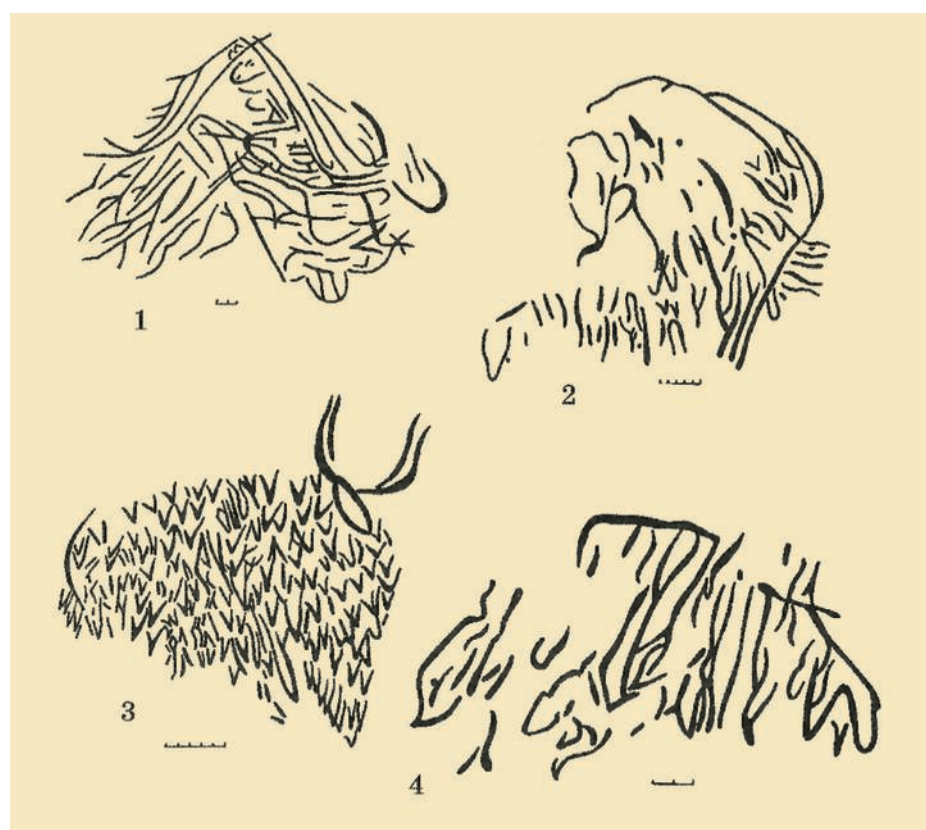

Рис. 80.
Петроглифы из
пещеры Козы (60):
1 — загадочное
изображение (шалаш);
2 — мамонт;
3 — овцебык;
4 — медведь

Фигура 14. Находится в глубине пещеры и представляет собой лодку (высота — 12 см) коробчатого типа с мачтой (рис. 79.8).

Фигуры 15–16. Изображения двух рыб (длина — 10 и 12 см), которые расположены близко друг к другу. Первая имеет овальную форму, глаз и прямую линию по центру фигуры (рис. 79.10); вторая стреловидная, с расходящимся хвостом в виде нескольких коротких бороздок (рис. 79.11).

Фигура 17. Находится в «восточной штольне» (длина — 21 см, высота — 18–20 см) и представляет собой водоплавающую птицу с повернутой назад головой; под птицей имеется яйцевидное углубление (яйцо?) с расходящимися лучами-бороздками (рис. 78.4).

Фигура 18. Находится на расстоянии 1 м от предыдущей фигуры. Здесь изображена зооморфная фигура, похожая на змею или медведя (высота — 17 см, ширина — 22 см) (рис. 78.5).

Рисунки на блоках-конкрециях

Блок 1. Плита (высота — 28 см, ширина — 70 см) с рельефной поверхностью. Найдена в «скинии», на которой стояли два светильника, изготовленные из конкреции каменномогильского песчаника путем выбивания отпечатка раковины обитателя Среднесарматского моря.

На лицевой стороне плиты изображена трехчленная композиция из следующих фигур (рис. 81.1):

1) группа животных (левая сторона) в суперпозиции, среди которых просматриваются мамонт, олень, антропоморфная фигура (колдун?);

2) фигура мамонта в натуралистическом стиле, с большим хоботом, бивнями в фас и свисающим волосяным покровом;

3) приземистое животное, трудноугадываемое (возможно, медведь), с опущенной острой мордой, высокой спиной и длинным хвостом; по всей фигуре отмечены падающие вертикальные бороздки, которые явно передают волосяной покров.

Блок 2. Плита (высота — 29,5 см, ширина — 16,5 см) овальных очертаний. На лицевой стороне среди многочисленных линейно-геометрических гравировок просматриваются две противостоящие друг другу антропоморфные фигуры. Левая, явно мужская, увенчана рогами оленя, как будто с фаллосом; правая с подчеркнутыми округлыми бедрами и набедренной повязкой. Фигуры соединены между собой длинной линией. Внизу слева хорошо видна фигура животного с острой мордой (рис. 81.2).

Блок 3. Плита (высота — 26,0 см, ширина — 25,5 см) овальных очертаний, вся испещренная кривыми и прямыми линиями. В левой части блока хорошо просматривается фигура молодого мамонта с опущенным хоботом, выполненная в стиле геометризации: конечности переданы острыми углами. В правой части изображены три антропоморфные женские фигуры в том же стиле. Внизу расположена аналогичная фигура (рис. 81.3).

Блок 4. На плите (высота — 16,0 см, ширина — 11,5 см) угловидной формы изображена голова человека с длинным носом и тонкой шеей. На щеке нанесены четыре бороздки-метки (?) (рис. 82.1).

Блок 5. Плита (38 × 44 см) овальной формы. На лицевой стороне в многочисленных кривых и прямых линиях-бороздках хорошо просматриваются большая голова мамонта с бивнями, хоботом и стоящие напротив несколько фигур мамонтов, выполненные своеобразным «визуальным» рисунком. В стороне видны фигуры оленей и козлов (рис. 82.2).

Рис. 81.
Пещера Козы (60):
 1 — блок-плита с
 изображением
 мамонта;
 2 — антропоморфные
 фигуры и животное
 (коза, олень?);
 3 — рисунок
 мамонтенка среди
 гравировок
 человеческих фигур

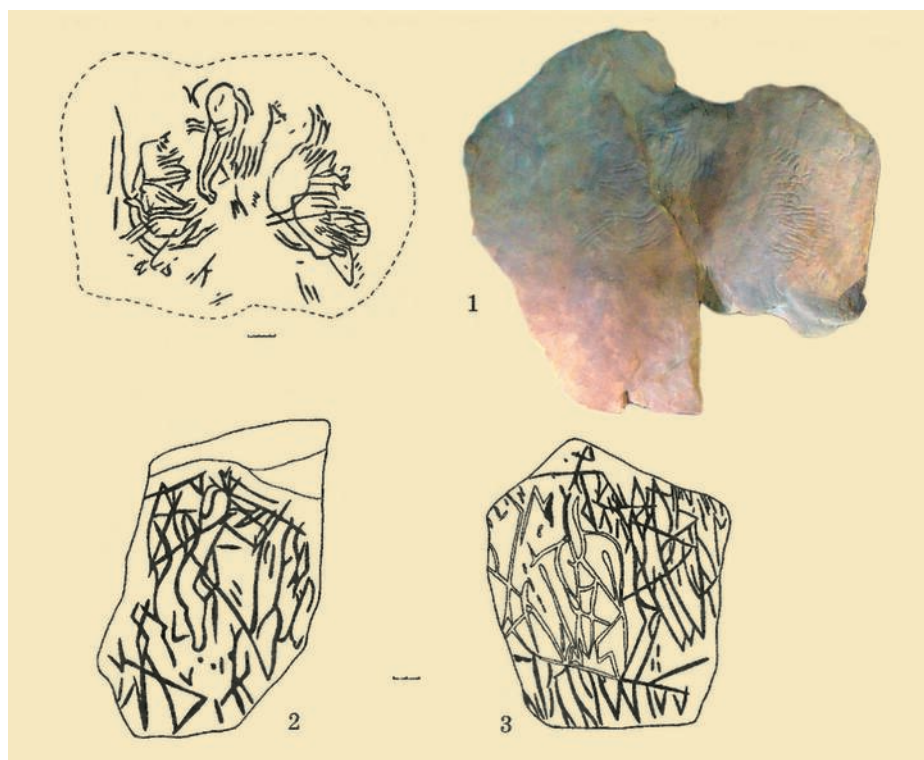

Рис. 82.
Блоки-плитки с
рисунками-
гравировками из
пещеры Козы (60):
 1 — портрет человека;
 2 — мамонт среди
 животных и линейно-
 геометрических
 начертаний;
 3 — загадочные знаки;
 4 — изображение
 бизонов-быков;
 5 — изображение
 медведя среди
 загадочных
 начертаний

Блок 6. Плитка горизонтальной «ногообразной» формы (длина — 85 см, ширина — 15–16 см). На лицевой стороне стилизованно изображена передняя часть фигуры быка с тупой головой и вилообразными рогами, выдвинутыми вперед. Рядом расположены многочисленные вертикальные короткие бороздки, возможно составляющие фигуру животного, а дальше — четыре группы «точек» по 3, 7, 8, 9 (рис. 82.3).

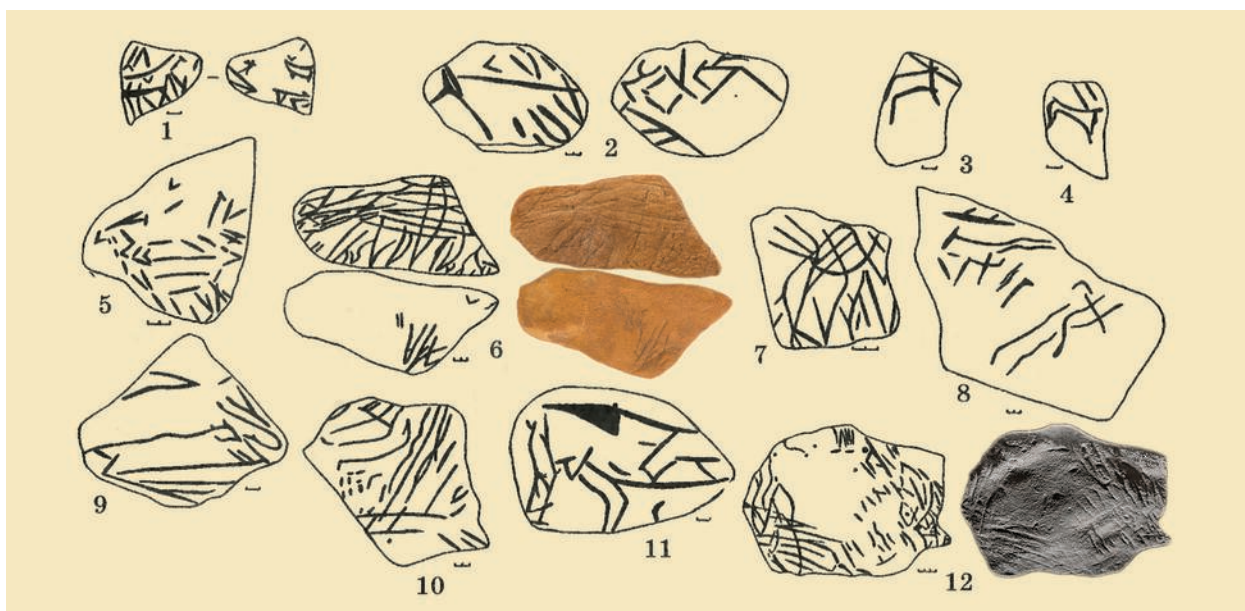

Рис. 83.
Блоки-плитки с
рисунками-
гравировками из
пещеры Козы (60):
1-12 — изображения
животных и
антропоморфных
фигур

Блок 7. Плита неправильной формы (51–53 см). В верхней части изображена массивная фигура животного с месяцеобразной головой (рогами). Внизу просматриваются отдельные фигуры и фрагменты животных (рис. 82.4).

Блок 8. Плита неправильной формы (38 × 65 см), где среди многочисленных «витиеватых» линий просматривается короткая голова животного (медведь?). В центре блока изображена трехпалая лапа, возможно птицы (рис. 82.5).

Блок 9. Плитка (45,0 × 6,5 см) подтреугольной формы. На лицевой и обратной сторонах имеются линейно-геометрические и зооморфные рисунки (рис. 83.1).

Блок 10. Плитка (8,5 × 12,5 см) овальной формы. На лицевой стороне — изображение животного с острой мордой и прямыми рогами; туловище воспроизведено прямыми линиями, конечности — углами и глубокой дугой (рис. 83.2).

Блок 11. Плитка (5 × 7,5 см) дугообразной формы, на лицевой стороне изображено животное квадратной конфигурации с сильно удлиненной мордой и большими углообразными рогами (рис. 83.3).

Блок 12. Плитка (4,5 × 8,0 см) овальной формы. На лицевой стороне дана фигура животного с прямыми, откинутыми на спину рогами (рис. 83.4).

Блок 13. Плитка (11 × 16 см) подтреугольной формы, на которой изображены в геометрическом стиле фигуры нескольких животных с острыми мордами и углообразными рогами (олени?) (рис. 83.5).

Блок 14. Плитка (11,5 × 26 см) овальной (с одного края), угловой (с другого края) формы. На лицевой стороне видны многочисленные антропоморфные (?) фигуры, перечеркнутые горизонтальными линиями-бороздками (рис. 83.6).

Блок 15. Плитка (10 × 12 см) подквадратной формы. На лицевой стороне изображено животное с высоким горбом и острой опущенной мордой, с коротким хвостом, перекрываемое вилообразным рисунком (рис. 83.7).

Блок 16. Плитка (11 × 22 см) подквадратно-угловой формы. Рисунки выполнены тонкими линиями-бороздками, в которых угадываются антропоморфная рогатая фигура и животное (рис. 83.8).

Блок 17. Плитка (13 × 15,5 см) подтреугольной формы. На лицевой стороне изображены фигура животного с острой мордой и будто в перспективе — овальная голова, увенчанная острыми рогами (рис. 83.9).

Блок 18. Плитка (12 × 16,5 см) овальной формы. Рисунки нанесены в виде прямо-кривых линий, среди которых просматривается фигура животного (олень?) с высокими рогами (рис. 83.10).

Блок 19. Плитка (10 × 15,5 см) овальной формы, на лицевой стороне — фигура животного с короткой, повернутой в фас острой мордой и согнутыми передними конечностями; над ней изображено, вероятно, колющее орудие (копье?), а впереди — антропоморфные рогатые фигуры (рис. 83.11).

Блок 20. Плитка (23 × 33 см) овальной формы, в левой половине изображены голова и передние конечности слонообразного животного (мамонт?), а в правой — голова животного с короткой острой мордой (рис. 83.12).

Блок 21. Плитка (10 × 12 см) овальной формы. На лицевой стороне дана фигура быка, на фоне которого изображена корова с месяцеобразными рогами, выполненная пунктиром (рис. 84.1).

Блок 22. Плитка (10 × 12 см) овальной формы; в верхней ее части нарисовано животное с большой овальной головой (бык?) (рис. 84.2).

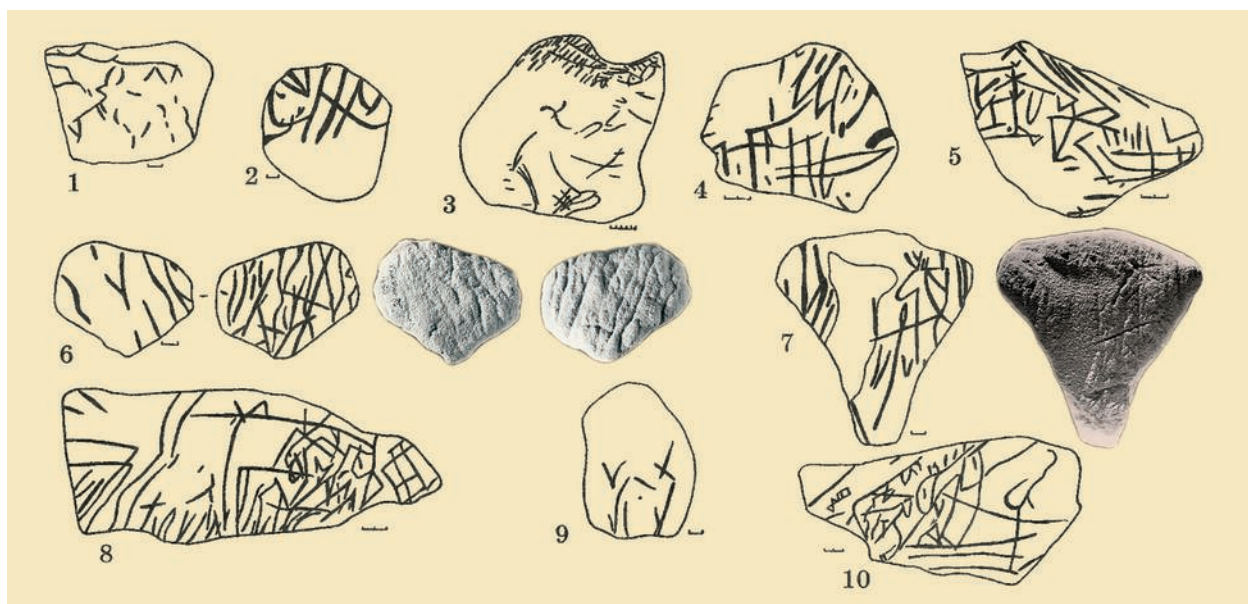
Блок 23. Плитка (30 × 42 см) овально-вогнутой формы. На лицевой стороне:

1) фигура, выполненная прямыми короткими бороздками, заканчивающаяся острой овальной головой с глазом;

2) фигура крупного животного без головы (рис. 84.3).

Блок 24. Плитка (13 × 16 см) овальной формы. Рисунки изображают трех животных с углообразными головами-рогами, под ними — рыбообразные фигуры (рис. 84.4).

Рис. 84.
Блоки-плитки с
рисунками-
гравировками из
пещеры Козы (60):
1–10 — изображения
животных и
антропоморфных
фигур

Блок 25. Плитка (12 × 22 см) подтреугольной формы с линейно-геометрическими рисунками, среди которых угадываются зооморфные фигуры (рис. 84.5).

Блок 26. Плитка (7 × 10 см) овальной формы, где с двух сторон хорошо просматриваются зооморфные фигуры: на одной стороне — с острыми рогами и мордой, на другой — с длинной мордой и угловатыми конечностями (рис. 84.6).

Блок 27. Плитка (11 × 15,5 см) подтреугольной формы; среди линейно-вертикальных рисунков доминирует голова животного (олень?) с ветвистыми рогами (рис. 84.7).

Блок 28. Плитка (12,5 × 32 см) подтреугольно-острой формы. На лицевой стороне в центре изображено небольшое животное, выполненное в геометризированном стиле, с острой мордой и рогами, над которым как бы зависла голова змеи (рис. 84.8).

Блок 29. Плитка (8 × 11 см) овальной формы, на которой дано животное (косуля?) с острой мордой-рогами и изящно выполненными конечностями (рис. 84.9).

Блок 30. Плитка (13,5 × 28 см) овально-вытянутой формы. На плоскости с левой стороны стоят две фигуры животных с небольшими мордами, над ними нависла небольшая голова змеи (рис. 84.10).

Блок 31. Плитка (8 × 11,5 см) подтреугольной формы. Рисунки выполнены в геометризированном стиле, воспроизводят две фигуры с рогами и ромбовидными головами, стоящие друг за другом (рис. 85.1).

Блок 32. Плитка (5,5 × 8,5 см) овальной конфигурации. На лицевой стороне изображена антропоморфная фигура с фаллосом, на обратной — рисунок с углообразной головой (рис. 85.2).

Блок 33. Плитка (7,5 × 16,5 см) неправильной формы. В центре видна антропоморфная рогатая фигура, перечеркнутая многочисленными косыми бороздками (рис. 85.3).

Рис. 85.
Блоки-плитки с рисунками-гравировками из пещеры Козы (60):
1, 4–10 — «сцены соития»;
2 — мужская фигура;
3 — антропоморфная рогатая фигура

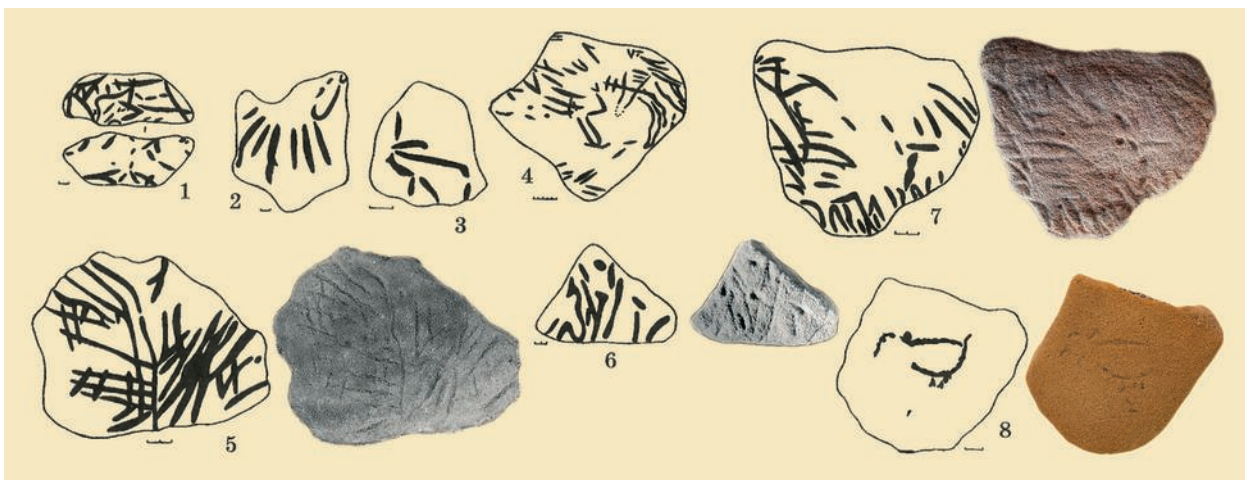

Рис. 86.
Блоки-плитки с
рисунками-
гравировками из
пещеры Козы (60):
1-4 — изображения
животных;
5-6 — «сцены соития»;
7 — загадочные
изображения;
8 — птица (утка)

Блок 34. Плитка (7,5 × 14,5 см) овальной формы. На лицевой стороне изображена антропоморфная фигура с согнутым торсом, над ней доминирует еще одна фигура с большой округлой головой (рис. 85.4).

Блок 35. Плитка (14,5 × 23 см) подтреугольной формы. Рисунки выполнены в том же геометrizированном стиле, что и на блоке 31 (рис. 85.1), где антропоморфные фигуры стоят друг за другом, явно в эротической позе. Головы увенчаны рогами, что свидетельствует о принадлежности к рангу жрецов или богов (рис. 85.5).

Блок 36. Плитка (11 × 15 см) подтреугольной формы, среди вертикальных линий-бороздок прослеживается антропоморфная фигура (рис. 85.6).

Блок 37. Плитка (7,5 × 13,5 см) дугообразной формы, испещрена линейно-геометрическими рисунками, среди которых в левой стороне просматривается фигура животного с углообразными рогами (рис. 85.7).

Блок 38. Плитка (15 × 17 см) подтреугольной формы. На лицевой стороне среди вертикально-геометрических рисунков справа выделяется антропоморфная фигура (торс с хвостом) (рис. 85.8).

Блок 39. Плитка (14 × 18 см) подтреугольной формы; в центре просверлена широкая округлая ямка (2 см), а справа от нее даны две антропоморфные фигуры явно в эротической позе (рис. 85.9).

Блок 40. Плитка (12,5 × 21,5 см) аморфной формы, на лицевой стороне — линейно-геометрические рисунки (рис. 85.10).

Блок 41. Плитка (4,5 × 13 см) вытянуто-овальной формы, на лицевой стороне — фигура животного (лань?) и многочисленные линейно-геометрические рисунки (рис. 86.1).

Блок 42. Плитка (10 × 12,8 см) прямоугольно-вытянутой выпуклой формы. На лицевой стороне с помощью коротких и широких бороздок, удачно использовав конфигурацию каменного блока, древний художник воссоздал фигуру животного с овально-вытянутой головой (конь?) (рис. 86.2).

Блок 43. Плитка (3,5 × 5 см) овальной формы. На лицевой стороне изображена фигура животного (олень?) с высокими углообразными рогами (рис. 86.3).

Блок 44. Плитка (51 × 53 см) угловато-овальной конфигурации. В центре просматривается животное с короткой мордой, бегущее навстречу второму животному с большой мордой и рогами (рис. 86.4).

Блок 45. Плитка (8 × 12,5 см) подтреугольной формы, на которой изображены сидящая антропоморфная фигура и вертикальные линии-бороздки (рис. 86.6).

Блок 46. Плитка (15 × 18 см) овальной формы, испещрена многочисленными линейно-геометрическими бороздками (рис. 86.7).

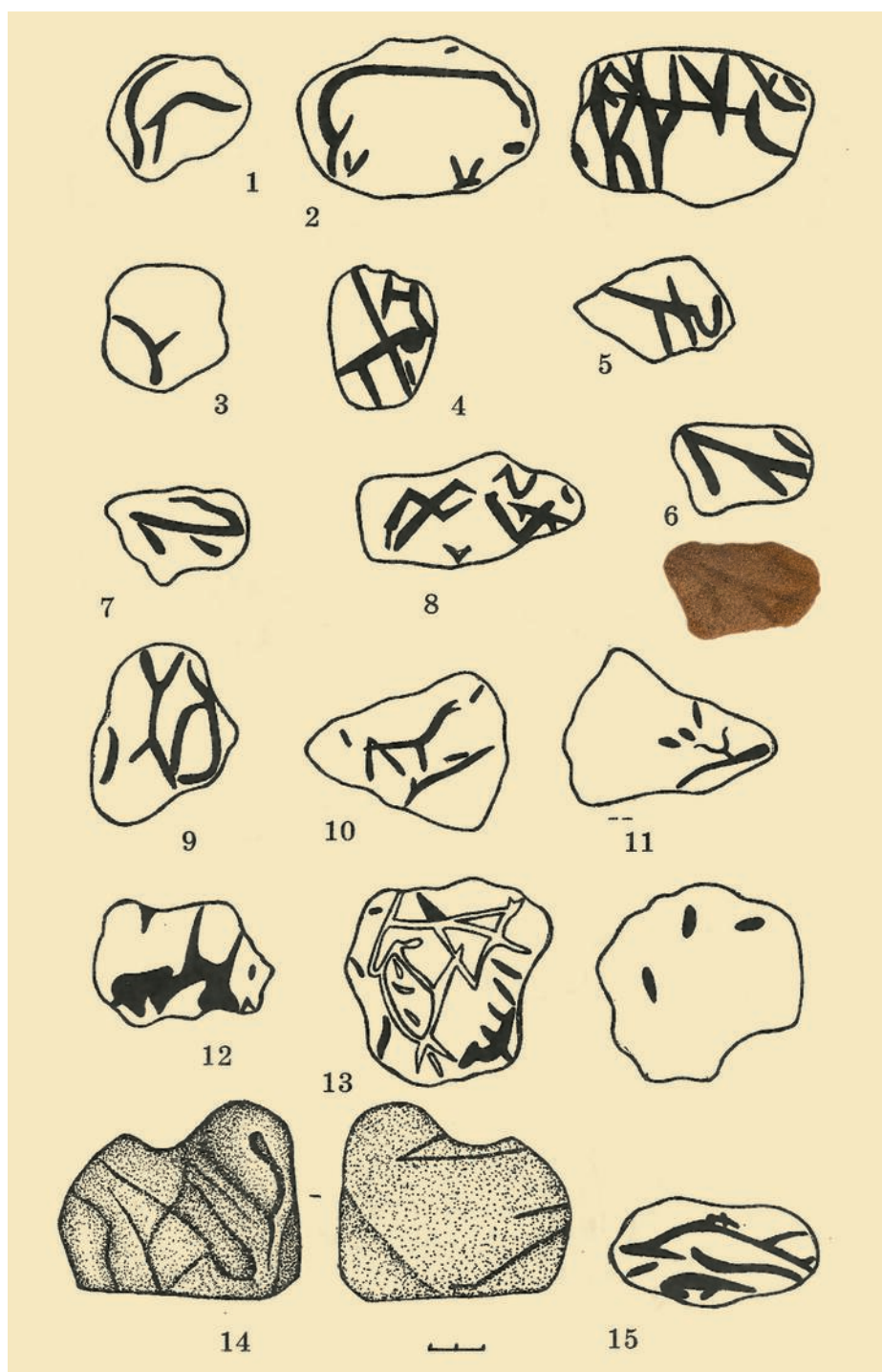

Рис. 87.
Блоки-плитки с
рисунками-
гравировками из
пещеры Козы (60):
1-2, 6-7, 10, 12-13 —
изображения
животных;
3-5, 8 — «письмена»;
9 — человекоподобные
изображения;
11 — рогатая фигура;
14 — фигура мамонта;
15 — дельфин, осе-тр

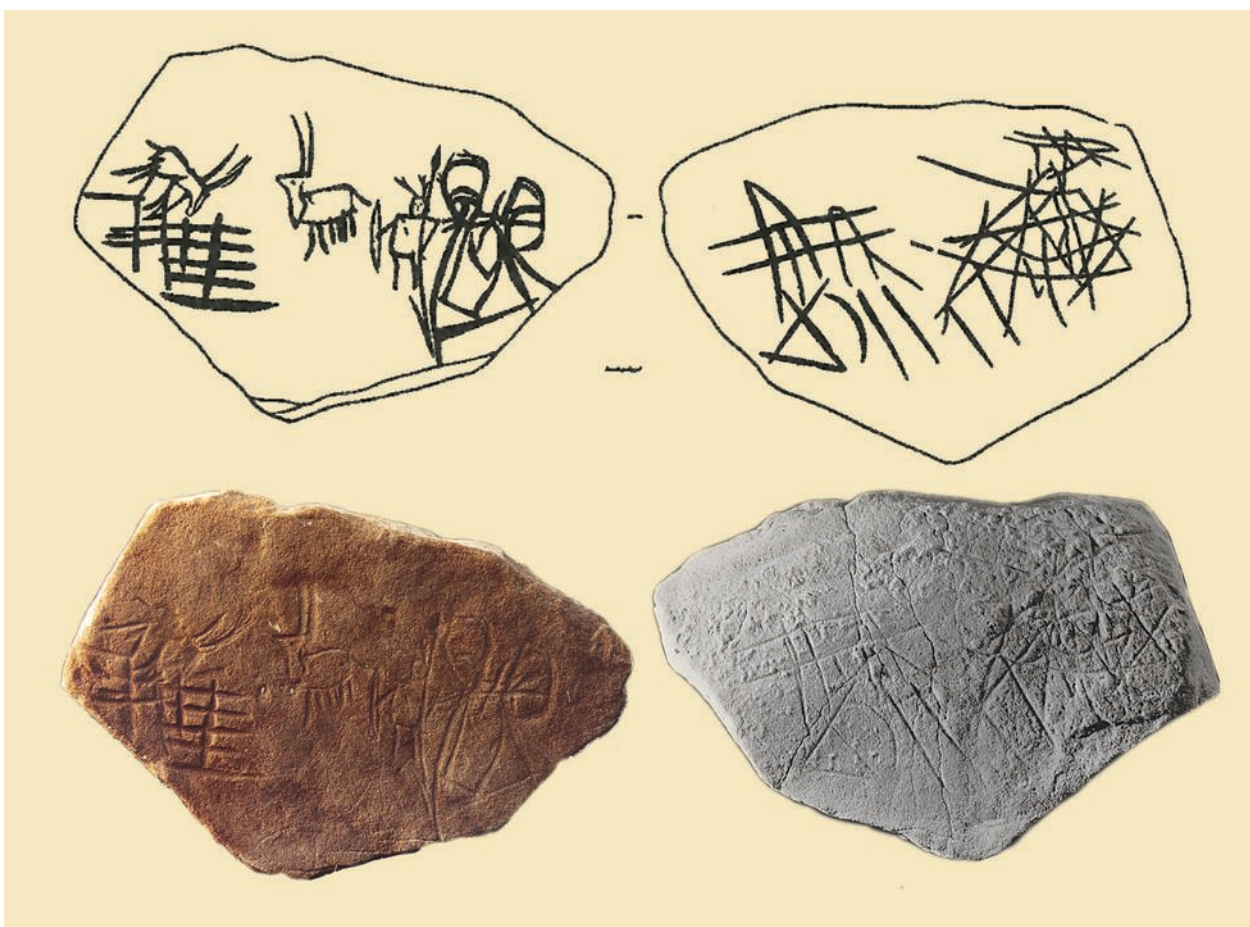

Рис. 88.
Плитка-блок с
изображением охоты
на диких коз
(их приручение)
из пещеры 60

Блок 47. Плитка (10 × 11 см) овальной формы, на которой изображена утконообразная птица, на спине у нее — ямка (яйцо?) (рис. 86.8).

Блок 48. Плитка (4,5 × 5 см) овальной формы, на лицевой стороне дана согнутая антропоморфная фигура (рис. 87.1).

Блок 49. Плитка (5 × 8 см) овальной формы, на которой с обеих сторон нанесены зооморфные фигуры (рис. 87.2).

Блок 50. Плитка (4,5 × 4 см) овальной формы. Рисунок представляет собой углообразные «рога» (рис. 87.3).

Блок 51. Плитка (4 × 5 см) овальной формы с зооморфными изображениями (рис. 87.4).

Блок 52. Плитка (3,2 × 5,5 см) овальной формы с зооморфными изображениями (рис. 87.5).

Блок 53. Плитка (4 × 6 см) овальной формы с изображением животного в динамичной позе (рис. 87.6).

Блок 54. Плитка (3 × 5 см) овальной формы с изображением животного в динамичной позе (рис. 87.7).

Блок 55. Плитка (4 × 8,5 см) овально-вытянутой формы с зооморфным изображением (рис. 87.8).

Блок 56. Плитка (4,5 × 6,5 см) овальной формы с рогатой антропоморфной фигурой, перед которой как будто находится еще одно человекоподобное существо (рис. 87.9).

Блок 57. Плитка (4 × 5,5 см) подтреугольной формы с изображением животного с вытянутой шеей (рис. 87.10).

Рис. 89.
Скульптуроподобные
фигуры из песчаника
Каменной Могилы
(пещера Козы 60):
1 — мамонт;
2 — бизон-бык;
3 — бизон;
4 — голова
пещерного льва;
5 — бизон

Блок 58. Плитка (4 × 6 см) овальной формы с рогатой фигурой (рис. 87.11).

Блок 59. Плитка (7 × 7 см) овальной формы, в центре которой находится угловатая фигура животного с высоким рогом (рис. 87.12).

Блок 60. Плитка (12 × 14 см) овальной конфигурации. На лицевой стороне — изображение животного в геометризованном стиле; на обратной — три каплевидные точки (рис. 87.13).

Блок 61. Плитка (3,5 × 2,5 см) овальной формы, на которой воспроизведена дельфинообразная фигура (рис. 87.15)

Блок 62. Плитка (29 × 46 см) овальной формы. На лицевой стороне воспроизведены слева направо коза в загородке, коза с высокими рогами и свисающей шерстью, сзади нее — охотник в маске оленя с луком и копьем; далее находится изображение шалашеобразного сооружения. На обратной стороне — многочисленные линейно-геометрические начертания, которые составляют стилизованное зооморфное изображение (рис. 88).

Скульптура

Фигура 1. Блок (21,5 × 23,5 см) песчаника воспроизводит своей конфигурацией мамонта. На лицевой стороне проработаны детали: голова, хобот, бивни, конечности (рис. 89.1).

Фигура 2. (11,5 × 14 см). Конфигурация блока после его обработки приобрела вид быкообразного существа с хорошо проработанной головой, туловище испещрено линейно-геометрическими рисунками (рис. 89.2).

Фигура 3. Блок (20,5 × 30 см) овально-покатой конфигурации, передающей спину бизонообразного животного с хорошо подчеркнутыми гривой, переходящей на обратную сторону, и конечностями (рис. 89.3).

Фигура 4. Блок (14 × 17,5 см) массивный, воспроизводящий голову кошачьеобразного животного (льва?), покрытого шерстью, с высокими ушами, ртом, глазом (рис. 89.4).

Фигура 5. Блок (7 × 9 см) овальной конфигурации, как бы воссоздающий спину животного, дополнен деталями: голова, конечности, туловище выполнены с помощью вертикально-кривых бороздок (рис. 89.5).

Фигура 6. Блок (15,5 × 19,5 см), воссоздающий голову зооморфного существа, дополнен детализацией отдельных черт: рта, носа, шерстяного покрова (рис. 86.5).

Фигура 7. Блок (8,5 × 7 см) воспроизводит фигуру мамонта с подчеркнутой высокой и массивной головой. На лицевой стороне выделены голова, хобот, конечности. На обратной стороне дана антропоморфная или зооморфная фигура (рис. 87.14).

Фигура 8. Блок (14 × 19,5 см) воспроизводит голову животного семейства кошачьих, возможно пещерного льва. Контур головы проработан с помощью отбивки и шлифовки. Хорошо выделены ухо, надбровный бугорок, нос и рот (с торцевой стороны высверлена глубокая ямка). Лицевая сторона покрыта многочисленными косыми бороздками, передающими волосняной покров животного. На обратной сто-

Рис. 90.
Скульптура головы
пещерного льва из
пещеры Козы (60)

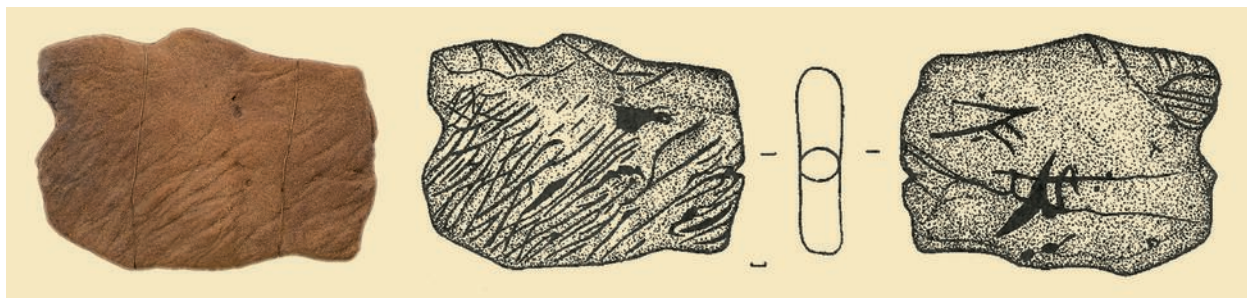

Рис. 91.
Охотники на вепря (?)
с копьями. Грот 61

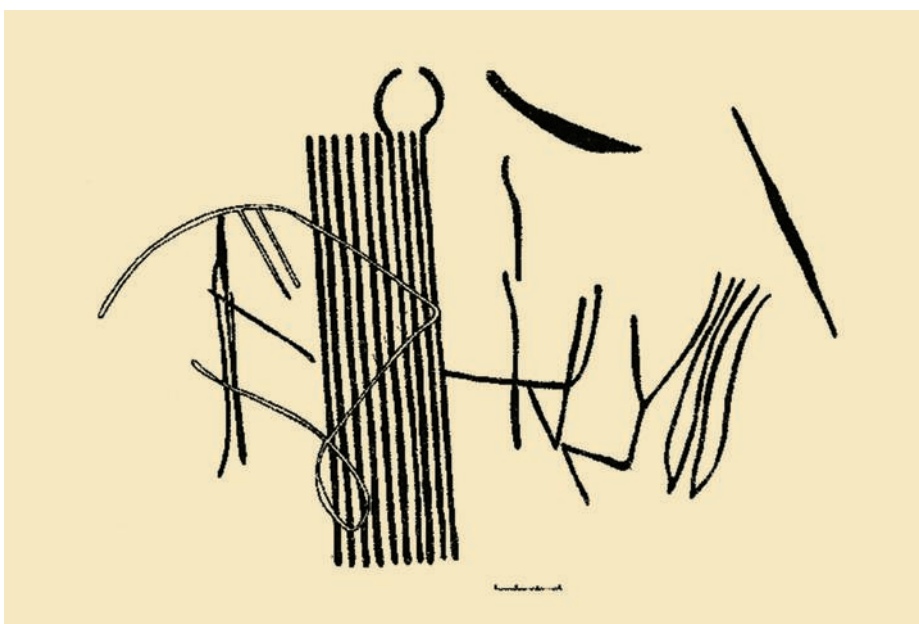

Рис. 92.
Загадочные знаки
(письмена) из
грома 61

роне на ухе нанесены несколько бороздок и ото рта идет длинная линия к центру. Рядом воспроизведена углообразная фигура с двумя отростками; здесь же и три небольшие ямки (рис. 90).

(Следующие две фигуры происходят не из пещеры Козы, а из пещеры Бизона, № 366 (см. с. 80). — *Примеч. отв. ред.*)

Фигура 9. Рыбообразная скульптура (длина — 21,0 см, толщина — 4,5 см); голова обрамлена линией-бороздкой, на туловище имеются косые бороздки, передающие плавники (рис. 38.1).

Фигура 10. Скульптура овальных очертаний с понижением к голове, на лицевой стороне воспроизведен рот в виде широкой бороздки. В нижней части туловища расположены веерообразные бороздки, которые, вероятно, имитируют волосной покров животного (рис. 38.3).

Местонахождение 61

Расположено на юго-западной стороне холма в небольшом кармане-полости. Петроглифы нанесены на плоскую верхнюю поверхность горизонтального карниза. Первая группа состоит из изображений животного (вепрь?) и двух охотников в динамичных позах с поднятыми правыми руками, в которые вложены копья с большими ромбическими наконечниками. Один охотник стоит позади животного, а другой спереди. Слева за первой фигурой выдолблена глубокая ямка (диаметр — 1 см) и показана рогатина, а в ногах охотника как будто просматривается крупное животное с удлинённой мордой. Рисунок выполнен точками-штрихом и мелкой гравировкой. В нижней части имеются крестообразное изображение, две параллельные короткие бороздки и А-образный перевернутый знак (рис. 91).

Поблизости от этой композиции находится вторая группа рисунков, состоящая из 10 вертикально сгруппированных линий-бороздок; некоторые из них имеют рогообразные конечности. В центре на эти линии-бороздки наложено витиеватое изображение; справа от них — серия геометрических знаков и единичных бороздок (рис. 92).

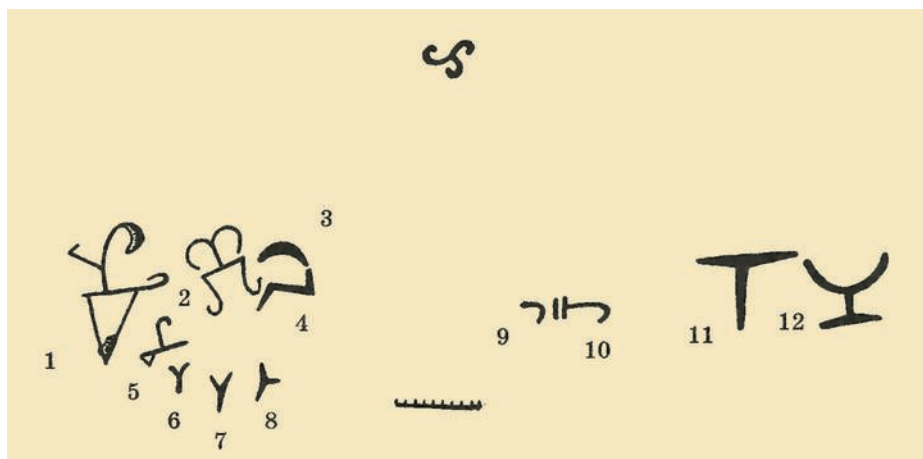

Рис. 93.
Сарматские тамговые
знаки из
местонахождения 62
(II-I в. до н. э. —
I-III в. н. э.)

*Рис. 94.
Жертвенно-обрядовое
место на холме
Каменная Могила (64)*

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 62

Открыто в результате «перевертывания» плиты (длина — 4,2 м), закрывающей грот 37. На нижней ее поверхности расположены тамговые знаки, вытянутые «в строчку» (длина — 93 см). Они выполнены тонким и острым орудием, два последних прошлифованы тупым предметом (рис. 93).

Знак 1 дан в виде удлинённого треугольника, в нижней части которого расположена своеобразная стилизованная фигура «птицы» (высота — 16 см). *Знак 2* — напоминает танцующую антропоморфную фигуру, конечности которой имеют дугобразную форму (высота — 8,5 см). *Знак 3* представляет собой серповидную фигуру (высота — 6 см), *знак 4* напоминает Z-образное начертание (высота — 6,8 см). *Знак 5* состоит из горизонтальной линии, в центре которой вверх выходит крючкообразная линия-бороздка (высота — 3,6 см). *Знаки 6–8* — в виде «рогатинок» расположены вблизи друг от друга и почти на одной линии (высота — 3,5–4,4 см). *Знак 9* представляет собой крючок, как бы лежащий по горизонтали (высота — 2,5 см). *Знак 10* напоминает большой крючок, в верхней части которого имеется перекрестие из двух коротких линий (высота — 6,2 см). *Знак 11* — большой Т-образный, выполнен широкой бороздкой (высота — 9 см). *Знак 12* — большой рюмкообразный, выполнен в той же технике, что и предыдущий (высота — 8 см). *Знак 13* — стоит обособленно над всеми описанными знаками, представляет собой трехлепестковое свастикообразное начертание (высота — 8 см)¹.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 63

Открыто в 1990 г. в небольшом кармане-пустоте. На вертикальной стенке начертаны знаки-письмена, выполненные в один ряд:

¹ Определение Э. И. Соломоник.

УД 41/42 4В4Е П

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 64

Расположено на вершине холма Каменной Могилы, состоит из пяти небольших плит высотой 0,6–0,8 м, четыре из которых (размер первой — 0,9 × 1,6 м, второй — 0,8 × 0,9 м, третьей — 0,8 × 0,9 м, четвертой — 1,05 × 1,75 м) лежат полумесяцем. Между ними находится большая овальная плита (1,5 × 2 м), на верхней площадке которой имеется углубление для очага (0,60 × 0,60 м). Оно явно служило алтарем, где в давние времена проводили жертвенно-обрядовые и другие действия (рис. 94). Вблизи расположена плита с небольшим отверстием, к которому привязывали животных, предназначенных в жертву.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ 65

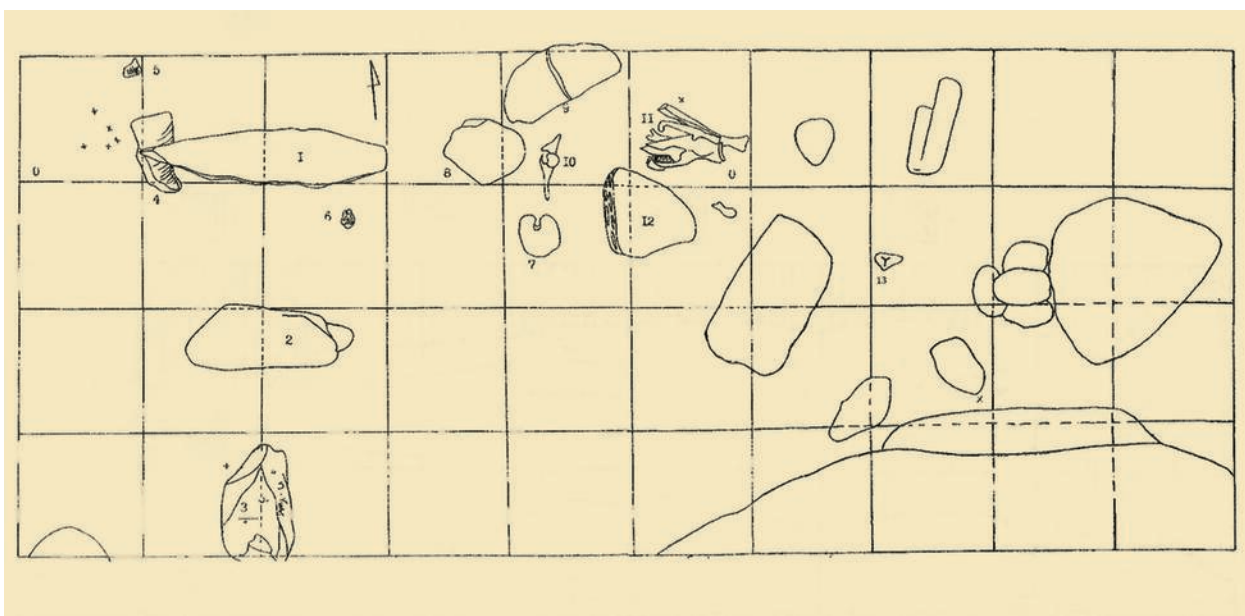
Рис. 95.

План археологических раскопок ритуально-обрядового местонахождения 65:

- 1 — каменная двухголовая рыба-человек;
- 2 — фаллоидная стела;
- 3 — птицеподобная стела с письменами;
- 4 — антропоморфная плита с письменами;
- 5–6, 13 — плитки-блоки с письменами;
- 7 — букраний (?);
- 8–9, 12 — обработанные плиты;
- 10–11 — жертвенные кости быка

Имеет особое значение в изучении петроглифического комплекса Каменной Могилы, так как пока это единственное стратифицированное обрядовое место, расположенное возле подошвы памятника, которое дало кремневый инвентарь ранненеолитического вида и песчаниковые плитки с гравировками-«письменами».

В современном рельефе у подошвы холма Каменная Могила с северо-западной и южной сторон прослеживается подовое понижение, образовавшееся в результате литологических уплотнений, где накапливаются талые и дождевые воды, получившие название «Красное озеро». На правом, южном берегу последнего расположена стоянка Каменная Могила I, а на левом северном — Каменная Могила II. Кроме того, в центре в небольшом понижении рельефа находятся полиссуары 1 и 2.

В 1999 г. была поставлена задача: обследовать район подошвы северо-западного склона песчаникового холма. Здесь периодически встречался подъемный материал в виде небольших каменных дисков и кремневых орудий явно неолитического времени.

Раскоп был заложен на северной стороне холма возле грота № 10, плита которого стоит вертикально, оторвавшаяся от основного монолита Каменной Могилы, очевидно, одной из первых. Далее расположены местонахождения 57 и 58, датированные ранненеолитическим временем.

Раскопки проводились квадратами 2 × 2 м, их общая площадь составила 40 кв. м (рис. 95).

Стратиграфическая картина следующая (рис. 96):

1. Гумусовый слой – 0,30 м.
2. Илистый грунт черного цвета — от 0,10–0,15 до 0,20–0,30 м.
3. Песок среднесарматского яруса, переотложенный, смешанный, серого цвета — 0,40–0,50 м.
4. Песок среднесарматского яруса, ярко-желтого цвета, видимая мощность — 0,60–0,80 м.

В результате исследований в третьем горизонте, в песке среднесарматского яруса серого цвета, в квадрате 2–3 А–Б была найдена зооморфная скульптура из каменномогильского песчаника, которая в верхней проекции имеет асимметричную форму.

Профиль левой и правой сторон явно воссоздают голову животного или рыбы. На морде сохранились следы скульптурной обработки. Сверху обработан глаз и широкий прошлифованный рот-бороздка. Правая сторона изображает голову мистического «китоподобного» существа, а нижняя часть — голову (профиль) человека. Длина скульптуры — 2 м, ширина — 0,45 м, высота — 0,40 м (рис. 97 и 98).

Скульптура рыбы головой лежала на небольшой плитке-конкреции антропоморфных очертаний (нижняя часть фигуры), на поверхности которой нанесены многочисленные волнистые линии (длина — 0,64 м, ширина — 0,32 м), а также Y-образный знак (рогатина) и лабрис (рис. 99.3).

Рис. 96.
Профиль
археологических
раскопок ритуально-
обрядового
местонахождения 65
1 — гумусированный
слой;
2 — илистый грунт
черного цвета;
3 — песок
среднесарматского
яруса, смешанный,
серого цвета;
4 — песок
среднесарматского
яруса, ярко-желтого
цвета

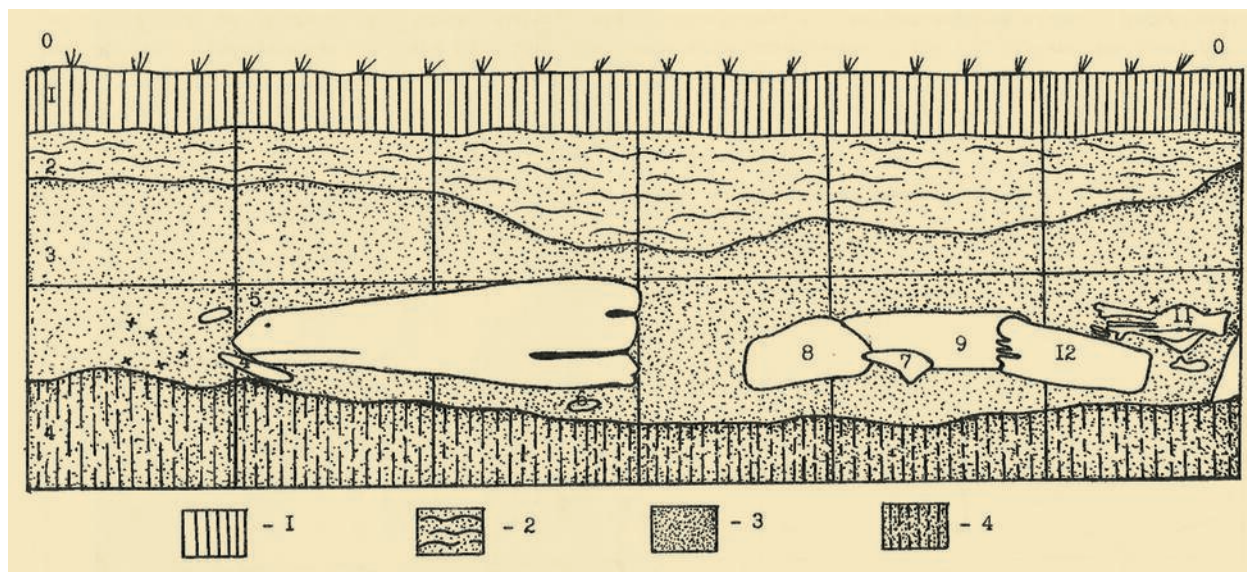

Рис. 97.
Каменная двухголовая
рыба-человек.
Местонахождение 65

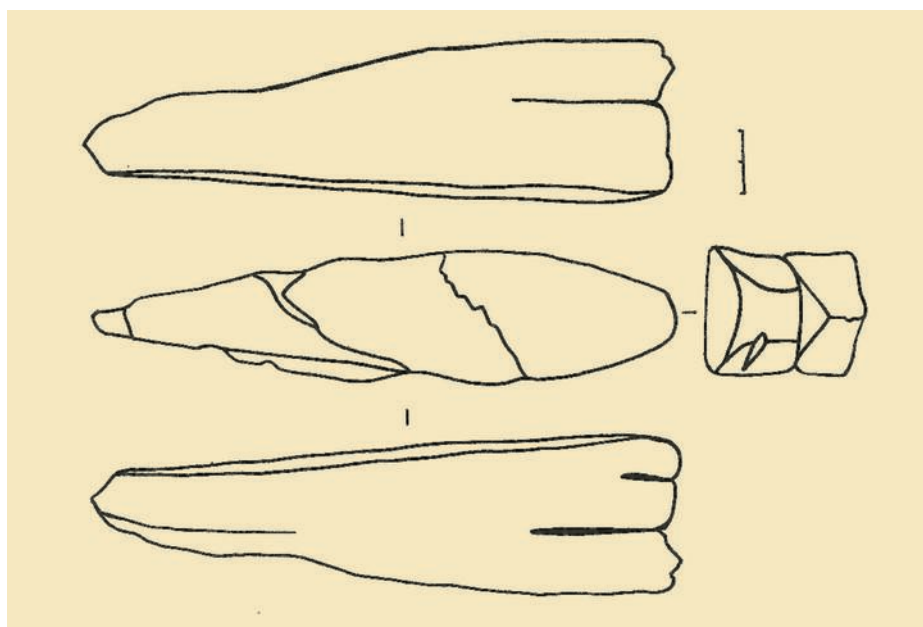
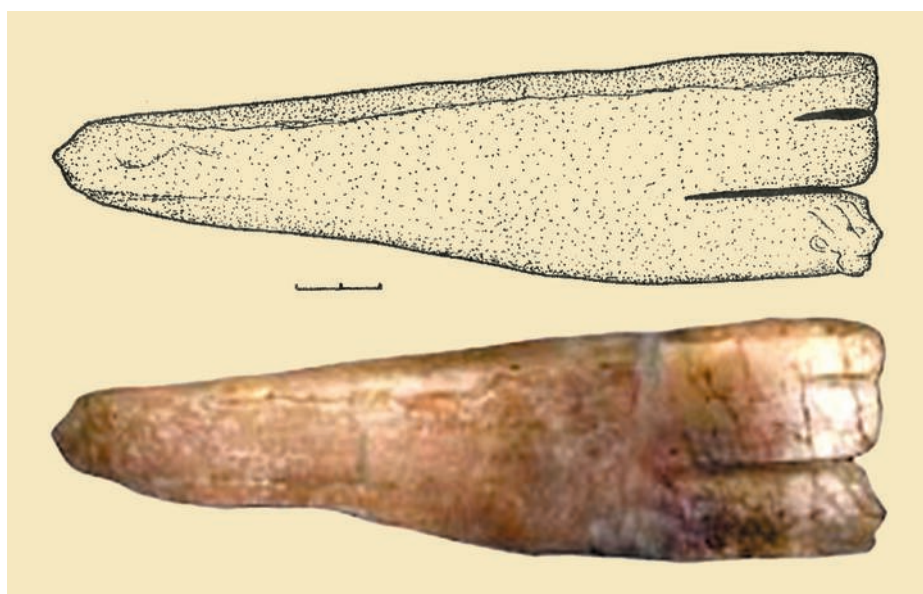

Рис. 98.
Каменная двухголовая
рыба-человек.
Местонахождение 65

В южной стороне раскопа (квадрат 2-3Б) на расстоянии 1,9 м от скульптуры находился фаллоидный менгир со следами обработки (шлифование) и подчеркнутым «концом» (высота — 1,35 м, ширина — 0,52 м) (рис. 99.1). С южной стороны на расстоянии 0,70 м находилась еще одна плита (высота — 1,01 м, ширина — 0,51 м), в верхней части которой воссоздана выемка — «крылья», а в нижней — небольшой выступ, что характерно для зооморфных стел энеолитического времени (рис. 99.2).

На этом стратиграфическом уровне в квадрате 4А находилась с восточной стороны еще одна небольшая плита (высота — 0,43 м, ширина — 0,53 м, толщина — 0,08-0,17-0,20 м). Лицевая сторона имеет неровности, «подправленные» древним художником, воссоздавшим,

Рис. 99.
Каменные атрибуты
ритуально-обрядового
местонахождения 65:
1 — фаллоидная стела;
2 — птицеподобная
стела с письменами;
3 — антропоморфная
плита с письменами;
4–6 — плитки-блоки с
письменами

таким образом, фигуры трех мамонтов (слонов). Хорошо проработана голова с хоботом и глазом, а также конечности первого животного, за ним изображена голова второго мамонта (слона), который как бы выходит из-за первой фигуры, а третья фигура, возможно, воссоздана на левой стороне по периметру плиты (рис. 100).

Рядом с плитой найдена кремневая ножевидная пластина с глубокой желтой патиной и с «прилипшим» фрагментом каменномогильского песчаника явно позднепалеолитического возраста (рис. 102.1), которая синхронна по времени с кремневым инвентарем из местонахождения Секиз I неподалеку от Каменной Могилы (рис. 102.1–2).

Вблизи, в квадрате 3Б, найдена плита-конкреция (11 × 14 см), расписанная с двух сторон линейно-геометрическими петроглифами (письменами), среди которых растянутый крест (рис. 99.5). В квадрате 1А находилась еще одна небольшая плитка (11 × 15 см) с пятью вер-

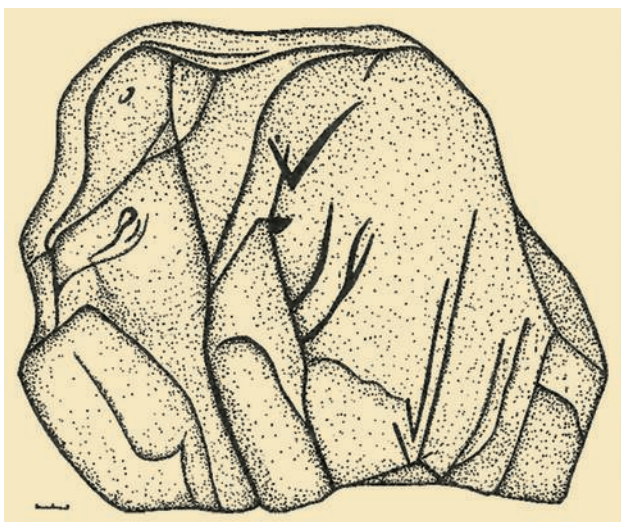
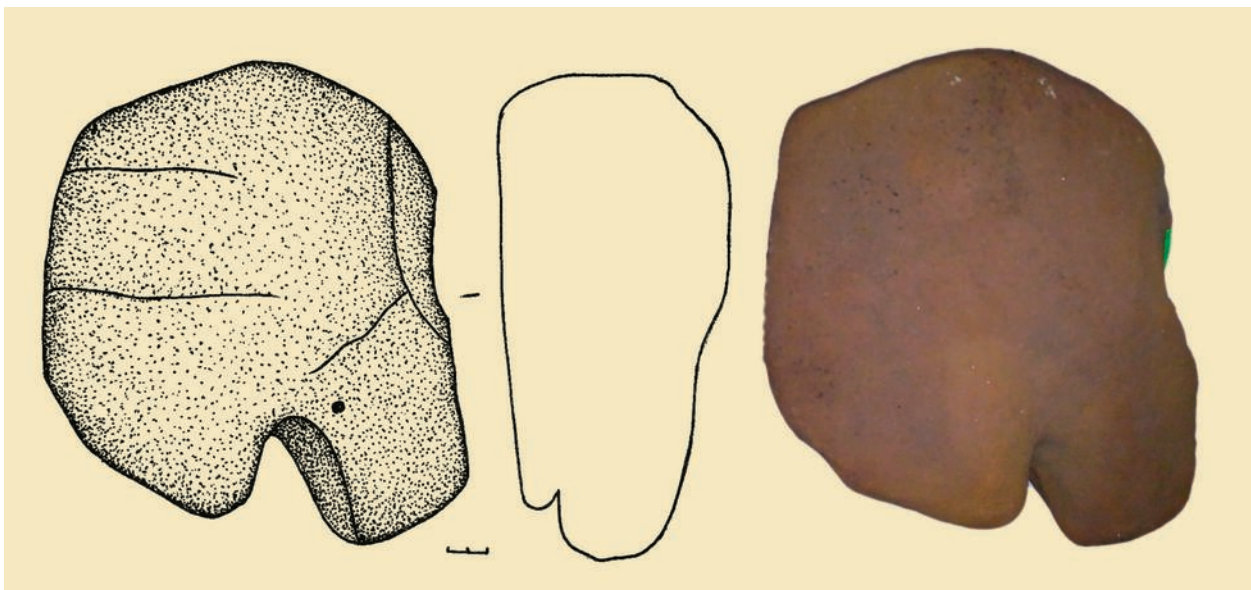

Рис. 100.
Изображения
мамонтов на
каменной плитке.
Местонахождение 65

тикальными бороздками, перечеркнутыми прямой горизонтальной линией, в углу которой размещена шестилучевая звезда (рис. 99.4).

С восточной стороны от зооморфной скульптуры на глубине 1,0–1,2 м лежали по кругу четыре плиты геометрических конфигураций. В центре находились фрагменты костей животного (челюсть, лопатковые фрагменты и др.), вероятно быка. Рядом были кремневые орудия труда: ножевидная пластина с остатками — наплывом оксидов железа (1,2 × 3,1 см) и глубокой плотной патенизацией желтого цвета (рис. 102.1); ножевидная пластина с зубчатой стороной, сильно изношенная (1,8 × 3,0 см, рис. 102.2); микропластина (0,6 × 1,7 см, рис. 102.3); обломок срединной ножевидной пластины (1,5 × 3,0 см, рис. 102.4); скол оживления нуклеуса (0,5 × 4,6 см, рис. 102.5); скоблевидное орудие с белой (молочной) патиной (3 × 3,8 см, рис. 102.6); срединный резец на первичном отщепе (4,5 × 6,5 см, рис. 102.7) и отщеп с зубчатым краем (1,5 × 3,0 см, рис. 102.10).

Рис. 101.
Каменная плита с
признаками
антропоморфности
или букраний.
Местонахождение 65

В состав инвентаря входят также орудия из песчаника: ритуальный наконечник дротика ($2,8 \times 5,5$ см, рис. 102.8); срединный резец с противоположным угловым резцом ($3,5 \times 9,1$ см, рис. 102.11); дисковидное орудие из роговика ($4,0 \times 4,5$ см, рис. 102.12) и фрагмент керамики неолитического времени ($3,7 \times 4,5$ см, рис. 102.9).

Рядом найдена фаллоидная плитка (длина — 15 см, толщина — 6,7 см) и скульптура женского торса (?), а в перевернутом виде, возможно, следует видеть букраний (высота — 30 см, ширина — 27 см, рис. 101) или песчаниковую плитку подпрямоугольной формы ($10,5 \times 7,5$ см) с полированной поверхностью.

На восточной стороне раскопа (исследования 2001 г.) также найдены кремневые орудия труда: пластина микролитическая (рис. 103.1); резцы срединные, угловые, боковые (рис. 103.2–7); ножевидная пластина (рис. 103.8); срединный обломок пластины (рис. 103.9); скребок на первичном отщепе (рис. 103.10), а также сильно патенизированное скоблеподобное орудие на отщепе (рис. 103.14), которое, возможно, датируется эпохой позднего палеолита.

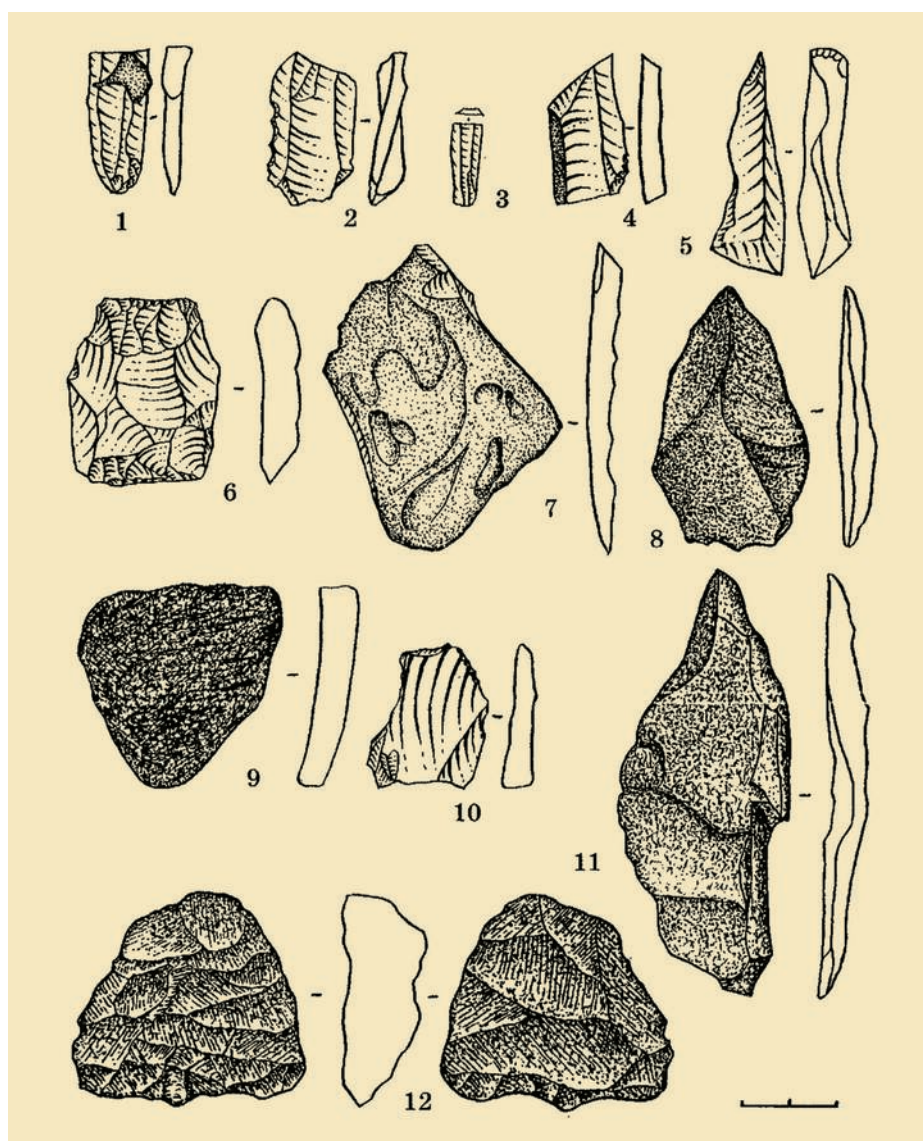

Рис. 102.
Каменный инвентарь с
ритуально-обрядового
местонахождения 65:
1 — ножевидная
пластина;
2 — ножевидная
пластина с зубчатым
краем;
3 — микролитическая
пластина;
4 — обломок
ножевидной пластины;
5 — концевой скребок
на отщепе;
6 — скоблевидное
орудие;
7 — срединный резец;
8 — наконечник
дротика (песчаник);
9 — фрагмент сосуда;
10 — отщеп с
зубчатым краем;
11 — срединный резец с
противоположным
угловым резцом
(песчаник);
12 — дисковидное
орудие из роговика

Рис. 103.
Каменный инвентарь с
ритуально-обрядового
местонахождения 65:
1 — микролитическая
пластина;
2-7 — резцы;
8 — ножевидная
пластина;
9 — срединный вылом
пластины;
10 — скребок;
11-12 — орудия из
роговика и кварцита;
13 — кость с
геометрическими
начертаниями;
14 — скоблевидное
орудие;
15-17 — резцы из
зеленого камня и
песчаника;
18 — орудие из
железистого сланца;
19 — ножевидная
пластина (песчаник)

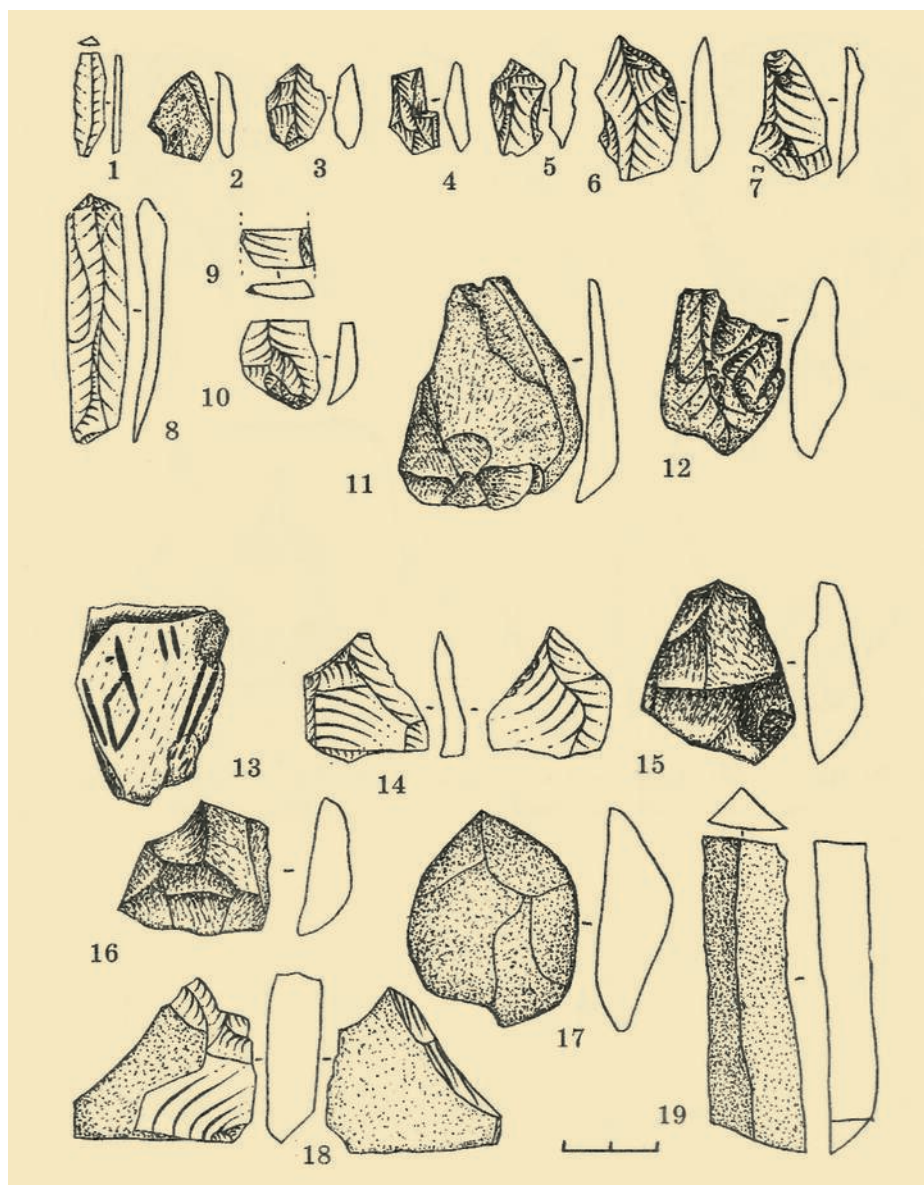
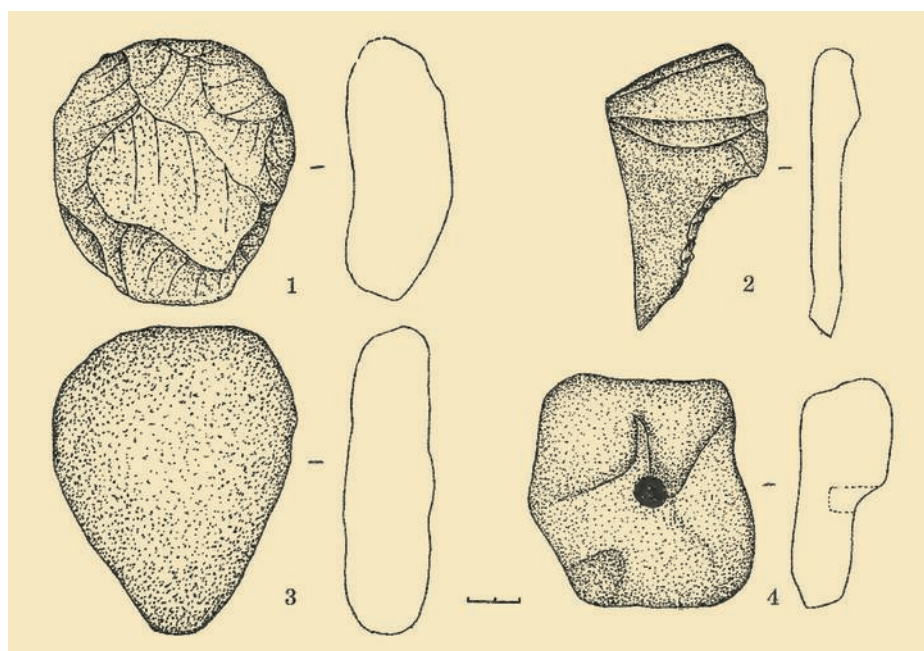

Рис. 104.
Каменные орудия
труда с ритуально-
обрядового
местонахождения 65:
1 — диск;
2 — плитка с
крупными сколами;
3 — сердцевидная
плитка;
4 — плитка с
отверстием

Кроме того, найдены орудия из кварцита и роговика (угловые резцы, рис. 103.11–12); из железистого сланца (угловой резец, рис. 103.18); из зеленого камня и песчаника (угловой и срединный резцы, рис. 103.15–17); из песчаника (ножевидная пластина, рис. 103.19), а также небольшая кость с геометрическими начертаниями (ромб, рис. 103.13).

Особую группу составляют: каменный диск (10 × 10,5 см, рис. 104.1); большое резцеподобное орудие (5,5 × 12 см) на железистой плитке (рис. 104.2); обработанная сердцеподобная плитка (9,5 × 12 см, рис. 104.3); плитка из песчаника с небольшим углублением в центре (9 × 9 см, рис. 104.4), а также плитка (10 × 10,5 см) с Y-подобным знаком (рис. 99.6).

Таким образом, приведенные материалы могут свидетельствовать о том, что перед нами — ритуально-обрядовое место, связанное с культом рыбы-человека, который сопровождался фаллоидным и птицеподобным менгирами, жертвенным быком (фрагменты) и т. д., а также «письменами», датированными на основании кремневого инвентаря (конкретно — наличия резцов) эпохой раннего неолита, то есть 6–5-м тыс. до н. э.

ПОЛИССУАРЫ

В истории Каменной Могилы особое место занимают полиссуары, расположенные на поверхности больших и малых песчаниковых плит и в их расщелинах [Бадер 1947, с. 303, табл. VII]. В отличие от известных шлифовальных камней, открытых М. Я. Рудинским на Лоханском острове в Приднепровье [Рудинский 1928, с. 143–164], которые располагались на одном стратиграфическом уровне, здесь они размещены в разных точках наверху и у подножия каменного холма [Даниленко 1950, с. 81] и, скорее всего, принадлежали мастерским по изготовлению каменных орудий труда.

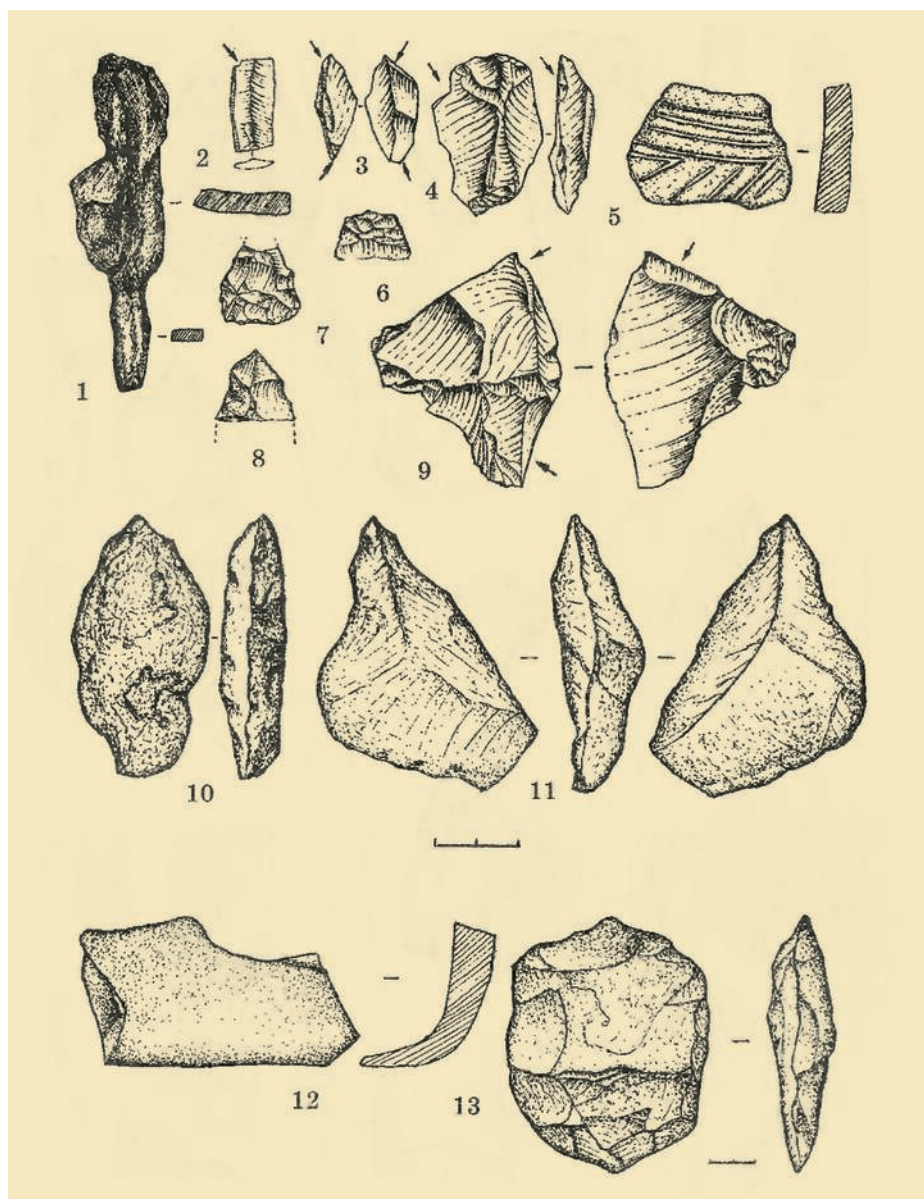
Исследования О. Н. Бадера, В. Н. Даниленко и М. Я. Рудинского на Каменной Могиле позволили выявить четырнадцать подобных местонахождений и определить типы и механику использования полиссуаров: яйцевидные, овальные и круглые предназначались, по-видимому, для шлифования плоских сторон орудий, а узкие и глубокие — для шлифования их острых частей [Рудинский 1961, с. 96].

Кроме того, автором этих строк в 1990 г. открыты еще три местонахождения полиссуаров: первое (15¹) в виде узких и глубоких бороздок — в расщелине плит-монолитов вблизи пещеры Подковы (№ 53); второе (16) в виде небольших округлых выдолбленностей-сколов (диаметр — от 2 до 3–4 см), узких и глубоких борозд (длина — 12–15 см, ширина — 1,5–2 см), с полированной поверхностью (длина — 20–25 см, ширина — 10–12 см) — на небольшой плите в южной периферии грота Быка (№ 9); третье (17) — при входе в указанный грот, сопровождаемое значительной кремневой свитой.

С открытием новых полиссуаров чрезвычайно важным оставался вопрос их датировки. Первым ориентиром для установления нижней хронологической границы считались полиссуары на фаллоидном менгире из каменномогильского песчаника древнеямного погребения в кургане вблизи с. Надеждино (Мелитопольского — бывшего Приазовского — района. — *Примеч. отв. ред.*) Запорожской области. Они имели следы

¹ Предложена нумерация М. Я. Рудинского.

Рис. 105.
Инвентарь
полисуара 1:
1 — железный
наконечник стрелы;
2, 4, 9 — угловые резцы;
3 — срединный резец;
5 — фрагмент
керамики;
6 — трапеция;
7 — обломок
наконечника стрелы;
8 — боковой резец;
10 — наконечник
дротика;
11 — остроконечник;
12 — обломок
каменного сосуда;
13 — дисковидное
орудие

излома в верхней части, что свидетельствует об их появлении на данной плите еще до изготовления древней скульптуры [Михайлов 1985, с. 228–232, рис. 4.7]. Вторым ориентиром был полисуар на песчаниковой плите-перекрытии над погребением позднего времени в кургане № 1 вблизи Каменной Могилы, на восточной окраине с. Новофилипповка Мелитопольского района [Михайлов 1976, с. 255–257], который появился на плите, скорее всего, в ямное или доямное время. Однако более убедительная датировка названных памятников из-за отсутствия археологических материалов в то время оказалась невозможной.

В связи с этим в 1983 г. и в 1991–1993 гг. автором было предпринято доисследование полисуаров 1, 8, 11, на которые ранее обратил внимание М. Я. Рудинский [Рудинский 1961, с. 98–99; с. 103, 106], а также вновь открытого местонахождения 17 при входе в грот Быка (№ 9). Ниже приводим описание.

Полиссаур 1

Раскоп площадью 113 кв. м был заложен у подножия группы плит, лежащих на дневном горизонте подошвы Каменной Могилы.

Стратиграфическая картина

1. Почвенно-покровный слой — 20–25 см.
2. Гумусированный супесок темного цвета — 20 см.
3. Гумусированный супесок светло-серого цвета — 20–30 см.
4. Серые аллювиальные отложения с большим количеством щебня, песчаника и археологического материала — 20–40 см.
5. Зеленовато-серые, с окисью железа, подовые суглинки лёссового происхождения — 40–55 см.
6. Среднесарматский песок, видимая мощность — 55 см.

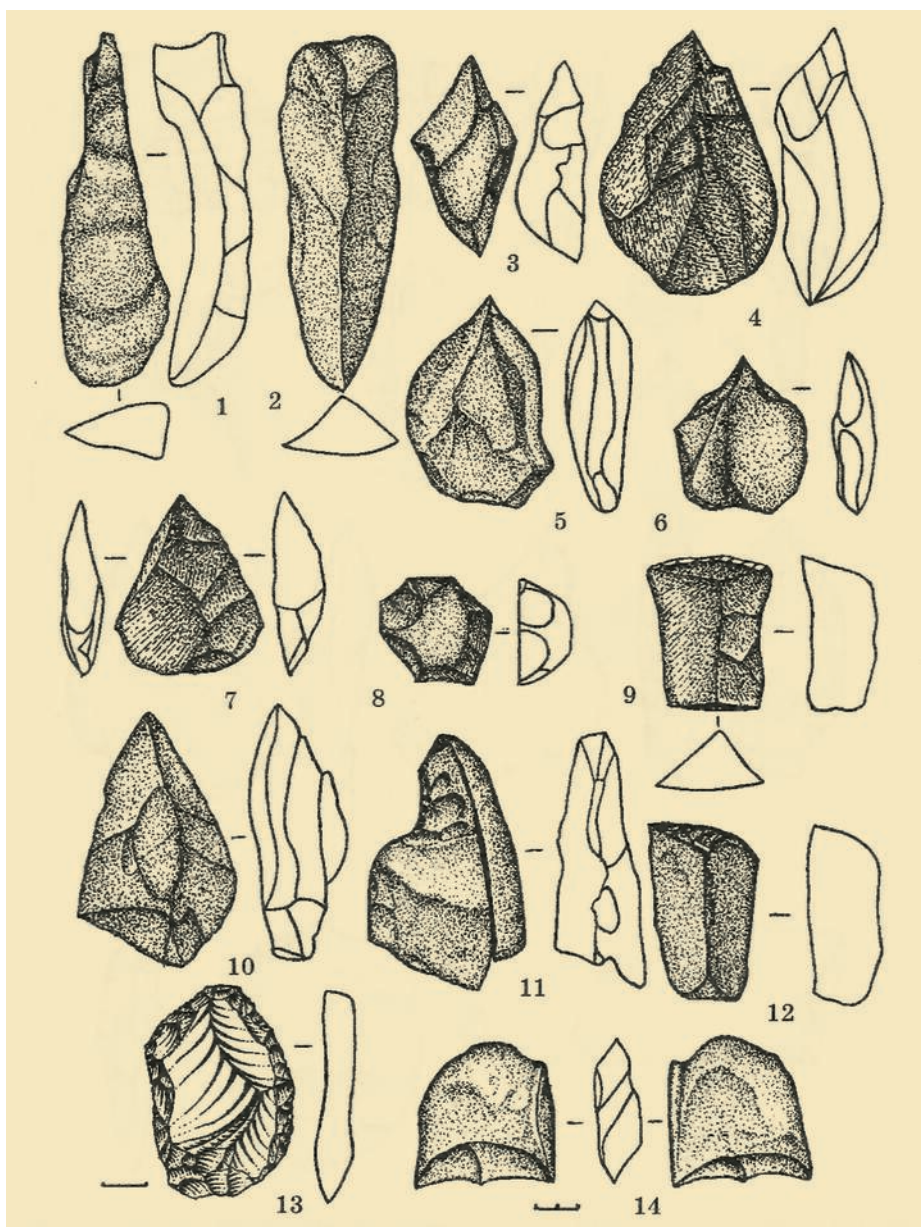
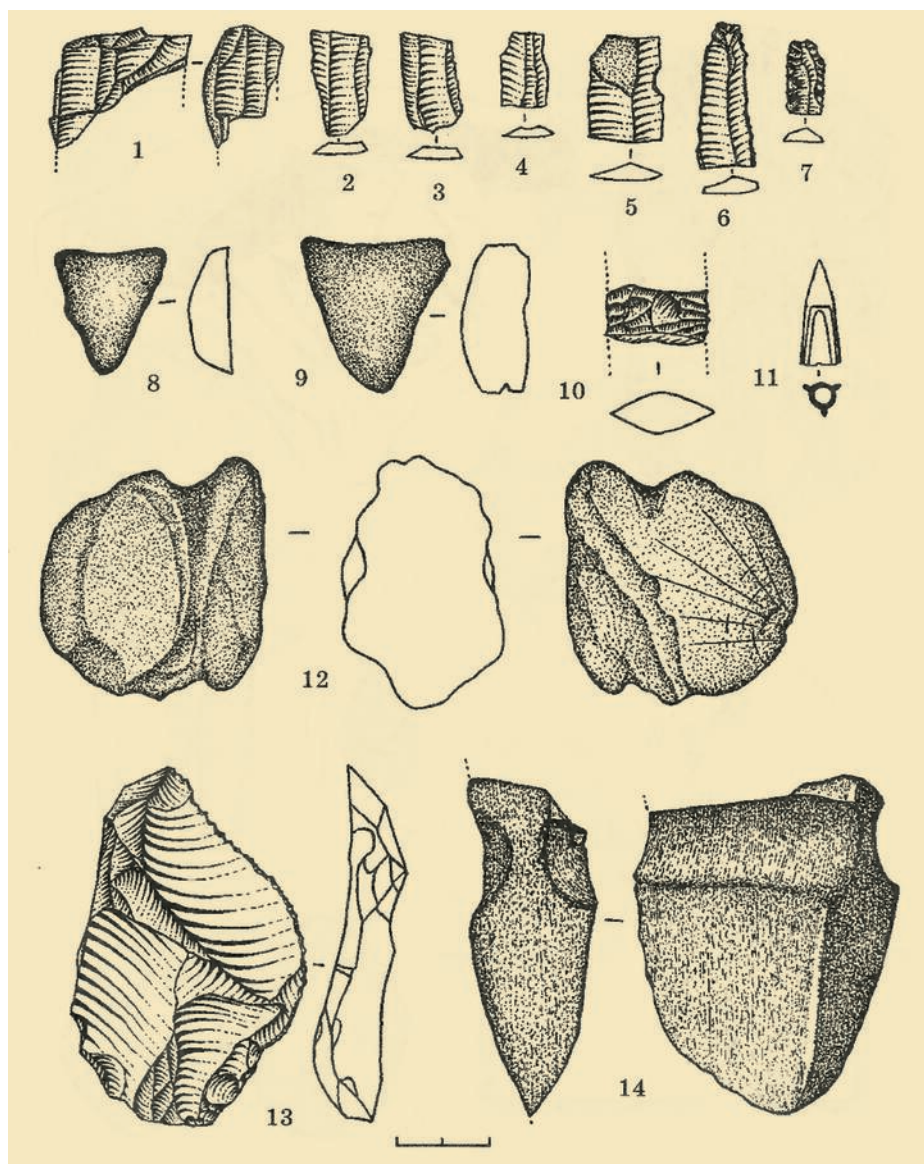

Рис. 106.
Инвентарь
полисуара 8:
1-2 — пластины;
3-4 — угловые резцы;
5-7, 10 — срединные
резцы;
8, 9, 12 — скребки на
коротких пластинах;
11 — скобель;
13 — скребок;
14 — массивное скребло

Рис. 107.
Инвентарь
полисуара 8:
1 — нуклеус,
2-6 — ножевидные
микропластины;
7 — фрагмент острья;
8-9 — фигуры
подтреугольной
формы;
10 — обломок
наконечника дротика;
11 — скифский
наконечник стрелы;
12 — грузило (?);
13 — нож-резец;
14 — фрагмент
топора

Хронологическая характеристика материала

1. Верхний слой содержал гончарную керамику красноватого цвета. В разных местах найдены фрагменты железных обломков, в квадрате III найдена железная плоская стрела с выемкой в острие (длина — 2,9 см, ширина — 2,1 см, толщина — 0,6 см), явно датируемая эпохой Средневековья (рис. 105.1).

2. Во втором слое встречена гончарная керамика красного цвета. Всего найдено 17 фрагментов, среди которых — часть горловины небольшого кувшина, известного в гуннском погребении из пещеры Колдуна [Михайлов 1993, с. 9–11]. В северо-восточной части раскопа был исследован очаг округлой формы с овальным дном (диаметр — 0,80 см, глубина — 0,55 см), заполненный мелким камнем (гранит, песчаник), остатками древесного угля и трубчатыми кальцинированными костями, показавшими калиброванную дату по C_{14} в интервалах: 1) 569–576 гг.; 2) 592–644 гг. (ЛЕ – 3088).

3. В третьем горизонте встречена керамика эпохи средней и поздней бронзы (катакомбная и срубная культуры). В этом слое найдено 12 фрагментов от трех зубов, 1 суставной кости и 8 мелких обломков трубчатых костей копытного (конь)¹.

4. Четвертый слой оказался более мощным. На всей его площади (113 кв. м) были разбросаны многочисленные обломки каменных орудий и отходы производства, среди которых — четыре орудия труда (рис. 105.10–11, 105.13) и фрагмент каменного сосуда (рис. 105.12). Следует отметить, что располагались они вокруг больших и малых плит-монолитов, несущих следы сколов и явно служивших своеобразными наковальнями.

Археологические находки

1. Керамика. Фрагмент прямостенного сосуда с косым рисунком по тулову (рис. 105.5), характерным для днепро-донецкой культуры [Телегин 1968, рис. 34.2].

2. Кремень. Всего найдено десять экземпляров. Среди них: угловой резец на микролитической пластине (рис. 105.2), боковой резец на отщепе (рис. 105.8), срединный резец (рис. 105.3) и угловые резцы на массивных отщепах (рис. 105.4, 9), трапеция (ширина — 1,8 см) со струганой спинкой (рис. 105.6), нижний обломок наконечника стрелы с двухсторонней отжимной ретушью (рис. 105.7).

Вблизи полиссуара, как отмечалось, найдено 556 обломков каменного производства и четыре орудия труда, изготовленных из гранита и гнейса. Среди них: дисковидное орудие (гнейс), оббитое по краю с обеих сторон (длина — 12,0 см, ширина — 8,5 см, толщина — до 2,5 см) (рис. 105.13); остроконечник (гнейс), оббитый с четырех сторон, в фас представляющий ромбовидную форму (рис. 105.11); наконечник дротика (гранит), заостренный с двух сторон, с обозначением черенка (рис. 105.10); фрагмент (половина) округлой гальки со следами оббивки; фрагмент дна прямостенного сосуда с округлым дном (рис. 105.12).

Полиссуар 8

Находится на северной окраине Каменной Могилы. В задачу наших исследований входило наиболее полное его изучение. В связи с этим вокруг трех плит был заложен раскоп площадью 92 кв. м. В результате выявлено два культурно-хронологических горизонта с многочисленным инвентарем.

Особое значение имеет выявление орудий труда, изготовленных из местного песчаника, который обрабатывался древним мастером по той же схеме-технологии, что и кремневый материал, то есть желвак, нуклеус, отщепы, ножевидные пластины, из которых изготавлились резцы, скребки, диски, скребла и т. д.

Интересно, что древний мастер для изготовления орудий выбирал песчаник хорошо обветренный, приобретший стекловидную пленку, с прожилками железняка, имевший достаточную твердость и явно предназначавшийся для разового использования. В коллекции имеются орудия и обломки производства из гранита, гнейса, кварцита.

¹ Определение Н. Л. Корниец.

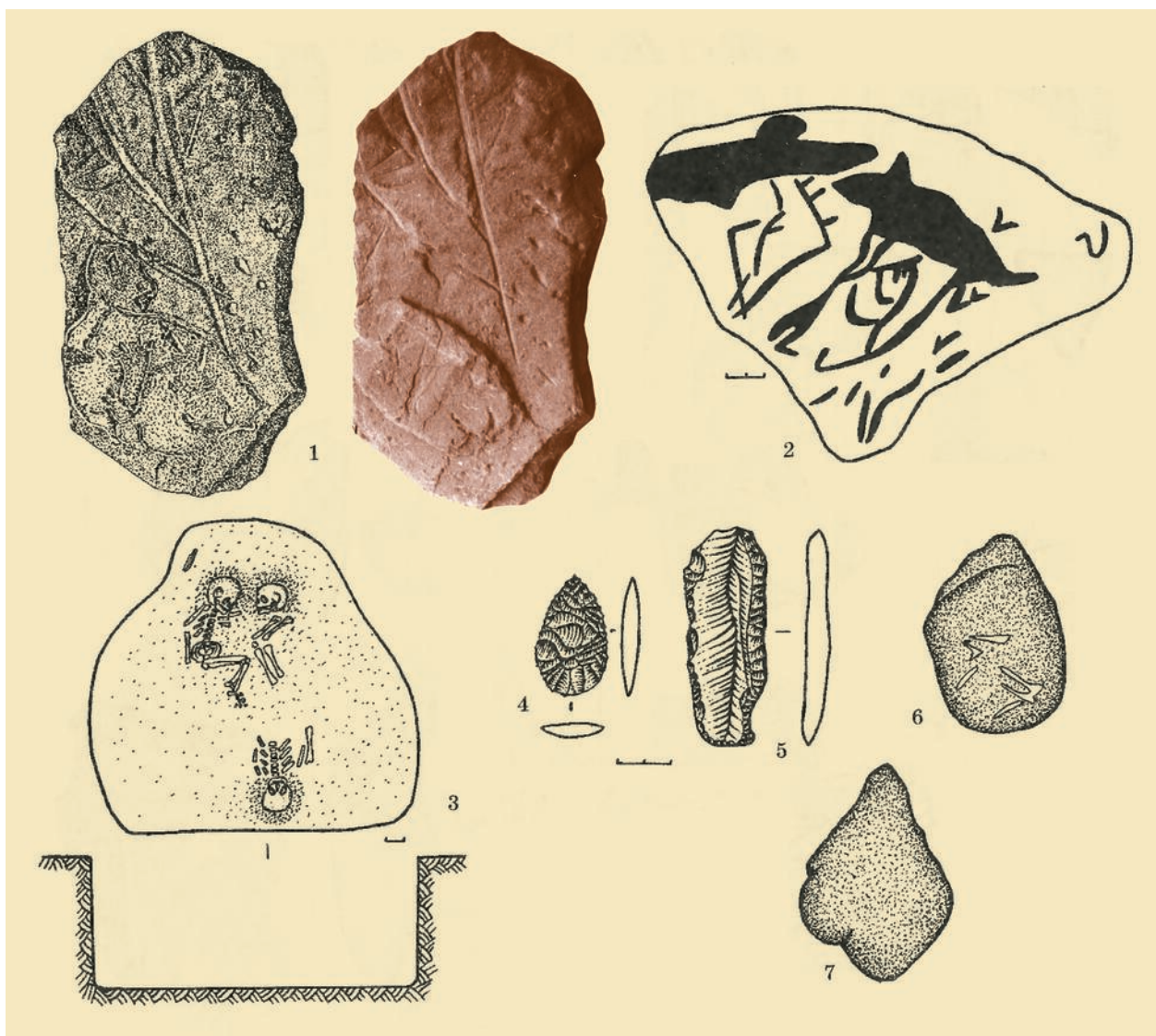

Рис. 108.
Археологические
находки
на Каменной Могиле
и ее окрестностях:
1 — стела
(с. Новоданиловка);
2 — блок-плита
с рисунками
(Полисуар 8);
3, 5, 7 — погребение и
инвентарь эпохи
энеолита в с. Сосновка;
4, 6 — наконечник
стрелы и стела из
погребения-кенотафа
вблизи Каменной
Могилы

Стратиграфическая картина

1. Почвенно-покровный слой — 0,25 см.
2. Гумусированный песок темного цвета — 10 см.
3. Аллювиальные пески — 45 см.
4. Песок среднесарматского яруса с каменным инвентарем — 25–30 см.

Характеристика материала

В верхнем слое найдены обломки скифо-сарматской керамики и трехгранная со скрытой втулкой бронзовая стрела (рис. 107.11), относящаяся к IV–III вв. до н. э. [Мелюкова 1964, с. 25, рис. 9.1–3].

Во втором слое найдено 26 небольших фрагментов керамики поздней бронзы.

В третьем слое (аллювиальный песок) находки отсутствовали.

В четвертом слое обнаружены каменный инвентарь и многочисленные отходы производства. Последние занимали всю площадь раскопа и представляют следующие типологические группы:

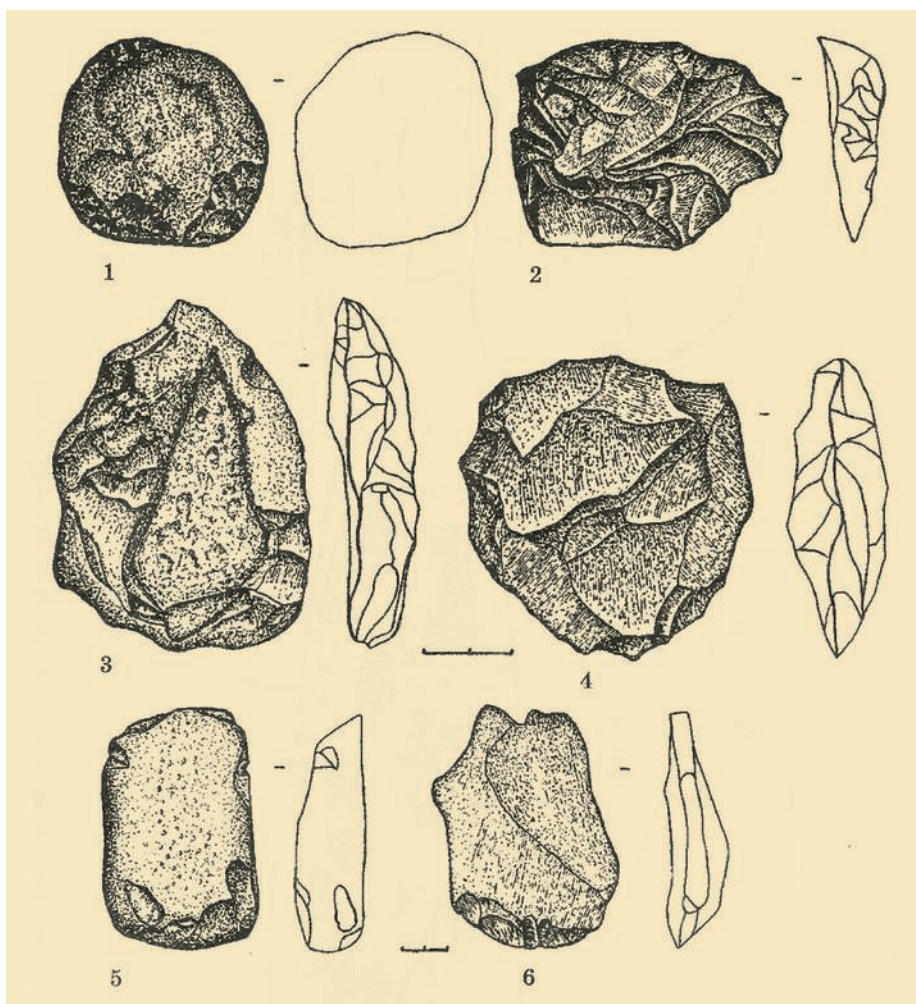

Рис. 109.
Каменный инвентарь
из полисуара 11:
1 — отбойник;
2-4, 6 — дисковидные
орудия;
5 — обломок гальки —
отбойник

(1) Нуклеусы — 5 экз., материал — песчаник среднесарматского яруса. Фасетки неправильные и сходятся к плоской вершине под углом 30–35°. Размер нуклеусов колеблется от 5–6 до 12–15 см и более.

(2) Пластины — 54 экз, среди них целых — 35, обломков — 9 шт. Длина колеблется от 4–6 до 12–14 см. В профиль они характеризуются сегментовидной и подтреугольной формой (рис. 106.1–2).

(3) Резцы — 25 экз. Подразделяются на типовые группы: угловые резцы — 2 экз., выполнены на массивных отщепах песчаника (рис. 106.3–4); срединные резцы — 4 экз. В коллекции все орудия — с двухгранной обработкой, выполнены на массивных песчаниковых отщепах с прожилками железняка (рис. 106.5–7,10).

(4) Скребки — 35 экз. К первой группе относятся скребки на коротких пластинах, один со скошенным краем. Ко второй — на массивном отщепе, округлой формы, с ретушью (рис. 106.8, 9, 12).

(5) Скребло — 1 экз. Изготовлено на массивном отщепе песчаника с двухсторонней обработкой (рис. 106.14).

(6) Скобели — 9 экз. Изготовлены на массивном отщепе с глубоким рабочим мыском (рис. 106.11).

Кроме того, найдена кремневая свита, состоящая из 37 предметов, среди которых плоский призматический нуклеус для изготовления микролитических пластин (рис. 107.1) и 9 орудий труда: 5 ножевидных

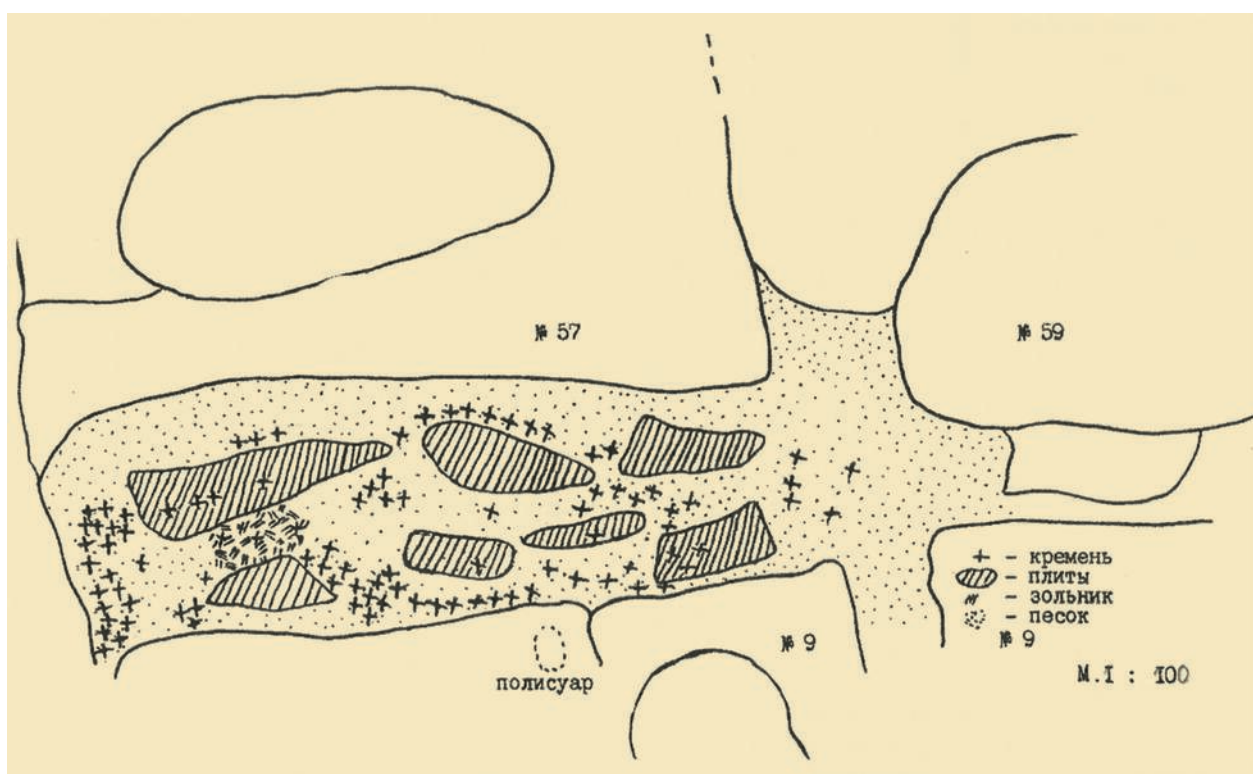

Рис. 110.
Ситуационный план
раскопа вблизи
гроба Быка (9)
на Каменной Могиле

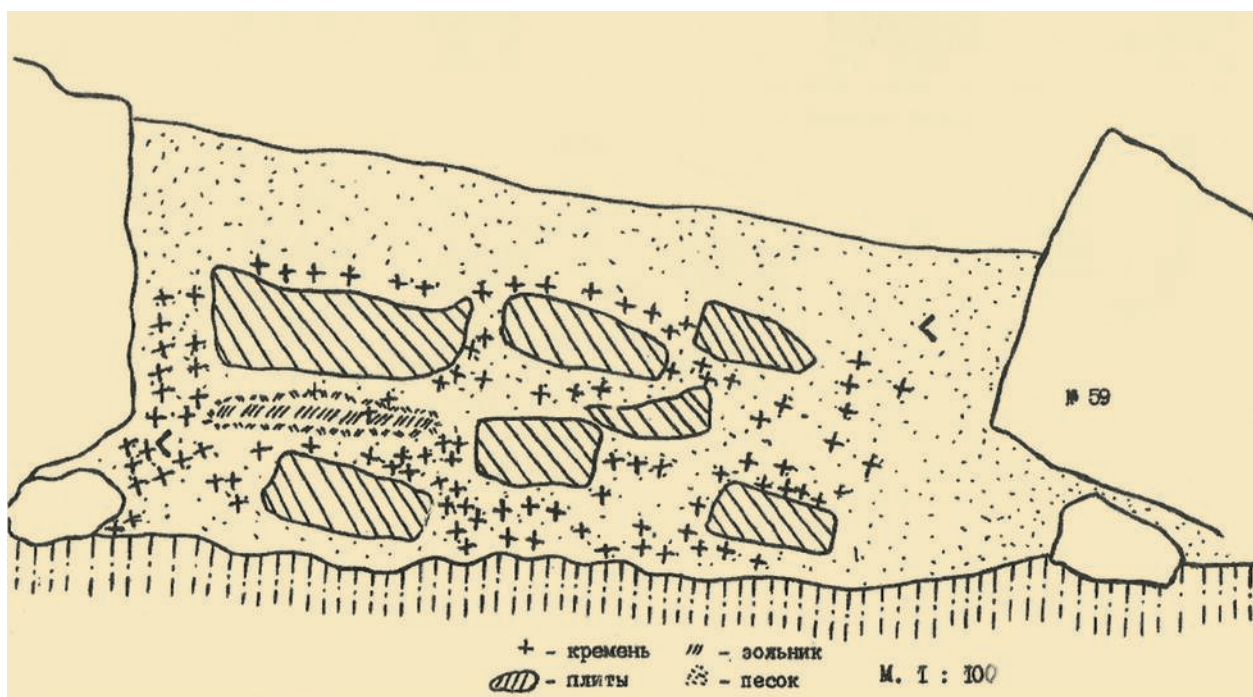

Рис. 111.
Стратиграфия
раскопа вблизи
гроба Быка (9)
на Каменной Могиле

микропластин (рис. 107.2–6), из них одна — с боковой двухсторонней ретушью (рис. 107.6); фрагмент острия (рис. 107.7); массивный скребок на отщепе с крутой ретушью (рис. 106.13); срединный обломок наконечника дротика с двухсторонней обработкой (рис. 107.10); массивный боковой нож-резец, изготовленный на отщепе, со следами изношенности (рис. 107.13).

В коллекции представлены фрагмент каменного топора со следами изношенности с внешней стороны (результат привязки к древку) и последующего сверления в центре орудия (рис. 107.14) и грузило с выемкой по центру для привязки веревки (рис. 107.12). Особое место занимает песчаниковая плоскорельефная плитка-конкреция (10 × 18 × 20 см), на которой изображена голова змеи-дракона (фигура животного?), выполненная в технике протирания силуэта рисунка и линейно-геометрических гравировок (рис. 108.2). Кроме того, найдены 7 экземпляров «фигур» подтреугольной формы, сделанных из песчаника Каменной Могилы (рис. 107.8–9).

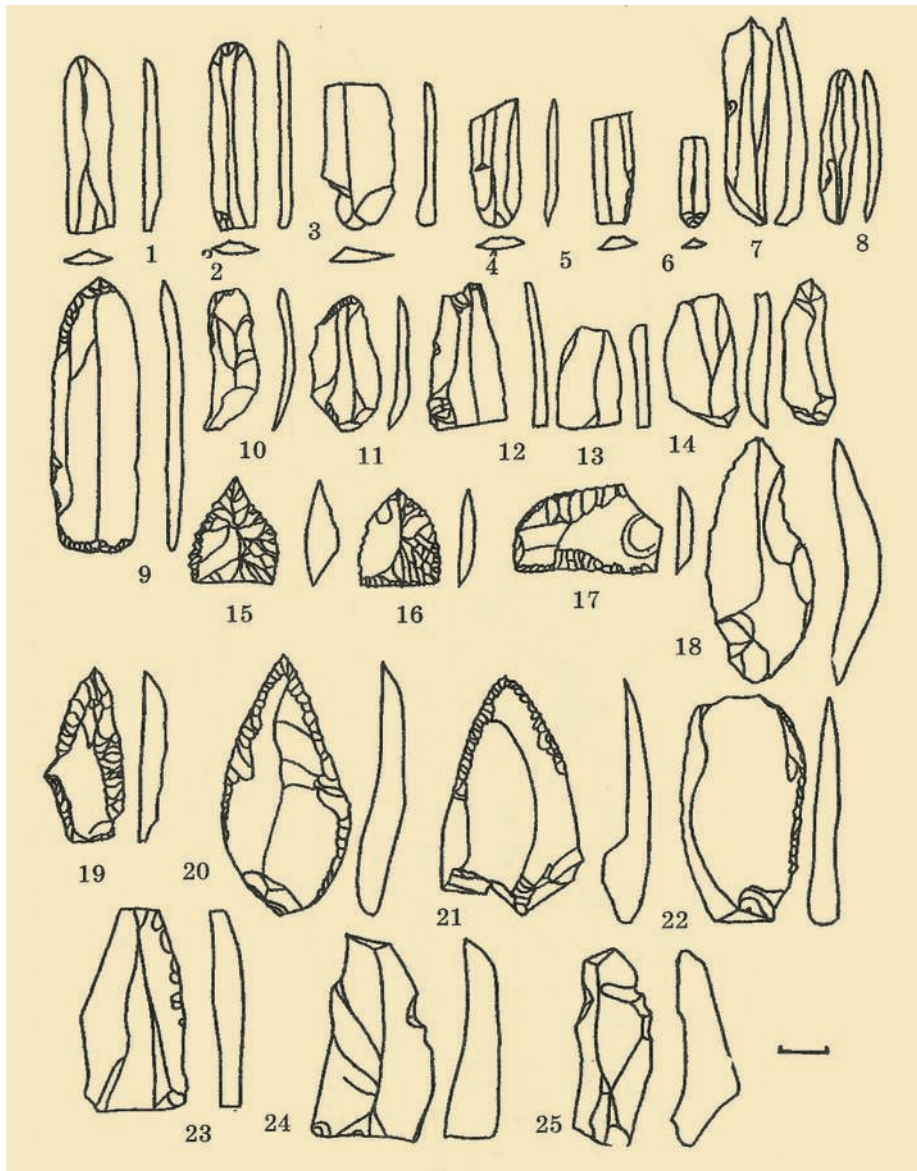

Рис. 112.
Инвентарь полисуара
17 (грот Быка):
1–14 — ножевидные
пластины;
15–16 — наконечники
стрел;
17 — сегмент;
18, 24 — орудия с
боковыми мысками
(скобами);
19–21 — наконечники
дротиков;
22 — пластина-нож;
23, 25 — орудия на
массивных отщепах

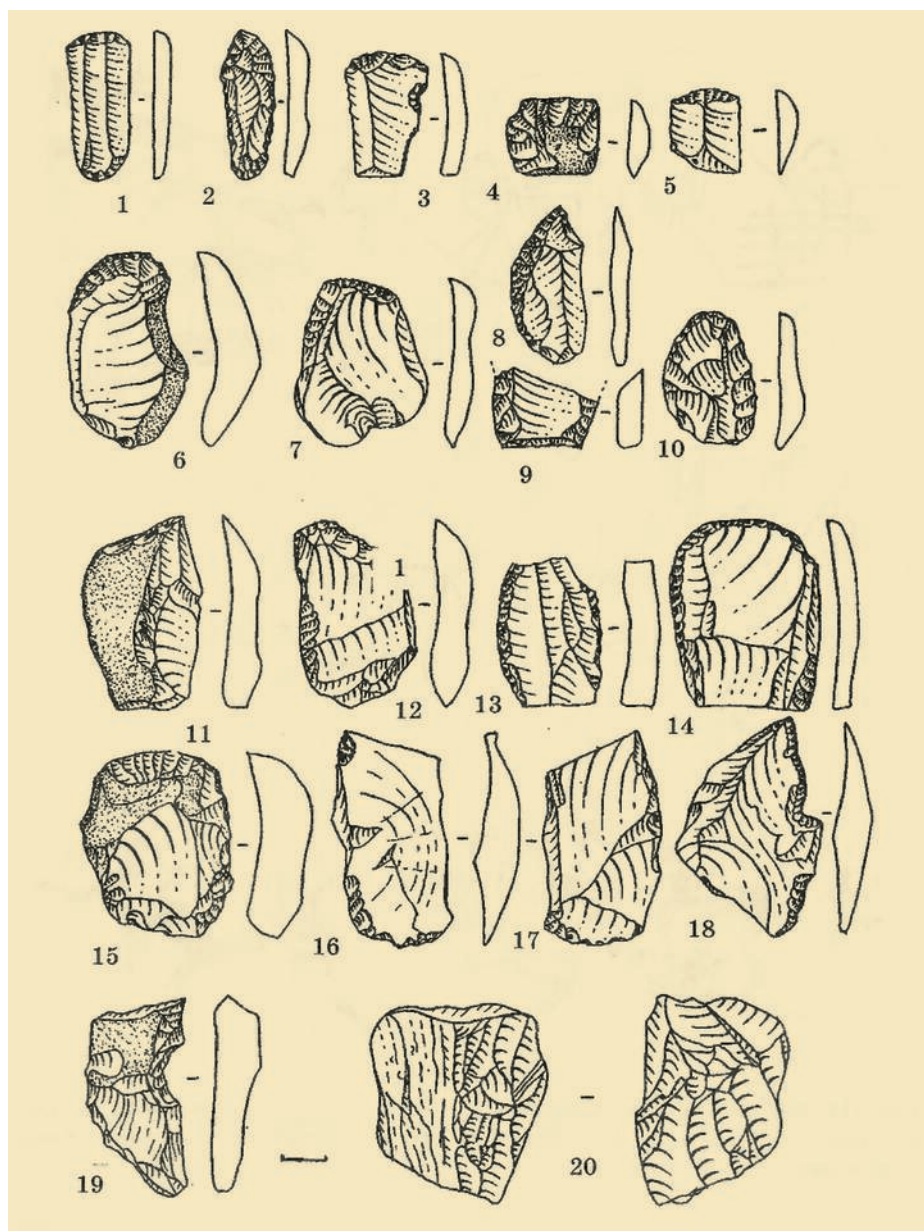

Рис. 113.
Инвентарь полисуара
17 (грот Быка):
1, 3 — концевые
скребки;
2, 4-17 — скребки на
массивных отщепах;
18-19 — скобели;
20 — нуклеус

Полиссуар 11

Расположен на восточном склоне холма Каменной Могилы. По краю плиты (длина — 10,05 м, ширина — 5,10 м, толщина — 0,95 м) с юго-восточной стороны — 3 местонахождения шлифовален.

Раскоп заложен под плитой (длина — 7,0 м, ширина — 1,5 м, высота — 1,4 м) по линии северо-восток — юго-запад. По трассе раскопа археологические находки отсутствовали, однако под расщелинной плиты в конце траншеи были найдены один отбойник шарообразной формы (4 × 5 см) со следами изношенности (рис. 109.1) и четыре дисковидных орудия следующих размеров: 4,5 × 6,0 см (рис. 109.2); 5,5 × 8,0 см (рис. 109.3); 6,3 × 6,8 см (рис. 109.4); 4,2 × 6,5 см (рис. 109.6); обломок гальки со следами мелких сколов, свидетельствующих об использовании ее в качестве отбойника (рис. 109.5).

Полиссаур 17

Находится с правой стороны от входа в грот Быка (№ 9) на горизонтально лежащей плите (размер — 22 × 45 см). Раскоп 2 × 3 м был заложен у основания названной плиты. Стратиграфия раскопа не отличалась от обычного заполнения всех пещер и гротов и представляла собой серый (потревоженный) песок (рис. 110).

На разных глубинах находились многочисленные плиты-блоки, оказавшиеся здесь, вероятно, в результате «сталкивания» в яму. Между плитами обнаружена значительная кремневая свита серо-желтого цвета позднэнеолитического облика¹ (рис. 111).

Всего найдено 104 предмета, среди них 46 орудий труда, которые можно сгруппировать следующим образом: 14 пластин — (рис. 112.1–14); два наконечника стрел (рис. 112.15, 16); сегмент (рис. 112.17); два орудия с боковыми мысками — скобели (рис. 112.18, 25); три наконечника дротиков (рис. 112.19–21); пластина-нож (вкладыш, рис. 112.22); два орудия на массивных отщепах (рис. 112.23, 25); два концевых скребка (рис. 113.1, 3); 14 скребков на массивных отщепах (рис. 113.2, 4, 5–16); два скобеля (рис. 113.18, 19); один нуклеус (рис. 113.20).

Приведенные данные свидетельствуют, что древними мастерами использовался разнообразный материал, приносимый на Каменную Могилу из различных районов Северного Приазовья. Например, мелко-, средне- и крупнозернистый гранит различных цветовых оттенков происходит из бассейна р. Молочной, в частности ее притоков — рек Токмачки и Юшанлы; мигматит и гнейсы связаны с р. Юшанлы; известняк-ракушечник явно взят вблизи Каменной Могилы у с. Терпенье.

Имеются образцы камня из более удаленных районов. Так, роговик (100 %-й кварц) известен на Корсак-Могиле (Куйбышевский район Запорожской области); образец из кварцесогматойдной жилы и кварцит безрудный происходят также из Корсак-Могилы и даже Синеи горы; кварц-магнетит (железная руда) — из Куksунгур- и Корсак-Могилы².

Многочисленные отходы производства вблизи полиссауров свидетельствуют о сложном технологическом процессе. Так, по мнению геолога А. П. Плоских, первоначальным сырьем служил валун или галька, которые при помощи нагревания и быстрого охлаждения раскалывались, образуя при этом острые сколы, иногда тонкие пластины.

Что касается возраста полиссауров, то археологический материал позволяет отнести их появление к эпохе раннего неолита. В пользу этого говорят прежде всего обнаруженные резцы, которые, по мнению В. Н. Даниленко, в позднем неолите исчезают [Даниленко 1950а, с. 132], а также трапеция со струганой спинкой, встречающаяся в раннем неолите Надпорожья (о. Сурский, Вовчок и др.) [там же, с. 122].

В коллекции имеются предметы и более поздней поры: топор-молоток (рис. 107.14) и обломок кремневого наконечника дротика с двухсторонней отжимной ретушью (рис. 107.10), известные в Михайловском поселении на Днепре [Лагодовська и др. 1962, с. 115, 126–127, рис. 35.4]. Кремневая свита, найденная вблизи полиссаура 17, датируется ямно-позднемайкопским временем. Приведенные данные из раскопок Каменной Могилы свидетельствуют о возникновении мастерских по обработке камня и шлифовален (полиссауров) в эпоху раннего неолита и о существовании их вплоть до эпохи ранней бронзы (кон. 3-го — нач. 2-го тыс. до н. э.) [Михайлов 1976а, с. 255–257].

¹ Определение Д. Я. Телегина.

² Определение дано А. П. Плоских в Белозерской геологической экспедиции.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ ПЕТРОГЛИФОВ

ПАЛЕОЛИТ

Пещерное искусство эпохи палеолита занимает особое место в истории человечества. Впервые о его существовании мир заговорил в 60-х гг. XIX столетия, когда во франко-кантабрийском регионе Западной Европы были открыты французские пещеры Ласко, Нио, Руффиньяк и испанская Альтамира [Монгайт 1973, с. 149–160], в которых обнаружили изображения мамонтов, носорогов, лошадей, оленей, медведей и др. Многочисленные образцы первобытного искусства, найденные на территории Западной Европы, дали человечеству уникальные свидетельства живописного творчества, информацию о хозяйственной деятельности человека, его духовной культуре в эпоху каменного века.

А. Леруа-Гуран писал: «Религия палеолита дошла до нас в своей изобразительной вершине <...> Определенное изображение всеобщего порядка явлений символически передано там через человеческие и звериные персонажи. Храм этот — одновременно микрокосмос и пантеон <...> Мы видим лишь слабую тень религии палеолита. Одно можно сказать теперь твердо: эти изображения скрывают исключительно сложный и богатый мир представлений, гораздо более сложный и богатый, чем считалось до сих пор. Порядок символов остается одним и тем же многие тысячелетия, и это доказывает существование мифологии» [Леруа-Гуран 1971, с. 88–90].

В Северном Приазовье яркими памятниками трудовой деятельности человека эпохи раннего палеолита стали находки бифасов ашельского времени в Донбассе (амвросиевское и макеевское рубила) [Борисковский 1953, с. 78; Цвейбель 1979, с. 44–46]. В довоенные и послевоенные годы были открыты многочисленные стоянки как

мустьерского периода (Белояровка, Успеновка, Матвеев Курган, Лысогоровка, Тузлово, Рожок I, Герасимовка и многие другие), так и эпохи позднего палеолита (Амвросиевка, Каменная Балка I и II, Мураловка, Югино и т. д.) [Борисковский, Праслов 1964, с. 14–19, 23, 24; Гвоздовер 1964, с. 38–41; Праслов, Филиппов 1967, с. 24–30; Праслов 1963, с. 218–220].

Несмотря на открытие большого количества памятников эпохи позднего палеолита на территории Северного Причерноморья, степная зона нижнего левобережья Днепра и далее на восток к рекам Молочная и Берда (Северо-Западное Приазовье) долгое время выпадала из поля зрения исследователей [Евсеев 1947, с. 205–277; Борисковский, Праслов 1964, с. 56; Григорьева 1967, с. 86–90; Смирнов 1973, с. 71–142; Красковский 1978, с. 19–39]. С одной стороны, это объяснялось отдаленностью территории от археологических центров, с другой — особенностью условий проживания человека в степной зоне.

Однако в последнее время в сухой и безводной степи открылись новые возможности поиска палеолитических памятников — в условиях древних подов. Первым таким памятником стала открытая автором этих строк стоянка Каштаева балка вблизи с. Показное Михайловского района Запорожской области [Михайлов 1987г, с. 47–51]. Впоследствии стоянки эпохи позднего палеолита стали известны на р. Молочной вблизи с. Ново-Павловка [Михайлов 1982б, с. 90–92] и с. Терпенье (Секиз I) под Мелитополем [Михайлов 1992а, с. 31–36]. В 1970–1980-х годах в междуречье Нижнего Днепра — между р. Молочной и Азовским морем — Н. П. Оленковским в условиях древних подов был открыт целый каскад памятников позднего палеолита [Оленковский 1991, с. 11–137].

Памятники палеолитического искусства были обнаружены лишь в бассейне Дона на многочисленных стоянках Костенковско-Борщевского района: женские статуэтки, антропоморфные и зооморфные гравировки на кости, различные поделки и украшения [Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1982, с. 267]. Несколько костяных предметов с гравировками найдено также на Мураловской стоянке, среди которых наиболее интересным является предмет с гравировкой, похожей на овал лица (?). В особую группу изображений следует выделить «статуэтки» с линейно-геометрическим орнаментом и ретушью в виде женской фигуры со стоянок Рогалик II и XI (VIIIa) [Горелик 1997, с. 169–178, рис. 2, 5], напоминающие каменномогильские рисунки на плитках-конкрециях.

Тем не менее считалось, что на территории Восточной Европы «пещерное искусство» как таковое отсутствует, хотя и делались попытки отождествлять некоторые изображения животных, морфологически не всегда оправданные, с образом мамонта, как, например, изображение быка из грота № 9 Каменной Могилы [Бадер 1973, с. 26–32, рис. 1; Даниленко 1986, с. 56–57, рис. 17].

Яркой иллюстрацией палеолитического искусства явились открытые в 1959 г. А. В. Рюминым и исследованные О. Н. Бадером живописные изображения мамонтов, носорогов, лошадей в Каповой пещере Южного Урала [Бадер 1965]. Позднее палеолитические рисунки стали известны в том же регионе в Игнатьевской пещере [Окладников, Петрин 1983, с. 47–58] и в Сибири (Томские писаницы) [Окладников, Мартынов 1972, с. 170–179].

Поворотным моментом в изучении петроглифов Каменной Могилы стал 1973-й год, когда В. Н. Даниленко открыл пещеру Колдуна с петроглифами явно позднепалеолитического возраста (мамонт, колдун и т. п.) — так называемыми чурингами, на которых имеются изображения плейстоценовой фауны: мамонта, носорога, пещерного льва и др. [Даниленко 1986, с. 78–117].

При анализе историографии, связанной с Каменной Могилей, бросается в глаза тенденциозность в подходе к хронологии и интерпретации древних сюжетов. Присутствие позднепалеолитических гравировок упорно не признавалось. Думается, что нет необходимости перечислять все неуместности в трактовке, все разночтения, которые исходят как от непосредственных исследователей холма, так и от других интерпретаторов.

Первая причина «непризнания» петроглифов эпохи позднего палеолита, открытых В. Н. Даниленко, состояла в том, что, по мнению некоторых исследователей, песчаник Каменной Могилы якобы не способен сохранять рисунки эпохи палеолита [Формозов 1969, с. 136–137]. Вторая причина — отсутствие стоянок эпохи позднего палеолита как вблизи холма, так и во всем Северо-Западном Приазовье, что, естественно, лишало ученых источниковедческого репера в понимании общеисторической ситуации в данном регионе.

На самом деле все оказалось иначе. По мнению геологов А. П. Плоских и Н. С. Рябцева, каменномогильский песчаник способен «окисляться» (оксиды железа) и превращать поверхность в твердую корку, которая в природно-атмосферной среде не утрачивает своего качества и способствует сохранению петроглифов. Больше того, из песчаника древние люди изготавливали не только орудия для нанесения рисунков, как отмечалось, но и предметы труда, типологически характерные для эпохи камня.

В течение долгого времени проблематичным казалось присутствие в Северном Приазовье мамонта и других представителей плейстоценовой фауны, вследствие чего оспаривались датировка и интерпретация многих петроглифов. Однако еще в 1900 г. в печати появилось сообщение местного краеведа П. К. Дзяковича, писавшего, что «при обвале земли после дождя в с. Терпенье обнаружены кости <...> большого животного <...> это оказался кусок зуба мамонта» [Дзякович 1900, с. 23].

Вторым сигналом стала случайная находка зуба и конечностей плейстоценового животного в лёссовых отложениях правого коренного берега поймы р. Молочной на северной окраине того же села Терпенье Мелитопольского района, находящихся на расстоянии 5 км от памятника первобытной культуры. Третьим, более существенным свидетельством, как отмечалось, стало наличие стоянок эпохи позднего палеолита Секиз I — (поздний ориньяк) и Ново-Павловка — (поздний мадлен) вблизи Каменной Могилы [Михайлов 1982б, с. 90; 1992а, с. 31–36].

В этой связи следует сказать, что на территории Восточной Европы фауна мамонта известна в культурных горизонтах Осокоровки VI на Днестре [Смирнов 1973, с. 124], Мезина на Десне [Шовкопляс 1960], Кирилловки на Среднем Днестре [Ефименко 1953, с. 540], Костенки в верховьях Дона [Палеолит Костенковско-Борщевского района 1982, с. 223–227] и т. д. Что касается присутствия бизона, то классическим примером является Амвросиевка, а вслед за ней — Каменная Балка II

и Мураловская стоянка в Северо-Восточном Приазовье [Праслов, Филиппов 1967, с. 28–30, рис. 10].

Судя по памятникам эпохи позднего палеолита вблизи Каменной Могилы, древние люди в бассейне р. Молочной появились как со стороны Западной Европы (граветт), так и со стороны Кавказа (имеретинская культура Закавказья), а в основе их хозяйства была охота на бизона, занимающая доминирующее место в жизни первобытных охотников [Смирнов 1974, с. 153].

Таким образом, наличие плейстоценовой фауны (мамонта) на стоянках приледниковой зоны и поделок из кости мамонта, в частности, — на Мураловской стоянке позволяет синхронизировать во времени памятники Средней полосы, Урала и Северного Приазовья. Этому выводу не противоречат данные радиоуглеродного анализа (C_{14}), которые фактически дают показатель 16-е — 14-е тыс. до н. э. Так, Тимоновка в Брянской области датируется $15\,110 \pm 500$ лет (ЛУ — 358); Амвросиевка (Донецкая Народная Республика) — $15\,250 \pm 150$ лет (ЛЕ — 1637) [Палеолит... 1984, с. 356–357], а Капова пещера показала две даты: первая — $14\,680 \pm 150$ лет (ЛЕ — 3443), вторая — $13\,990 \pm 300$ лет (ГИН — 4853) [Щелинский 1990, с. 53]. Отсутствие мамонта на степных просторах Северного Приазовья в конце мадлена, по-видимому, объясняется климатическими изменениями в сторону потепления и откочевыванием холодолюбивого животного далее на север [Серебрянный 1980, с. 81–96]. Его образ в эпоху ориньяка продолжал быть частью религиозных представлений древнего человека [Абрамова 1966, с. 108–111].

В доказательстве факта существования петроглифов эпохи позднего палеолита в гротах и пещерах Каменной Могилы определенную роль сыграли исследования В. Н. Даниленко и Б. Д. Михайлова, в результате которых открыты грот Колдуна (№ 52), пещеры Бизона (№ 36б), Мистерий (№ 51б) и Козы (№ 60), содержащие на потолках и карнизах как рисунки плейстоценовой фауны (мамонт), так и многочисленные песчаниковые блоки-конкреции с аналогичной семантикой¹.

Рассмотрим характерные образцы первобытного искусства Каменной Могилы, разделив их предварительно на следующие группы.

Гравировки на потолках и карнизах

Пещера Бизона (№ 36б)

Композиция, состоящая из фигур мамонта, птицы, змеи, бизона (рис. 35; 36.2).

Пещера Мистерий (№ 51б)

Композиция представляет собой центральную мистериическую процессию, состоящую из антропоморфных фигур «в хороводе», выполненных без голов, но с четко переданными торсами. Рядом расположены фигуры животных (мамонт, носорог, олени) (рис. 46).

Грот Колдуна (№ 52)

Композиция: мамонтенок в окружении женщин в масках; колдун, отдельные фигуры мамонта, носорог, пещерный лев, серна, олень, бык (рис. 51.3–4; 52–55).

¹ Определение Н. К. Верещагина (Музей зоологии РАН).

ПЕЩЕРА КОЗЫ (№ 60)

Фигуры мамонта, женщины возле «хижины», колдуна в маске птицы, змеи и т. д. (рис. 78.2; 79.4; 78.4–5).

* * *

Перечисленные петроглифы на потолке «открыты» со всех сторон, и, несмотря на то, что каждый рисунок подан отдельно, они формируют многофигурные композиции. В частности, на потолке пещеры 36б в радиусе 40–50 см расположено изображение мамонта, над которым «зависла» птица, и две волнистые линии, явно воссоздающие змей, бизона (рис. 35; 36.2).

Перед нами — типичная «присоединительная» композиция эпохи позднего палеолита, известная по памятникам настенной живописи подземных святилищ франко-кантабрийского региона Западной Европы, которую исследователи связывают с формированием образа «мирового дерева» [Топоров 1972, с. 81].

В этой связи В. Н. Топоров подчеркивал, что «создается впечатление, что в палеолитических памятниках организующее начало (связанное с композицией), сосредотачивается не столько в пределах данного отдельного изображения, сколько в совокупности следующих друг за другом изображений и соответственно — топографических зон» [Топоров 1972, с. 86].

Говоря об описанной композиции, следует упомянуть некоторую универсальную концепцию, определявшую представления древнего человека, то есть формирование образа-модели — от «мирового дерева» до антропоморфного существа.

Первые попытки передачи сложного понятия «мирового дерева» выполнены древним художником на Каменной Могиле посредством четкой трехчленной композиции, проектируемой в вертикальную схему: птица — мамонт — змеи (рис. 36.2).

Вероятно, в представлении древнего художника птицы связывались с небом, мамонты (копытные) со средней частью — с землей, а змеи — с подземным миром [Топоров 1972, с. 93].

В. Н. Топоров отмечает: «При исследовании семантики палеолитических изображений привлекает внимание еще одна особенность, весьма существенная <...> и с точки зрения происхождения древнейших мифопоэтических символов. Речь идет о преобладании (во всех вариантах палеолитического изобразительного искусства) <...> животных изображений над человеческими <...> женских изображений и фигурок над мужскими <...> позднее сформировавшихся в сюжеты и структуру, связанных с ними противопоставлений более позднего времени» [Топоров 1972, с. 88].

Подтверждает сказанное и второй сюжет из грота Колдуна, где, по мнению В. Н. Даниленко, изображено убийство мамонтенка с пляшущими над ним женщинами. Рядом Колдун в маске птицы или пещерного льва. Вблизи изображен благородный олень. Одним словом, перед нами аналогичная трехчленная присоединительная композиция, которая имеет сходство с сюжетом панно в Аддауре близ Палермо [Leroi-Gourhan 1964, fig. 711].

Однако чтобы «прочитать» данную композицию, следует понять каждый из рисунков, составляющих часть древнего мифологического сюжета. Трудность состоит в том, что если мамонта древний человек

явно связывал со средним миром, то присутствие женщин, на первый взгляд, необъяснимо.

Образу женщины в первобытном искусстве уделялось немало внимания. Одни исследователи в женских статуэтках эпохи позднего палеолита видели отражение эстетического идеала и культа плодородия. Другие полагали, что образ женщины связан с прародительницей или жрицей, наделенной магическими свойствами, сопутствующими удаче в охоте [Ефименко 1931, с. 4–5; Замятнин 1961, с. 54].

Существуют и другие гипотезы. Заслуживают особого внимания мнения А. С. Гущина и А. П. Окладникова. В частности, А. С. Гущин связывал женские образы (статуэтки) с процессом охоты на животных и считал возможным через их посредничество «подойти к интереснейшему вопросу о роли женщины в магических представлениях палеолитических и современных охотников, к выяснению того совершенно особого значения, какое придавалось, видимо, женщине в магическом обеспечении результатов охоты» [Гущин 1937, с. 107].

Близкого мнения придерживался А. П. Окладников, писавший о «широко распространенном древнем охотничьем мифе о женщине – владычице зверей и хозяйке леса, в связь с которой вступает мужчина-охотник, получающий в награду охотничье счастье. Этот миф может объяснить в искусстве палеолита три образа: характерное сочетание женщины, охотника и зверя» [Окладников 1957, с. 19–20].

Если эти представления о роли женщины в эпоху палеолита верны, то можно утверждать, что петроглифы Каменной Могилы в пещере Колдуна отражают зарождение мифотворчества, связанного с образом женщины — покровительницы охоты, в дальнейшем переросшим, как, например, в античной Элладе, в образ богини охоты Артемиды, наделенной теми же функциями.

Образ женщины в петроглифах Каменной Могилы наиболее выразителен в пещерах Колдуна (№ 52) и Козы (№ 60). В первом случае женщина «соседствует» с пещерным львом и быками [Даниленко 1986, с. 90, рис. 41], во втором — как хранительница домашнего очага находится вблизи хижины (рис. 79.4), а в третьем — женские фигуры соседствуют с мамонтом¹.

Подводя итог сказанному, приведем мнение З. А. Абрамовой, которая писала: «Учитывая этнографические данные, можно утверждать, что в образе женщины в палеолите имеются две различные стороны, которые не противоречат, а взаимно подкрепляют одна другую. С одной стороны, здесь выступает образ женщины — хозяйки дома и очага, хранительницы домашнего очага, связанный с представлениями о домашнем благополучии и деторождении. С другой стороны, в этом образе проявляются представления о женщине как хозяйке стихий природы, как владычице зверей, в первую очередь промысловых животных, от обилия которых зависели жизнь и благополучие общины. И в том, и в другом случае несомненна связь женщины с идеей плодородия. В первом случае дом, жилище, очаг связывались с образом праматери-прародительницы (или образами праматерей-прародительниц). Во-втором, как мы можем полагать, в глазах первобытного человека особое значение для удачной охоты приобретали предшествующие ей магические обряды, в которых женщине отводилась решающая роль» [Абрамова 1962, с. 67–68].

¹ Об этом сюжете подробнее будет сказано дальше.

Эту особую роль женщины отражают петроглифы в пещере Мистерий (№ 51б), где «в хороводе» угадываются части женских фигур (рис. 46), и их аналогии в гроте № 60, на кости мамонта из Мураловской стоянки [Праслов, Филиппов 1967, с. 116–117, рис. 78.1, 3, 5–6] и на статуэтках из Рогалика IIА и XII [Горелик 1997, с. 170–172, рис. 2–3].

Кроме того, рисункам из пещеры Мистерий свойственна характерная черта искусства позднего палеолита — стилизация фигуры, то есть воспроизведение образа по принципу от части к целому. П. П. Ефименко писал, что «в этих изображениях части применяется принцип *pars pro toto* (часть вместо целого), который, кстати сказать, не всегда представляет явления упрощения, редукции, “отхода от реализма” <...> Сами изображения животных имеют черты упрощенности как в смысле манеры воспроизведения, так и в господствующем принципе передачи части вместо целого. Они всегда даются в тесном сочетании со знаками и изображениями определенно условного значения» [Ефименко 1953, с. 396].

Таким образом, изображения мамонта, бизона, носорога, оленя и пещерного льва в гротах Каменной Могилы, вероятно, позволяют сделать вывод о хозяйственной деятельности человека, а именно о присваивающем способе производства, в основе которого была охота.

Стилистически рисунки Каменной Могилы, в частности мамонта, разнятся. Так, в гроте Колдуна используется «объемный» стиль для воссоздания животного; в пещерах Бизона и Козы применен стиль «макарон» в виде вертикально-кривых линий, ярко воссоздающих не только фигуру мамонта, но и его шерстистый покров. И еще одна деталь: в пользу уточнения относительной датировки описанных петроглифов эпохой позднего палеолита говорит изображение птицы в соседстве с мамонтом в гроте № 36б. По мнению С. Н. Замятина, птицы появляются в изобразительном искусстве в конце эпохи позднего палеолита, когда «птицы начинают иметь мало-мальски существенное хозяйственное значение» [Замятин 1961, с. 53].

Рисунки на блоках-конкрециях

Более 90 блоков-конкреций, как отмечалось, впервые были найдены В. Н. Даниленко в гроте Чуриг и Колдуна и датировались им эпохой позднего палеолита — неолита. Наши исследования в пещерах № 36б, 51б, 53–54, 56–60 позволили выявить новую серию блоков-конкреций (чуриг?) с рисунками (всего 87 экз.). На них древними художниками воспроизведены также образы животных: мамонта (грот № 52 и 60), носорога (№ 52), бизона-зубра (№ 52, 53, 60), пещерного льва (№ 52 и 60), быка-коровы (№ 60) и т. д.

Присутствие на блоках-конкрециях представителей плейстоценовой фауны подтверждает, что перед нами искусство в стиле суперпозиции, характерное для эпохи позднего палеолита и известное по пещере Пеш-Мерль (Франция) [Большой иллюстрированный атлас 1982, рис. 456], то есть на камне представлен своеобразный «ребус», когда из одной фигуры-образа, выполненной кривыми и прямыми линиями, появляется иной образ. Примером может служить рисунок на блоке-конкреции 310 из грота № 52 (мамонт — пещерный лев) [Даниленко 1986, с. 104, рис. 56].

Главной особенностью рисунков на блоках-конкрециях является повторяемость-множественность, когда внутри большой фигуры жи-

вотного (мамонта или оленя) изображается более мелкая (мамонтенок или олененок). Вероятно, это свидетельствует о религиозно-обрядовых представлениях, связанных с умножением тотема [Соколова 1972, с. 22], — иконографическая схема палеолитического и более позднего искусства [Абрамова 1972, с. 25–28].

К этому следует добавить, что «ребусное» первобытное искусство нашло удивительное продолжение в зверином стиле скифского искусства, когда из одной фигуры свернувшегося зверя (при повороте) рождается совершенно новый образ [Даниленко 1975, с. 88–89].

Скульптура

Всего на Каменной Могиле найдено десять экземпляров скульптуры, воссоздающей образы мамонта, пещерного льва и др. (рис. 89). Аналоги этому виду искусства известны в Западной (Дольни-Вестонице в Моравии, Ла-Мадлен во Франции, см.: [Большой иллюстрированный атлас 1982, с. 303, рис. 463] и Восточной Европе (Костенки, см.: [Абрамова 1962, с. 17–21; с. 47–52]).

Что касается скульптур как таковых, то многими исследователями они интерпретируются как атрибут магического воздействия на животное. Нам представляется это мнение не совсем точным, так как присутствие скульптур, да и гравировок главным образом в глубине пещер скорее говорит о желании «спрятать» от чужого глаза образ могучего животного — мамонта (тотема), а вслед за ним — пещерного медведя [Столяр 1972, с. 47–48; 1985, с. 180–226]. Последний в мифологии народов Сибири и Дальнего Востока являлся первопредком человека [Золотарев 1964, с. 260; Соколова 1972, с. 63–85].

Таким образом, изобразительное творчество эпохи позднего палеолита на Каменной Могиле по составу образов и назначению не отличается от искусства Западной Европы, Урала, Сибири и представляет собой яркую страницу духовной культуры первобытного человека.

МЕЗОЛИТ

О наличии изобразительного искусства эпохи мезолита на территории юга России и современной Украины ученые спорят не одно десятилетие. Причина кроется прежде всего в отсутствии убедительных образцов художественного творчества [Формозов 1970, с. 194].

В начале 1970-х гг. А. П. Чернышом впервые были опубликованы мезолитические рисунки, выполненные черной краской, из пещеры на Днестре вблизи с. Баламутовка Заставновского района Черновицкой области [Черныш 1975, с. 124–125, рис. 56]. Однако возраст рисунков А. А. Формозовым был поставлен под сомнение [Формозов 1969, с. 143], хотя они по своей технике и стилю явно перекликаются с известными росписями испанского Леванта [Монгайт 1973, с. 183, рис. А].

В этой связи Д. Я. Телегин справедливо отмечает: «О проявлении духовной культуры мезолитического населения Украины у нас очень мало сведений. Мы мало пока знаем изобразительное и прикладное искусство. А. П. Черныш мезолитическим временем датирует выявленные им в Баламутовской пещере на Днестре антропоморфные и зооморфные изображения, выполненные черной краской типа сажи. Высказывались мнения об отнесении к преднеолитическому времени и некоторых изображений Каменной Могилы в Приазовье. Однако до-

казать мезолитический возраст как баламутовских, так и каменно-могильских изображений пока очень трудно» [Телегин 1982, с. 222].

Сомнение в возрасте каменномогильских рисунков еще раньше высказывал А. А. Формозов, который, в частности, писал, что «нет полной ясности и в определении хронологии петроглифов в урочище Каменная Могила, но наиболее ранний пласт среди них составляют углубленные в камне силуэты быков и геометрические фигуры типа решеток» [Формозов 1970, с. 195].

Подобные выводы в определении возраста каменномогильских рисунков можно объяснить, во-первых, неполным изучением уникального памятника, а во-вторых — попыткой некоторых исследователей «подтянуть» те или иные изображения к определенным историческим эпохам.

Так, например, известный грот Быка с его удивительными силуэтными рисунками датировался исследователями от палеолитического времени до эпохи меди-бронзы. В этих хронологических рамках нашлось место эпохе раннего мезолита. В частности, В. Н. Гладилин [Gladilin 1969, с. 92], а вслед за ним О. Н. Бадер относили к ней изображения реалистического комплекса, включая быка с хоботом [Бадер 1973, с. 29–32].

Однако твердой уверенности в правильности датировки силуэтных изображений быков у исследователей не было, так как источниковедческая база отсутствовала, а на многослойном поселении у Красного озера вблизи Каменной Могилы нижний слой принадлежал лишь к эпохе позднего мезолита [Даниленко 1952, с. 68].

Следует отметить, что мезолитическое искусство в академическую науку вошло по образцам испанского Леванта. Рисунки здесь располагались на открытых скалах в неглубоких нишах, были выполнены, как правило, красной и черной красками и воспроизводили эмоциональные, реалистические, динамичные сюжеты из жизни охотников. В этом же регионе были найдены многочисленные гальки, расписанные красками и тонкими гравировками [Courgaud 1985, p. 175].

Естественно, каменномогильские петроглифы под этот стандарт не подходили, а потому у исследователей справедливо закрадывалось сомнение в принадлежности к мезолитической эпохе силуэтных статичных рисунков из грота Быка [Формозов 1970, с. 195].

Наши исследования Каменной Могилы в 1985 г. позволили приподнять завесу тайны над рисунками эпохи мезолита. Первым убедительным свидетельством существования изображений этой эпохи стали находки в пещере № 366. Там среди петроглифов позднего палеолита, выполненных гравировками (мамонт, птица, змеи, бизон), сверху были наложены черной краской контурные рисунки. Так, в центре была расположена фигура большого оленя, который при повороте на 90° оказался оленихой. Рядом в ногах животного — лучник в динамичной позе (рис. 34.2) [Михайлов 1987в, с. 373], что соответствовало традиционным представлениям о мезолитическом искусстве.

В восточной стороне пещеры найдена группа рисунков: животное (носорог?), выполненное многочисленными точками-ямками, на котором восседает фигура женщины, рядом — фигуры собаки и мужчины, размахивающего палкой, выполненные силуэтным стилем (мужчина — черной, собака — темно-коричневой краской). В центре пещеры еще есть изображение животного (козел? баран?), пронзенного копьем (рис. 34.5).

Помимо рисунков в песке найдены многочисленные блоки-конкреции, покрытые гравировками, которые напоминают азильские чуринги и расписные гальки (пещера Мас-д'Азиль во Франции) [Sougaud 1985].

Вторым местонахождением с рисунками мезолитической эпохи стала пещера Козы (№ 60), где на потолке зафиксированы фигуры лося, быка, уток и т. д., а главное — плита-блок с изображением охоты на коз (рис. 114.1). Сцены охоты на коз — классические образцы первобытного искусства, как, например, в Испании (Левант) (рис. 114.2), в Индии (Бхимбетка) (рис. 114.3), в Азербайджанском Закавказье (рис. 114.4), в Южной Турции (Чатал-Хююк) (рис. 114.5), в Северной Африке (рис. 114.6).

В частности, изображение на блоке-конкреции охотника и козы, по всей видимости — в «загородке», — это воспроизведение древним художником сцены загонной охоты и процесса приручения этого животного. Сюжет соответствует мнению В. Н. Даниленко о том, «что скотоводство на юго-востоке Европы возникает на базе загонной охоты» [Даниленко 1969, с. 13]. Доказательством также служат найденные в мезолитическом (докерамическом) горизонте поселения Каменная Могила 136 фрагментов костей от 48 особей домашней козы, а также три фрагмента от трех особей собаки [Підопличко 1956, с. 54].

Добавим, что наиболее древние свидетельства одомашнивания козы найдены в позднем мезолите — в поселении Асиаб в Южном Загросе (7-е тыс. до н. э.). Обнаружена домашняя коза в Али-Коше (7500–6750 гг. до н. э.), в Бейде (7000 г. до н. э.). Более поздние памятники с присутствием козы известны на Балканах в Аргиссе, Неа-Никомидии, а также в Кноссе [Андрианов 1978, с. 40].

Рассматривая каменномогильские рисунки эпохи мезолита, следует иметь в виду, что плейстоценового носорога в пещере Бизона (№ 36б) в начале голоцена нужно понимать, скорее всего, как реликт. Отсутствие остеологических остатков в мезо-неолитических горизонтах поселения вблизи Каменной Могилы ни в коей мере не умаляет значения изображений из пещеры № 36б, так как в эпоху мезолита в соседних районах Северного Причерноморья были известны реликтовые животные, такие как носорог и северный олень. Они обнаружены в Молдове I, Ia, Оселевцах, Атаках IV [Телегин 1982, с. 39], а также в Присивашье, Крыму и Приднепровье [Мацкевой 1977, с. 158; Телегин 1985, с. 67–87; Оленковский 1991, с. 10]. Данные палеоботанических исследований поселения Каменная Могила свидетельствуют о том, что в начале голоцена в эпоху позднего мезолита там произрастали сосна (10 %), береза, ольха и другие представители более холодного, по сравнению с современным, климата [Михайлов 1991в, с. 21]. Лишь в конце раннего и среднего голоцена — в бореальный и атлантический период — наступает потепление и окончательно исчезает плейстоценовая фауна [Яневич 1990, с. 103].

Особый интерес в композиции из пещеры № 36б, на наш взгляд, представляет изображение женщины на спине носорога. Сюжет напоминает классический древнегреческий миф о похищении Зевсом в образе быка красавицы Европы и очень важен для понимания истоков мифотворчества. Как известно, образ героизированной Европы тяготеет к догреческому культу и связан с хтоническим Зевсом Додонским.

Кроме того, как полагал А. Ф. Лосев, Европа была наделена растительными и зооморфными функциями, образ ее отождествлялся с Луной, воплощал весь Космос [Лосев 1991, с. 205].

Не исключено, что близость содержания объясняется тем, что сюжет на Каменной Могиле мог возникнуть в Северопричерноморской степи в эпоху мезолита, в период отделения Европейского материка в результате «затопления босфорского “порога” из-за слияния Новоэвксинского и Средиземного морей» в 7-м тыс. до н. э. [Бруяко и др. 1987, с. 7].

Что касается интерпретации сюжета «охотник на коз» на плите-блоке из грота № 60, то данный вопрос еще недостаточно проработан и нет единого мнения по этому поводу. Отметим, что некоторые исследователи воспринимают его лишь как иллюстрацию хозяйственной деятельности мезолитических охотников [Яневич 1990, с. 102–110].

В подобной интерпретации нами усматривается явная недооценка сюжета, имеющего глобальное территориальное распространение — от южных границ Европы (Левант) до Северной и даже Южной Африки [Лот 1973, с. 66–69, рис. «Охотник с собакой»; Кларк 1977, рис. на

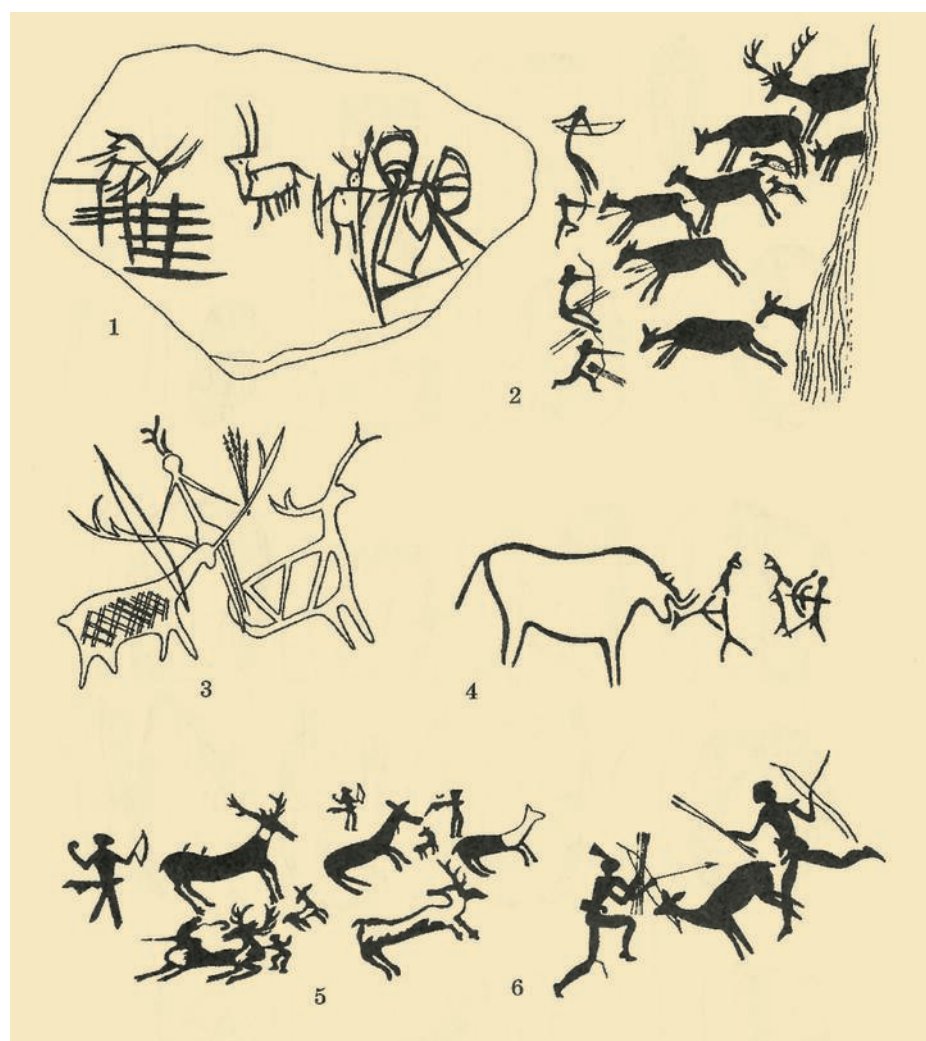

Рис. 114.
Изображение сцен
охоты лучников на
животных:
1 — Каменная Могила;
2 — Ущелье Валлторта
(Испания);
3 — Бхимбетка
(Индия);
4 — Азербайджан;
5 — Чатал-Гююк
(Турция);
6 — Северная Африка

с. 202], а также на Ближнем Востоке (Чатал-Хююк, см.: [Mellaart 1967, tabl. 54], в Закавказье (Азербайджан) [Формозов 1969, с. 38, рис. 9] и Индии (Бхимбетка), что, по-видимому, свидетельствует о существовании монокульта, связанного с охотничьей деятельностью человека (рис. 114).

Кроме того, остается невыясненным вопрос об отнесении части рисунков к мезолитической эпохе в пещере Мистерий (№ 516), где были найдены два экземпляра тесел и скребок кукрекского типа того же времени (рис. 49.19–21).

Возможно, к этой эпохе относятся гравировки в «потаянных местах», эротическая сцена и т. д. (рис. 47.2, 4, 6, 7).

И последнее: к этому же времени, по-видимому, следует отнести изображения двух охотников с копьями и животное из местонахождения 61 (рис. 91).

НЕОЛИТ

Эпоха неолита — это качественно новый этап в жизни и деятельности древнего человека, связанный с производящим хозяйством. Поэтому датировка и интерпретация петроглифов невозможна без соотнесения с археологическими находками из культурных горизонтов поселений близ Каменной Могилы.

По вопросу принадлежности некоторых петроглифов Каменной Могилы к эпохе неолита сложились полярные мнения. В довоенное время О. Н. Бадер отвергал существование неолитических рисунков на Каменной Могиле из-за якобы отсутствия «поселений типичного неолитического облика» [Бадер 1941, с. 135; 1947, с. 305]. Этой же мысли в основном придерживался М. Я. Рудинский, который не видел в петроглифах сюжетов, связанных с хозяйственной деятельностью человека в неолитическую эпоху [Рудинский 1961, с. 137].

Иную точку зрения высказывал В. Н. Даниленко, полагая, что рисунки Каменной Могилы из гротов № 9, 20, 22, плиты Собака (без номера) следует соотнести с археологическими материалами, принадлежащими пяти фазам неолитической приазовской культуры [Даниленко 1969, с. 13–18, рис. 1].

Впоследствии предложенная В. Н. Даниленко классификация отчасти не выдержала критики, так как плита 22, где имеются геральдические знаки, оказалась принадлежащей к эпохе бронзы (катакомбная культура) [Михайлов 1987, с. 250–252, рис. 1–2], а грот Быка (№ 9) с силуэтными рисунками был синхронизирован с кремневым комплексом ямно-позднемайкопского времени.

Таким образом, распознавание изображений неолитического времени на территории Каменной Могилы оставалось одной из сложных задач. Тем не менее в последнее время вблизи Каменной Могилы были открыты и исследованы новые поселения (Каменная Могила III, Прилуковка, Семеновка) и пещеры на холме степного феномена (№ 57 и 58), а также ритуально-обрядовое местонахождение¹, сопровождаемые кремневой свитой эпохи неолита [Михайлов 2002, с. 65].

Рассмотрим петроглифы в пещерах № 57 и 58. Они включают следующие рисунки: лось, тур, олень, собака, водоплавающие птицы, дикий кот — все это представители голоценовой фауны. Есть в этих гротах антропоморфные изображения и стилизованные рисунки в

¹ Об этом будет сказано далее.

виде «рогатин-письмен», известные по керамике со среднего Днестра (Лука-Врублевецкая) и из ритуально-обрядового места 65 (рис. 99.6). Они относятся к эпохе неолита (предтрипольский период) и имеют связи с дунайско-тисским ареалом [Даниленко 1969, с. 147, рис. 123.9].

Для определения возраста петроглифов в пещерах № 57 и 58 имеют особое значение находки каменной индустрии. Так, концевые скребки на массивных отщепах, острия, угловые резцы, дисковидные скребла, топор-тесло, фрагмент керамики с растительными включениями в тесте — все это лишний раз подтверждает: перед нами комплекс эпохи неолита (сурско-днепровская культура)¹, и хронологически он синхронен петроглифам на потолке пещер.

В изобразительных комплексах пещер № 57 и 58 представлена тематика, связанная с быком-туром, остеологические остатки которого исчисляются 915 экземплярами (180 особей) из поселения у Каменной Могилы. На рисунках же перед нами — явно дикое животное устрашающего вида (рис. 71.2).

Однако удивляет наличие «хобота» у быка, что, по нашему мнению, подтверждает гипотезу о рождении иконографического образа, возникшего после плейстоценового мамонта. Видимо, это объяснимо изменениями в хозяйственной деятельности древнего человека (скотоводство). Что же касается предполагаемого появления хоботообразного бога-быка, то это явление, вероятно, продолжало какие-то более древние религиозно-мифологические представления. Скорее всего, в этом образе следует видеть того самого «небесного или дождевого быка», широко почитаемого в эпоху энеолита-бронзы на территории Евразии и на просторах Африки [Андрианов 1978, с. 63, рис. 10].

В духовной культуре неолитических племен произошло еще и преобразование образа Великой Матери в образ богини охотницы — пр-Артемиды [Даниленко 1969, с. 219–221].

Показательна в этом плане пещера Артемиды (№ 54), открытая нами в 1985 г. [Михайлов 1991г, с. 6–7]. Здесь на карнизе изображены фигуры двух животных (быки) и женщины-охотницы с рогами оленя (рис. 64.4), вблизи от этой группы — фигуры двух животных (быки?), оленя и трех водоплавающих птиц. Найденные здесь же кремневая пластина, две раковины перловицы (*Unio*) с отверстиями, плитка-ромб (рис. 64.6) свидетельствуют о том, что петроглифы в этой пещере следует датировать тем же временем, что и в пещерах № 57 и 58, то есть эпохой раннего неолита, что подтверждает и находка двух подобных ромбических предметов в неолитическом слое поселения у с. Семеновка (рис. 64.5) [Михайлов 1991б, с. 37–39].

О роли женщины-охотницы в первобытном обществе В. Н. Даниленко писал: «Женское божество этого времени распространено значительно шире, чем Артемида и Деметра последующих времен. С одной стороны, это — всерождающая Мать, с другой — оно находится в тесной связи с охотничьим производством того периода, когда по всей территории Европы олень-лань был главным охотничьим животным и, следовательно, главной формой обожествления сил природы» [Даниленко 1969, с. 219–221].

Наличие в пещере № 54 изображений трех водоплавающих птиц сближает этот памятник с местонахождением 60, где также есть рисунки трех водоплавающих птиц: первая — в окружении животных,

¹ Определение Н. С. Котовой.

вторая — вблизи колдуна и третья — сидящая на яйце (рис. 78.4). Этот сюжет свидетельствует, видимо, о космогонической тематике, известной по памятникам Карелии и Сибири [Формозов 1980, с. 66–68], что было отражено в «Калевале» (1-я руна, 4-я строфа):

*Из яйца, из нижней части,
Вышла мать земля сырая,
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный.
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось,
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе,
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.*

Как известно, образ птицы – утки – лебедя связан, по мнению В. В. Напольских, с двумя мифологическими сюжетами:

1. «Водоплавающая птица, или демиург в виде птицы, ныряет на дно первичного океана, приносит крупинку земли, из которой затем вырастает суша.

2. Птица (утка, реже гусь, ласточка и др.) сносит яйцо или несколько яиц посреди первичных вод. Затем яйца развиваются, и из них (или из частей одного яйца) возникает небо, земля и т. д.» [Напольских 1990, с. 65–66].

Таким образом, мы имеем еще одно свидетельство формирования древних представлений о сложной космогонической модели мира в неолитическую эпоху [Формозов 1987, с. 28–31].

Говоря об интерпретации петроглифов Каменной Могилы, следует вернуться к пещере № 57, где на потолке находится композиция из двух групп: 1) композиция птица (лебедь?) — лось — лебедь (рис. 71.1); 2) рисунок на блоке-конкреции, изображающий борьбу женщины в маске оленя со вздыбленным животным (рис. 74.1).

Особый интерес представляет трехчленная композиция лебедь — лось — лебедь. Следует заметить, что в первобытном искусстве мезо-неолита образ лося, как правило, связан был с верхним миром, конкретно с солнцем, и являлся воплощением духа-охранителя, устанавливающего день или ночь [Мифы 1980, с. 70].

Указанный рисунок явно соотносится с другой трехчленной композицией из Оленеостровского могильника эпохи мезо-неолита: шаман в лосиной маске и две женщины по бокам [Рыбаков 1981, с. 62]. Поскольку лебедь в первобытной мифологии символизировал женщину-девицу, становится вполне очевидным, что ряд лебедь — лось — лебедь из пещеры Каменной Могилы, как и шаман со «спутницами» из Оленеостровского могильника, имеют общие культурно-исторические корни. Б. А. Рыбаков отмечает, что «шаман для получения всей колдовской силы должен был пройти дороги всех миров Вселенной, он спускался с земли в нижний мир, бродил по берегу подземного мира, а затем полетел вместе с водоплавающими птицами в небо к вершине мирового древа жизни» [Рыбаков 1981, с. 62].

Вторым значительным памятником неолитического искусства, найденным в пещере № 57, является блок-конкреция с изображением антропоморфной фигуры в маске оленя в противоборстве с животным. Этот сюжет нам известен лишь по последним редакциям ведических мифов, например, о борьбе Индры с Вритрой и т. д. (*Ригведа*. I.32.1–15), и может быть отнесен к одному из самых распространенных в мифотворчестве сюжетов — борьбе двух противоположностей. В этой связи М. И. Шахнович отмечает: «В мифах особенно ярко выражено то, что противоположные начала — свет и тьма, день и ночь, лето и зима, жизнь и смерть — находятся в постоянной борьбе между собой, которая является источником движения в природе и сопровождается преданием их торжества друг над другом. Это представление о всеобщей изменчивости явлений природы уходит в глубь тысячелетий, когда люди верили, что все превращается, то есть одно обладает способностью становиться другим и приобретает его свойства» [Шахнович 1971, с. 38].

Особое место в духовной культуре и искусстве племен эпохи неолита занимают каменные скульптуры рыб. На Каменной Могиле они были найдены в пещерах № 36б, 52, 54, 60 и 65 (рис. 38.1–2; 65.15). Особое значение приобретает рыбчеловек (местонахождение 65), который невольно заставляет вспомнить о шумеро-аккадском боге Эа, также связанном с защитой людей¹ (рис. 97–98).

Что касается хронологии, то думается, что указанные скульптуры не выходят за рамки позднего палеолита — неолита, что подтверждается аналогичными находками в Западной Европе (Камбала, Франция) [Большой иллюстрированный атлас 1982, с. 342, рис. 575] и Сибири [Окладников 1966, с. 121–122, рис. 37]. Например, натуралистическая фигура рыбы из грота № 36б может быть соотнесена во времени с изображениями мамонта, бизона, птицы; находясь в песке, она как бы символизировала нижнюю космическую зону.

М. Н. Соколов в этой связи отмечал, что рыбы участвуют «в общих трехчленных (по вертикали) мифологических схемах Вселенной <...> служат основным зооморфным классификатором нижней космической зоны и противопоставлены птицам как классификатору верхней зоны и (менее отчетливо) крупным животным (часто копытным), символизирующим среднюю космическую зону» [Мифы 1982, с. 391].

Наиболее яркими представителями эпохи неолита из этой серии памятников являются двухголовое существо (рыба) (рис. 65.15) из грота № 54 и большая рыба эпохи ранней бронзы (рис. 98) из местонахождения 65, которые напоминают аналогичные находки Сибири и вишапов Кавказа [Михайлов 1991г, с. 7; Михайлов, 1993в, с. 110–114].

По мнению А. П. Окладникова, образ рыбы соответствует космическим воззрениям древних людей, когда «каменная рыба» заглатывает солнце одним ртом и выпускает его через другой — здесь, вероятнее всего, следует усматривать представления о смене дня и ночи [Окладников 1950, с. 312, рис. 97].

Таким образом, неолитическое искусство Каменной Могилы по своему мифопоэтическому содержанию продолжает искусство эпохи позднего палеолита: здесь по-прежнему главный герой — это «зверь-животное», исполненный, как правило, в натуралистической манере, что свидетельствует, вероятно, о непрерывной линии художественно-

¹ Эта тема будет рассмотрена в отдельном разделе.

эстетического восприятия окружающего мира. В последующую эпоху эта манера будет заменена яркой вспышкой символизма и условностей в изобразительном творчестве.

ЭНЕОЛИТ — ЭПОХА БРОНЗЫ

Памятники этого времени в Северном Причерноморье представлены погребениями и отчасти поселениями типа Квитяна, Средний Стог I, Михайловка I и др., принадлежащими раннему этапу рассматриваемого периода. Глобальная активность народов Прикаспийско-Азовско-Черноморского ареала позволяет осмыслить социально-экономические отношения, в основе которых была производящая экономика — скотоводство и частично плужное земледелие. Значительное место в жизни энеолитических племен, по-видимому, занимало и коневодство, свойственное всей среднестоговской культуре [Телегин 1973, с. 132–133]. Как полагают многие исследователи, крупный рогатый скот мог проникнуть в степь из трипольского региона, а конь — это специфика Каспийско-Северопричерноморского очага, где он присутствует в энеолитических слоях поселений [Даниленко 1969, с. 179, табл. 1].

Новые социально-экономические отношения в энеолитическом обществе способствовали консолидации и активизации племен. Особенно это заметно на памятниках древнеямной культуры. Как полагает Н. Я. Мерперт, «именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих видов экономики, выработку подвижных форм скотоводства» [Энеолит 1982, с. 326].

Представляется, что поздняя ямная культура распространилась до восточных Балкан, заполнила собой северную половину Крыма, Днепро-Азовский бассейн и даже достигла в виде московского ядра фатьяновской культуры. По мнению Д. Я. Телегина, названная культура представляла собой не что иное, как органическое продолжение степного скотоводческого неолита, воплотившегося в днепро-донецкой культуре [Телегин 1968, с. 216–231], приазовской — по Даниленко [Даниленко 1969, с. 13–18] и их аналогах.

В энеолитическую эпоху ямная культура получила продолжение в виде памятников типа Квитяна, Средний Стог II, Михайловка II, III, находясь в тесной взаимосвязи с западными (Триполье), восточными (Майкоп) и южными (Кеми-Оба) историко-культурными регионами.

Северное Приазовье являлось своеобразной зоной контактов племен, где, по мнению Н. Я. Мерперта, складывалась специфическая степная психология кочевников, что наложило свой отпечаток на развитие их духовной культуры и искусства [Энеолит 1982, с. 326].

Естественно, рассматривая петроглифы Каменной Могилы, мы столкнулись с рядом трудностей — в первую очередь с отсутствием достаточно убедительной источниковедческой базы, то есть памятников духовной культуры и искусства, которые можно было бы соотнести с наскальными изображениями степного феномена. Единственным репером в определении принадлежности тех или иных рисунков Каменной Могилы к эпохе энеолита были находки с соседних территорий, население которых в какой-то степени не только способствовало фиксации торговых, брачных, культурных влияний, но и заимствовало отдельные элементы религиозной идеологии.

А. Л. Высоцкий справедливо подчеркивает, что «фактор “соседи” необходимо учитывать еще и потому, что ближайшее окружение культурно-исторической общности неизбежно оказывается втянутым в традиционно-инновационный процесс последней. Как компонент экокультурной ниши, соседи оказываются в постоянном взаимодействии, независимо от отношений между ними. Причем для своих соседей каждая культурно-историческая общность сама оказывается компонентом экокультурной ниши. Возникает интереснейшая пространственная континуальность какого-то общего надтрадиционно-инновационного процесса» [Высоцкий 1990, с. 10].

Несмотря на значительное количество погребальных памятников эпохи раннего энеолита как в бассейне р. Молочной [Рассамакин 1987, с. 31–42], так и в сопредельных регионах, арсенал находок духовной культуры и искусства очень скуден [Михайлов 1976б, с. 77–80]. Назвать можно лишь вырезанные из кости фигурки быков, обнаруженные в Мариупольском могильнике, скипетры с головой коня из Суворово, «древо жизни» с расположенной рядом человеческой фигурой на плите из Новоданиловского могильника (рис. 108.1).

Кроме того, вблизи Каменной Могилы (с. Терпенье) в результате размыва весенним половодьем обозначилась антропоморфная стела миндалевидной формы, сделанная из каменномогильского песчаника, с изображением животного (рис. 108.6). Она лежала над погребением, которое оказалось кенотафом. На дне могилы найден лавровидный наконечник дротика (длина — 4,3 см, ширина — 2,5 см) [Михайлова Михайлов 1990, с. 74–75, рис. 6.2, 4, рис. 90.4], известный в энеолитическом культурном слое (Средний Стог II) поселения у Красного озера вблизи Каменной Могилы (рис. 108.4) [Даниленко 1986, с. 46–47, рис. 16]. Аналогичная стела найдена над погребением ямного времени в с. Сосновка вблизи Каменной Могилы (рис. 108.3, 5, 7).

Таким образом, имея изображения фигурок быков из Мариуполя, скипетры в виде головы коня из Суворово, «древа жизни» на плите из Новоданиловского могильника и рисунок животного на антропоморфной стеле вблизи Каменной Могилы, можно констатировать присутствие в религиозном культе энеолитических племен образов, которые явились продолжением старых традиций, появившихся еще в каменную эпоху и отражавших в религии как тотемические, так и анимистические тенденции.

Наиболее убедительной датировке поддаются петроглифы на плите 21, на которой «три ряда» нанесены линейно-геометрические изображения, выполненные, по нашему твердому убеждению, в два приема.

Первый пласт — рисунки, выполненные в решетчато-косом стиле, воспроизводящие «шалаш» и животных. Наглядно это прослеживается во втором ряду, где «шалаш» расположен один возле другого. Рядом с одним из них можно увидеть хвойное «древо», символ которого известен с эпохи энеолита [Массон, Сарианиди 1973, с. 116], а в нижнем ряду изображено животное с ветвистыми рогами (рис. 22.2, 3).

Второй пласт — поздние изображения, наложенные на описанные выше петроглифы и выполненные в ином стиле, а именно глубокими и широкими бороздками. Так, на первый ряд рисунков нанесены три «буквенных знака», известных по пещере № 57 и датируемых ямнокатакомбным временем [Михайлов 1992б, с. 29–34]; в третьем ряду

на фигуру оленя нанесены три ромба, связанные между собой, которые также можно встретить на плитах 13 и 23 [Рудинский 1961, рис. 35, табл. XI] и памятниках катакомбного времени [Михайлов 1976б, с. 77, 79, рис. 8].

Что касается семантики петроглифов, то можно высказать лишь гипотетическое мнение, что изображения многочисленных «шалашей» воспроизводят коллективные или индивидуальные могильники, над которыми в эпоху энеолита, по убеждению Н. Е. Макаренко, сооружалась своеобразная «домовина». По крайней мере, по этому принципу устраивались Мариупольский могильник [Макаренко 1933, с. 13–19], курган в с. Вербовка Черкасской области [Формозов 1955, с. 71–74] и другие. По-видимому, к этому кругу петроглифов относятся также изображения на трипольских сосудах, воспроизводящие округлый холм с венчающим его деревом. По утверждению Б. А. Рыбакова, эти рисунки надо понимать как изображения семян в земле, иногда уже прорастающих [Рыбаков 1965, с. 38, рис. 16–18]. С таким мнением трудно согласиться. Ведь перед нами на трипольских сосудах изображен определенно курган с венчающим его «деревом». Известны изображения «древ» на плитах в Нальчикской гробнице [Чеченов 1970, с. 109–124], на стелах из Керносовки [Крылова 1976, рис. 1], Натальевки [Даниленко 1951, с. 218–225, рис. 3], Федоровки [Супруненко 1991, рис. 1, 2], Новоселовки [Новицкий 1990, рис. 22.1, рис. 95] и др.

Если верен тезис, что «петроглиф-шалаш — это погребальное сооружение» (а на трипольских сосудах воссоздан курган, венчающийся «деревом»), то перед нами не что иное, как изображение «древа жизни», впоследствии инкарнированное в символ «столб — менгир», кстати, встречающийся на курганах эпохи энеолита-бронзы и скифского времени. По всей вероятности, триада «могила – холм – дерево» символизировала тройственную структуру по вертикали, то есть нижний, средний (земной) и верхний миры [Мозолевский 1992, с. 64].

Следует вспомнить и мнение Д. Д. Фрэзера, который, обобщив этнографические данные, писал, что австралийцы в деревья «вдувают души умерших», а «в Китае с незапамятных времен существовал обычай сажать деревья на могилах, чтобы придать духу умершего силу и тем самым спасти его тело от разложения» [Фрэзер 1980, с. 135–136].

Култ дерева (дуба) известен у многих народов, населявших евразийскую степь, и просуществовал тысячелетия. По крайней мере он дожил до периода Киевской Руси и был официально упразднен лишь с принятием христианства (дуб Перуна) [Ивакин 1981, с. 124–136], а спустя несколько веков восстановлен в среде запорожских казаков на Нижнем Днепре [Михайлов 1991д, с. 39–40].

Иначе обстоит дело с поздним энеолитом, оставившим на территории Каменной Могилы целую гамму памятников, связанных с серединой – концом 3-го тыс. до н. э., то есть с присутствием ямных, майкопских и кеми-обинских племен.

Своеобразными носителями сведений о древней мифологии являются многие уникальные местонахождения, выполнявшие функцию алтарей. Рассмотрим основные из них более детально.

Особую группу составляют так называемые священные камни на холме, то есть главное ритуально-обрядовое место на памятнике (рис. 94).

Во-первых, речь идет о пяти плитах — камнях различных размеров, расположенных на вершине холма Каменная Могила. Плиты 1–3 лежат по дугообразной линии, плита 4 — в центре, а рядом с ними, с восточной стороны — плита 5, которая первоначально находилась, очевидно, в вертикальном положении. Центральная плита 4 имеет в верхней плоскости рукотворное округлое углубление (60 × 60 см). На большой плите-монолите имеется отверстие в стене — место для привязи жертвенных животных.

Во-вторых, судя по всему, названный комплекс представляет собой обрядово-культовый зиккурат, вход в который, возможно, находился на восточном склоне холма — между двумя большими плитами (недалеко от местонахождений 37 и 46).

В этой связи можно вспомнить, что в Трое II круглый очаг существовал в центре мегарона, где проходили собрания старейшин [Монгайт 1974, с. 29]. Красноречивой иллюстрацией служат строки из «Илиады»:

*Старцы, на тесаных камнях в священном кругу восседая,
Скиптры в руки приняв от глашатаев громкоголосых,
Попеременно встают, вынося друг за другом решения;
Золота два таланта у них лежит в середине,
Выдать тому, кто из них справедливее скажет решение.
(Гомер. Илиада. XVIII.504–508; пер. П. А. Шуйского)*

Упоминание «священных камней» из Ветхого Завета приводит Д. Д. Фрэзер: «Всякий раз, когда богомольцы платили десятину священникам, последние внушали им, что они тем самым исполняют обет, данный некогда патриархом, когда он, очнувшись в ужасе от страшного сна посреди каменного круга, поклялся отдавать богу десятую часть всего, что бог ему дарует. А большой, стоймя поставленный камень или столп, находившийся, несомненно, рядом с главным алтарем, был <...> камнем, на который путник в ту памятную ночь преклонил свою уставшую голову» [Фрэзер 1985, с. 254–255].

Святилище на вершине Каменной Могилы, окруженное гротами и пещерами с петроглифами от эпохи позднего палеолита до эпохи бронзы, по-видимому, являлось наиболее древним в Северном Причерноморье; подобные памятники в соседних регионах появились, вероятно, в более позднее время.

Грот Быка (№ 9)

Уникальность грота Быка признавалась многими исследователями. Особенно ценными считались изображения группы быков, лошади, колдуна и многочисленные линейно-геометрические рисунки (рис. 115).

Хронологии и интерпретации этих петроглифов было посвящено несколько публикаций, в которых отразились полярные мнения. О. Н. Бадер, В. Н. Даниленко, В. Н. Гладилин полагали, что силуэтные изображения быков следует датировать эпохой позднего палеолита — мезолитом. М. Я. Рудинский, в свою очередь, полагал, что «в гроте Быка отражена скотоводческо-земледельческая форма хозяйства первобытного общества того отрезка времени, когда главным животным был бык» [Рудинский 1961, с. 46].

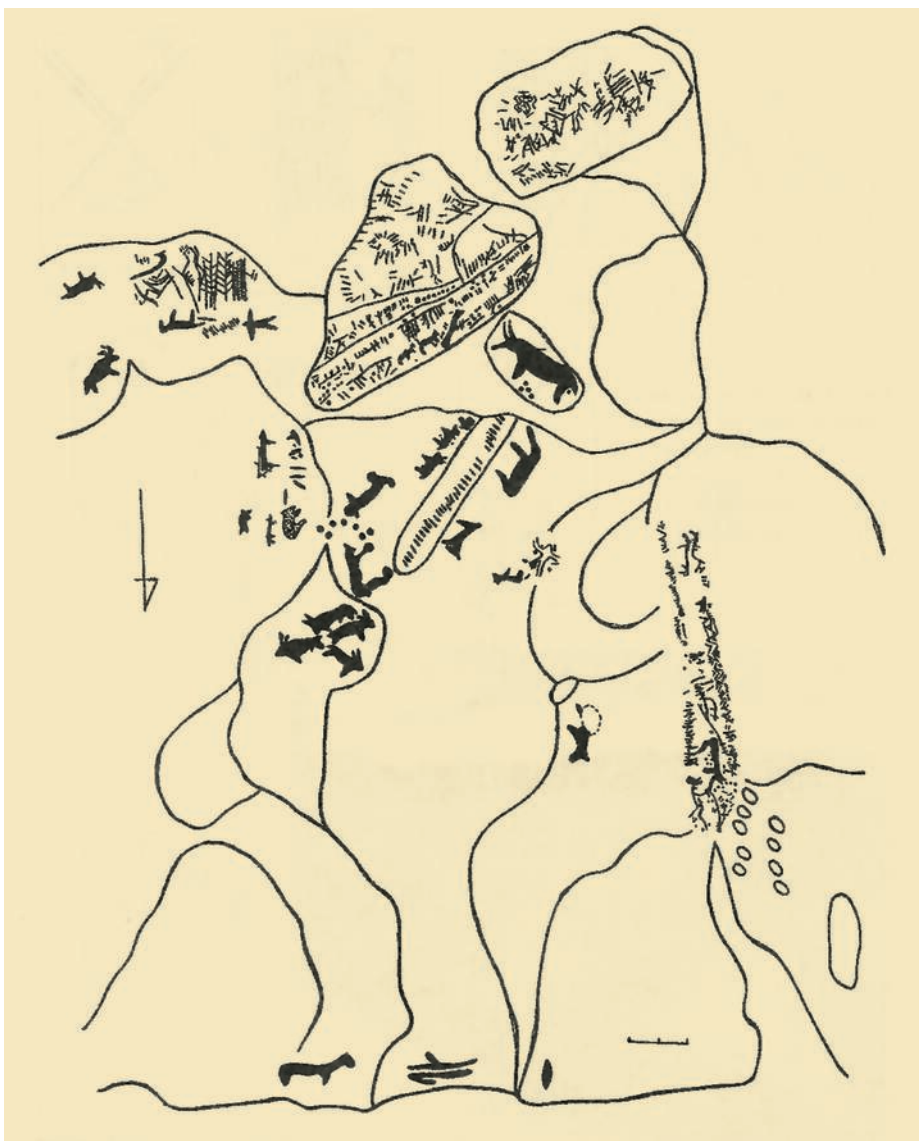

Рис. 115.
Топография
изображений
в гроте Быка (9)

Позднее в связи с находкой плит с изображениями животных в кромлехе кургана эпохи бронзы близ с. Великая Александровка Херсонской области вопрос датировки грота Быка вновь был поднят Ю. А. Шиловым, который сделал попытку соотнести изображения «мамонта-быка» с зодиакальным Тельцом¹ и календарной обрядностью [Шилов 1988, с. 13].

Однако проведенное нами новое обследование грота Быка позволили по-иному осмыслить семантику, хронологию и интерпретацию уникального местонахождения.

Во-первых, Н. И. Веселовский, О. Н. Бадер и В. Н. Даниленко не провели достаточно полной топографической фиксации всех рисунков грота Быка (рис. 115). Как показали наши исследования, на потолке в центре грота никем из них не было замечено силуэтное изображение быка с

¹ Существует гипотеза, согласно которой не только в Северном Причерноморье, но и в Месопотамии в эпоху бронзы зодиакального понятия не существовало; по этому поводу см.: [Сафонов 2002, с. 127–133].

хоботом (рис. 8.3), покрытого красной охрой, — убедительный аналог «мамонту-быку». Кроме того, на потолке нами были обнаружены изображения двух летящих собак, явно созвучные трипольским рисункам на сосудах [Рыбаков 1965, с. 25–28, рис. 39–41]. В глубине пещеры с левой и правой сторон среди многочисленных рисунков изображены четыре фигуры животных, среди которых хорошо просматриваются бык с горбом (рис. 10.2, 5) и еще одна силуэтная фигура быка с хоботом, близкая по стилю изображениям небесных (дождевых) быков на Гегамских горах, где они также стоят «кругом», напоминая каменномогильскую композицию [Мартirosян, Израелян 1971, рис. 236] (рис. 9.3).

Особое значение в определении стилистико-типологических признаков петроглифов грота Быка имеет вертикальная плита с многочисленными линейно-геометрическими рисунками, в центре которых расположены три фигуры животных (быка/лошади?), составляющие единое целое с указанными изображениями. По своему стилю и технике протирания силуэта они имеют сходство со всеми изображениями животных, выполненными аналогичным способом, что позволяет судить о едином стратиграфическом пласте всех петроглифов в гроте Быка (рис. 115).

Во-вторых, в 1938 г. О. Н. Бадер во время проведения археологических исследований данного грота выявил в песке кремневую свиту (рис. 7.1–5), датируемую эпохой ранней бронзы (ямно-майкопский этап), каковая находка на долгие десятилетия была забыта и хранилась в Музее антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова и лишь недавно была нам передана М. Д. Гвоздовер¹ для использования в работе. Кроме того, у входа в грот Быка, как отмечалось выше, нами обнаружена значительная кремневая свита, относящаяся к этому же времени (рис. 112, 113).

Позднеямная кремневая свита и сосуд майкопского типа были также найдены В. Н. Даниленко и М. Я. Рудинским с южной стороны грота Быка. Это лишний раз подтверждает присутствие на Каменной Могиле ямных и майкопских племен [Даниленко 1986, рис. 24; 1974, рис. 28.11; Рудинский 1961, с. 116–117], памятники которых известны в бассейне р. Молочной [Тереножкин 1956, с. 70–75; Михайлов 1974, с. 308–309; Михайлов 1990б, с. 107–116, рис. 6.2].

Таким образом, мы имеем достаточно хронологических реперов для отнесения грота Быка к ямно-майкопскому кругу памятников. По мнению многих исследователей, основу хозяйства у ямных и майкопских племен составляло скотоводство и отчасти земледелие, что и наложило отпечаток на их культуру и религию [Мерперт 1974, с. 141; Мунчаев 1975, с. 409].

Особенно красноречиво свидетельствует об этом Майкопский курган, где найдены многочисленные атрибуты погребального обряда, связанные с образом быка, указывающие на сходство с куро-араксской культурой [Мунчаев 1975, с. 364–365] и на связь с гробницей Аладжа-Хююка в Малой Азии [История Древнего Востока 1989, с. 36].

Аналогичные изображения быков, как отмечалось выше, известны в Великоалександровском кургане в Херсонской области [Шилов 1988, с. 3–13] (рис. 116.4–5), в с. Усатово в Одесской области (курган 1–9) (рис. 116.1, 6) [Патокова 1979, с. 64] и в Гегамских горах (Армения). Они датируются эпохой бронзы [Мартirosян, Израелян 1971, с. 36].

¹ Автор выражает благодарность М. Д. Гвоздовер.

Как известно, подобные изображения у многих древних земледельцев связывались с водной стихией, с влагой, приносящей благополучие земле [Мифы 1980, с. 20].

М. Я. Рудинский указывал на доминирование образа быка с хоботом в гроте, который являлся не чем иным, как местом отправления древних культов — алтарем. Например, в шумерской литературе образы Энмеркара и Инанны связаны с большим храмом Абзу, «подобным пещере» [Крамер 1965, с. 36]; также и в скульптуре и живописи было воплощено множество мифопоэтических образов, связанных с культом быка. Первый миф «Энки и мироздание» повествует о божестве Энки, заботящемся о благе богов и людей и утверждающем:

*Я — истинное семя великого дикого быка, старший сын Ана,
Могучий ураган, низвергающийся в «великое подземное (царство)»,
великий правитель Земли.
Я приближаюсь к небесам, и дождь льет с высоты,
Я приближаюсь к земле, и разливается могучий наводок <...>*
(Цитируется по: [Крамер 1965, с. 117–118]).

Следовательно, Энки является представителем подземного царства, взяв себе эпитет «великого дикого быка», а в мифологии определена его функция в пантеоне богов — «Энки, царь бездны» [Крамер 1965, с. 119].

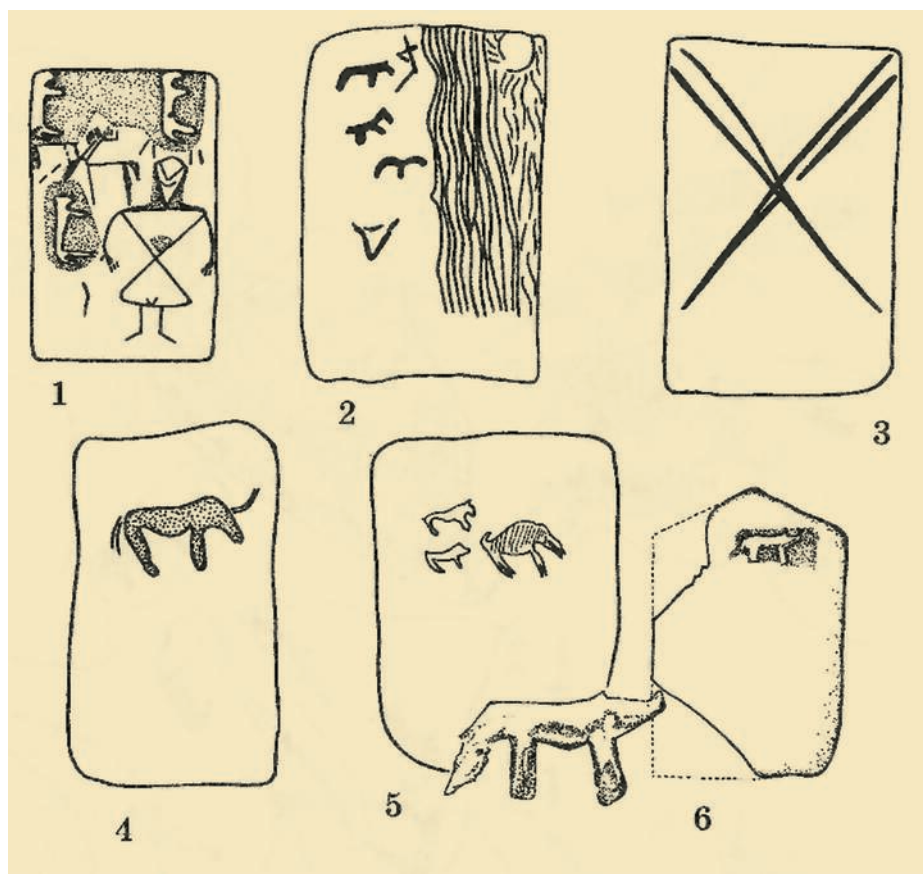

Рис. 116.
Стелы эпохи позднего
энеолита в Северном
Причерноморье:
1, 6 — Усатово;
2–3 — Баратовка;
4–5 — Великая
Александровка

Второй миф шумеров, «Гильгамеш и небесный бык», имеет аналогичный сюжет, по которому богиня Инанна от бога Ана получает небесного быка, а он по ее велению опустошает город Урук.

Мифопоэтические аналогии известны не только в странах Двуречья, но и в Средиземноморье, Средней Азии и Индии. Мифы о быке изобилуют различными символами. В частности, в Двуречье, в Средней Азии, в древнеиранской и древнеиндийской мифологии бык — это воплощение мужского божества, небесного быка, символ грозы (у хурритов) и т. д. [Мифы 1980, с. 203]. Значительное количество изображений культового характера, связанных с образом быка, известно на трипольских сосудах и интерпретируется исследователями как «солнечные быки» [Рыбаков 1965, с. 24, рис. 28].

Одним словом, образ быка занимал в духовной жизни древних людей одно из главенствующих мест. Не последнюю роль играл бык в хозяйственной жизни человека, что подтверждают остеологические данные из стоянок у Красного озера (I–II) вблизи Каменной Могилы, где на долю крупного рогатого скота в стаде приходилось около 60–70 % [Підопличко 1956, с. 54–55].

В связи с широким использованием быка как источника белкового питания и тяглового скота в земледелии произошла синкретизация этого образа в фигуру «небесного, или дождевого быка», несущего человеку блага и изобилие. Вероятнее всего, в «хоботовидном быке», который возник в эпоху неолита (бык с хоботом из пещер № 57 и 58), следует усматривать рождение и утверждение нового божества, своеобразного пра-Зевса, ставшего впоследствии классическим образом в мифологии Древней Греции.

С уверенностью можно констатировать, что в петроглифах грота Быка заложены основы космической модели. И это понятно, потому что «дождевой бык», как указывалось, — яркое воплощение космогонических представлений древних людей. Это касается изображения «четыре быка», которое явно воспроизводит горизонтальную космическую модель, соотношенную с центром мирового столба, или, по мнению Е. М. Мелетинского, «символизирует четыре стороны света, то есть концы четырехугольной горизонтальной модели» [Мелетинский 1976, с. 215]. «Горизонтальная ориентация по странам света определенным образом увязывается с вертикальной моделью так, что север (иногда и восток) оказывается тождественным низу, а юг — верху. Поэтому злые духи, великаны и подобные им существа, связанные с остаточным хаосом, могут быть локализованы и в подземном мире, и на окраине земли, и на востоке и даже в восточной части неба. [там же, с. 216].

В «Ригведе», где исследователями выявляется пласт индоарийского присутствия, в одном из гимнов, посвященных Вишну, сказано:

*Я хотел бы достигнуть этого милого убежища, его,
Где опьяняются мужи, преданные богам <...>*

...

*Мы хотим отправиться в эти ваши обители,
Где (находятся) многорogie неутомимые коровы.
Ведь именно оттуда мощно сверкает вниз
Высший след далеко идущего быка.
(Ригведа. I.154.5–6).*

Многолетние исследования грота Быка показали, что прав был М. Я. Рудинский, признававший особую роль грота в духовной культуре племен эпохи энеолита — бронзы. Это местоявлялось своеобразным «убежищем» для отправления культа быка, связанного с космогоническими и календарными представлениями [Рудинский 1961, с. 46] и основанного на древнейшем мифе.

В данном гроте большой интерес представляют также изображения собак (рис. 8.4–6). Как отмечалось выше, они напоминают трипольские рисунки на сосудах. В «Ригведе» собака Сарама является спутницей Индры, который «стал единственным господином коров» (*Ригведа*. III.4). В другом месте особо подчеркивается, что коровы связаны с пещерой (горой):

*Мудрые пробились к находящимся в твердыне (коровам)
Семеро вдохновенных, с мыслью, устремленной вперед,
погоняли (коров) <...>*

...

*Когда Сарама нашла пролом в скале,
Она сделала великое защищенное место <...>
(Ригведа. III.31.5–6).*

В следующем гимне («Пани и Сарама») функции собаки Сарамы определены точно так же — она выступает «как вестница Индры» и должна разыскивать животных:

*Эти коровы, Сарама, которых ты искала,
Порхая, милая, под пределами неба,
<...>
Эта сокровищница, о Сарама, в основании скалы
Переполнена быками, конями, богатствами...
(Ригведа. X.108.5, 7).*

В «Авесте» собаке посвящены целые главы (*Видеват*. XIII), где она тесно связана с представлениями о переходе человека в подземный мир (*Ясна*. XLVI.11; LI.13) [Генинг 1977, с. 70].

По мнению Б. А. Рыбакова, в трипольском искусстве эти животные также занимали одно из главных мест. «Небесные собаки нарисованы в подчеркнуто грозном виде: вытянутые вперед когтистые лапы, настороженные уши, поднявшаяся дыбом шерсть. Псы всегда или готовы прыгнуть, или уже летят над головой в высоком прыжке» [Рыбаков 1965, с. 26].

В гроте Быка собаки изображены в прыжке. В их функции входила охрана растений, семян, молодых ростков и многочисленных быков. Рядом — колдун или шаман в позиции адорации над лежащим псом. Все это свидетельствует о единстве персонажей в древнем сюжете, где крылатые собаки являлись, как полагала К. В. Тревер, посредниками между божеством неба и землей [Тревер 1937, с. 12, 44]. Подтверждением этому, по-видимому, может служить сцена на карнизе с «небесным быком» и двумя лошадьми, охраняемыми собакой (рис. 11.1).

Б. А. Рыбаков, интерпретируя трипольских псов на сосудах, связывает их с позднейшими редакциями мифотворчества и крылатой собакой Симургом из «Шахнаме». По этому поводу он пишет: «Отголоски мифа о Сэнмурге есть не только у иранцев, но и у армян, курдов, славян, молдаван. Культ собаки, охраняющей Добро и Жизнь (в форме

Рис. 117.
Грот Быка (9).
Линейно-
геометрические
рисунки (письмена)
эпохи бронзы

иранского Сэнмурва или славянского Симаргла), очевидно, восходит, как и многое в индоевропейском фольклоре, к глубокой древности земледельческого энеолита» [Рыбаков 1981, с. 208].

Становится понятным и сюжет на плите из погребения кургана эпохи ранней бронзы на р. Ингул, вблизи с. Баратовка Николаевской области (см. отчет о раскопках: [Петренко, Елагина 1968, с. 46–48]). Здесь изображены фигуры животных, среди которых «летающая собака» и стилизованная голова быка. Рядом с ними — деревянное рало (рис. 116.2). За этой группой рисунков — вспаханное поле в виде многочисленных бороздок и лучистое солнце¹. Аналогичные функции выполняет и собака из грота № 57: здесь она соседствует с магическими «письменами» (рис. 71.3–4).

Все эти данные подтверждают мнения исследователей о важной роли небесной собаки, отводящих ей функцию охраны природы и животного мира. Древние люди, видимо, считали ее связующим звеном между добром и злом, а возможно, бытием и небытием.

¹ Автор благодарит Н. Г. Елагину за возможность ознакомиться с уникальным памятником, хранящимся в МГУ им. М. В. Ломоносова.

Что касается т. н. линейно-геометрических рисунков, то они, как нам представляется, являются древнейшими письменами (рис. 117). По всем признакам перед нами «стена с культовым текстом»; аналогичные «картины» известны в храмах Востока. Укажем лишь на отдаленное сходство некоторых петроглифов с письмом на табличках Шумера и Урука [Бретьес 1976, рис. на с. 190] и с линейным письмом Древней Греции [Блаватская 1976, с. 115–124, табл. I–IV].

И последний сюжет, представляющий значительный интерес в понимании культовой обрядности, связанной с жертвоприношением. Композиция расположена в глубине грота, на выступе-козырьке, и включает следующие рисунки: посох (скипетр?) в виде головы животного (конь?), антропоморфная стела, многочисленные древа жизни или смерти, а также лежащие человек и животное (рис. 118.1).

Аналоги данному сюжету известны на стеле из Бахчи-Эли (Симферополь) [Щепинский 1963, с. 43, рис. 13] (рис. 118.2) и в росписях Таш-Аир в Крыму [Крайнов 1960, с. 108–122, рис. 15] (рис. 118.3). Наиболее яркое сходство встречено на митаннийской печати с изображением хурритских божеств и ритуалов, где в правой стороне воспроизведена сцена жертвоприношения человека и животных [История Древнего Востока 1988, рис. 226] (рис. 118.4).

Все перечисленные примеры свидетельствуют о существовании практики жертвоприношения в эпоху позднего энеолита — бронзы. Красноречивым подтверждением является погребение в кургане вблизи с. Сосновка Мелитопольского района: женщина была расчленена и погребена вместе с фаллообразной плитой, антропоморфной стелой и скульптурой головы рыбы — сложный обряд, связанный, вероятно, с культом плодородия [Михайлов 1990б, с. 107, рис. 3]. Известны и другие захоронения в бассейне реки Молочной, которые свидетельствуют о распространении данного ритуала [Михайлов 2000б, с. 78–90]. В Триполье, по мнению Т. Г. Мовши, «эти обряды совершались с принесением жертвоприношения и были связаны с молением о воде» [Мовша 1971, с. 205].

Таким образом, грот Быка представляет собой уникальное явление в духовной культуре племен эпохи энеолита – ранней бронзы и отражает мифопоэтическое творчество, распространенное как в Северном Причерноморье, так и в соседних регионах.

Определяя этноисторическую принадлежность комплекса рисунков из грота Быка, мы не склонны отождествлять его с «пришлыми» народами, в частности с майкопскими племенами [см.: Шилов 1988, с. 12], материальная культура которых в Северном Причерноморье встречается лишь эпизодически. Вероятнее всего, майкопские племена, «обетованная земля» которых находилась в районе Северного Кавказа, в северопричерноморские земли, заселенные ямными племенами, могли приходить лишь как передовые отряды завоевателей или с торговыми целями.

Однако, по мнению А. Л. Нечитайло, «традиция культурно-экономических связей Степной Украины и Северного Кавказа оформляется как особое экономическое явление в жизни племен и приобретает определенную устойчивость с эпохи энеолита» [Нечитайло 1991, с. 102]. Как бы то ни было, мы не располагаем ни одним фактом существования майкопских поселений в Северном Причерноморье, известны лишь отдельные погребения с майкопским инвентарем и случайные находки [Нечитайло 1991, с. 20–47]. Константиновское поселение на Дону с 8 %

керамики майкопского типа также не может служить основанием для утверждения, что майкопские племена являлись коренными жителями названного региона [Нечитайло 1991, с. 25].

Ямные племена являлись наиболее мощным этноисторическим массивом, фактически заполнившим просторы юга Восточной Европы и имевшим связи как с Северным Кавказом (Майкоп) [Мерперт 1974, с. 141], так и с западным регионом (Триполье) [Мовша 1961, с. 186–199].

Что касается присутствия ямных племен вблизи Каменной Могилы, то лишь в бассейне р. Молочной известно более 300 курганных памятников. Наиболее интересным является курган в с. Новофилипповка Мелитопольского района, расположенный в 800 м от Каменной Могилы [Михайлов 1988, с. 209–213].

Археологические находки и цветная подсыпка кургана [Михайлов 1988, с. 209, рис. 1] свидетельствуют о принадлежности погребенных к кастовым сословиям древнего общества. Общеизвестно, что ямные племена имели более высокий социально-экономический и культурный уровень развития по сравнению с предшествующими племенами энеолита, что выражалось в интенсивном товарообмене, распростра-

Рис. 118.
Жертвоприношения
людей и животных в
искусстве древних
народов (эпоха
бронзы) (конец III —
начало II тыс. до н. э.):
1 — Каменная Могила;
2 — Симферопольская
стела;
3 — Таш-Аир (Крым);
4 — Митанийская
печать (Месопотамия)

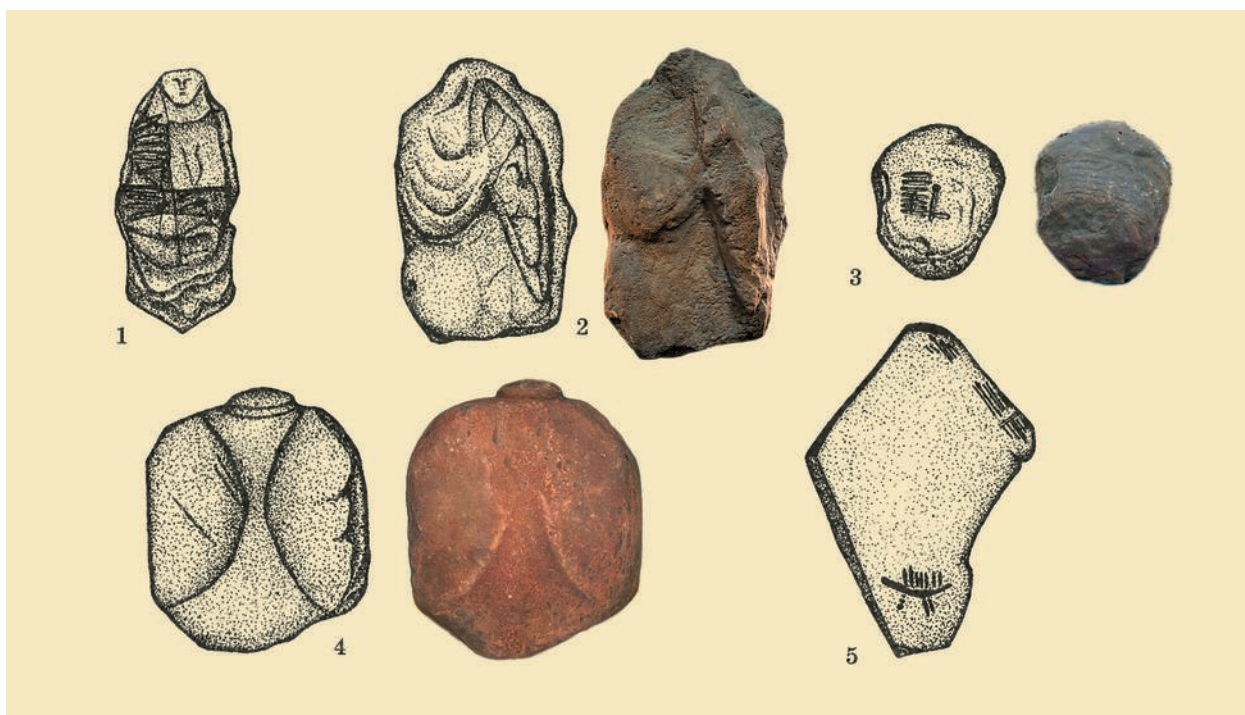

Рис. 119.
Антропоморфные
стелы бассейна
р. Молочная вблизи
Каменной Могилы:
1 — Константиновка;
2 — Новофилипповка;
3 — Надеждино;
4 — Садовое;
5 — Каменная Могила

нении металла, военных набегах, строительстве укрепленного про-
 тогорода-крепости Михайловка II и т. д. [Лагодовська и др. 1962].

Судя по всему, грот Быка не мог быть созданием и принадлеж-
 ностью «чужеземцев», какими были майкопские племена, хотя вполне
 возможно периодическое его посещение выходцами с Кавказа, при-
 ходившими в степь с «огнем и мечом». Ведь наконечник стрелы май-
 копского типа, видимо, неслучайно оказался в груди ямника — воина
 или вождя из погребения в с. Семеновка Мелитопольского района
 [Михайлов 1990а, с. 116].

На наш взгляд, ямные племена были тесно связаны с Каменной
 Могилой. Поселение их находилось поблизости от этого холма, на бе-
 регу подового понижения р. Секиз, где нами найдены многочисленные
 кремневые орудия и керамика, характерная для Михайловки II и хут.
 Репино. Кроме того, многочисленные курганы с погребениями ямни-
 ков обложены кромlexами, подчас сопровождаются антропоморф-
 ными стелами, также изготовленными из каменномогильского пес-
 чаника [Михайлов 1985, с. 128–232, рис. 3–8; 1988, с. 209–213, рис. 2–4].
 Кстати сказать, на одной древней скульптуре (пос. Садовое Мелито-
 польского района) проработан контур и шлифовано туловище с
 выделением бюста (рис. 119.4), что по технике исполнения близко
 реалистичным рисунками животных из грота Быка [Гладилин, Михай-
 лов 1970, с. 210–212]. В погребениях найдены культовые поделки, в
 частности сердцеобразные плитки с метками-бороздками, являю-
 щиеся, по мнению И. Ф. Ковалевой,местилищем души [Ковалева
 1989, с. 38], также изготовленные из каменномогильского материала
 [Михайлов 1988, с. 211–212, рис. 6].

Все это свидетельствует о том, что Каменная Могила, насыщенная
 своеобразными алтарями, где древние племена поклонялись своим
 богам, в течение какого-то времени являлась культовым центром ям-

ных племен (рис. 126.1–7). Понятно, что в силу экономических, социальных и культурных факторов первобытная религия трансформировалась. Если первоначально в ее мифотворчестве преобладают анималистические сюжеты, как правило, связанные с тотемизмом и анимизмом, то в дальнейшем в эпоху ранней бронзы возникают стилизованные образы, аналогичные фигурам шумерской культовой мифологии и ведическим персонажам индоарийского круга памятников.

ПЕЩЕРА РЫБЫ (№ 56)

Основным атрибутом пещеры является изображение большой рыбы, выполненное горельефом в каменном полу ниши, в монолите, испещренное петроглифами. Видимо, там располагался алтарь, связанный с культом Рыбы. Как отмечалось выше, демиургические функции Рыбы известны в различных аспектах как по литературным источникам Востока, так и по сибирским этнографическим параллелям.

Сохранились многочисленные свидетельства распространения культа Рыбы не только в Шумере (Двуречье), но и в Сирии, Палестине, Малой Азии, Закавказье. Приведем строки одного из эпических сказаний:

*Они вдвоем (Машгула и Ур Эддинна) бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды большую рыбу «сухур».
Тогда Мать Сабурру вызвала из воды птицу <...>
Птица... схватила рыбу «сухур» и унесла ее в горы.
Цит. по: [Крамер 1965, с. 237].*

Присутствие рельефного изображения большой рыбы — явное свидетельство того, что эта каменномогильская пещера представляла собой своеобразный «Дом Рыбы». Аналогию находим в одном из шумерских текстов:

*Входи, мой возлюбленный сын,
Входи, мой добрый сын.
День проходит, ночь проходит <...>
С уходом дня, с приходом ночи,
Кто войдет, — отдохнет;
Я приготовлю тебе место,
В середине его я устрою тебе ложе.
Моя Рыба, тех, кто лежит вокруг,
Никто не потревожит,
Те, кто сидят вокруг, не затеют ссоры.
Цит. по: [Крамер 1985, с. 158].*

В. Н. Топоров по этому поводу пишет: «С рыбой связывается и тема умирающего и воскресающего бога плодородия, которая прослеживается в контексте реконструкции афро-евразийского мифа об Иштар (Иштар) и ее соответствиях: идеографически один из основных центров культа Иштар, Ниневия, обозначается как “Дом Рыбы” [Мифы 1982, с. 392]. Как известно, богиня Иштар (Аккад) соответствует шумерской Инанне и является богиней плотской любви, жизненных сил, воинственности, коварства. В шумерском мифе Инанна (Иштар) проходит сложный путь по земле в “страну без возврата”, в конечном

счете став “звездой утреннего восхода”» [Мифы 1980, с. 510–511], то есть в мифе ей приписываются астральные функции.

Инанна имела свои символы: знак-идеограмма — кольцо (круг) с лентой (косой?); многолинейная розетка (шести-, восьмилучевая звезда). Что касается Иштар, то в иконографическом изображении богиню всегда сопровождают стрелы за спиной [Мифы 1980, с. 595].

Следует вспомнить уникальное погребение 2 из кургана эпохи бронзы в с. Сосновка Мелитопольского района [Михайлов 1990б, с. 107, рис. 3]. В основной могиле находился погребенный фаллообразный камень и многочисленные кости расчлененной женщины, что, как отмечалось выше, могло быть связано с культом убиения/плодородия. Могила была перекрыта большой плитой в виде головы рыбы с глазом и плавниками, рядом находилась антропоморфная стела. Эти данные позволяют считать, что рыба являлась эквивалентом нижнего мира царства мертвых. Рыба же, по египетской версии, заглатывает детородный орган Осириса. Имеются и иные варианты этого мифа, как, например, в грузинской сказке «О девяти сыновьях царя», когда юношу убивают и расчленяют, а женщина-рыба собирает убиенного и с помощью воды воскрешает его [Мифы 1982, с. 392].

Пещера Рыбы открывает перед нами доселе неизвестные страницы древней идеологии, пришедшей, вероятно, в Евразийские степи из соседних южных регионов. В пещере Рыбы имеются все атрибуты, укладываемые в описанную выше схему. Так, при входе изображена шестилучевая звезда (рис. 68.6), что напоминает символ Инанны. На карнизе-столике нанесены стрелы, лодка, треугольник вершиной вверх, имеющие соответствующее значение в пиктографии: стрела, связанная с луком, — космогоническая схема, соединяющая землю с царством мертвых (отсюда объяснение нахождения стрел в могилах ямно-катакомбного времени); лодка — средство «перехода» в потусторонний мир; треугольник вершиной вверх символизирует нижнюю сферу или мужской принцип, огонь, небесные силы [Мифы 1980, с. 273, 287; 1982, с. 76]. Особое значение имеет скульптура головы женщины с височными кольцами и рогатообразными символами (змеи); на затылке у нее изображена двухсторонняя стрела (рис. 68.8). Все это удивительным образом напоминает символы богини Иштар.

Определяя хронологию пещеры Рыбы, вспомним, что возникновение описанного культа в Двуречье связано с 6-м — 5-м тыс. до н. э. [Мифы 1982, с. 392]. Однако ямное погребение со скульптурой головы рыбы из с. Сосновка Мелитопольского района датируется по архаической антропоморфной стеле серединой — концом 3-го тыс. до н. э. [Михайлов 1990б, с. 107, рис. 3]. К этому времени, по-видимому, следует отнести и пещеру Рыбы, культ которой в Приазовской степи появился в эпоху позднего палеолита — неолита и, дожив до эпохи ранней бронзы, в дальнейшем трансформировался в культ дракона-вишапа [Чиковани 1966, с. 5].

Грот Дракона (№ 55)

Грот № 55, открытый автором этих строк в 1985 г. стал первым свидетельством существования культа плодородия. Данный грот, по всей видимости, в древности служил святилищем и алтарем для обитателей Северного Приазовья, религиозные представления которых были связаны с хтоническим существом — драконом-вишапом, жившим в

пещере священной горы [Михайлов 1992d, с. 99–104; 1993в, с. 110–114, рис. 1, 2].

Что касается функционального назначения скульптуры дракона, то здесь явно передан мифологический образ. Например, на Кавказе (Армения, Грузия, Азербайджан) вишапы были связаны с образами злых существ, наделенных способностью поглощать солнце и воду, похищать девушек-красавиц, охранять «страну богатств» и источники, извергать драгоценный камень — падающую звезду и т. д., и т. п. [Марр и др. 1931, с. 59, 105; Пиотровский 1939, с. 5–39; Капанцян 1952, с. 4–6]. Вероятно, дракон-вишاپ Каменной Могилы неслучайно расположен лицом в сторону реки Молочной, он, вероятно, был предназначен для аналогичных функций.

Наиболее близкий аналог каменномогильскому хтоническому существу дан в славноизвестной «Ригведе», где в описании главного подвига Индры есть образ дракона Вритры, соотносимый с названной скульптурой. Так, перворожденный дракон Вритра, согласно ведической версии, имел вид бесплечего, безногого и безрукого, то есть змееподобного существа, покоившегося на горе. И далее: «Индра убил перворожденного из драконов и перехитрил хитрости хитрецов, и породил солнце, небо и утреннюю зарю» (*Ригведа*. I.32.4). Вступая в схватку, «Щедрый схватил метательный снаряд <...> ударил его дубиной по затылку» (I.32.5–7).

Мифология приписывает функции змееборства многим богам-демиургам, как, например, Мардуку, Ра, Зевсу, Аполлону, отчасти Яхве [Мифы 1980, с. 276]. М. И. Шахнович, например, отмечает, что «мифы о змееборстве получили особенно большое распространение в период земледелия, будучи художественным обобщением борьбы людей с водной стихией» [Шахнович 1971, с. 165].

Мифы о змееборстве были широко распространены в Вавилоне, Египте, Индии, где постоянно шла борьба за осушение и орошение земли [Гринцер 1974, с. 284]. Не осталось в стороне Северное Причерноморье, где примитивное земледелие было известно с эпохи неолита [Археология УССР 1971, с. 111], а пашенное освоено в ямно-катакомбное время, то есть в конце 3-го — начале 2-го тыс. до н. э. [Бидзиля, Яковенко 1973, с. 146–152].

Естественно, в среде земледельцев вполне закономерно мог возникнуть или быть заимствованным из соседних культурно-этнических регионов космогонический миф, связанный с борьбой солнечного бога с вечными врагами — мраком и водной стихией, смоделированными в образе хтонического существа — дракона-вишапа.

В «Ригведе», в частности, отмечается, что «когда Тваштар обточил дубину, хорошо сделанную, золотую, тысячезубую <...> Индра <...> убил Вритру, он выпустил поток вод» (*Ригведа*. I.32.2). «Мгновенно над землей просиял свет, потоки воды ринулись с гор и насытили жаждущую землю, и могущественный Индра вздыбил волнующиеся воды, он пригнал море, сделал солнце видимым» [Шахнович 1971, с. 166].

Следует остановиться на семантике линейно-геометрических изображений на голове дракона. Как известно, подобные символы в древности служили своеобразным «кодом», связанным с идеализацией и унификацией реальных объектов, в основе которых лежали структура ритуального пространства и форма сакральных предметов. Начертанные прямая и ломаная (зигзаг) линии соотносились с громом, молнией,

землей, водой, змеей и т. д. [*Ригведа*. I.32.13]. Короче говоря, эти символы вполне близки к мифологическому функциональному назначению образа дракона-вишапа. Что касается вертикальных коротких линейных бороздок, объединенных в различные количественные группы, то думается, они отчасти отражают календарные циклы и, возможно, указывают на количество или время проведения религиозных обрядов.

Изображение человеческой ступни на древних скульптурах в литературных источниках трактуется по-разному, в зависимости от территориальной и стадияльной принадлежности. Так, в «Ригведе» в гимне Индре сказано следующее: «Индра пресек ярость того, кто пресекает ярость. Проделал путь тот, кто владеет следом» [*Ригведа*. VII.18.16]. В Ригведе четко обозначена также иная функция этого символа, когда из ног (ступней) Пуруши-прародителя, принесенного в жертву богам, были созданы шудры, то есть низшее сословие индоарийского общества (*Ригведа*. X.90.12) [ср.: Антонова и др. 1979, с. 39].

В шумерской мифологии говорится о том, что враг, перешедший ров, будет поражен Нингирсу, который «опустит на него <...> свою могучую стопу» [Крамер 1965, с. 56], а богиня Инанна — «юная девушка <...> она направила стопы свои к Абзу» [Крамер 1965, с. 124]. Уместным будет вспомнить использование символов стоп, принадлежащих Брахману [Чхандогья 1965, с. 87–89], в Индии VII–VI вв. до н. э., а также отпечаток стопы скифского Геракла в Северном Причерноморье: «В скале у реки Тираса местные жители показывают отпечаток ступни Геракла, похожий на след человеческой ноги длиной в два локтя» (Геродот. IV.82).

Кроме того, по этнографическим материалам известно, что австралийцы, желая навредить человеку, поражали острым предметом его след [Леви-Брюль 1929, с. 264]¹, а в сообщениях Пифагора, наоборот, предписывалось не протыкать следы человека ножом [Шахнович 1971, с. 46].

Кроме того, в Северном Причерноморье человеческие стопы известны на антропоморфных стелах ямного времени из Новочеркасска, Белогрудовки, Керносовки, Федоровки, Сватово, Новоселовки, Чобруч и др. [Рычков 1982, с. 64–69, рис. 2; Новицкий 1990, рис. 13–14, с. 22–23]. В виде просыпанной охры ступни встречаются в могилах катакомбного времени на Южном Буге [экспедиционные отчеты: Шапошникова 1973, 1974, 1975] и вблизи г. Северска (Донецкая Народная Республика. — *Ред.*) [Санжаров 1983, с. 205–206]. Найдены изображения, просыпанные охрой, на р. Молочной, в погребении 4 у с. Сосновка Мелитопольского района, кстати, в 2 км к юго-востоку от Каменной Могилы [Михайлов 1990б, с. 109, рис. 2, 3]. Следует также вспомнить изображения лука и стрел из грота № 55, которые явно связаны со скульптурой вишапа (дракона). В частности, наконечник стрелы треугольной формы с глубокой выемкой и асимметричными шипами встречается среди памятников днепро-азовской катакомбной культуры [Археология СССР 1985, рис. 140, с. 28–29].

Для интерпретации изображения человеческой ступни на голове дракона-вишапа из грота Каменной Могилы, на наш взгляд, наиболее подходит сюжет из Шумера, когда Нингирсу, поражая врага, опускает на него «свою могучую стопу». На голове дракона в гроте имеются следы ударов острым орудием (рис. 67б, в) — явная связь с религиоз-

¹ Показательны в этом плане изображения стоп на плитах 28, 34а, б и 53, где нанесены бороздки поверх рисунков.

ным обрядом убийства, а ступня — не что иное, как символ героя или антропоморфного божества, поразившего дракона и породившего солнце, небо, утреннюю зарю.

Уместно вспомнить и мнение Ф. Я. Кейпера, который писал: «Люди посредством своих ритуалов стремились помочь Индре в его битве против смерти и тьмы. Такого рода ритуальные акты известны из церемонии Махаврата, в ходе которой устраивается ритуальный поединок ария (вайшьи) и шудры; они дерутся на белом куске кожи, представляющем солнце» [Кейпер 1986, с. 50]. Не происходило ли что-то подобное и в гроте Каменной Могилы — одном из главных алтарей ямно-катакомбного времени?

Эту мысль подтверждают изображения лука со стрелами, встречающиеся в катакомбных погребениях, которые связаны, по мнению И. Ф. Ковалевой, с космогонической схемой и «непременной частью вертикального мира» [Ковалева 1989, с. 47]. Функциональная сущность лука как символа трактуется Н. Н. Ерофеевой следующим образом: «Тетива определяет горизонтальный диаметр проекции дискообразной, плоской земли на рисунках шаманских бубнов, а точка ее прикрепления к корпусу лука отождествляется с восточными и западными воротами горизонта и фазами суточного солнечного цикла» [Мифы 1982, с. 77].

Учитывая приведенные данные, скульптуру головы вишапа, а вместе с ней многочисленные линейно-геометрические изображения и человеческую стопу можно датировать ямно-катакомбным временем, то есть концом 3-го — началом 2-го тыс. до н. э.

«Плиты стоп»

Как отмечалось, изображения стоп на Каменной Могиле известны на плитах 28; 34а, б; 44; 49; 53 и 55. Они нанесены как в большом количестве (плиты 34а, б), так и в единичных экземплярах (плиты 28, 44, 55), а иногда — парами (плита 53).

В вопросе датировки и интерпретации названных изображений среди исследователей сложились полярные мнения. Так, А. А. Формозов полагал, что человеческие и звериные следы связаны с магическими представлениями охотников, символами божеств или героев [Формозов 1969, с. 136–138].

Иную точку зрения высказал В. Н. Даниленко, который датировал «плиты стоп» эпохой энеолита и связывал их с религиозно-космологическими представлениями, с культом антропоморфного божества, путешествующего по лабиринтам мироздания [Даниленко 1986, с. 62–63].

Подобного мнения придерживалась и Е. Н. Титова, полагавшая, что «плиты со ступнями из Каменной Могилы как изображения дающего жизнь солнечного божества, шагающего по мирозданию, каким его представляли земледельцы и скотоводы Приазовья (возможно, Вишну, по индоарийской мифологии), мы можем связать с эпохой энеолита, а именно с концом 4-го — серединой 3-го тыс. до н. э.» [Титова 1982, с. 14].

Интерпретируя «плиты стоп», Е. Н. Титова фактически поддерживает В. Н. Даниленко. Сначала она пишет: «Принимая как одну из возможных версий дат, [можно сказать, что] изображения имели магический характер и использовались охотниками — опытными следопытами — для успешной охоты, или же их сюжетами являются жанровые сцены,

отражающие повседневную роль древних людей» [Титова 1982, с. 14]. Однако далее, развивая свою мысль, автор утверждает: «Принимая как одну из возможных версий данную гипотезу, следует сказать, что, по нашему мнению, более обоснована и логична все же точка зрения о религиозно-космогоническом характере подобных композиций. Плиты со ступнями <...> вероятно, так же, как и аналогичные им, — своеобразное проявление культа плодородия, солнечного божества, солнца, путешествующего, шагающего по мирозданию, совершающего ежедневно и ежегодно повторяющееся круговращение. Причем на каменномогильских плитах изображения ступней сопровождаются земледельческими и скотоводческими символами (плуг, нож, двухлезвийный топор), позволяющими, соответственно, связать композиции с определенным временем года: плиты 44, 49 — с весной; 34а, б — с ранней весной — летом; 28 — с зимой, то есть, по всей вероятности, эти комплексы использовались как места жертвоприношений и молений в разное время года» [Титова 1982, с. 14].

Однако Е. Н. Титова не приводит веских аргументов в пользу своих выводов. Более того, в публикации она ссылается на атрибуты — плуг, кони, двухлезвийный топор, из которых достоверно может быть принято лишь «соседство» ступни и коня на плите 28. Что касается плуга (вероятнее всего, *рала*. — Б. М.), то убедительная аналогия найдена нами в 1991 г. на потолке грота № 46 (рис. 42). Возможно, аналогичное изображение присутствует в гроте № 5 (рис. 3.12). Похожая ситуация — с двухлезвийным топором на плитах 44 и 49. Правда, на плите 49 имеется рисунок спаренных треугольников, соединенных острыми углами, принимаемых некоторыми исследователями за лабирисы [Петренко 1984, с. 22].

Таким образом, выводы Е. Н. Титовой не убеждают, и, следовательно, требуется иная линия трактовки изображений, их датировки и интерпретации. Первое, что необходимо сделать, на наш взгляд, — это дифференцировать изображения человеческих ступней и «лап» животных на следующие квалификационные группы:

- 1) стопа в единичном исполнении с символами (плиты 22, 28, 44, 49, 55);
- 2) парные стопы, соседствующие с символическими знаками (плита 53);
- 3) многочисленные человеческие стопы и лапы животных, расположенные хаотично среди многочисленных бороздок-линий (плиты 34а, б).

Анализируя семантику изображений по группам, можно сделать несколько выводов. Во-первых, единичная человеческая стопа, как было сказано, связана со следом героя Индры-Вишну, Геракла. Если это предположение верно, то тогда становятся понятными строки из «Ригведы»:

*На этот высший след Вишну
Всегда глядят приносящие жертву,
Как на глаз, разверстый в небе
(Ригведа. I.22.20).*

Во-вторых, образ ведического героя Индры связан с солнцем, борьбой против дракона Вритры: его младшим партнером выступает

Вишну. Ранее Вишну признавался как солнечный бог, но в последнее время эта трактовка оспаривается многими учеными. Что касается утверждения о «трех шагах» (читай — *стопах*) Вишну по мирозданию, то в гротах Каменной Могилы похожие изображения отсутствуют.

В-третьих, парные стопы известны на антропоморфных стелах погребальных памятников ямного времени и на плите 53, где они соседствуют с подковообразным символом [Михайлов 1990, 131–135, рис. 3], известным по Натальевской стеле из Днепропетровской области (рис. 126.3).

Кроме того, как указывалось, на многих стелах изображены парные стопы с атрибутами — символами власти (посох, подкова и т. д.). Е. Ю. Новицкий полагает: «Вместе со стопами-сандалиями они являются неперенными атрибутами достижения загробного царства, того света, тридесатого царства и т. д.» [Новицкий 1990, с. 112].

В-четвертых, среди многочисленных человеческих стоп присутствуют и лапы животного (на плитах 34а, б), которые явно принадлежат медведю. Если говорить в целом, указанные изображения должны быть связаны с понятиями светлого и темного божества, то есть жизни и смерти. В связи с этим напомним исходный хронологический репер появления данного культа, начала осмысления древним человеком понятий жизни и смерти. Укажем на известное изображение Колдуна, или Бога из пещеры Ле-Труа-Фрер (Три брата), датированное эпохой позднего палеолита. Это существо — своеобразный конгломерат многочисленных образов животного мира — составлено из фигуры человека, хвоста лошади, бороды серны, клюва совы, глаз волка, рогов и ушей оленя и ног-лап человека или медведя [Богаевский 1934, с. 34–72].

Естественно, семантика рисунков — следов человека и животного на «плитах стоп» — соотносится с первичными художественными образами эпохи позднего палеолита и сохраняется до эпохи энеолита – бронзы. За это время длительный путь модернизации и унификации прошли не только обрядовые действия, но изменилось и иконографическое воспроизведение, то есть произошла стилизация рисунков. Отметим далее, что остеологические остатки медведя присутствуют в культурных горизонтах от позднего палеолита до эпохи бронзы. В эпоху энеолита они известны в позднем Триполье [Круц 1977, табл. 6] и памятниках Среднего Стога II [Телегин 1973, табл. VI].

У древних северных народов медведь являлся демиургом тотемического или промыслового культа, связанного с верой в духа-хозяина [Соколова 1972, с. 63–67; Косарев 2001, с. 40–57], праздник которого отмечался с конца декабря и до конца марта (до весеннего равноденствия) [Соколова, 1972, с. 77]. Аналогией можно считать рисунок на плите 46, где животное изображено на фоне многочисленных петроглифов, как бы господствуя над мирозданием, являясь духом — хозяином горы.

Таким образом, изображения ступней человека и животных (медведя), как мы показали, несли сложную смысловую нагрузку, будучи связанными с культом героя и бога (хозяина горы) и понятиями-символами двух начал: жизни и смерти.

Кроме того, к названной группе петроглифов хронологически явно присоединяются так называемые «супряги быков», которые известны

в гротах № 37, 46 и сопровождаются многочисленными линейно-геометрическими изображениями. Среди названных «супряг» наиболее интересным является рисунок с плугом (рало) на плите 46 (рис. 42), который ранее был зафиксирован М. Я. Рудинским и В. Н. Гладилиным; покрыт он красной охрой. В этой связи стоит вспомнить Гомера, который пишет о быках-волах:

*Так плуговые волы по глубокому пару степному,
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и Земли глубину раздирают.*
(Гомер. *Илиада*. XIII.704–707; пер. Гнедича).

Прозаический перевод этого абзаца, выполненный Т. В. Блаватской более точен в деталях: «Подобно тому, как по нови два буро-красных быка, обладающих равной силой, влекут прочный плуг; вот уже вокруг основания рогов их проступает обильный пот, и одно только полированное ярмо отделяет обоих, идущих по борозде, а (плуг) режет край нивы» [Блаватская 1976, с. 63]. Если признать, что перевод Т. В. Блаватской более достоверный, нежели перевод Н. И. Гнедича, то следует обратить внимание на одну очень важную деталь, а именно на то, что здесь подчеркнута масть животных: «два буро-красных быка»¹.

Что касается датировки названных петроглифов, то самые древние из известных нам пиктографических изображений плуга-рала происходят из Шумера (конец 4-го — начало 3-го тыс. до н. э.), где этому орудью поэты посвящали свои произведения [Крамер 1965, с. 95–99].

Появление плужного земледелия в Северном Причерноморье относится к середине – концу 3-го тыс. до н. э. Первые изображения плугов-рал найдены на симферопольской стеле [Щепинский 1963, с. 43, рис. 4.13]. Вторая находка — остатки одноручного рала из погребения в Запорожье, датированного концом III – началом II тыс. до н. э. [Бидзиля, Яковенко 1978, с. 146–155].

Необходимо также отметить, что удивительная стилистическая схожесть просматривается между «супрягами быков» Каменной Могилы и аналогичными изображениями из Северной Италии. Некоторыми исследователями эти итальянские рисунки датируются в границах ранней – средней бронзы [Краснов 1975, с. 68, рис. 7, 10, 11].

Возможно, образная передача животных в верхней схематичной проекции берет свое начало на Востоке. Доказательством служат «рогатые» знаки-быки на Армавирском камне [Мещаников 1933, с. 55–57, рис. 13] и в гротах Каменной Могилы [Михайлов 1992б, с. 29–34]; со временем такие образы-символы могли быть принесены племенами индоевропейского этноса на берега Адриатики.

«Конские плиты»

В эту группу входят, как отмечалось, плиты 25–28, хронологически к ним примыкают гроты № 4, 51 и 53, где также имеются реалистические изображения коней, оленей и быка, расположенные, как правило, на

¹ В греческом тексте это словосочетание стоит в аккумулятиве и в дуалисе: ἐν νεῖῳ βοῶ οἷονοι (II. XIII.703). Прилагательное οἷονοι буквально означает не «черный» и не «буро-красный», а «винно-красный». — *Примеч. отв. ред.*

фоне линейно-геометрических начертаний, солярных знаков, колесниц, звездообразных символов и т. д.

Касаясь датировки петроглифов на «конских плитах», О. Н. Бадер высказал мнение об их принадлежности к предскифскому времени [Бадер 1947, с. 174]. В свою очередь, В. Н. Даниленко разделил их на две хронологические группы, отталкиваясь в качестве критерия от манеры исполнения. Первая группа датировалась им эпохой бронзы — скифо-сарматским временем; вторая — эпохой позднего неолита [Даниленко 1952, с. 79–81]. Позднее названный автор на основании присутствия полиссуара на плите 26 отнес петроглифы на «конских плитах» к энеолитическому времени [Даниленко 1986, с. 52].

Иную точку зрения высказал М. Я. Рудинский, полагавший, что плиты с изображениями коней относятся к периоду поздней бронзы [Рудинский 1955, с. 69].

Анализируя петроглифы «конских плит», следует поддержать мнение В. Н. Даниленко о существовании двух стилистико-хронологических групп. К первой группе принадлежат линейно-геометрические бороздки на плитах 25 и 26, которые прослеживаются и на соседней плите (без номера), где имеются три разорванные бороздки. Они могут быть отнесены к эпохе неолита – энеолита, то есть до возникновения полиссуара на боковой стороне расщелины плиты 26, который, по нашему мнению, использовался от эпохи раннего неолита вплоть до эпохи бронзы [Михайлов 1976, с. 255–257, рис. 1]. Вторую группу составляют рисунки коней, оленей, быков с колесницами на плите 26, сопровождаемые солярными знаками, крестами и т. п. В этой связи хронологическим репером могут служить дисковидные колеса, известные по погребальным памятникам эпохи ранней бронзы (ямная культура). Рассмотрим более подробно каждую из этих групп.

I группа. Линейно-геометрические бороздки, выполненные широким и округлым орудием и протертые в песчанике, занимают левые углы плит 25, 26, 27. Аналогичные рисунки разбросаны по многим гротам и пещерам Каменной Могилы. Что касается их функционального назначения, то можно предположить, что это «зарезы» — дни, которые известны с эпохи позднего палеолита [Фролов 1974, с. 41–48] и до эпохи бронзы [Михайлов 1985, с. 228–232]. Особенно наглядно это видно на плите 26, где в одном случае нанесены 15 линий, между которыми (внизу) расположены 13 + 2 точки, что явно воспроизводит календарный счет или обрядовый цикл. Рядом расположена еще группа из 32 точек.

Говоря о датировке названных петроглифов, следует упомянуть и такой факт: в последние годы в бассейне р. Молочной над ямными погребениями в курганах эпохи бронзы нами были найдены антропоморфные стелы и плиты с аналогичными бороздками-линиями [Михайлов 1985, с. 228–232, рис. 4, 8].

Особое значение имеет стела из кургана у с. Надеждино Мелитопольского района, выполненная из каменномогильского песчаника. На ее лицевой стороне расположены петроглифы-бороздки с плотным «загаром», что свидетельствует о длительном нахождении на открытом воздухе, то есть о том, что рисунки нанесены задолго до использования плиты-стелы для перекрытия могилы древнеямной культуры [Михайлов 1985, с. 230–232, рис. 8] (рис. 119.3).

Еще один пример — антропоморфная стела из кургана «Высокая могила» эпохи бронзы, расположенного на южной окраине с. Константиновка Мелитопольского района. Она находилась вблизи основного древнеямного погребения, датируемого серединой – концом 3-го тыс. до н. э. [Михайлов 1985, с. 288, рис. 3, 4]. Стела (высота — 1,8 м, ширина — 0,6 м) выполнена также из песчаника Каменной Могилы и реалистически воспроизводит фигуру человека. Голова, лицо и плечи проработаны техникой точечного оббива, со следами более поздних обработок (рис. 119.1). На правой стороне фигуры, вдоль по вертикали, нанесено 11 параллельных бороздок с древним глубоким «загаром». Слева, на уровне пояса, прошлифованы еще две короткие линии-бороздки. Все изображения, как и сама скульптура, кроме головы, лица и плеч, имеют плотный и глубокий «загар», что свидетельствует о одновременности появления бороздок-линий и изготовления самой скульптуры.

Как видим, приведенные данные убеждают нас в том, что линейные бороздки принадлежат к доямному времени, скорее всего к эпохе энеолита. К этому времени, по-видимому, следует отнести «бороздки» на плитах 25–27.

II группа. В установлении хронологии петроглифов «конских плит» главным ориентиром, по-видимому, являются изображения колесного транспорта. На плите 25 расположен рисунок стилизованной колесницы, имеющей четыре дисковидных колеса, предположительно с впряженным быком, но явно не конем, так как известно, что конной запряжки в конце 3-го – нач. 2-го тыс. до н. э. еще не существовало [Чередниченко 1976, с. 147–148].

Безусловно, первым и определяющим хронологическим репером здесь являются дисковидные колеса, которые широко использовались племенами ямной и катакомбной культуры. Как известно, на Востоке в качестве первых средств передвижения в энеолитическое время применялись молотильная доска, борона или дощатый помост; их, по мнению П. Я. Кожина, способны были волочить быки. Рассуждая о возникновении колеса, названный автор высказывает следующую мысль: «Наиболее естественно предположить, что по мере увеличения веса грузов под помост или полозья саней начали подкладывать катки из отрезков древесных стволов, облегчавшие движение» [Кожин 1985, с. 171]. По мнению Б. Б. Пиотровского, в Ассирии они исчезают в середине 3-го тыс. до н. э. [Пиотровский 1959, с. 151]. Многочисленные изображения колесниц с четырьмя колесами и впряженными лошадьми на территории Евразии датируются в основном серединой 2-го тыс. до н. э. [Чередниченко 1976, с. 148], поэтому можно говорить о том, что исчезновение дисковидного колеса в Северопричерноморской степи также приходится на начало 2-го – середину 1-го тыс. до н. э.

Вторым хронологическим репером служит изображение скипетра с древком на плите 25, представленного в виде стилизованной головы коня, известного на территории Северного Причерноморья [Даниленко 1974, с. 92–106, рис. 63–65, 69]. В памятниках древнеямной культуры кони принадлежат II типу, определенному В. Н. Даниленко, и датируются сравнительно узким хронологическим отрезком — около середины 4-го тыс. до н. э. Однако связывать появление лошади и ее символов со столь ранним временем

трудно. Фаунистические остатки домашнего коня, доминирующего над дикими животными, в поселениях Молюхов Бугор, Дериевка и хутор Репино [Даниленко 1974, с. 96], скорее всего, свидетельствуют об употреблении его как источника белкового питания. В среде энеолитических племен древнейшие колесницы нам неизвестны. В настоящее время — на уровне наших знаний данного исторического периода — понятно лишь то, что племена энеолита были продолжателями местной неолитической культуры, сохранившими родоплеменные связи, о чем свидетельствуют могильники Мариупольский, Александровка, Новоданиловка и т. д. Появление же на исторической арене ямников, по-видимому, вызвало определенный взрыв в социально-экономической жизни. Находки из среднего горизонта Михайловского поселения, стоянок Средний Стог II, Стрильча Скеля и т. д. подтверждают наступление качественно нового этапа жизни: новые погребения в курганах, дисковидные колеса и телеги, остродонная керамика со шнуровым орнаментом, кремневые ножи-кинжалы, антропоморфные стелы и т. д. (рис. 119.1–5).

Таким образом, приведенные факты позволяют утверждать, что стратиграфически-стилистический слой на плите 25, связанный с рисунком «колесницы» с дисковидными колесами, относится к ямному времени.

Третьим репером для определения хронологии «конских плит» являются изображения коней с птичьими головами, что указывает на присутствие образа коня в мифологии. Следует заметить, что мифологический образ «летающего коня» в Северном Причерноморье сложился не в энеолите, а гораздо позднее, скорее всего с появлением отгонного скотоводства, то есть в ямно-катакомбное время¹. Не случайно образ мифологического коня, символа солнца, встречается в «Ригведе»:

*Да привезут Вас, о Ашвины, орлы,
Запряженные в колесницу, быстрые птицы,
<...>
Ваши великолепные летающие кони —
Красноватые птицы да повезут вас кругом
в решающую минуту!*
(Ригведа. I.118.4–5).

Образ солнечного коня встречается на многих плитах Каменной Могилы. Так, на плите 51 конь изображен в солярном символе. Интересное изображение коня с птичьей головой имеется в так называемом гроте Собаки. Рядом расположен конь, нарисованный в угловато-контурном стиле, его голова подчеркнута характерным округлым штрихом скулы, носа и большим глазом. Прямые конечности и поднятый хвост создают динамику, делают изображение летящим. По-видимому, эта деталь послужила В. Н. Даниленко основанием для отнесения рисунка к образу собаки, хотя здесь налицо

¹ О мифологическом и ритуальном значении образа коня как небесном (солнечном) и одновременно заупокойном существе у скифов, а также о реминесценции этого образа в спартанской ритуальной поэзии см. в статье: Зайков 1998, с. 29–44 (англоязычная версия: Zaykov 2004, p. 69–84. — Примеч. отв. ред.

все элементы коня, повторяющиеся в известном гроте Быка (рис. 11). Как выяснилось в ходе наших исследований, на плите 4 также имеются пять фигур коней, переданных схематично на своеобразном щитоподобном овале, где изображены «врата» (рис. 120, ср. прорисовка: рис. 4).

Как известно, в мифологии ариев названные атрибуты символизируют солнечное божество — Сурью, рожденного на востоке и появляющегося из небесных врат. В течение дня он проходит землю и небо. В «Ригведе» сказано:

*Вот лучи везут вверх
Того бога, Джатаведаса.
Чтобы все (существа) увидели солнце...
<...>
Семь рыжих кобылиц везут тебя,
Пламенноволового, на колеснице,
О Сурья, бог, видящий издалика.
Запряг Сурья семь чистых
Дочерей колесницы солнца.
На них, самозапрягающихся, ездит он.
(Ригведа. I.50.1, 8–9).*

Основная функция Сурьи — излияние света и излечение от болезней, уничтожение врагов. В обрядах древние люди просили его об исцелении от болезней, о богатстве, здоровье, процветании, потомстве и т. д. На плите 4 мы видим атрибуты (солнце, врата), явно связанные с солнечным божеством. Рядом в левой стороне плиты расположено хтоническое существо, вероятно символизирующее нижний мир, из которого вырастает «древо».

Особое место в комплексе петроглифов с конем занимает изображение в пещере Подковы (№ 53) — рисунок коня явно в маске оленя, имеющий многочисленные аналоги позднейшего времени (Пазырыкский курган) [Федоров-Давыдов 1976, с. 22–23, рис. 6] и передающий синкретический образ [Михайлов 1990б, с. 131, 135, рис. 3].

Наиболее яркой иллюстрацией к сказанному служат гимны славноизвестной «Ригведы», где есть описание обряда, когда коня, упирающегося своими золотыми рогами, ведут по лесу на заклятие.

Е. Е. Кузьмина отмечает, что культ коня-оленя заимствовали китайцы, название последнего стало «цилин» (небесный) [Кузьмина 1977, с. 105]. Эти данные соотносятся с рисунком коня-оленя из пещеры Подковы (№ 53); маска животного выполнена в стиле «косого решетчатого квадрата» — символа солнца, что явно указывает на космический характер животного [Иванов 1923, с. 441–442].

Кроме того, конь-олень изображен в летящем галопе, то есть в манере, характерной для индоарийского искусства эпохи бронзы, что сближает его с конями на плите 26 и позволяет ставить эти рисунки в один хронологический ряд.

В индоарийской мифологии конь и олень наделены сверхъестественными силами: их отличительной характеристикой является движение, что нашло отражение в «Ригведе»:

вблизи с. Заречное Мелитопольского района, датируемая по C₁₄ — 2110 г. до н. э. (Ки – 4193) [Михайлов 1995а, с. 178–180, рис. 8].

Интерпретируя двухколесную колесницу, следует вспомнить о Триптолеме. По велению богини плодородия Деметры Триптолем на крылатой колеснице, запряженной крылатыми змеями, облетел все страны и научил народы земледелию [ср.: Михайлов 1986б, с. 25]. В частности, «был Триптолем и в далекой Скифии у царя Линха. Его тоже научил он земледелию» [Кун 1954, с. 66–67]. В сюжете этого мифа, вероятно, отражено взаимодействие космогонических представлений и культа плодородия, которые занимали одно из главных мест в хозяйственной и духовной жизни древних людей.

Кроме того, исследователи давно обратили внимание на то, что в археологических материалах южной степи и далее на восток с середины/конца 2-го – начала 1-го тыс. до н. э. присутствует как «восточная», так и «микенская» волна. Это касается в первую очередь так называемого Бородинского клада, датируемого XV–XIII вв. до н. э.¹ [Брей, Трамп 1990, с. 37]. Вероятно, не будет слишком большой натяжкой соотнесение во времени «солнечной колесницы» с племенами срубной культуры, памятники которых в большом количестве известны вблизи Каменной Могилы. В частности, автором этих строк еще в 1960-х гг. было изучено поселение на правом берегу поймы Молочной (первая терраса), где найдено множество сосудов баночной формы с валиком, а рядом — большое количество костей коня.

Показательно в этом плане и погребение позднесрубного времени у подошвы Каменной Могилы, где вместе с костяком человека найдено два сосуда: первый баночной формы, второй — горшок. Анализ костей человека по C₁₄ показал дату 2790 ± 60 лет, то есть 800 год до н. э. (Ки – 4028).

Однако вернемся к анализу «конских плит». Теперь речь пойдет о рисунке на плите 27. В частности, в нижней части плиты нанесено змеевидное существо, соседствующее с «древом жизни», как бы обвивающееся вокруг него. Близкое по начертанию и, возможно, по содержанию изображение есть на плите 22 — бог-бык, который стоит позади женского торса, явно выполняя обряд культа плодородия с богиней. Аналогичное рогатое обвивающееся вокруг дерева (столба) существо — есть на плите 27, но уже в образе змея. И вновь возникает вопрос — как понимать эти рисунки? Укладываются ли они в единую сюжетную схему или воссоздают самостоятельные сцены какого-то мифа, широко распространенного на территории Евразии? Обратимся еще раз к древнегреческой мифологии. Бог Зевс и его сын Дионис — древопочитаемые боги, то есть «дерево божье». У первого из них символом была обоюдоострая секира (изображение на плите 49). Древние греки в религиозных представлениях считали пра-Диониса не только перводателем вина, но и всего влажного в природе. В молитвенном гимне Пиндара (VI в. до н. э.) есть слова:

*Рост древес плодовых умножь,
Бог Дионис, обильный бог,
Ясной осени радость.
[Цит. по: Иванов 1923, с. 77]².*

¹ Имеется более узкая дата Бородинского клада — 1550–1450 гг. до н. э.

² Пиндар, фр. 153. В переводе М. Л. Гаспарова: «Да умножит древесную поросль | Добрый Дионис, | Чистый светоч позднего лета...» – *Примеч. отв. ред.*

Не случайно греки, четко определившие функции каждого бога, называли пра-Диониса, сына Зевса, который и сам был «одождитель изначала», — «сыном Отчим», «небесной влагой». Кроме того, символом пра-Диониса был фетиш-змея, то есть «змеями увенчанный» или «змеевидный бог».

Эврипид (около 480 – 406 гг. до н. э.) в хоре вакханок воспел юного бога, когда «Зевс в определенный мойрами срок родил бога с рогами быка и увенчал его змеями» [Иванов 1923, с. 78]. Известно, что пра-Дионис-бык олицетворял мир живых существ, а пра-Дионис-змея символизировал подземное царство, то есть бог-бык пра-Дионис интерпретируется как вечно рождающийся и вечно умирающий. В этом двойном образе передан календарный цикл — постоянная смена весны–лета и осени–зимы: бык превращается в змея и наоборот — змей в быка, то есть бык выступает не чем иным, как оплодотворителем, который умирает после акта оплодотворения, а змей — это его прямая вечная сущность и семя в земле. Однако смерть бога-быка есть не что иное, как брак с богиней Земли, в которую он проникает в виде змея-супруга. На плите грота 27 Каменной Могилы мы видим символы пра-Диониса, как бы уползающего в виде змея в землю.

Особое значение в интерпретации петроглифов Каменной Могилы имеет плита 22. Ее особенность — трехчленные изображения. Исследователи уделяли много внимания анализу этих изображений. В частности, О. Н. Бадер полагал, что рисунки эти следует относить к эпохе энеолита–бронзы, и считал, что они «идут от более древних комплексов, устанавливают источники поздней группы изображений» [Бадер 1947, с. 309]. Особую точку зрения высказал М. Я. Рудинский, который предполагал, что их можно рассматривать как «первые на Каменной Могиле попытки оформления образного письма» [Рудинский 1955, с. 68], и некоторые из них относил «к числу наиболее поздних» [Рудинский 1952, с. 24].

Иное мнение высказал В. Н. Даниленко, посчитавший, что линейно-геометрические рисунки являются принадлежностью раннего неолита, и в монографии «Неолит Украины» он отнес их к 5-й фазе названной эпохи [Даниленко 1969, рис. 1].

На плите 22 выделяются следующие трехчленные композиции:

1) антропоморфная рогатая фигура в окружении двух зооморфных изображений;

2) антропоморфная фигура с распростертыми руками–«крыльями» и хвостом, по бокам которой просматриваются следы зооморфных изображений (змей?);

3) антропоморфная фигура в окружении двух зооморфных рисунков;

4) антропоморфная рогатая фигура, изображенная в профиль, в окружении двух зооморфных фигур;

5) антропоморфная рогатая фигура — в виде быка, стоящего за женским торсом, явно воссоздает «священный брак» (рис. 23).

Нам представляется, что эти изображения воспроизводят богиню плодородия, охраняемую двумя змеями, во время эротического обряда. Символом этой богини, как известно, очень часто является «священное древо» [Массон, Сарияниди 1973, с. 122; Ляшко 1987, с. 54–57].

Близкими аналогами рисунков Каменной Могилы можно назвать изображения на лепных сосудах катакомбного времени (курган 4, погребение 5 вблизи совхоза «Аккермень», ныне с. Заречное, и курган 2,

погребение 11 вблизи с. Вознесенка) в бассейне р. Молочной. На тулове первого сосуда среди линейно-геометрического орнамента нанесено трехчленное геральдическое изображение в виде вертикальной линии (древо) и двух зооморфных символов [Вязьмитіна и др. 1960, с. 107, 106, рис. 71.10–10a]; на втором сосуде — композиция, состоящая из трех древ, рогатого существа с бородой (в «Ригведе» Агжа или Аджа — бог духа лесов.), двух змей-драконов в геральдической позиции, между которыми находится «древо жизни» [Михайлов 1982a, с. 250–252]. Такого рода символические композиции известны в искусстве Старого Света с 4-го тыс. и до середины 1-го тыс. до н. э. [Сорокин 1964, с. 12, 13; Мифы 1980, с. 396–405].

Интерпретируя трехчленные изображения, ученые высказывают различные точки зрения. Так, С. С. Сорокин полагает, что «симметричные трехчленные композиции с центральным доминантным элементом закономерно появляются в изобразительном искусстве лишь с начала формирования классового общества с его иерархической идеологией. Для искусства первобытно-общинного строя они не характерны. Объясняется это тем, что в основе семантики геральдической символики лежит идея преклонения перед божеством или перед обожествленным земным владыкой, то есть идея, которая не могла иметь места при родовом строе, но закономерно возникла, развилась и получила полное завершение в обществе классовом» [Сорокин 1978, с. 179]. Этого же мнения придерживаются М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин, считая, что трехчленные изображения «имеют вполне определенную религиозную символику» [Дандамаев, Луконин 1980, с. 95]. Близок к ним Г. Комороци, который пишет: «“священное древо” как символ плодородия, безусловно, связано с образом правителя, царя, который <...> в какой-то мере считался залогом плодородия страны» [Комороци 1981, с. 51].

Как известно, древние деспоты Востока и скифские вожди считали нелишним напомнить подвластным им народам о своей божественной власти и влиянии на природу, от которой всецело зависело благополучие всей страны. Поэтому на печатях, стелах, утвари, оружии и т. д. имеются многочисленные изображения геральдических символов. Как правило, они представляют богиню плодородия или ее эквивалент — «священное древо» в окружении зооморфных фигур, зверей и гениев, выполняющих охранные функции. Эти изображения известны на шлеме царя Сардури [Пиотровский 1962, с. 70, рис. 41, XIX], на рельефе из Адильджеваза [Пиотровский 1962, с. 96, рис. 61–64, с. 116], на ножнах мечей из Мельгуновского и Келермесского скифских курганов и др. [Черненко 1980, с. 7–30].

«СВЯЩЕННЫЙ БРАК»

Исследовав большое количество петроглифов Каменной Могины, мы обнаружили, что среди них особое место занимают «сцены соития», которые явно имеют отношение к культу плодородия. Вопрос датировки и интерпретации названных изображений в предыдущих изданиях монографии мы не рассматривали. Однако изучение данного вопроса является актуальным, о чем было сообщено на международных научных конференциях в 2001 г. в Харькове и в 2002 г. в Киеве, так как петроглифы со «сценами соития», а также фаллоидные атрибуты в культовых местах и погребальных комплексах свидетельствуют о

широком распространении на территории Евразии так называемого культа священного брака, датированного эпохой позднего палеолита — ранней бронзы и более поздним временем [Михайлов 2000а, с. 25–26; 2004, с. 126–137].

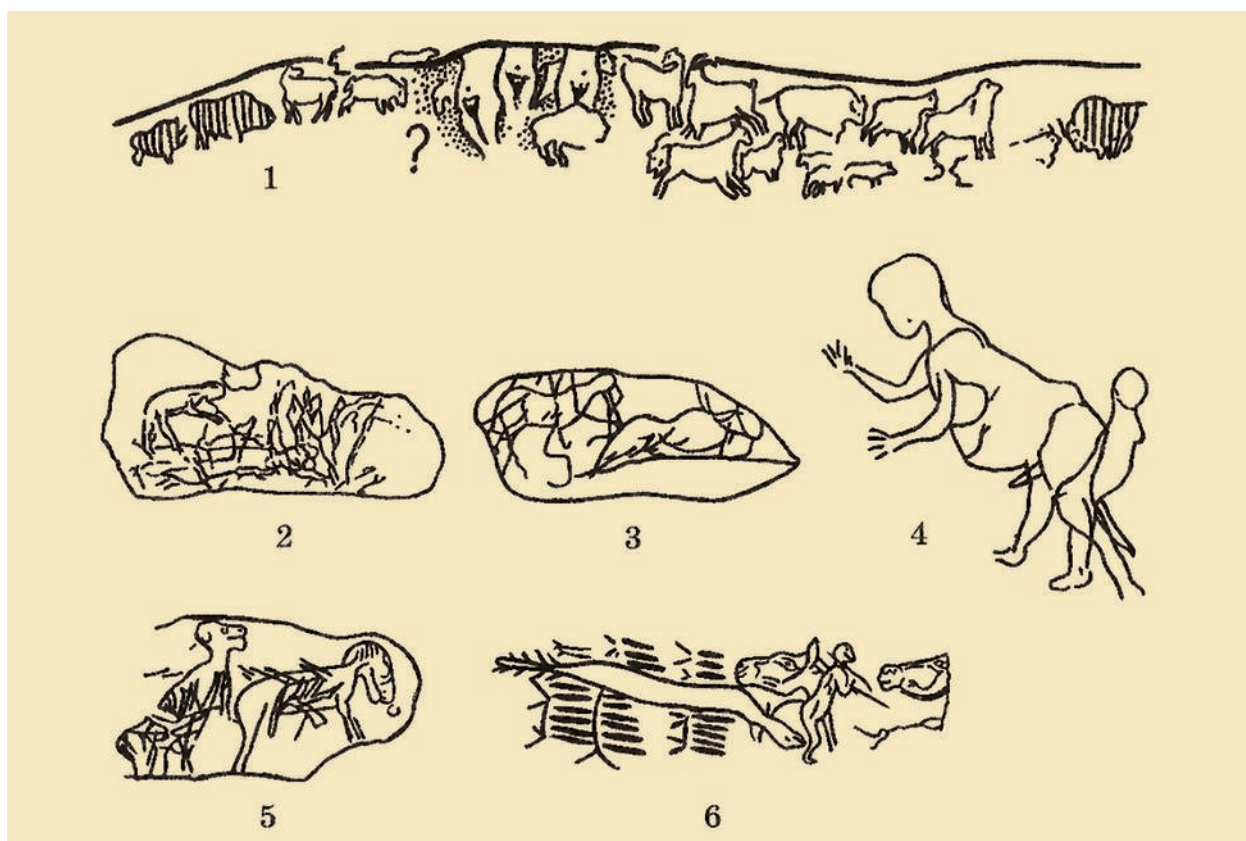
Как известно, в первобытном обществе отождествление Природы и Человека в конечном счете привело к вере в появление на Земле всего сущего от Бога и в половое воспроизводство первопредков. А потому сексуальные потребности человека стали одной из основных тематик в объяснении (понимании) материального и духовного миров [Дэвлет 2000, с. 238–243].

Первобытные охотники верили, что силы природы в образах многочисленных духов способны вступать в брак и рожать потомство. Позднее, в эпоху раннего земледелия, сложился комплекс представлений о так называемом священном браке Неба и Земли, ставший в руках жречества и царей началом сложной мифологемы, связанной непосредственно с культом плодородия, одним из главных символов которого в конечном счете оказалось фаллоидное изображение (скульптура).

В этом отношении не была исключением и Каменная Могила, которая, как подчеркивалось выше, выполняла роль одного из центров духовной культуры на севере Циркумпонтийской провинции и являлась связующим звеном между первобытным искусством Западной Европы и Азии [Михайлов 2000а, с. 78–89].

В частности, каменномогильские образцы эротического содержания и «сцен соития» можно выделить в следующие типологические группы:

Рис. 121.
Изображения людей в
эротических и брачных
позициях:
1 — Англь-сюр-Англен;
2 — Ли-мейль;
3, 5 — Мюрат-а-Роккамадур;
4 — Комбарелль;
6 — Ла-Мадлен

1) антропоморфные фигуры, возможно однополые, без голов, выполненные объемным стилем, соседствуют с животным (мамонт) (рис. 81.2, 3);

2) антропоморфные разнополые изображения с головами (рогами), что явно указывает на принадлежность их к рангу богов или богинь, расположенные в позиции «соития» (рис. 85.1, 4, 5, 9);

3) однополые антропоморфные фигуры, стоящие в эротических позах (рис. 85.2, 3);

4) антропоморфная фигура в состоянии спаривания с животным (рис. 84.10).

Наиболее близкие аналоги каменномогильским петроглифам известны в первобытном искусстве на скалах, на кости и на известняковых плитках из Мюрат-а-Рокамадур, Лимейль и Комбарель (Дордонь) во Франции [Абрамова 1966, с. 170–171, табл. XXIII.1–2; XIX.10–11] (рис. 121). К этому кругу памятников следует отнести наскальные изображения ритуально-эротических танцев мужских и женских фигур из Азербайджана (Гобустан), датируемые эпохой мезолита [Исмаилов 1990, с. 91–98, рис. 1.1; Рустамов 1990, с. 99–103].

К эпохе неолита условно могут быть отнесены изображения вертикальных волнисто-антропоморфных фигур на керамике буго-днестровской культуры [Даниленко 1999, с. 30, табл. XXXI.2], которые перекликаются стилистически, а возможно, и хронологически с каменномогильскими петроглифами в гротах № 516 и 57 и воссоздают сцены «группового соития» (рис. 122).

Следующими примерами могут послужить «сцены соития» на Керносовской (Днепропетровская область) и Верхнереченской стелах, а также сцена зооморфии на Федоровской антропоморфной стеле, датируемых эпохой бронзы [Крылова 1976, с. 38, рис. 2; Формозов 1969, с. 189; Супруненко, 1991, № 3, с. 153–160, рис. 1–2] (рис. 123.1Г, 4, 5, 6).

Что касается вопроса интерпретации сцен «женщины (мужчины) и животного (зверя)» в позднепалеолитических петроглифах Каменной Могины, то в первую очередь следует обратить внимание на сходство сюжетов с образцами первобытного изобразительного искусства Западной Европы (Мюрат-а-Рокамадур, Лимейль, Комбарель, Ла-Рок, Раймонден, Англи-сюр-Англен во Франции). В первую очередь речь

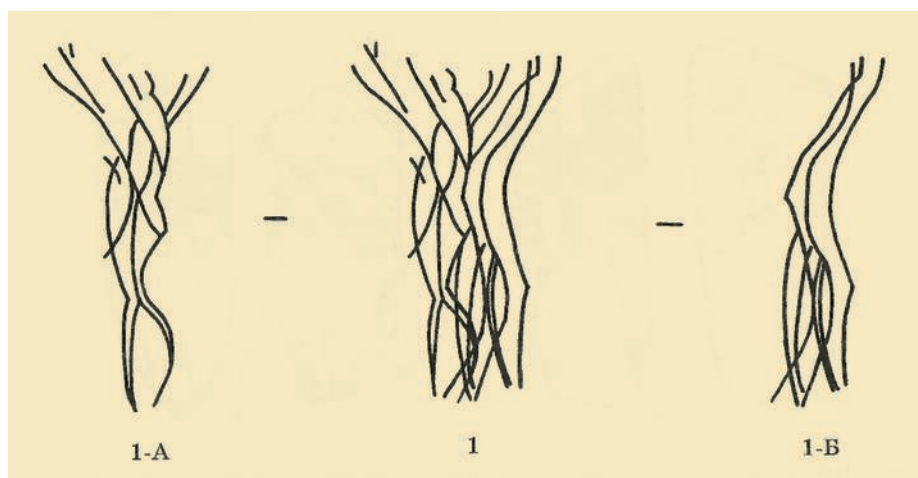

Рис. 122.
Антропоморфные
изображения на сосуде
Буго-Днестровской
культуры (ранний
неолит)
(по В. Н. Даниленко)

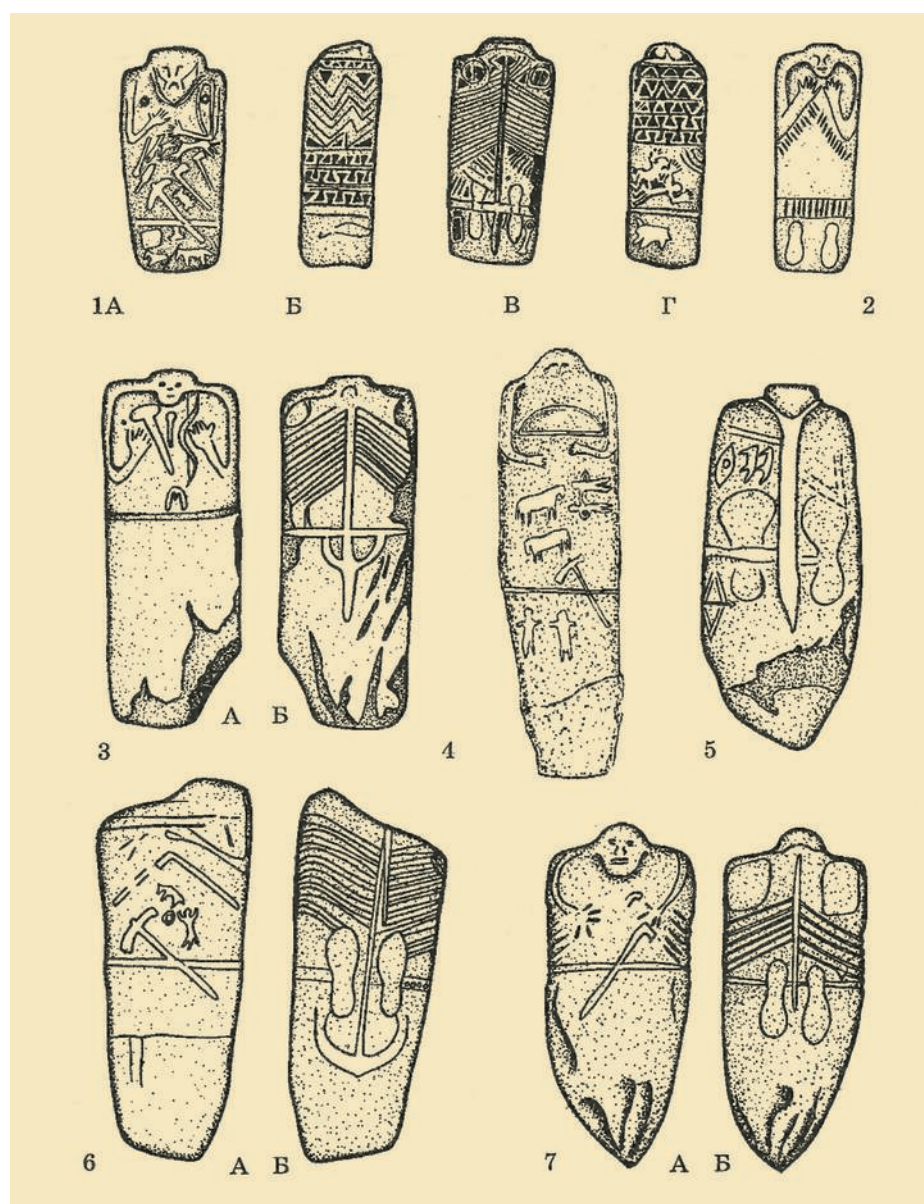

Рис. 123.
Антропоморфные
стелы ранней бронзы
Северного
Причерноморья:
1 А-Г — Кернесовка;
2 — Белогрудовка;
3 А-Б — Натальевка;
4 — Верхнеречье;
5 — Сватово;
6 А-Б — Федоровка;
7 А-Б — Новоселовка

идет о каменномогильских изображениях на блоке плиты 3 из пещеры Козы, на котором они расположены рядом с мамонтом (рис. 81.3). Приведенный пример свидетельствует о существовании мифологемы культа плодородия на огромном пространстве Европы, возникновение которой было определено природной средой, родовым строем и тотемизмом — своеобразной формой культа предков.

Однако было бы ошибкой связывать все позднепалеолитические изображения с тотемическими религиозными верованиями. Так, изображения женщин (обнаженных) в соседстве с животными из Англи-сюр-Англен, Ла-Рок, Каменной Могины, вероятно, могут воспроизводить сцены, когда женщины своим колдовством-волшебством «достигают» продолжения рода, роста и процветания своей общины. Подтверждением служат этнографические примеры народов Сибири. А. П. Окладников и Р. С. Васильевский отмечали, что «основа волшебной силы <...> влекла зверей навстречу гибели <...> Согласно <...> мифам,

звери и люди могли вступать в интимную связь друг с другом, именно поэтому женщины привлекали к себе животных-самцов, а мужчины могли привлечь самок» [Окладников, Васильевский 1980, с. 48].

Следует обратиться к сцене соития в «присутствии» животных. Конкретно речь идет о блоке-плите 2 из пещеры Козы (№ 60), где изображены мужская и женская фигуры в момент соития, рядом с которыми находится молодой олень (рис. 81.2). Аналогичные картины известны во французских пещерах Мюрат-а-Рокамадур (рис. 121.5) и Трех Братьев (сцена зооморфии). Возможно, это свидетельствует о влиянии и участии тотема в воспроизводстве потомства, когда тотемы-предки являются свидетелями, а иногда участниками действий человеческого соития.

З. П. Соколова, изучая этнографические примеры, отмечала: «Позднейшей трансформацией верований в возможность сожительства человека с животным являются представления о влиянии животных на плодovitость женщины и связанные с этим верованием обряды. Они были чрезвычайно широко распространены у разных народов в разное время. Так, в древнеегипетском городе Мендесе («мендес» означает «баран»¹) перед изображением Осириса в облике барана поклонявшиеся ему женщины обнажались, чтобы приобрести свойственную ему плодovitость» [Соколова 1972, с. 115]. В этой связи следует указать на мифологические примеры «сожительства» женщин с медведем в Сибири. Так, в песенно-фольклорном жанре известна «тотемная» песнь о женщине, родившей двух медвежат и «дитя человеческое» — девочку, от которой пошли люди обско-угорской фратрии [Косарев 2001, с. 38–39]. Аналогичная картина, как мы видим, воспроизведена на гравировках Каменной Могилы и в изобразительном искусстве франко-кантабрийского региона Западной Европы.

Наиболее древним литературным источником в интерпретации «сцен соития» могут считаться сюжеты из шумерской поэмы «Энлиль и Нинлиль», в которой повествуется, что еще до появления человека в городе Ниппуре обитали только боги: «его юношей» был бог Энлиль, «его девушкой» была богиня Нинлиль, «его старухой» была мать Нинлиль — Нунбаршегуну, ставшая сводницей Энлиля со своей дочерью. В поэме мать поучает Нинлиль: «Ступай, Нинлиль, вдоль берега потока Нунбирду <...> “Великая Гора”, отец Энлиль ясноглазый увидит тебя <...> отец Энлиль ясноглазый увидел ее; властелин хочет с нею сойтаться (?), она не желает» [Крамер 1965, с. 108].

В конечном счете на священной барке, плывущей по реке, Энлиль силой овладевает девушкой. Так был зачат бог луны Сина. Но боги не признали безнравственного поступка Энлиля и изгнали его в подземное царство. На этом не заканчивается оплодотворительная функция Энлиля. Оказавшись в «подземном царстве», он встречает три живых существа: стража адских врат, человека адской реки и перевозчика Харона, переправляющего мертвых в ад через реку. И, принимая их облик, он вновь оплодотворяет Нинлиль.

¹ Μένδης, родительный падеж μένδης — греческая транскрипция древнеегипетского слова «бе-нб-дд» — таковое имя носил бог-покровитель 16-го нома в Дельте. Бог почитался в образе священного овна. По имени этого божества называлась и столица 16-го нома. Греки переводили слово μένδης как «козел» или «баран», а бога этого отождествляли со своим Паном. См.: Геродот. II.46 (здесь же греческий автор сообщает, что, будучи в этом номе, он узнал, что однажды козел открыто сошелся с женщиной). — *Примеч. отв. ред.*

Так Энлиль оплодотворил Нинлиль еще дважды, создав таким образом бога подземного царства и бога, осужденного влачить жалкое существование в подземном царстве [Крамер 1965, с. 111]. Сам же Энлиль становится богом воздуха, войдя в священную четверку богов.

В дальнейшем шумерский сюжет «священного брака» находит свои параллели в Вавилоне (богиня Иштар и бог Таммуз) и в горах Малой Азии (ущелье Язылык), где сохранились рельефы, показывающие «сцены соития» хеттской Великой Матери с Богом.

В Древней Греции известен брак богини земли Деметры и бога неба Зевса. Аналогичный сюжет присутствует в Египте, где во время праздника возвращения Хатхор-Тэфнут из Нубии обязательным был «священный брак». Древние тексты говорят: «Пришла она с ее братом, и сочетался он с ней на празднестве, и радостны сердца их вместе» [Матье 1956, с. 49]. М. Э. Матье оценивала супружеский «священный» акт как «праздник грядущего изобилия природы», в содержании которого смена времен года — «результат ухода и нового возвращения женского божества природы» [там же, с. 50]. В первом случае, вероятно, мифологема связана с Богиней-матерью и созданием Солнца и всего Мира. Аналогичное действие известно в «Ригведе», когда Сурья — солнце-невеста, а Сома — месяц-жених, которые также вступают в супружеские отношения [Мифы 1982, с. 423; *Ригведа*. I.115.2–3]. Во втором случае творцом выступает Бог Отец, рождающий первую «священную пару» без помощи женского начала. К этой легенде примыкает (скорее всего, идентифицируется с ней) библейская супружеская пара Адама и Евы, созданная Богом (*Бытие*. 3 : 20–24).

Не лишним будет вспомнить божество Рудру. В «Ригведе» о нем говорится, что он имеет оргиастические черты и связывается с плодородием и жизнью. Сексуальные возможности Рудры были велики. В гимне, в частности, сказано: «Да создаст он благо нашему скакуну, здоровье барану, мужчинам и женщинам, быку» (*Ригведа*. VIII.36.5).

Весьма интересное поверье существовало у славян: Небо и Земля являются как бы супружеской парой (первое в роли мужа, а вторая — жены), которые в летнее время совокупляются. А. Н. Афанасьев отмечал: «Признавая Небо и Землю супружескою четою, первобытные племена в дожде, падающем с воздушных высот на поля и нивы, должны были увидеть мужское семя, изливаемое небесным богом на свою подругу; воспринимая это семя, оплодотворяясь им, Земля чреватее, порождает из своих недр обильные, роскошные плоды и питает все на ней сущее» [Афанасьев 1982, с. 57].

Вероятно, представления о Боге и его «помазанниках» — племенных вождях-жрецах в эпоху позднего палеолита–бронзы явно связывались с якобы магическими воздействиями на силы природы и животный мир. В конечном счете в эпоху меди–бронзы и в более позднее время эти представления развивались и унифицировались, а мифологемные основы выразились (во 2-м – 1-м тыс. до н. э.) в символикергальдике вождей-жрецов, когда «древо жизни» стало эквивалентом богини плодородия, находящейся в окружении змей, гениев и т. д. [Михайлов 1987а, с. 250–253, рис. 1, 2].

В древнем Шумере известен свадебный текст-гимн, обращенный к богине Инанне, где местный царь выступает в образе бога Думузи, то есть происходит своеобразное перевоплощение человека в бога.

Текст сообщает, что «во дворце-доме, что правит народом и (обуздывает) ярмом все (чужие) земли <...> основал тронное возвышение для Нинэгалъ. Царь, будучи богом, пребудет с нею на нем <...> когда они отправятся вместе на ложе <...> обряды свершались образцово, свершались они в новогодье, в день обряда» [Якобсен 1995, с. 52–53].

Заканчивается «царственный брак» священным соитием во благо Страны, Народа. Богиня Инанна, супруга царя, с восторгом оповещает: «Я желала, чтобы народ размножался, выбрала Думузи (личным) богом страны».

Как видим, «священный брак» становится привилегией «верховой власти» с целью влияния на подданных, позволяя ей объяснять таким образом свою «божественную» принадлежность и воздействие царственной сверхсилы на природу и народные массы.

На практике «священный брак», по словам Д. Д. Фрэзера, на Востоке осуществлялся следующим образом: «На верхней башне, куда взбирались по лестнице, располагался просторный храм, в котором стояло огромное ложе, украшенное великолепными тканями и подушками, а рядом с ложем — золотой стол. В храме не было ни одной статуи, и ни один человек не оставался в нем на ночь, кроме одной-единственной женщины, которую бог, по утверждению халдейских жрецов, избрал среди всех женщин Вавилона. Они говорили, что ночью в храм приходило божество и спало на огромном ложе. Женщина эта, супруга бога, не могла иметь сношений ни с одним смертным» [Фрэзер 1980, с. 166].

Как правило, акт «соития» приурочивался к храмовым праздникам, и происходил он в период весеннего равноденствия, перед началом сельскохозяйственных работ. Наиболее древнее известное упоминание об этом обряде содержится в текстах Гудеа (конец 3-го тыс. до н. э.), когда царь в образе Мардука совершал с верховной жрицей, олицетворяющей богиню Сарпаниту, ритуал священного брака на вершине зиккурата [Клима 1967, с. 165–167].

По всей видимости, в эпоху бронзы подобное действо практиковалось и на Каменной Могиле, где жречество также проводило обряды культа плодородия, символы которых в виде «древа жизни» и «сцен соития» присутствуют на плите 22 (рис. 23).

Как отмечала М. Э. Матье, «вождь и старейшины используют значение этих культов для закрепления своего ведущего положения в роде. Постепенно начинает видоизменяться и обрядность родовых праздников, отражая это выдвижение роли вождя <...>. Подобные обряды помогают вождю и старейшинам племени сохранить власть и контроль над хозяйственной деятельностью племени и имущественным положением его членов, закрепляют в сознании последних веру в особое положение предводителя» [Матье 1956, с. 57–58].

Особое значение для понимания данной проблемы приобретают этнографические примеры. Д. Д. Фрэзер описывал земледельческий обряд так: «В день святого Георгия (23 апреля) на Украине священник в рясе в сопровождении других служителей церкви направляется в поля, на которых едва начинают зеленеть побеги, и благословляет их. После этого женатые молодые люди парами ложатся на засеянное поле и перекатываются по нему по несколько раз в уверенности, что это благоприятствует росту побегов» [Фрэзер 1980, с. 160–161].

Рис. 124.
Джурджулештский
энеолитический
могильник
(V тыс. до н. э.):
1 — захоронение;
2 — фаллоидный
атрибут

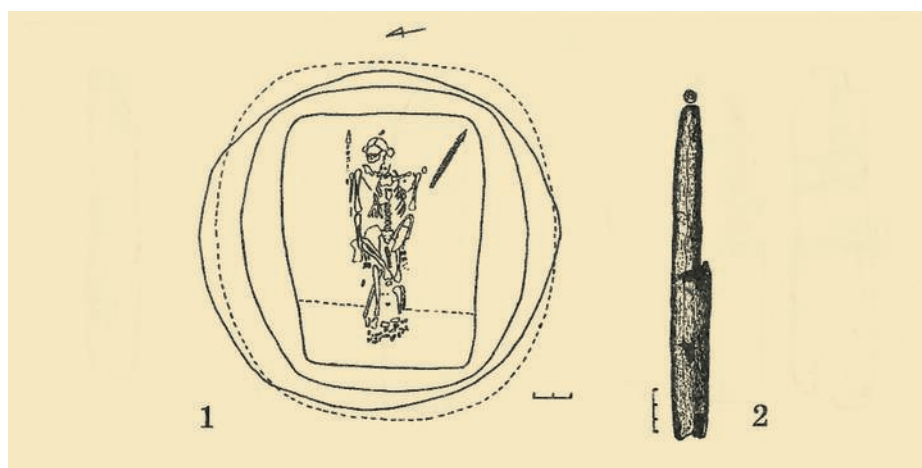
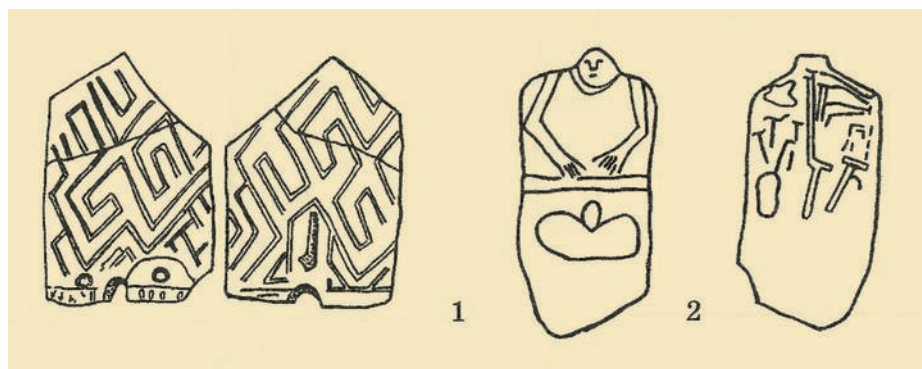

Рис. 125.
Антропоморфные
фигуры:
1 — Мишколец-
Фютехаз
(нижняя часть)
(Венгрия);
2 — Добруджа
(Хаманджия)

Кроме того, в проведении земледельческих обрядов свою роль играл фаллический атрибут-фетиш, который явно символизировал нуминозную, магическую силу божества – Думузи, Осириса, Таммуза, Диониса, позднее Ваала и других, а также вождя-жреца.

Ярким образчиком может служить погребение в энеолитическом Джурджулештском могильнике 5-го тыс. до н. э. [Манзура 1997, с. 28–30, рис. 2, 4, 19], где костяк имел в промежности «стоячий» фаллос, явно символизирующий силу вождя-жреца (рис. 124). Другим характерным примером является нижняя часть антропоморфной фигурки, относящейся к избухкской культуре (Мишколец-Фютехаз и Боршоу, Венгрия) [Археология Венгрии 1980, с. 224, рис. 139] (рис. 125.1) и стела из Хаманджии в Добрудже [Златковская 1963, с. 84, рис. 4.2], (рис. 125.2), на которых особо выделены массивные фаллосы. Фаллоидные символы присутствуют и в памятниках куро-аракской культуры [Чубинишвили 1966, с. 131]. Натуралистичной является «сцена соития» на Керносовском идоле, кстати также имеющем фаллоидное обозначение, которое следует рассматривать как часть «биографии» изображенного в надгробной стеле-памятнике вождя-жреца [Крылова 1976, с. 36–46] (рис. 123.1Г). На Федоровской стеле, на наш взгляд, воссоздана сцена зооморфизма с лошастью, что также иллюстрирует, скорее всего, сексуальную силу служителей религиозного культа¹ [Супруненко 1991, с. 153–160, рис. 1–2] (рис. 123.6). К этому

¹ В Китае (эпоха Мин) известны медицинские «опыты» вращивания собачьих сегментов в мужской фаллос, которые увеличивали длину и силу эртана [См.: Хьюман, Ван 1999, с. 66–73].

следует добавить, что присутствие на спинах антропоморфных стел «древа жизни» явно ассоциируется с позвоночником. В «Авесте», в частности, говорится, что позвоночник — «столб (вероятно, *древо*. — Б. М.) жизни и источник» (*Авеста*. Яшт 10.71) (ср.: рис. 123.6, 7). Думается, что эти данные лишний раз подтверждают, что в интересующих нас репрезентациях акцент делался на физических возможностях «первопредка» или жреца-вождя, а «древо» на стелах является символом его нуминозной силы.

С. А. Токарев отмечал: «Одним из ритуальных требований, предъявлявшихся к кандидатам в жрецы, было требование, встречающееся во многих религиях, — не иметь физических недостатков» [Токарев 1986, с. 326].

В конечном счете фаллос стал главным атрибутом священного обряда культа плодородия в виде малых фетишей и больших менгиров, известных с эпохи позднего палеолита до ранней бронзы (Мезин, Каменная Могила, Надеждино, Сосновка, Спасское и др.) [Абрамова 1962, табл. XXXII; Михайлов 1999, с. 51, рис. 37.6].

Следует отметить, что в последние десятилетия в Северном Причерноморье в культовых местах и могилах эпохи меди-бронзы найдено значительное количество аналогичных памятников. Как отмечалось, они известны возле подошвы Каменной Могилы в комплексе ритуально-обрядового места, куда входили: скульптура двухголовой рыбы-человека, птицеподобная стела, букраний и «письмена» на диске и двух небольших плитках, сопровождаемые орудиями труда эпохи раннего неолита. Аналогичные символы-фаллосы известны в раннеямном погребении с. Надеждино и с. Спасское Мелитопольского районов Запорожской области [Михайлов 1985, с. 230–232, рис. 71; 1990а, с. 107, рис. 3] (рис. 126.1–2). Значительное количество их найдено в Буго-Ингулецком междуречье [Шапошникова и др. 1986, с. 30, 34, рис. 12] (рис. 127).

К этим памятникам семантически следует отнести и так называемые статуэтки на подставках с символикой «древа жизни» (фетиши) северо-кавказской культуры (кон. 3-го – нач. 2-го тыс. до н. э.), которые, несмотря на попытку А. Л. Нечитайло связать их с пластикой малых антропоморфных форм [Нечитайло 1978, с. 178–185, рис. 1], на самом деле, на наш взгляд, имели сексуально-символические функции (рис. 128).

Близкие по содержанию памятники известны на Кавказе, где среди огромного количества статуэток представлены фигуры мужчин с фаллосами, подчас в позиции адорации, что, по мнению В. И. Марковина, явным образом представляет акт оплодотворения (возможно, как нам представляется, оплодотворения Земли). Они датируются 2-м тыс. до н. э. – VI/V вв. до н. э. [Марковин 1986, с. 74–117].

Что касается семантического назначения фаллоидных столбов-менгиров, то первоначально они, вероятно, символизировали фаллос Земли (или ее Бога), которые устанавливали в центре курганов или возле могил, сопровождая их каменными кромлехами. Наиболее древние памятники подобного рода известны в Тассилин-Аджер, на плато Аир в Южной Сахаре и на Канарских островах, которые являются своеобразными изоляторами древних неолитических культур, датируемых 6-м – 5-м тыс. до н. э. [Археология Центральной Африки 1988, с. 32; Власов 1990, с. 55].

Рис. 126.
Фаллоидные стелы
эпохи ранней бронзы из
бассейна р. Молочной:
1 — с. Надеждино;
2 — с. Спасское

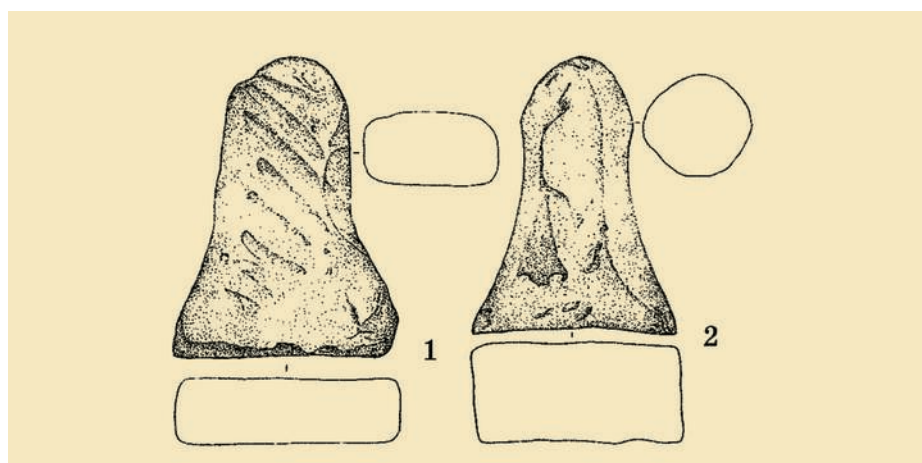
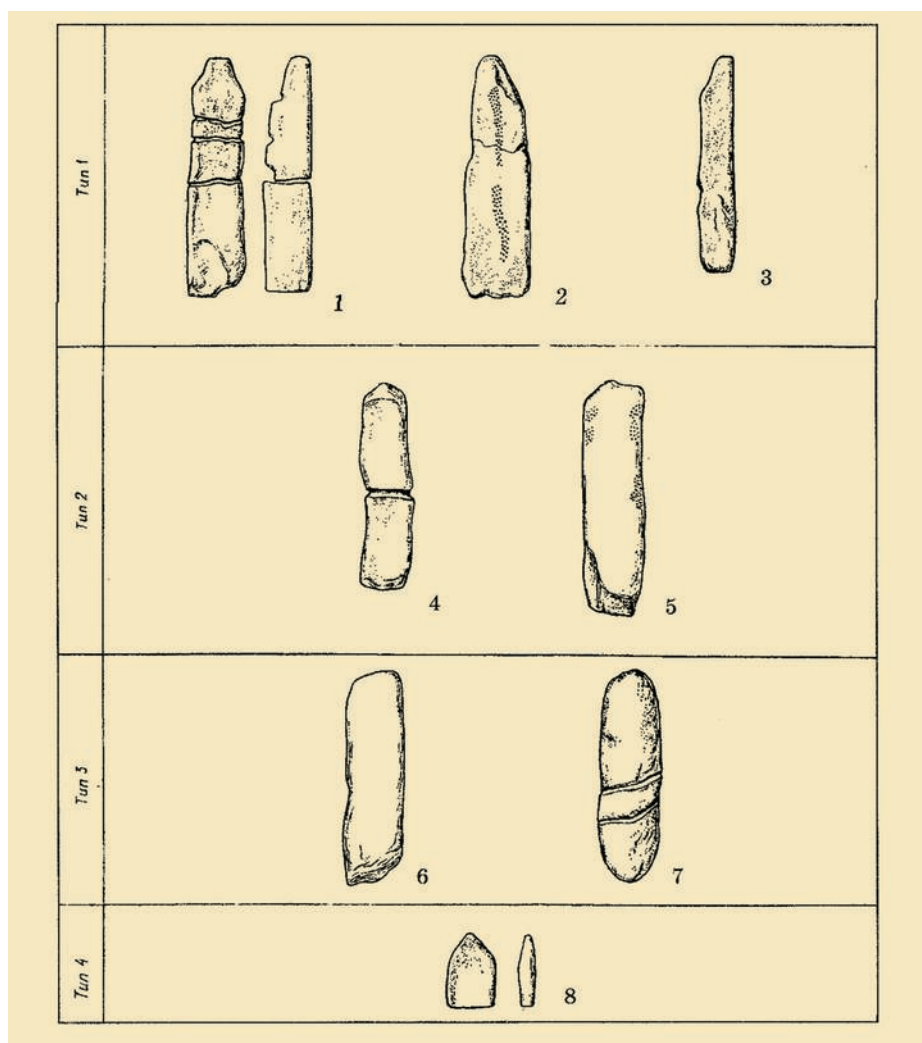

Рис. 127.
Фаллоидные камни из
бассейна р. Ингулец:
1 — с. Христофоровка;
2 — с. Отрадное;
3 — с. Ковалевка;
4 — с. Старогорожино;
5 — с. Антоновка;
6 — с. Еланец;
7 — с. Новая Одесса;
8 — с. Ковалевка

Особое значение, на наш взгляд, имеет описанный выше комплекс атрибутов (рыба-человек, стела-фаллос, стела-птица и «письмена») ранненеолитического культово-обрядового места 6-м – 5-м тыс. до н. э. у подошвы Каменной Могилы (рис. 98, 99).

Еще в глубокой древности в южной Месопотамии появилось религиозное представление о божествах первородной грозной стихии

(водного хаоса) — Апсу и Тиамат. Однако с развитием земледелия в эпоху неолита – энеолита, вероятно, представления о силе воды стали меняться. В связи с этим появляется бог мудрости Эа, научивший людей ремеслам, искусству и знаниям, а также бог Таммуз — бог воды, как «истинный сын водной глубины», культ которого как «сына и образа бога Эа» тесно связывался с культом великого бога Воды [Авдиев 1948, с. 94].

Присутствие в указанном выше комплексе двухголовой рыбы, которая в нижней части имеет человеческий облик и наличие фаллоидной и зооморфной стел, явно свидетельствуют о сложной мифологии, связанной с религиозным обрядом.

Еще В. Н. Даниленко обратил внимание на аналогичные совпадения культовых атрибутов эпохи неолита. Так, он писал: «Интересна увязка схематизированных изображений рыб с сакральными воспроизведениями фаллосов. Все эти факты говорят о том, что рыба, а равно и амфибии, и рептилии, привлекали внимание человека отнюдь не по практическим, а по идеологическим соображениям. В этом смысле весьма интересен состав украшений из Мальты, памятника, территориально далекого, но исключительно ценного присутствием скульптурных гравированных изображений змей и особенно интереснейшей подвески-амулета, почти бесспорно воспроизводящей фигуру фантастической рыбы с двумя головами, то есть образ, хорошо известный по данным неолита Прибайкалья» [Даниленко 1999, с. 87]. Таким образом, описанный культово-обрядовый комплекс с Каменной Могилой может быть соотнесен с рыбчеловеком — с образом бога Эа, воплотившего в себе морские глубины, солнце и южное небо [Даниленко 1999, с. 86].

В этой связи следует вспомнить мнение С. А. Токарева, который писал: «Происхождение этих образов неясно, во всяком случае, они сложные. Ану — от шумерского «ан» («небо») — вначале был, вероятно, просто олицетворением неба. Этимология имени Энлиль спорна,

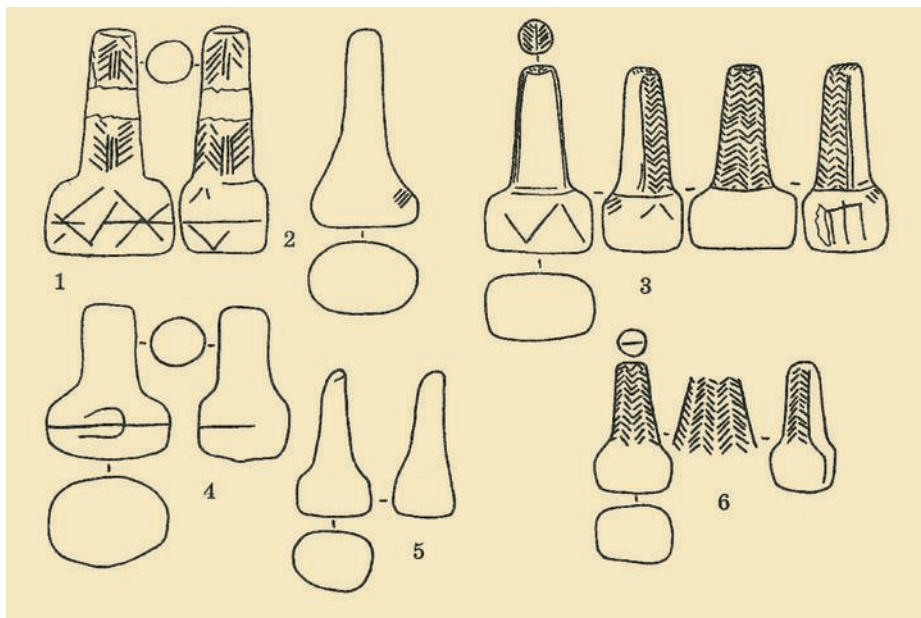

Рис. 128.
Фаллоидные
статуэтки
с Северного Кавказа:
1 — с раскопок
В. Р. Апухтина с
Пятигорья;
2 — с раскопок
И. С. Гумилевского на
Константиновском
плато вблизи
г. Пятигорска;
3 — ст. Суворовская
Ставропольского края;
4, 6 — с. Легинская в
Кабардино-Балкарии;
5 — ст. Бжесдуховская (?)
Краснодарского края
(по А. Л. Нечитайло)

считают, что она восходит к шумерскому «лиль» («ветер, дыхание, тень, дух»). В текстах Энлиль получает эпитеты «царь наводнения», «гора ветра», «царь страны» и пр. Возможно, это божество было связано с ветром, дующим с гор и нагоняющим дождевые тучи, отчего иногда возникали наводнения. Бог Эа особенно почитался приморскими общинами и был, видимо, покровителем рыбаков. Его изображали в виде человеко-рыбы; он считался в то же время культурным героем и в мифах изображался защитником людей от других богов. В эпоху политического объединения страны названные три бога почитались как великие общенародные божества. За ними закреплялись эпитеты: Ану — непостижим и далек, Энлиль — могуч и царственен, Эа — мудр и свят» [Токарев 1986, с. 322].

В этой связи М. Н. Соколов пишет: «С рыбой связывается и тема умирающего и воскресающего бога плодородия, которая прослеживается в контексте реконструкции афро-евразийского мифа об Иштар (Иштар)» [Мифы 1982, с. 392], а как известно, богиня Иштар (Аккад) соответствует шумерской Инанне и является богиней плотской любви, жизненных сил, воинственности, коварства. А в египетской версии сказано, что Рыба заглатывает детородный фаллос Осириса и является эквивалентом нижнего мира [ср.: Михайлов 1999, с. 104].

Естественно, в многогранном культе-обряде плодородия главным символом стал фаллос в виде фетиша, менгира. Он известен на огромной территории Евразийского и Африканского континентов и датируется от эпохи позднего палеолита – бронзы до Средневековья.

Интересным примером служит, как отмечает В. Г. Ардзинба, столбообразный обрубок с семью загнутыми сверху отрубленными ветками (чинары, дуба, груши), который украшали лентами, тряпочками, а далее вносили в дом, то есть церемония связывалась с мировым деревом и возвращением хеттского бога растительности Телепину [Ардзинба 1985, с. 153].

Следует обратить внимание на хеттские глиняные таблички, на которые нанесены тексты, посвященные богу Грозы (XVII–XII вв. до н. э.). Из них видно, что царь и царица, восседая на троне во время религиозного обряда на празднике месяца, трижды поочередно втыкали бараньи фаллосы (по-видимому, являвшиеся заменителем — эквивалентом царского) наверх в хлеб¹. В. Г. Ардзинба полагает, что «с помощью него царь, вероятно, совершал акт стимуляции плодородия; этот же символ он, возможно, использовал для того, чтобы “вызывать” дождь» [Ардзинба 1982, с. 102].

Как бы удивляясь, Геродот сообщает, что в Египте в честь Осириса-Диониса справляют праздник «почти совершенно так же, как и в Эллад (за исключением хоров). Только вместо фаллосов они придумали носить другой символ — куклы-статуэтки в локоть величиной <...>. А поэтому член куклы так велик и поэтому это единственно подвижная часть тела куклы» (Геродот. II.48. — *Пер. Г. А. Стратановского*). Далее «отец истории» сообщает, что у эллинов есть «обычай изображать Гермеса с напряженным членом» (II.51).

¹ Автор полагает, что во время проведения обрядов в рамках культа плодородия использовались так называемые молоточкоподобные и жезлоподобные шпильки явно фаллоидных очертаний, которые были известны в эпоху бронзы [Латынин 1967]. Эти «шпильки» встречаются в Золотобалковском могильнике вплоть до рубежа нашей эры [Вязьмитина 1972, с. 89, рис. 40.4].

Что касается датировки сцен «священного брака» на петроглифах Каменной Могилы, стоит отметить, что профильные рисунки «эротического» содержания на плите-конкреции из пещеры Козы (№ 60), иллюстрирующие части женских фигур, сопровождаются мамонтом, и явно должны быть датированы эпохой позднего палеолита. Эта датировка подтверждается присутствием позднепалеолитического местонахождения вблизи Каменной Могилы и аналогичными реалистичными изображениями из пещеры Ла-Рош (Франция), датируемыми финалом мадлена [Абрамова 1966, рис. XVI.4а, б]. Однако каменномогильские рисунки более древние, они, вне всякого сомнения, синхронизируются с орудиями труда стоянки ориньякской эпохи Секиз I (рис. 1, 2).

Особый интерес представляют так называемые сцены соития (пещера № 60) и скульптура фаллоидного предмета из грота № 36, а также рисунок мужского туловища с напряженным фаллосом (пещера № 60) на плите-конкреции (рис. 85.2). Аналогичные сцены известны во Франции (Лимейль, Мюрат-а-Рокамандур и Пешиле), где участники «соития» изображены в масках животных [Абрамова 1966, табл. XXIII.12] (рис. 129), возможно тотемов. Это явно свидетельствует о более позднем хронологическом возрасте, в отличие от каменномогильских изображений, датируемых 22-м — 20-м тыс. до н. э. Очевидно, эти рисунки в хронологической таблице могут идти один за одним [Михайлов 2004, с. 126–137].

К мезо-неолитическому периоду следует отнести рисунки со «сценами группового соития» из пещер № 36б, 51б и 57, которые имеют аналоги в Буго-Днестровской керамике раннего неолита [Даниленко 1999, с. 30, табл. XXXI.2].

Особую группу рисунков представляют собой изображения на плитках-конкрециях из пещеры Козы (№ 60), где образы представлены в линейно-геометрическом стиле. На всех антропоморфных фигурах головы воссозданы в виде рогов или ромбов, что, вероятно, свидетельствует о принадлежности участников обряда к рангу богов и богинь. Кроме того, в «сценах соития» участвуют звери и хтонические существа (рис. 84, 85).

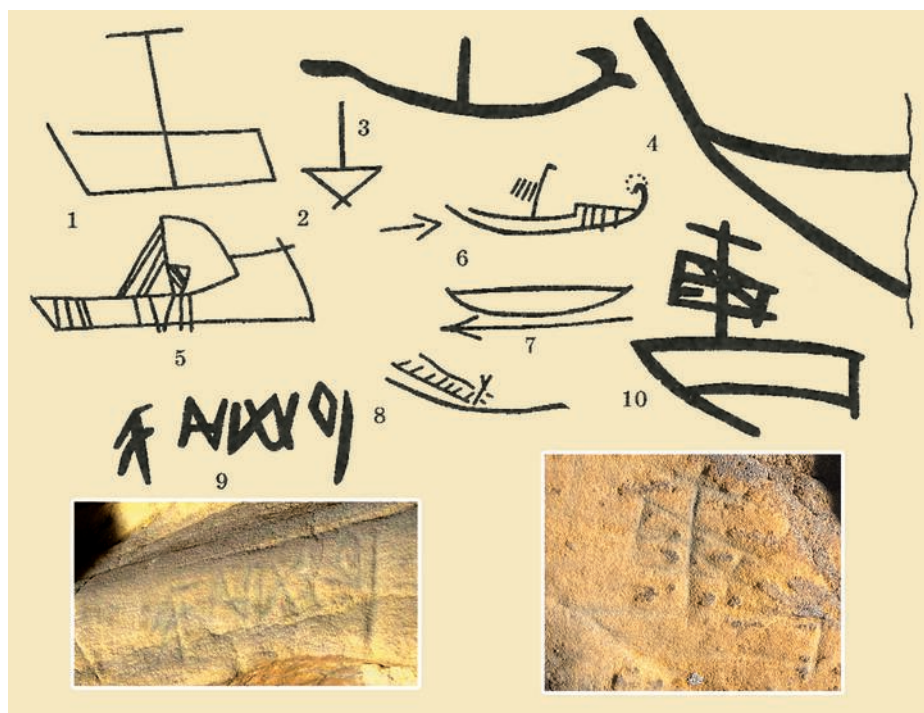
Что касается «сцен соития», связанных с эпохой бронзы, то к этому времени относится рисунок на плите 22, сопровождаемый петроглифами человеческой стопы и несколькими геральдическими трехчленными изображениями (древо жизни в окружении двух змей). Они известны также на сосуде катакомбного времени из с. Вознесенка вблизи Каменной Могилы [Михайлов 1982а, с. 150–156, рис. 5, 6].

Таким образом, рассматриваемые выше «сцены соития» на каменномогильских памятниках первобытного искусства связаны, по всей видимости, с феноменом «священного брака» и близки по своей семантике с рисунками и фаллическими фетишами-атрибутами Западной Европы и Азии, а также являются красноречивыми образцами духовной культуры древнего общества.

СУДОХОДСТВО

В истории изучения каменномогильских петроглифов тематика, связанная с судоходством, вообще не нашла своего отражения. Это объясняется в первую очередь несовершенной фиксацией древних рисунков. Археологические исследования неолитических поселений на

Рис. 129.
Изображения судов и
«писмен» из гротов и
пещер Каменной
Могилы:
1 — пещера Козы (60);
2 — грот Рыбы (56);
3 — грот 51;
4 — грот 51б;
5 — плита 13;
6 — грот 7;
7 — плита 33;
8 — грот 46;
9-10 — пещера 51б

реках Днепр и Дон свидетельствуют, что племена названной эпохи, наряду с охотой, занимались рыболовством и, естественно, не могли обходиться без лодок.

Убедительным доказательством тому являются стоянки на островах Днепра (Казачьем, Демском, Кизлевом, Шулаевом, Вовчок, Похилом, Виноградном, Сурском) и у Красного озера вблизи Каменной Могилы. Там в культурных слоях найдены каменные диски, тесла, долото и т. д., применявшиеся для изготовления челнов-однодревок [Даниленко 1950а, с. 133–138].

В связи с этим, одной из задач наших исследований на Каменной Могиле был поиск изображений, связанных с рыболовецкой тематикой.

В главе 3 отмечались местонахождения петроглифов с явными изображениями судов различной культурно-хронологической принадлежности [Михайлов 1993а, с. 3–11]. Ниже приводим их описание.

Пещера Козы (№ 60). Коробчатая лодка в глубине пещеры; соседствует с рисунками двух рыб (рис. 129.1).

Пещера Рыбы (№ 56). Лодка с месяцеобразным корпусом; расположена на плите-столе, соседствует с изображениями стрел и геометрических знаков (рис. 129.2).

Грот № 7. Судно с месяцеобразным корпусом, мачта с парусом и солярным знаком; расположены рядом со стреловидным знаком, фигурой зооморфно-хтонического существа и антропоморфной фигурой (рис. 129.6).

Грот № 13. Судно с мачтой, находящееся в окружении решетчатых изображений подпрямоугольной формы (рис. 129.5).

Грот № 33. Лодка изображена в соседстве со стреловидным знаком (рис. 129.7).

Грот № 46. Лодка в виде слабой дуги, в центре которой «восседает» антропоморфная рогатая фигура, а сзади находится решетчатый «настил» (рис. 129.8).

Грот № 51. Судно коробчатого типа с парусом и веслом-рулем; соседствует с руническими письменами (рис. 129.9, 10). Вблизи находятся еще два рисунка: 1) лодка в виде слабой дуги, в центре которой расположена «мачта», или символ мирового столба (рис. 129.3); 2) нос корпуса судна, находящийся в узкой расщелине между плитами и покрытый красной охрой (рис. 129.4).

Наиболее древним среди описанных петроглифов является изображение лодки с мачтой из пещеры Козы (№ 60), которое соседствует с двумя рыбами. Вероятнее всего, их можно датировать эпохой мезолита — раннего неолита. По крайней мере, многочисленные рисунки на потолке пещеры и на плитках-блоках, датируемые названным временем, говорят в пользу этого. Что касается изображений лодок из местонахождений 7, 13, 33 и 46, то они имеют общие признаки.

Во-первых, изображения судов в гротах № 7, 13, 33 объединены единым символом — стреловидным знаком, как правило, присутствующим в погребальных памятниках Египта [Дженкинс 1986, с. 60], соединяющим центр мира с преисподней, находящемся в «пещере», в «далекой северной стране» [Мифы 1982, с. 76].

Во-вторых, в гроте № 7 имеются широкие горизонтальные бороздки, которые, как отмечалось, в последнее время обнаружены на антропоморфных стелах и плитах древнеямного времени, изготовленных из песчаника Каменной Могилы, датируемых серединой 3-го тыс. до н. э. [Михайлов 1985, с. 228–232, рис. 4.8; 1988, с. 211–212, рис. 6].

Изображение ладьи с пучками стрел обнаружены на антропоморфной стеле ямного времени из разрушенного кургана вблизи Каменной Могилы (рис. 119.5). В последние годы стали известны погребения ямного времени в виде имитации остова ладьи: вблизи с. Григорьевка в Запорожье и в Семеновском курганном могильнике Одесской области [Субботин 1980, с. 55]. К этому кругу памятников, по-видимому, следует отнести также овально-ладьевидные могилы из бассейна р. Молочной [Михайлов 1988, с. 210–211, рис. 3; 1990б, с. 111, рис. 6.2]. Следовательно, изображения ладьи, антропоморфного и зооморфного существ в гроте № 7, выполненные в стиле линейных бороздок, синхронны или близки по времени к древним рисункам-бороздкам на антропоморфных стелах ямного периода [Михайлов 1992е, с. 86–89].

В-третьих, указанная датировка подтверждается хронологической близостью изображений солнечной ладьи с парусом и кормовой надстройкой на печати из Кносса (о. Крит), датируемой среднеминойским периодом (3000–2000 гг. до н. э.) [Снисаренко 1986, с. 71, рис. на с. 43]. Следует отметить, что критяне до 3000 г. до н. э. еще не знали паруса, а каюты для кормчих в судостроении Крита появляются лишь в позднеминойский период, между 2200–1400 гг. до н. э. [там же, с. 71]. Поразительное сходство имеет судно из грота № 13 с изображением древнего корабля на железном кинжале из гробницы Дорака, датируемом первой половиной 3-го тыс. до н. э. [История Древнего Востока 1988, с. 36, рис. 4а]. Скорее всего, рисунки судов из гротов № 7 и 13 относятся к середине 3-го — началу 2-го тыс. до н. э., то есть к позднеямному времени. Подтверждением служит наличие в комплексе знаков, близких по начертаниям к пиктографии из Месопотамии [Никольский 1889, с. 110–125; Хинц 1977, с. 29–33] (рис. 130–131), и рисунка стилизованных «быков» (рогачик), известных в многочислен-

ных поделках позднеямного времени как вблизи Каменной Могилы [Михайлов 1976а, с. 255–257, рис. 1, 3], так и далеко за ее пределами [Кияшко 1989, с. 76–87]. Думается, что изображение лодки из дольменообразного грота, соседствующее со стрелой (грот № 33), также следует отнести к этому времени.

Наиболее проблемной остается датировка изображения судна на плите 51а, соседствующего с руническими письменами, относящимися, по нашему мнению, к готскому времени [Михайлов 1979, рис. на с. 51], а по мнению В. Н. Даниленко, — к хазарскому [Даниленко 1986, с. 74, рис. 26].

Скорее всего, указанные знаки принадлежат к готскому руническому письму и появились на Каменной Могиле в период пребывания здесь викингов, знавших мореходное дело [Буданова 1990, с. 92], в отличие от хазар, которые лишь контролировали речные и морские пути русов в степях Причерноморья [Новосельцев 1990, с. 115].

Что касается интерпретации сюжета из грота № 7, то, если прочтение зооморфной фигуры как змееголовой богини правильно, возникает соблазн увидеть здесь некий эквивалент египетской богини смерти Меритсегер, сопровождаемой солнечной ладьей бога Ра [Матье 1956, с. 38–39]. Антропоморфное существо, по-видимому, воссоздает «бога-быка» в эротической позе с богиней. Подобная сцена известна на антропоморфной стеле ямного времени вблизи с. Керносовка Днепропетровской области [Крылова 1976, с. 42, рис. 1–2] (рис. 123.1А–Г).

Судно из грота № 13 явно соотносится с ликом египетского солнечного божества Ра, которое окружено решетчатыми изображениями, символизирующими солярный культ [Бичурин 1950, с. 49–50]. Это подтверждается в первую очередь наличием в комплексе рисунков змеи и двух лодок, явно играющих полярные роли, то есть дня (лодки) и ночи (змеи).

Таким образом, вероятно, права была М. Гимбутас, считавшая, что племена ямной культуры, наравне со скотоводческим хозяйством, в середине 3-го — начале 2-го тыс. до н. э. уже знали мореходное дело [Gimbutas 1974, p. 129], нашедшее отражение как в погребальных памятниках, так и в мифотворчестве [Мифы 1982, с. 33].

ПИСЬМЕНА

В комплексах петроглифов Каменной Могилы особое место занимают многочисленные символы, напоминающие знаки, известные в некоторых письменных системах Двуречья, Средиземноморья, а также встречающиеся на сосудах эпохи бронзы в Северном Причерноморье.

Первые попытки выделения «писмен» на Каменной Могиле предпринял М. Я. Рудинский, видевший в комплексах петроглифов 17–24 единую линию развития, «выраженную <...> в смысле общности основных элементов композиции» [Рудинский 1955, с. 63].

В 1983–1999 гг., во время раскопок на холме Каменной Могилы, нами впервые было обращено внимание на присутствие среди петроглифов пиктографических и буквенных знаков, что нашло отражение в публикациях [Михайлов 1990б, с. 134, рис. 3; 2002б, с. 25–29].

Впоследствии в результате пересмотра всех известных местонахождений с петроглифами на Каменной Могиле были отмечены многочисленные логографические и буквенные знаки, которые можно соотнести с пиктографическим и буквенным письмом. Ниже приводим их описание.

Пиктографическое письмо

Местонахождение 13. 1. Знак в виде трех волнистых линий находится в центре плиты и в эламском письме обозначает звук — *su* (рис. 14).

2. Знак в виде ромба, покрытого решетчатым квадратом, соответствует звуку *hal*, и густого ромба, который соответствует звуку *hu* (рис. 130).

Местонахождение 17. Знак в виде ромбовидной фигуры, разделенной прямой линией на две части: одна сторона покрыта прямыми линиями, на второй расположены 3 точки. Имеет сходство со знаком из Элама (рис. 130).

Местонахождение 19. Знак в виде двух (трех) линий, между которыми изображен косой крест (ограда). В эламской письменности обозначает звук *k* (рис. 130).

Местонахождение 25. Знак в виде ромбовидной фигуры с уменьшенной левой стороной — углом. В эламской письменности обозначает слог *par*. Этот знак божественности ставится перед именем (рис. 130).

ЭЛАМ		КАМЕННАЯ МОГИЛА	№	МЕСОПОТАМИЯ	КАМЕННАЯ МОГИЛА	№
			26			28
			56			5
			26			
	par		25			23
	k		19			23
			17			13
	hal		13 17			53
	su		13			1
	hu		13			

Рис. 130–131.
Сравнительная
таблица писмен с
Каменной Могилой и
Месопотамии

Местонахождение 26. 1. Знак в виде шестилучевого креста, с одной стороны имеющий треугольник.

2. Знак в виде месяца (рис. 130).

Местонахождение 56. Знак в виде шестилучевой звезды (в Шумере — символ богини Инанны) (рис. 130).

Кроме описанных знаков, в гротах Каменной Могилы встречаются идеограммы: в виде человеческой руки и плуга (рала) (5); рыбы (23); елкообразного рисунка (1); стилизованной «птицы» (24); спаренной прямой и волнистой линий (53), напоминающих шумерско-халдейскую письменность [Никольский 1889, с. 118–125, рис. 122] (рис. 131).

Буквенные знаки (рис. 132–133)

Местонахождение 1. П-образный знак расположен горизонтально у ежикоподобной фигуры с решетчатым туловищем и у елкоподобного изображения.

Местонахождение 3. П-образный знак, нанесенный в начале коротких вертикальных бороздок, сгруппированных по 21 шт.

Местонахождение 4. А- и У-образные знаки, нанесенные вблизи многочисленных петроглифов, по соседству с которыми в обрамлении, напоминающем боевой щит из Египта [История Древнего Востока 1988, рис. 121б], изображены силуэты животных (лошадей?), выполненные широкими линиями.

Местонахождение 5. Среди многочисленных линейно-геометрических петроглифов разбросаны А-, У- и U-образные знаки, маленький вытянутый крест, решетчатый квадрат, Ш-подобный знак с четырьмя вертикальными черточками.

Местонахождение 6. Композиция из линейных бороздок расположена на выступе-наплыве. В стороне изображены два вытянутых небольших креста и как будто римская цифра V. В центре — две фигуры квадратной формы, выполненные в стиле косоугольного квадрата, и П-образный знак. В правом углу грота расположена «шагающая» фигура, перечеркнутая двумя горизонтальными линиями, а также три решетчатых квадрата.

Местонахождение 9. Известный грот Быка содержит наибольшее количество разнообразных письмен, расположенных на стенах, столпободобных плоскостях и отдельных плитах. Самые яркие примеры приведены в таблице (рис. 132). Это в первую очередь Х-, У-, П-, Т- и К-образные знаки. Присутствует здесь и множество решетчатых квадратов, точек и других знаков.

Местонахождение 10. Среди широких и глубоких бороздок, объединенных по 2, 17 и т. д., расположены У-, П- и N-образные знаки.

Местонахождение 13. На этой плите — многочисленные петроглифы в виде ромбов, линейно-геометрических рисунков, лодки и т. д., а также знаки в виде латинских букв N, V, L, M и П-образный знак.

Местонахождение 18. Среди небольшого количества линейных бороздок, выполненных легким штрихом, расположены А-, Л- и Х-образные знаки, а также три решетчатых квадрата.

Местонахождение 19а. На потолке плиты среди незначительного количества линейных бороздок в одной из групп есть два П-образных знака.

Местонахождение 19б. На плите среди линейно-геометрических изображений большой черепахи, прямоугольника, выполненного ко-

[illegible]

сым решетчатым квадратом, и т. д. имеются Y-, L- и П-образные знаки, а также «римские цифры» III и VII и множество сгруппированных бороздок-черточек.

Местонахождение 22. На вертикальной плите среди геральдических символов [Михайлов 1987, с. 250–252] расположены А-, П- и У-образные знаки, а также «латинские» t, U; знаки и фигура в виде двух треугольников, соединенных вершинами, а также маленький крест.

Местонахождение 23. Среди большого вытянутого креста, идеограммы треугольника-птицы, ромбовидной фигуры имеются Л-образный знак и комбинированный знак в виде трех вертикальных линий-бороздок, в центре которого угадывается буква К.

Рис. 133.
Таблица писем из
гrotов и пещер
Каменной Могилы

№ п/п	№ гrotа	Образцы писем
17	26	Х Н V ^ + П ∴ У N * У Р
18	27	Е У Х N П # У ^ X/// ∴
19	28	Ах О П У +
20	30	П П # П
21	34	У П А А Т У < П + А В
22	37	З Е + П П ^ П У X VII
23	38	П
24	39	П П
25	46	П П П + П П П Т У +
26	49	Х / 1 У L C A + X I
27	51	У
28	52	К Р П L П П
29	53	А х П П * + П У У
30	56	Ж П
31	57А	У У У м + - А
32	57В	П
33	63	У Р П / В В У Р
34	65	П П А У

Местонахождение 25. Среди линейно-геометрических петроглифов, расположенных в восточной части гrotа, и среди решетчатых изображений животных (бык, конь, лань), находятся многочисленные знаки в виде букв А, П, У, точки, решетчатый квадрат и т. д.

Местонахождение 26. На вертикальной плите среди изображений коней, оленей, многочисленных бороздок расположены А-, П- и У-образные знаки, «латинская» N, крест, точки и т. д.

Местонахождение 27. На небольшой плите среди солярных знаков, фигуры животного, рогатого змеевидного существа по соседству с древом жизни (в виде палки-столба) расположены П-, У- и Е-образные знаки, а также крест, решетчатый квадрат и т. д. Особый интерес пред-

ставляет знаковая система в виде «римской цифры» XIII, аналог которой известен в протоиндийской письменности [Кнорозов 1975, с. 9].

Местонахождение 28. На небольшой плите среди изображений «ржущей кобылицы» и человеческой стопы в виде «сандалии» расположены А- и У-образные знаки, крест, солярный знак с гранями по соседству с буквой П.

Местонахождение 30. Петроглифы в виде линейных бороздок содержат П-образные знаки и решетчатый квадрат.

Местонахождение 34. Среди большого количества изображений человеческих стоп (около 50) имеются знаки в виде букв А, Л, Т и У, а также креста, «лестницы», «римских цифр» VII и IX.

Местонахождение 37. На фоне многочисленных линейных бороздок, столбодобного изображения, супруги быков и т. д. нанесен большой А-образный растянутый знак. По соседству имеются А-, П-, Л-, У-образные знаки.

Местонахождение 38. На плите среди сгруппированных по 10 черточек имеется П-образный знак.

Местонахождение 39. Среди петроглифов в виде бороздок, сгруппированных по 2, 3, 4, 5, нанесены А- и П-образные знаки, а также решетчатый квадрат.

Местонахождение 46. На плите имеются единичные знаки в виде двух треугольников, соединенных вершинами, С- и У-образные знаки, а также «латинская буква» L, крест, единичные бороздки и т. д.

Местонахождение 51а. На потолке небольшой ниши расположен знак в виде буквы У, соседствующий с реалистичным изображением быка (?), а на потолке местонахождения 51б нанесены крест, У- и W-образные знаки.

Местонахождение 51б. На потолке пещеры расположена группа знаков-«письмен»:

Местонахождение 52. На потолке среди многочисленных петроглифов поверхностным штрихом нанесены два А-образных знака, система знаков, У-образный знак, «римская цифра» VI и т. д.

Местонахождение 56. В расщелине на отвесной стене изображен шестилучевой знак, а внутри пещеры на потолке среди линейных бороздок — П-образный знак.

Местонахождение 57а. На небольшом выступе-карнизе — система знаков, явно относящихся к алфавиту, в виде трех букв У, ломаного зигзага, креста, горизонтальной черточки-бороздки и угла вершиной вверх.

Местонахождение 57б. При входе в пещеру на вертикальной стене среди линейных бороздок расположен П-образный знак.

Местонахождение 63. Письмена из 12 знаков находятся в нише большой плиты на южном склоне Каменной Могилы.

Местонахождение 65. В культурном горизонте раннего неолита найдено три плитки-диска с «письменами»:

- 1) три вертикальные черточки, в углу расположена шестилучевая звезда;
- 2) крест, У-подобный знак (слева) и А-подобный;
- 3) У-подобный знак.

Из приведенных описаний видно, что в гротах и пещерах Каменной Могилы присутствуют многочисленные идеограммы, знаки пиктографического и буквенного письма, относящиеся определенно к периоду возникновения слогового и алфавитного письма. Следует заметить, что каменномогильские идеограммы и «письмена» имеют внешнее сходство со знаками из Месопотамии (Шумер), с Крита и из Финикии, датируемыми началом 3-го — 1-го тыс. до н. э. [Никольский 1889, с. 110–125; Хинц 1977, с. 29–33, рис. 18; Фридрих 1979, с. 29–80, рис. 59, 60], поэтому можно говорить об их типологической и хронологической синхронности.

Конкретизировать датировку «письмен» Каменной Могилы можно, ориентируясь на местонахождение 65, где найдены каменные диски, две конкреции и менгир с ранненеолитическими письменами-знаками, датирующимися VI–V тыс. до н. э. Однако другие «письмена» относятся, возможно, к началу 2-го тыс. до н. э.

Кроме того, письмена из грота № 51б можно уверенно датировать эпохой позднего энеолита, ориентируясь на кремневую свиту, найденную в пещере (рис. 49, 50) [Михайлов 1997, с. 26, рис. 1, 21].

Особую группу «письмен» составляют начертания на антропоморфных стелах и сосудах ямно-катакомбного времени. Первыми сигналами стали А-подобный знак на стеле из разрушенного кургана вблизи с. Заречное и сосуда катакомбного времени из кургана № 2 в селе Вознесенка Мелитопольского района [Михайлов 1982а, с. 150, рис. 2–3]. В последнее время С. Ж. Пустовалов открыл целую серию «письмен» в захоронениях катакомбного времени ингульской культуры [Пустовалов 2000, с. 19–40]. Больше всего «письмен» обнаруживается на памятниках (сосудах, плитах) срубного времени [Отрощенко 1988, с. 151–178], некоторые из них могут быть соотнесены как внешне, так и хронологически со знаками Каменной Могилы.

Присутствие «письмен» на Каменной Могиле, памятнике культовой принадлежности, по-видимому, связано с мифологическими системами передачи конкретных сообщений. Как полагал В. Н. Топоров, «буквенные знаки относятся к другому (лицу. — Б. М.) или к самому себе (запись на память, т. н. меморат), но, строго говоря, не предполагают непременно дешифровки, что не мешает им быть элементами мифопоэтической системы, считаться священными, использоваться в магической и рисуночной практике и т. д.» [Мифы 1982, с. 314].

Таким образом, описанные «письмена» подтверждают существование системы (магических?) знаков в эпоху энеолита-бронзы и, возможно, имеют постепенное хронологически-графическое развитие.

В истории изучения Каменной Могилы до настоящего времени остаются белыми пятнами киммерийско-скифский и сармато-готский периоды. Несмотря на значительное количество памятников киммерийского времени на территории Северного Причерноморья, здесь представлена в основном их материальная культура: предметы производства и быта, конская сбруя и отдельные украшения, которые не дают достаточного основания представить изобразительное искусство кочевников Степи [Тереножкин 1976; Граков 1971; 1977, с. 101–154]. Поэтому вопрос выделения петроглифов названной эпохи на территории Каменной Могилы остается открытым.

Трудно поверить, что в гротах и пещерах Каменной Могилы также отсутствует скифское искусство, характеризующееся так называемым

звериным стилем. Петроглифы Алтая и Сибири свидетельствуют о том, что легендарные кочевники знали этот вид творчества [Савинов 1990, с. 174–181; Советова 1990, с. 169–173; Черемисин 1990, с. 162–165]. Территория же Северного Причерноморья с VII/VI до IV/III вв. до н. э. стала для скифов «обетованной землей» и не случайно получила символическое название «Великая Скифия». В бассейне р. Молочной и соседних районах известно немало курганов как скифской знати, так и рядовых общинников. Среди них — курган Солоха, Гайманова могила, Чертомлык и Мелитопольский курган. Наверняка Каменную Могилу скифы не могли обойти своим вниманием, они ее определенно посещали, ведь р. Молочная была важной водной артерией, связывающей степь с Приднепровьем и северо-восточными районами Приазовья. Об этом свидетельствуют и находки: скифская стрела, многочисленные обломки амфорной посуды [Михайлов 1992в, с. 61–63].

Одним словом, можно предположить, что среди огромного количества петроглифов Каменной Могилы должно присутствовать и скифское изобразительное искусство. Возможно даже, что это некоторые рисунки на «конских плитах», например «Летящая лань», «Крылатая колесница Триптолема» (рис. 26; 27.2), о которых говорилось выше.

Следует отметить, что среди так называемых писмен в гротах Каменной Могилы имеется значительное количество знаков: «латинская» N и «римская цифра» VI, которые, очевидно, представляют собой тамгоподобные начертания, известные в раннескифском Келермесском кургане [Черненко 1980, с. 15, рис. 9.1].

Кроме того, М. Я. Рудинский указывал на присутствие сарматов на Каменной Могиле, где в одном из гротов найдены украшения, датируемые II в. до н. э. — I в. н. э. [Рудинский 1961, с. 112]. Попытка исследователя отнести «плиты стоп» к сарматскому времени, думается, все же не выдерживает критики.

Однако открытие сарматских тамговых знаков на Каменной Могиле (местонахождение 62) все-таки подтверждает выводы М. Я. Рудинского о том, что сарматы посещали это место в степи [Михайлов 1994, с. 253–255]. Аналоги тамговым знакам известны на территории Северного Причерноморья и Крыма [Соломоник 1959, с. 16–166; Драчук 1975, с. 75–108]. По всей видимости, тамговые знаки в местонахождении 62 относятся к периоду господства сарматов в Северном Приазовье и связаны с населением, оставившим так называемый Молочанский могильник вблизи совхоза «Аккермень» — и сел Заречное, Новофилипповка, Вознесеновка. Он датируется II в. до н. э. — II/III вв. н. э. [Вязьмитина 1954, с. 220–243; Михайлов, 1986а, с. 81–87].

Что касается готского присутствия на Каменной Могиле, то мы можем указать лишь на единственное свидетельство — описанный выше рисунок в гроте № 51, так называемое судно с парусом и расположенными рядом «письменами», напоминающими руническую письменность [Гухман 1958] (рис. 129.9, 10).

Главным свидетельством гуннского присутствия на Каменной Могиле является погребальный комплекс в гроте Колдуна (№ 52) [Михайлов 1993б, с. 109–111]. Этот памятник — первое «скальное погребение» на Каменной Могиле (рис. 59). Хронология всего комплекса установлена путем соотнесения материалов, обнаруженных в погребении, с аналогичными находками в других регионах. Например, же-

лезные пряжки обнаружены на территории памятников Крыма и датируются второй половиной IV — первой половиной V в. [Айбабин 1990, с. 28]. Широко представлены они в черняховской культуре [Барцева и др. 1972, с. 16, 1–29, 30–38, 40–42, 45–51, 56–60; Федоров, Полевой 1973, с. 271, табл. 41–42, рис. 2, 3], на Тамани [Марченко 1956, рис. 5.14–17], на Кавказе [Амброз 1971, табл. 16.9; Минаева 1951, рис. 5.11] и в погребениях вельбарской и пшеворской культур [Godlowski 1970, tbl. IV.3, 7; IX.11, 12, 14, 15; Tejral 1985, obr. 1.1].

Что касается краснолакового кувшина, то описанный тип представлен как в склепах Крыма второй половины IV – V в. [Айбабин 1990, с. 18, рис. 2.5], в Танаисе¹, а также на Афинской агоре [Robinson 1959, p. 109, fig. 29]. Аналог нашелся и стакану из зеленого стекла, отнесенному по корреляционной таблице А. И. Айбабина к варианту 1Б, датируемому концом IV – началом V в. и типологически близкому изделиям из Харакса (V в.) [Айбабин 1990, с. 13, рис. 3.10], Паннонии, достигшим границ Западной Германии и Бельгии [Айбабин 1990, с. 13].

Таким образом, погребение из пещеры Колдуна на Каменной Могиле датируется концом IV — первой половиной V в. и относится к периоду, когда в Североприазовской степи господствовали гунны, которые из-за постоянных войн должны были менять не только место пребывания, но и прятать свои погребения.

Судя по находкам, в глубине холма Каменной Могилы было похоронено лицо, занимавшее высокое социальное положение (по нашему мнению, умерший принадлежал к духовному сану). Погребение здесь столь важного лица свидетельствует о почитании холма гуннами, которое они принесли из своего первоначального местопребывания (Алтай, Китай), где был широко распространен культ поклонения горам. Вот что пишет С. А. Токарев: «Священные горы мыслились не просто покровителями промысла: это были именно родовые горы, у каждого сёёка своя. Каждый сёёк устраивал (особенно перед началом осеннего промысла) родовые моления в честь своей родовой горы, с принесением жертв, иногда приглашая шамана для этой цели. Отношение каждого сёёка к своей родовой горе осознавалось как кровнородственное интимное отношение. Считалось, что члены рода как бы происходят от своей горы <...>. Это выражалось понятиями тёс-таг («гора-предок»), улуг-таг («великая гора»), ару-тёс («чистый предок») и пр.» [Токарев 1982, с. 109].

Дальнейшие исследования петроглифов в гротах и пещерах Каменной Могилы, вероятно, позволят выделить группы рисунков, связанных с духовной культурой гуннского населения. Пока же можно весьма осторожно сказать, что линейно-геометрические изображения, рисунки антропоморфных и зооморфных существ явным образом представлены на конкрециях из гуннских погребений. Однако эта тема требует дальнейшей проработки. Достоверный результат может быть достигнут лишь при исчерпывающей источниковедческой базе, которая в настоящее время отсутствует.

Укажем лишь на единственный хорошо читаемый рисунок. Это изображение мужчины с фаллосом (рис. 59.6), напоминающее гуннский амулет из Мариупольского (Ждановского) краеведческого музея [Міхлін 1972, с. 95–96, рис. 1], и медная фигурка, найденная жителем с. Мирное Ю. А. Рацкевичем вблизи Каменной Могилы (рис. 59.2), со-

¹ Фонды Государственного Эрмитажа, № 1890/973.

относимые во времени с атрибутами фаллического культа, распространенного в древности у кочевых племен Евразии [Левина 1968, с. 178].

Памятники гуннского времени также представлены в бассейне р. Молочной бескурганными погребениями, которые располагались в степных балках и речной долине. Так, в 1930-х гг. в полуразрушенном погребении в районе г. Мелитополя (Кизиярская балка, приток р. Молочной) было найдено два десятка больших янтарных бусин, массивный золотой перстень с крестоподобным щитком, украшенный вставками из агата и рубина, а также обломки лепной посуды серого цвета, с включениями шамота в тесте, украшенные по отогнутому венчику кольцевыми защипами [Михайлов 1977, с. 79]. В том же урочище в 1948 г. во время строительных работ обнаружено погребение женщины с комплексом предметов: золотой диадемой, нашивными золотыми бляшками (33 шт.), деталями луки седла, медным клепаным казаном, зеркалом, наконечником трехгранной стрелы и конской уздечкой [Пешанов 1961, с. 70–74].

Чрезвычайный интерес представляла могила ремесленника-медника, относящаяся к виду «речных погребений» вблизи Каменной Могилы, в с. Новофилипповка Мелитопольского района. В ней был найден разнообразный инвентарь: медные слитки-заготовки, обрубки, раскованные заготовки, фрагменты медных сосудов, подготовленные для переплавки, кузнечный инструмент, железные ручки котлов, производственные отходы (медная стружка), металлургический инвентарь (сопло), каменная наковальня, оружие (стрела) и предметы туалета (зеркало) [Михайлов 1977, с. 74–81, рис. 1–3].

Описанные культурно-исторические комплексы свидетельствуют о том, что обитавшее в Северном Причерноморье население гуннского племенного союза было в определенной мере связано с этой территорией и, в частности, с песчаниковым холмом — Каменной Могилей.

После господства гуннов и распада их империи Северное Причерноморье заселяется пришельцами с востока и запада. С восточной стороны сюда пришли хазары, юг этих земель был уже освоен салтово-маяцкими племенами. В основе хозяйства тех и других, как показали исследования, был кочевой уклад. В Северопричерноморской степи найдено значительное количество памятников, характеризующих скотоводческо-кочевническую тематику [Плетнева 1967, с. 199; Субботин, Черняков 1982, с. 160–166].

Присутствие на Каменной Могиле кочевников второй половины 1-го тыс. прежде всего подтверждается находками железных стрел в гротах № 9 и 53, а также руническим письмом. Что касается петроглифов, то с этой эпохой и кочевническим бытом могут быть отождествлены изображения всадника на лошади (длина — 12,5 см, высота — 11,0 см) и лошади с высоко поднятыми «антенными ушами» из грота № 25, выполненные глубокой гравировкой тонким и толстым орудиями. По всей вероятности, это позднейшие рисунки на Каменной Могиле, и отражают они «всадничество» [Нестеров 1990, с. 15–51].

Многочисленные каменные «конники», найденные в курганах, датируются также хазарским временем. Аналогичный сюжет (всадник на коне) представлен на так называемых бронзовых амулетах сал-

тово-маяцкой культуры [Субботин, Черняков 1982, с. 162], датируемых VIII–IX вв., что не противоречит датировке наконечников стрел и рунического письма.

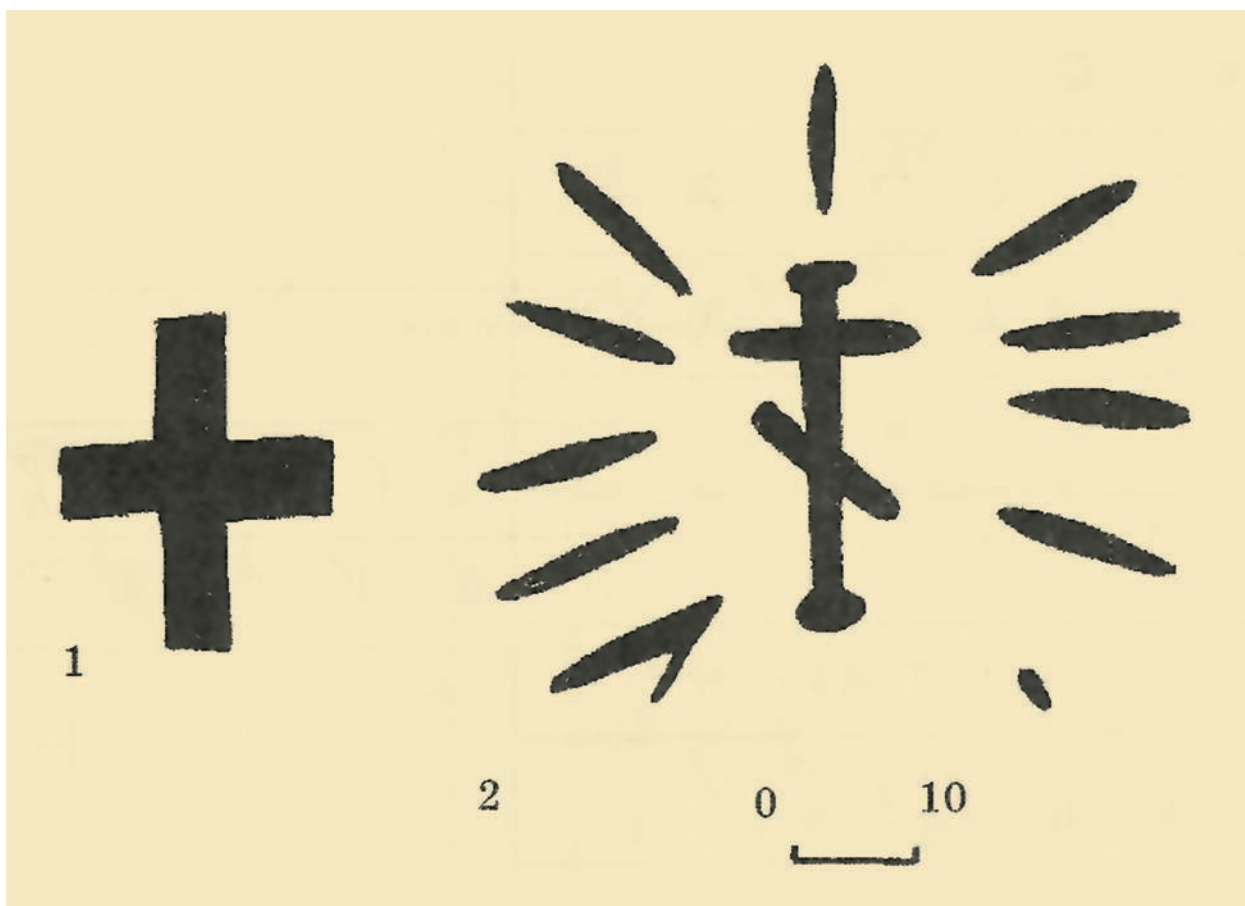
По твердому убеждению В. Б. Ковалевской, фигуры лошадей с всадниками свидетельствуют о распространении дружинного культа, который являлся своеобразным отличительным признаком кастовой родоплеменной принадлежности [Ковалевская 1978, с. 112–116].

Иную позицию занимала С. А. Плетнева, полагавшая, что амулет в виде всадника на коне связан с салтово-маяцкими племенами, «с культом антропоморфинизированного бога неба — Солнца, которого также считали «героем»-вождем, наделенным магической силой [Плетнева 1967, с. 178].

ХРИСТИАНСКИЕ СИМВОЛЫ

Особую группу среди петроглифов Каменной Могилы составляют тонкие бороздки-гравировки, нанесенные поверх рисунков хаотично или крест-накрест. В отдельных случаях, например в гротах № 9, 23, 26, 36б, 52 и на отдельной плите у подошвы памятника, можно увидеть изображения крестов (рис. 134.1–2), а в пещере Колдуна есть даже изображение монограммы Иисуса Христа, явно связанное по времени с тонкими бороздками, нанесенными на реалистичные изображения, как, например, на рисунок Колдуна в гроте № 52 [Михайлов 1992г, с. 57–59) (рис. 135).

Рис. 134.
Христианские символы
с Каменной Могилы

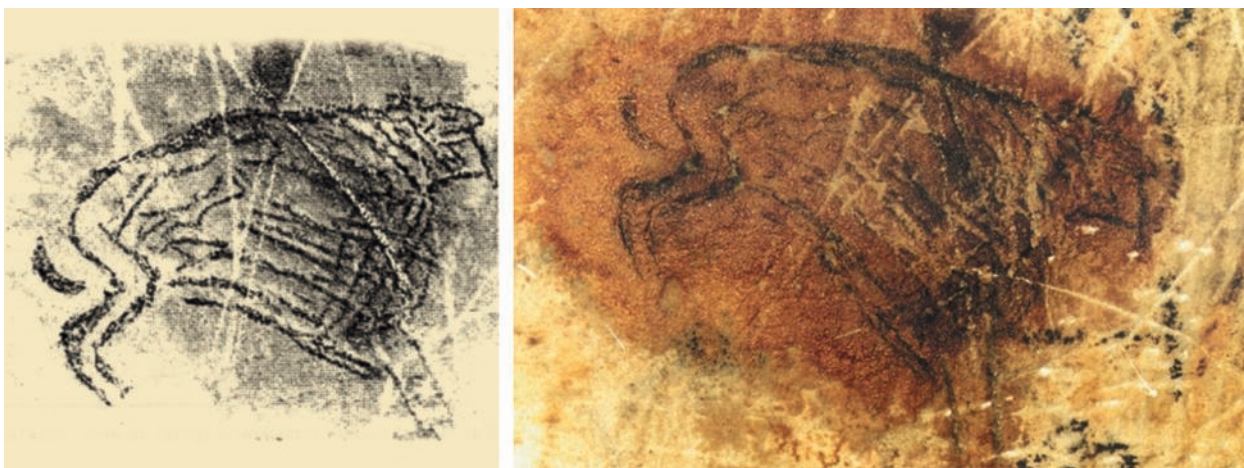

Рис. 135.
Изображение колдуна
из пещеры Колдуна (52)

Таким образом, можно определенно говорить о группе рисунков-крестов и монограмм Иисуса Христа $\times$, перекрывающих изображения более отдаленных эпох, что отражало, видимо, борьбу христианства с язычеством. Аналогичная ситуация с древними изображениями имела место на мысе Бесов Нос, расположенного на восточном берегу Онежского озера в Карелии [Формозов 1969, с. 127, рис. 16].

Борьба монотеизма с язычеством нашла отражение в Библии. В Ветхом Завете, например, сказано: «Но поступите с ними так: жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите и рощи их вырубите, а истуканы их сожгите огнем» (*Второзаконие*. 7 : 5).

Прежде чем говорить о датировке и интерпретации описанных выше петроглифов, следует обратиться к общей исторической обстановке, сложившейся в первые века новой эры в Северном Причерноморье, когда новая религия стала проникать в соседние регионы из окраин Римской империи.

О культурно-исторических корнях ранних христиан в Северном Причерноморье сообщают священные книги, где сказано о появлении в Херсонесе в I веке апостола Андрея [Лебедев 1987, с. 55]. В результате миссионерской деятельности Первозванного среди местного населения, которое «пребывало в языческой религии», были посеяны семена христианства. Прибывший в Херсонес в 99 г. в ссылку папа Климент — «муж апостольский», ученик апостола Павла — нашел до двух тысяч приверженцев новой религии [там же, с. 55]. В конце III — начале IV в. на территории Херсонеса уже существовала Скифская епархия. Ее глава в 325 г. был отмечен в списках святых отцов Первого Вселенского собора [там же, 1987, с. 57].

Однако только при императорах Зеноне и Юстиниане I (конец V — VI вв.) христианство из Ромейской империи проникает в различные слои населения и становится политическим орудием правителей Херсонеса [Якобсон 1959, с. 130–131]. Повсюду в городах Крыма строятся храмы, в усыпальницах появляются атрибуты нового, христианского погребального обряда (деревянный гроб, горшки, кувшины, стеклянная посуда, ориентация покойника на запад), на стены склепов наносятся монограммы Христа и кресты с расщепленными концами [там же, с. 255].

Среди памятников того времени показательна Керченская катакомба, датируемая 491 г., в которой представлены «крест, обведенный по краям красной краской» [Кулаковский 1891, с. 3], многочисленные буквенные знаки, тексты молитв и т. д.

Хронология христианских символов в гротах и пещерах Каменной Могилы усложняется тем, что крест в виде перечеркнутых линий известен еще со времен палеолита—неолита и особенно в эпоху бронзы; он символизировал тогда солнечного бога. Языческие племена поклонялись кресту как символу бессмертия.

У христиан крест отождествлялся со спасением, причем далеко не сразу он стал важнейшим символом новой религии. В раннем христианстве, в I, II и даже в III вв. верующие относились с презрением к кресту, потому что он был орудием казни Иисуса Христа.

В этой связи Минуций Феликс писал: «Что касается крестов, то мы их совсем не почитаем; нам не нужны они, нам, христианам; это вы, язычники, вы, для которых священны деревянные идола, вы почитаете деревянные кресты» [цит. по: Голубцова 1967, с. 83].

Появление крестов христианской принадлежности на Каменной Могиле могло иметь место после III в., но не в период гуннского господства, а, скорее всего, в VII–X вв., когда новая религия стала распространяться в Северном Причерноморье [Моця 1991, с. 120].

Таким образом, петроглифы Каменной Могилы являются уникальным явлением в истории Евразии; они хранят информацию о хозяйственной и духовной жизни обитателей Северного Причерноморья от позднего палеолита до эпохи бронзы и более позднего времени.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

При изучении петроглифов Каменной Могилы автор исходил из следующих установок: роль природной среды, развитие хозяйственной деятельности древнейших обитателей Северного Причерноморья, взаимовлияние природы и человека, обусловившее возникновение первобытных форм религии: тотемизма, анимизма, магии, фетишизма и культа предков — всего того, что нашло отражение в рисунках уникального памятника.

Нами была пересмотрена семантика наскальных изображений, сохранившихся во многих пещерах и гротах, поскольку, как оказалось, в публикациях некоторых исследователей содержалось немало ошибок, вызванных неполным воспроизведением петроглифов. Попутно было сделано новое описание петроглифов (по стратиграфическому соотношению на потолках пещер и гротов) и их определение по стилистико-типологическому признаку. Раскопки 1985–2001 гг. привели к открытию новых рисунков плейстоценовой фауны (мамонт), а также заполнить лакуны мезо-неолитического и энеолитического времени, провести моделирование культово-обрядового содержания отдельных групп рисунков эпохи бронзы, а также выделить первые знаки-«письмена».

Важным фактором для понимания петроглифов Каменной Могилы явилось выяснение общеисторической ситуации и характеристика этноисторических культур в Северном Приазовье, население которого было связано с холмом Каменной Могилы.

Судьба уникального памятника довольно печальна, так как многие петроглифы не дошли до наших дней в первоначальном варианте и разобраться в напластованных или разрушенных рисунках на камне дело почти безнадежное. Это неизбежное следствие исторических коллизий, происходивших в течение тысячелетий в Северном Приазовье. Здесь сталкивались различные этносы, культуры, обычаи. Разыгрывались военные катаклизмы, подчас уничтожались целые народы, а, следовательно, погибали не только экономика, но и культура, искусство.

Наличие памятников эпохи раннего палеолита свидетельствует о том, что Северное Приазовье осваивалось древним человеком (неандертальцем) еще на заре истории (ашель). Особенно значительное количество следов присутствия человека (кроманьонца) связано с эпохой позднего палеолита (ориньяк), когда была широко распространена охота на мамонта, бизона, носорога, оленя. Вместе с присваивающей формой хозяйственной деятельности развивались тотем-

мизм и магия, познавалось мироздание, формировалась культура, в том числе изобразительное искусство (малые формы).

Наскальные рисунки Каменной Могилы эпохи позднего палеолита, по нашему твердому убеждению, на протяжении многих тысячелетий были источником вдохновения, преемственности стилей в искусстве мифологического творчества местных и пришлых народов.

Подтверждение тому — «соседство» рисунков эпохи позднего палеолита и мезолита, которые близки по своему стилю, а иногда и по содержанию. Что касается изображений эпохи неолита-энеолита, то они представлены в гротах № 57, 58, 64 и на плите 21 (шалаш и древо), а также рисунками из грота № 9 (Быка), имеющими прямые и косвенные аналоги на плитах из могильников Северного Причерноморья.

Особый всплеск, наблюдаемый в искусстве эпохи ранней бронзы, связан с появлением племен ямной этноисторической общности, которые пришли на эти земли с соседних территорий. В основе их хозяйства было скотоводство и отчасти земледелие, что способствовало возникновению разных религиозных обрядов, действий, а особенно культа «священного брака». Петроглифы Каменной Могилы, датированные этой эпохой, отличаются ярко выраженной стилизацией рисунка, соотносимой с мифопоэтическими образами «Ригведы».

Бронзовый век — это время масштабных миграций народов Египта, Месопотамии, Анатолии, Аттики [ср.: Титов 1982, с. 89–144]. Они начались в середине 3-го тыс. до н. э. и продолжались многие тысячелетия. Естественно, Северное Приазовье не могло остаться в стороне от общеисторических событий, являясь своеобразным «коридором», через который проходили сменяющие друг друга народы. В Приазовской степи на их пути находился примечательный холм — Каменная Могила, поэтому не случайно в гротах и пещерах присутствуют «автографы» восточного или средиземноморского происхождения.

Однако вызывает удивление отсутствие здесь памятников скифского искусства, хотя данная территория являлась зоной активного присутствия степных кочевников. Доказательством служат многочисленные курганы скифской знати и рядового населения, среди которых самый известный — Мелитопольский [Тереножкин, Мозолевский 1988]. Аналогичная ситуация складывается и с последующими кочевыми племенами (сарматы, готы, гунны, хазары и т. д.), культура и искусство которых известны лишь по погребальным памятникам.

Тем не менее холм Каменной Могилы, по сути, стал накопителем огромного количества информативного материала, то есть своеобразным «архивом», позволившим в какой-то степени смоделировать культуру древних обществ, некогда населявших Северное Приазовье.

Особое место занимают так называемые письма на конкрециях и на трех плитках из песчаника раннеэнеолитического культурного слоя культово-обрядового местонахождения 65 вблизи Каменной Могилы. Впервые удалось получить наиболее убедительные доказательства того, что письменность в Северопричерноморской степи появилась в раннеэнеолитическую эпоху (6-е — 5-е тыс. до н. э.) (рис. 132, 133), то есть синхронно во времени с древнейшими «письменами» Северных Балкан (таблички из села Тэртерия, Румыния)¹,

¹ Не только проблема датировки т. н. тэртерийских табличек, но даже вопрос об их подлинности носит весьма дискуссионный характер. См.: [Merlini, Lazarovici 2008]. — *Примеч. отв. ред.*

достигая ранней (Шумер) и поздней бронзы, а возможно, и скифского времени.

Признание отечественной и зарубежной наукой петроглифов Каменной Могилы как особо важного исторического источника затянулось на многие десятилетия. В общеисторических и археологических (не говоря уже об искусствоведческих) сводных работах петроглифы Каменной Могилы по непонятным причинам «забывались» и становились недоступными не только широкому кругу читателей, но и ученым-специалистам. Вышедшие ограниченным тиражом монографии М. Я. Рудинского, В. Н. Даниленко и Б. Д. Михайлова сразу стали библиографической редкостью, а научно-популярные издания Е. Я. Рудинской (1967), В. Ф. Пешанова (1967) и Б. Д. Михайлова (1976, 1979, 1986, 1998), несмотря на значительные тиражи, не смогли восполнить этот пробел.

Не лучшим образом петроглифы Каменной Могилы представлены были за рубежом. Первая публикация А. Хойслера [Hausler 1958], а вслед за ней работа В. Н. Гладилина [Gladilin 1969, S. 82–92] в Германии также не имели резонанса. Во всяком случае, в «Археологическом словаре» (1990) У. Брея и Д. Трампа для Каменной Могилы места не нашлось.

В связи с серией открытий на территории Каменной Могилы в 1990-е гг. нами были обнародованы комплексы новых рисунков. Первое сообщение прозвучало на Московской археологической конференции в 1990 г., второе — в 1993 г., на 51-й Североамериканской антропологической конференции в Канаде (г. Саскатун), третье — в 1996 г. на Международной конференции в Москве на тему «Троя и ее сокровища», четвертое — в 1998 г. на Международной конференции по первобытному искусству в г. Кемерово [Михайлов 1992, с. 86–89; 1993, с. 110–114; 1995б, с. 49; 1996, с. 1–3; 1998, с. 44–45], пятое — в 2001 г. в Харькове [Михайлов 2001, с. 25–26], шестое в Киеве [Михайлов 2004, с. 126–137] и седьмое в Тирасполе [Михайлов 2002, с. 25–29].

Обобщенные в настоящей книге многолетние исследования автора подтвердили общепринятую в науке точку зрения на уникальность петроглифов Каменной Могилы как промежуточного звена в первобытном искусстве Западной Европы и Азии.

Конечно, в этой книге не все безукоризненно, может быть, не всегда убедительны хронология и интерпретация петроглифов, но автор, учитывая достижения и ошибки первых исследователей, стремился в своем моделировании опираться на целую гамму новых источников, позволивших глубже понять духовные представления древних людей.

Река Времени внесет свои коррективы в предлагаемую работу, некоторые выводы могут устареть или стать предметом академических дискуссий; главное — автор старался быть объективным в оценке как своих научных поисков, так и достижений исследователей-предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 86 с., 62 отд. л. табл. (САИ. Вып. А4-3)
- Абрамова З. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.: Наука, 1966. – 221 с.
- Абрамова З. А. Древнейшие формы изобразительного творчества // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 9–28.
- Авдиев В. И. История Древнего Востока. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. – 588 с.
- Авеста. Избранные гимны. – Душанбе, 1990. – 174 с.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 5–85.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. Ч. I // СА. – 1971. – № 2. – С. 106–134.
- Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. – М.: Наука, 1978. – 166 с.
- Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский П. Г. История Индии / изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Мысль, 1979. – 608 с.
- Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 128–168.
- Артющенко А. Т., Пашкевич Г. А., Карева Е. В. Развитие растительности юга Украины в антропогене по данным споро-пыльцевого анализа // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1972. – № 39. – С. 82–89.
- Археология Венгрии. Каменный век. – М.: Наука, 1980. – 417 с.
- Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1985. – Т. I. – 564 с.
- Археология Центральной Африки. – М.: Наука, 1988. – 205 с.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. – М.: Современник, 1982. – 463 с.
- Бадер О. Н. Две экспедиции по изучению палеолита в Северном Причерноморье // АЖ. – 1937. – № 1. – С. 127–145.
- Бадер О. Н. Древнейшие изображения на потолках гротов в Северном Приазовье // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 127–139. (МИА. Вып. 2).
- Бадер О. М. Петроглифы Кам'яної Могили // Палеоліт і неоліт України. – Киев, 1947. – С. 297–313.
- Бадер О. Н. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 174–180.
- Бадер О. Н. Капова Пещера. – М.: Наука, 1965. – 34 с.
- Бадер О. Н. Об изображении мамонта с Каменной Могилой // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 26–32.
- Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – 120 с. (МИА. Вып. 187).
- Белановская Т. Д. К вопросу о влиянии природной среды на материальную культуру в период неолита // Первобытный человек и природная среда. – М.: Наука, 1974. – С. 106–108.
- Белановская Т. Д. К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону (по материалам поселения Ракушечный Яр) // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 107–111.
- Библикова В. И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. – 1973. – № 4. – С. 63–68.
- Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э. // СА. – 1973. – № 3. – С. 146–152.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 333 с.

- Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. – М.: Наука, 1976. – 166 с.
- Богаевский Б. Л. О значении изображения «Колдуна» в пещере трех братьев // СЭ. – 1934. – № 4. – С. 34–72.
- Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 559 с.
- Борисковский И. И. Палеолит Украины. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 463 с. (МИА. Вып. 40).
- Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука. [Ленингр. отделение], 1964. – 56 с., 31 отд. л. ил., карт. в папке. (САИ. 1964. Вып. А 1–5).
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
- Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. – М.: Наука, 1976. – 289 с.
- Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовской Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом. – СПб.: издание Императорской Археологической комиссии, 1866. – Вып. 1. – С. VII–LXIX.
- Брумяко И. В., Карпов В. А., Петренко В. Г. О ритме палеографических изменений и смене культурных групп в северо-западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. – Рени, 1989. – С. 5–7.
- Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – М.: Наука, 1990. – 231 с.
- Бучинский П. Е. О климате неолита и бронзы // Труды Украинского научно-исследовательского гидрометеорологического института. – Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1956. – Вып. 6. – 198 с.
- Веселовский Н. И. Раскопки в Таврической губернии // ОАК за 1890 г. – СПб., 1893. – С. 3–4.
- Відейко М. Ю. Хронологія археологічних пам'яток мідного віку // Археологія. – 1990. – Вип. 3. – С. 107–111.
- Власов В. Г. Пути расшифровки каргапольского календаря // СЭ. – 1990. – № 2. – С. 46–63.
- Высоцкий А. Л. Традиционно-инновационный процесс в археологии // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ: Избранные доклады Всесоюзной конференции молодых ученых. – М.: Московский археологический информационный центр, 1990. – С. 3–14.
- Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М., 1954. – С. 220–243.
- Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. – Киев: Наукова Думка, 1972. – 192 с.
- Вязьмитина М. І., Іллінська В. О., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень» // АП УССР. – 1960 – Т. VIII. – С. 22–135.
- Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П. И.; Праслов Н. Д. Палеолит Днепра и Приазовья. – М.: Наука, 1964. – С. 37–41. (САИ. Вып. А 1–5).
- Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. – 1977. – № 4. – С. 53–73.
- Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 600 с. (Памятники исторической мысли).
- Гладилін В. М. До питання про вік наскальних рисунків Кам'яної Могили // Археологія. – 1964. – Т. XVI. – С. 82–88.
- Гладилін В. М., Михайлов Б. Д. Про знахідки антропоморфних стел на Мелітопольщині // Археологія. – 1970. – Т. XXIII. – С. 210–212.
- Граков В. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи // Археологія. – 1947. – Вип. I. – С. 23–37.
- Граков Б. Н. Скифы. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 167 с.
- Граков Б. Н. Ранний железный век. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.
- Григорьева Г. В. Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников юга СССР // КСИА. – 1967. – Вып. 111. – С. 86–90.
- Гринцер Н. А. Древнеиндийский эпос. – М.: Наука, 1974. – 418 с.
- Гринь Г. С., Крупский Н. К., Кисель В. Д. Агромелиоративная характеристика почв Ногайского массива Украины. – Киев: Изд-во АН УССР, 1955. – 72 с., 1 отд. л. табл.
- Гричук В. П. Исторические этапы эволюции растительного покрова юго-востока Европейской части СССР в четвертичное время // Труды Института географии АН СССР: Материалы по геоморфологии и географии СССР. – 1951. – Т. 50. – С. 44–45.
- Громов В. И. Новые данные о четвертичных и верхнетретичных млекопитающих Северного Кавказа // Труды советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. – 1937. – Вып. 1. – С. 32–45.
- Голубцова Н. И. У истоков христианской церкви. – М.: Наука, 1967. – 143 с.
- Гомер. Илиада. Одиссея: Библиотека всемирной литературы. – М.: Худ. лит.; 1967. – 766 с.

- Гомер в переводе П. А. Шуйского / под ред. А. В. Зайкова и др. – 2-е изд., испр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. – 776 с.
- Горелик А. Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Роголик (Украина) // РА. – 1997. – № 2. – С. 169–179.
- Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока. III–II тыс. до н. э. // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 183–202.
- Гумилев Л. Н. Изменение климата и миграция кочевников // Природа. – 1972. – № 4. – С. 44–52.
- Гухман М. М. Готский язык: Учебное пособие. – М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1958. – 288 с.
- Гущин А. С. Происхождение искусства. – М.; Л.: Искусство, 1937. – 113 с.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Наука, 1980. – 399 с.
- Даниленко В. М. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини // Археологія. – 1950а. – Т. III. – С. 119–150.
- Даниленко В. М. Про наскельні зображення Кам'яної Могили // Археологія. – 1950б. – Т. IV. – С. 78–90.
- Даниленко В. М. До кіммерійської проблеми // Археологія. – 1951. – Т. V. – С. 218–225.
- Даниленко В. М. Приазовська експедиція 1947 р. // АП УССР. – 1952. – Т. IV. – С. 67–69.
- Даниленко В. М. Кам'яна Могила. – Киев: Наукова думка, 1986. – 151 с.
- Даниленко В. Н. Неолит Украины. – Киев: Наукова думка, 1969. – 258 с.
- Даниленко В. Н. Энеолит Украины. – Киев: Наукова думка, 1974. – 175 с.
- Даниленко В. Н. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллинско-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тезисы докладов юбилейной конференции. – Одесса, 1975. – С. 88–89.
- Даниленко В. Н. Космогония первобытного общества // Начало цивилизации: Даниленко В. Н. Космогония первобытного общества. Шилов Ю. А. Праистория Руси. – Екатеринбург: Деловая книга; М.: Раритет, 1999. – С. 3–216 с.
- Дебец Г. Ф. Материалы по антропологии СССР: Нижнее Поволжье // АЖ. – 1936. – № 1. – С. 65–81.
- Дженкинс Н. Ладья под пирамидой. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
- Дзякович П. К. Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении. – Мелитополь: изд. типо-лит. Л. Л. Либермана, 1900. – 45 с.
- Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1975. – 175 с.
- Дэвлет Е., Дэвлет М. Мир петроглифов. Духовная культура древних народов Северной Центральной Азии. – Нью-Йорк: Меллен Пресс, 2000. 504 с. (Переиздание: М.: ИА РАН, 2011).
- Жизнь животных: Земноводные, пресмыкающиеся. – М.: 1969. – Т. 4. – Ч 2. – 487 с.
- Євсєєв В. М. Палеолітична стоянка Амвросіївка // Палеоліт і неоліт України. – Киев, 1947. – С. 265–281.
- Ефименко П. П. Женские статуэтки ориньяко-солюттрейской эпохи // Сообщ. ГАИМК. – 1931. – № 7. – С. 4–5.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. – Киев: АН УССР, 1953. – 663 с.
- Зайков А. В. Скифский конь в спартанской ритуальной поэзии // АДСВ. – 1998. – Вып. 29. – С. 29–44.
- Законодавство про пам'ятки історії та культури. – Киев, 1970. – 464 с.
- Законодавство про пам'ятки історії та культури: збірник нормативних актів. – Киев: Політвидав УРСР, 1970. – 464 с.
- Залізняк Л. Л., Яневич А. А. Свідерські мисливці Гірського Криму // Археологія. – 1987. – Вип. 60. – С. 6–16.
- Заморій П. К., Молявко Г. І. Геологічний опис долини Молочної і Молочного лиману. – Киев, 1946. – 270 с.
- Заморій П. К. Четвертинні відклади УРСР. – Киев: КДУ, 1961. – 549 с.
- Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское. отд., 1961. – 176 с.
- Земляков Б. Ф. Об изображении мамонта из «мамонтового грота» Каменной Могили на Мелитопольщине // КСИИМК – 1939. – Вып. II. – С. 33–36.
- Зеров Д. К. Болота УРСР, рослинність і стратиграфія. – Киев, 1938. – 164 с.
- Златковская Т. Д. К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы // СЭ. – 1963. – № 1. – С. 79–88.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. – М.: Наука, 1964. – 326 с.
- Золотун В. П. Результати палеогрунтових досліджень курганів поблизу Каховки в 1968 р. // Археологія. – 1972. – Вип. 6. – С. 86–90.
- Ивакин Г. Ю. Священный дуб // Древности Среднего Поднепровья. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 124–136.
- Иванов В. Дионис и прадионисийство. – Баку, 1923. – 110 с.
- Исмаилов Г. С. К историко-культурной интерпретации древних наскальных изображений на территории Азербайджана // ПИНИ. – 1990. – С. 91–98.

- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.2: Передняя Азия. Египет / под ред. Т. М. Бонгард-Левина. – М., 1988. – 623 с.
- Калевала / пер. Л. Бельского. – СПб; 1914. – 424 с.
- Капанцян Г. О. О каменных стелах в горах Армении. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1952. – 52 с.
- Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведической мифологии. – М.: Восточная литература, 1986. – 195 с.
- Кияшко В. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. – Ростов н/Д, 1989. – Вып. 6. – С. 76–88.
- Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. – М.: Наука, 1953. – 332 с.
- Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
- Клима Й. Общество и культура древнего Двуречья / пер. с чеш. Л. П. Можанской и Е. В. Тарабрина. – Прага : Academia, 1967. – 270 с., 16 л. ил.
- Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. – М., Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 431.
- Кнорозов Ю. В. Классификация протоиндийских надписей // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. – М.: Наука, 1975. – С. 4–15.
- Ковалева И. Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – 88 с.
- Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 111–120.
- Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 169–182.
- Комороци Г. К. символике дерева в искусстве Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981. – С. 47–52.
- Корещук К. Е. Растительность степей юго-восточной Украины // Растительность и животный мир юго-востока УССР. – Днепропетровск: Днепропетр. областная типография, 1947. – С. 30–42.
- Косарев М. Ф. Сибирское язычество. – Нью-Йорк, 2001. – 380 с.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 188 с. (МИА. № 91).
- Крамер С. Н. История начинается в Шумере. – М.: Наука, 1965. – 255 с.
- Красковский В. Н. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1978. – 68 с.
- Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. – М.: Наука, 1975. – 181 с.
- Кривульченко А. И. Западинные геосистемы междуречья. Днепр-Молочная // Реферативный журнал. Институт геологических наук АН УССР: География – 1981. – № 3А. – С. 8–10.
- Кротова А. А. Новые данные по датировке Амвросиевского костяка бизонов // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей). – Херсон, 1990. – С. 17–18.
- Крыжевская Л. Я. К вопросу о формах хозяйства неолитического населения в Северо-восточном Приазовье // Первобытный человек и природная среда. – М.: Наука, 1974. – С. 263–268.
- Крылова Л. П. Керносковский идол // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 36–45.
- Круц В. А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – Киев: Наукова думка, 1977. – 158 с.
- Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М.: Наука, 1977. – 141 с.
- Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // Древности южной России. – СПб., 1891. – № 6. – С. 2–30.
- Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. – М., 1954. – 445 с.
- Курило-Крымчак И. Неолитические находки в южном Заднепровье // Наша страна: ежемесячный журнал, знакомящий с природой, богатствами и социалистическим строительством СССР. – 1938. – № 4. – С. 37.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. – Киев, 1962. – 246 с.
- Латынин Б. А. Молотчовидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. – Л.: Советский Художник, 1967. – 95 с. (Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 9).
- Лебедев Л. Крещение Руси. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1987. – 170 с.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с фр. В. К. Никольского и А. В. Кисина. – Л., 1930. – 337 с.
- Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – С. 167–178.
- Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л.: Аврора, 1972. – 152 с.
- Леруа-Гуран А. Религии доистории // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1971. – С. 81–90.

- Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья // История скотоводства в Северном Причерноморье / отв. ред. А. П. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 110–164. (МИА. № 53).
- Лирика Древнего Египта / пер. А. Ахматовой и В. Потаповой; сост., вступ. статья, подстрочные пер. и примеч. И. Канцельсона. – М.: Художественная литература, 1965. – 157, [2] с.
- Лосев А. Ф. Европа // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.
- Лот А. В поисках фресок Тассилин-Аджера. – Л.: Искусство, 1973. – 215 с.
- Ляшко С. Н. К вопросу о семантике орнамента на сосудах из погребений ямной культуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 54–58.
- Макаренко М. Мариупольский могильник. – Киев, 1933. – 152 с.
- Марковин В. И. Культовая пластина Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. – С. 74–124.
- Марр Н. Я., Смирнов Я. И. Вешапы // Труды ГАИМК. – 1931 – Т. 1. – 105 с.
- Манзура И. В. Археология основного мифа // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. – СПб., 1997. – С. 26–46.
- Мартirosян А. А., Исраелян А. Р. Наскальные изображения Гегамских гор. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1971. – 66 с.; 76 л. ил. (Археологические памятники Армении. 6. Наскальные изображения. Вып. 2).
- Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория / под ред. А. П. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 102–127. (МИА. № 57).
- Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 170 с.
- Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. – Киев: Наукова думка, 1977. – 177 с.
- Мелитинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 406 с.
- Мелюкова А. И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 88 с. (САИ. Вып. Д 1–4).
- Мензбир М. А. Очерк истории фауны Европейской части СССР (От начала третичной эры). – М.; Л.: Биомедгиз, 1934. – 224 с.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского Междуречья. – М.: Наука, 1974. – 152 с.
- Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток, этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988. – Вып. LXXX. – С. 3–36.
- Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. – Вып. 62. – Л., 1933. – С. 55–57.
- Минаева Т. А. Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 273–301. (МИА. № 23).
- Міхлін Б. Ю. Гунський амулет із Ждановського музею // Археологія. – 1972 - Вып. 5. – С. 95–96.
- Михайлов Б. Д. Раскопки на р. Молочная // АО за 1973. – 1974. – С. 308–309.
- Михайлов Б. Д. Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине // СА. – 1976а. – № 1. – С. 255–257.
- Михайлов Б. Д. Курган эпохи бронзы в м. Приморську // Археологія. – 1976б. – Вип. 20. – С. 77–80.
- Михайлов Б. Д. Поховання мідника гунського часу в Північному Приазов'ї // Археологія. – 1977. – Вип. 24. – С. 74–82.
- Михайлов Б. Д. Каменная Могила. – Днепропетровск: Промінь, 1979. – 63 с.
- Михайлов Б. Д. Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы // СА. 1982а. – № 4. – С. 150–156.
- Михайлов Б. Д. Пізньопалеолітичне місцезнаходження на р. Молочна // Археологія. – 1982б. – Вип. 38. – С. 90–93.
- Михайлов Б. Д. До питання про вивчення Кам'яної Могили // Матеріали до зводу пам'яток історії та культури народів СРСР по Українській РСР: В 2 вип. – Киев, 1984. – Вип. 1. – С. 42.
- Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье // СА. – 1985. – № 2. – С. 228–232.
- Михайлов Б. Д. Нові сарматські поховання на р. Молочна // Археологія. – 1986а. – Вип. 56. – С. 81–88.
- Михайлов Б. Д. Каменная Могила. – Днепропетровск: Промінь, 1986. – 64 с.
- Михайлов Б. Д. Об одном сюжете петроглифов Каменной Могилы // СА. – 1987а. – № 2. – С. 250–253.
- Михайлов Б. Д. Исследования Каменной Могилы // АО. – 1985. – М.: Наука, 1987б. – С. 372–373.
- Михайлов Б. Д. Перше подове пізньопалеолітичне місцезнаходження в Північному Приазов'ї // Археологія. – 1987в. – Вип. 59. – С. 47–52.
- Михайлов Б. Д. Курган эпохи ранней бронзы вблизи Каменной Могилы // СА. – 1988. – № 4. – С. 209–214.
- Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в бассейне реки Молочная // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1990а. – Вып. I. – С. 107–116.
- Михайлов Б. Д. Петроглифы из пещеры «Подкова» на холме Каменная Могила в Северном Приазовье // СА. – 1990б. – № 1. – С. 131–136.
- Михайлов Б. Д. Курган эпохи бронзы на Мелитопольщине // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1991а. – Вып. II. – С. 63–65.

- Михайлов Б. Д., Тубольцев О. В. Раскопки поселения Каменная Могила III в Северном Приазовье // Археология Полтавщины: у 2 ч. – Полтава, 1991б. – Ч. II. – С. 37–39.
- Михайлов Б. Д. Природная среда и развитие хозяйственных форм в Северном Приазовье // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1991в. – Вып. II. – С. 18–28.
- Михайлов Б. Д. Пещера «Артемиды» эпохи раннего неолита на холме Каменная Могила в Северном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Мат-лы Междун. конф. – Кишинев, 1991г. – С. 6–7.
- Михайлов Б. Д. У Лукоморья. – Днепропетровск: Січ, 1991д. – 63 с.
- Михайлов Б. Д. Позднепалеолитическое местонахождение вблизи Каменной Могилы // Пізньопалеолітичні пам'ятки центру Північного Причорномор'я (репринт). – Херсон, 1992а. – С. 31–36.
- Михайлов Б. Д. Письмена эпохи бронзы из гротов и пещер Каменной Могилы в Северном Приазовье // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. – Полтава, 1992б. – Вып. 1. – С. 29–35.
- Михайлов Б. Д. Синопские амфорные клейма на р. Молочная // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992в. – С. 61–63.
- Михайлов Б. Д. Первые христиане на Каменной Могиле в Северном Приазовье // История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. – Харьков, 1992г. – С. 57–59.
- Михайлов Б. Д. Скульптура головы вешапа в гроте Каменной Могилы // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1992д. – Вып. III. – С. 99–105.
- Михайлов Б. Д. Солнечная ладья эпохи ранней бронзы в гроте Каменной Могилы // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1992е. – С. 86–90.
- Михайлов Б. Д. Об изображении судов эпохи бронзы в гротах Каменной Могилы // Судова археологія та підводні дослідження. – Запоріжжя, 1993а. – Вып. 1. – С. 3–13.
- Михайлов Б. Д. Погребение гуннского времени на Каменной Могиле в Северной Таврии // МАИЭТ. – 1993б. – Вып. III. – С. 109–111.
- Михайлов Б. Д. Кам'яна скульптура з грота Кам'яної Могилы у Півічному Приазов'ї // Археологія. – 1993в. – Вып. 1. – С. 110–114.
- Михайлов Б. Д. Сарматские знаки на холме Каменная Могила в Северном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э.: Материалы международной конференции. – Тирасполь, 1994. – С. 243–245.
- Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в северо-западном Приазовье // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье: ЗГУ, 1995а. – Вып. V. – С. 169–181.
- Михайлов Б. Д. 51 Північноамериканська антропологічна конференція // Археологія, 1995б. – Вып. 1. – С. 149.
- Михайлов Б. Д. Некоторые мифологемные связи петроглифов Каменной Могилы с Троей II в Малой Азии // Тезисы докладов: Международная научная конференция «Троя и ее сокровища». – М., 1996. – С. 1–3.
- Михайлов Б. Д. Подземный «эрмитаж» Приазовья. – Запорожье: Дикое Поле, 1998. – 89 с.
- Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы как связывающее звено в первобытном искусстве Западной Европы и Азии // Международная конференция по первобытному искусству. Труды в 2-х т. – Кемерово, 2000а. – Т. 2. – С. 79–89.
- Михайлов Б. Д. Ритуал жертвоприношения в эпоху энеолита в бассейне реки Молочная // Жертвоприношение – ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – М.: Языки русской литературы, 2000б. – С. 78–90.
- Михайлов Б. Д. Сцены «священного брака» в петроглифах Каменной Могилы // Проблемы истории и археологии Украины. Мат-лы Междун. науч. конф. 16–18 мая 2001 г. – Харьков: Харьковский Национальный университет им. Каразина, 2001. – С. 25–26.
- Михайлов Б. Д. Мелитополь: природа, археология, история. – Запорожье: Дикое Поле, 2002а. 255 с.
- Михайлов Б. Д. Новые исследования на Каменной Могиле в Южной Украине // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Мат. Междун. конф. – Тирасполь, 2002б. С. 25–29.
- Михайлов Б. Д. Сцени «священного шлюбу» в петрогліфах Кам'яної Могилы // Археологія. – 2004. – Вып. 2. – С. 126–137.
- Михайлова Н. И., Михайлов Б. Д. Древнейшие антропоморфные стелы вблизи Каменной Могилы в Северном Приазовье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Тези доповідей. – Полтава, 1990. – С. 74–76.
- Мифы народов мира. В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 718 с.
- Мовша Т. Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. – 1961. – № 2. – С. 186–199.

- Мовша Т. Г. Святилища трипольской культуры // СА. – 1971. – № 1. – С. 201–205.
- Мозолевский Б. Н. Отражение космогонических представлений скифов в погребальной обрядности знати // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Межд. науч. конф. памяти А. И. Тереножкина. – Мелитополь, 1992. – С. 63–65.
- Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: В 2 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. – 355 с.
- Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Моця А. П. О причинах и первоначальных очагах христианизации населения Восточной Европы // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 116–122.
- Мулика А. М. Будова і походження подів Лівобережжя Нижнього Дніпра // Географічний збірник. – 1961. – № 4. – С. 113–125.
- Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 414 с.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1981. – 318 с.
- Напольских В. В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: Реконструкция, параллели, эволюция // СЭ. – 1990. – № 1. – С. 65–74.
- Нарты. Эпос осетинского народа / изд. подг. В. И. Абаев и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 401 с. (Литературные памятники).
- Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 141 с.
- Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVII вв. до н. э.). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 527 с.
- Нечитайло А. Л. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. – 1978. – № 2. – С. 178–185.
- Нечитайло А. Л. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. – Киев: Наукова думка, 1991. – 113 с.
- Нечитайло А. Л. Рец. на: Михайлов Б. Д. «Петроглифы Каменной Могилы» (Запорожье; М., 1999) // Археология. – 2001. – № 3. – С. 145–146.
- Ніколова А. В. До співвідношення хронології та періодизації // Археологія. – 1990. – Вип. 3. – С. 14–24.
- Никольский М. В. О сомнительных древностях из Месопотамии // Древности Восточные: Труды Восточной комиссии исторического Московского общества. – М., 1889. – Т. 1. – С. 118–134.
- Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов северо-западного Причерноморья. – Одесса, 1990. – 180 с.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. (МИА. № 18).
- Окладников А. П. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет // СА. – 1957. – № 4. – С. 12–27.
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 142 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.
- Окладников А. П., Петрин В. Т. Палеолитические рисунки Игнатьевской пещеры на Южном Урале // Первобытное искусство. Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 47–58.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории. – Новосибирск: Наука, 1980. – 159 с.
- Оленковский Н. П. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днестра. – Херсон, 1991. – 199 с.
- Оленковський М. П. Північноприазовська пізньопалеолітична культура // Археологія. – 2001. – № 3. – С. 3–16.
- Отрощенко В. В. Письмена племен срубной культуры // Studia prachistorika. – Sofia, 1988. – Т. 9. – С. 151–188.
- Отрощенко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 5–17.
- Павлов В. П. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 343 с.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979. – М.: Наука, 1982. – 285 с.
- Палеолит СССР // Археология СССР. – М.: Наука, 1984. – 382 с.
- Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники. – Киев: Наукова думка, 1979. – 184 с.
- Петренко В. Г. Каменная плита с изображениями из Усатова: Северное Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 14–22.
- Підопличко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. – Киев: АН УРСР, 1956. – Вип. 2. – 234 с.

- Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / изд. подг. М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1980. – 504 с.
- Пиотровский Б. Б. Вешапы – каменные статуи в горах Армении. – Л.: Армян. филиал АН СССР, 1939. – 40 с.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). – 2-е изд. – М.: Восточная литература, 1959. – 284 с.
- Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту VIII–VII вв. до н. э. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. – 126 с.
- Пешанов В. Ф. Мелитопольская диадема // КСИАУ. – 1961. – Вып. 11. – С. 70–74.
- Пещанов В. Ф. Кам'яна Могила. – Дніпропетровськ: Промінь, 1967. – 24 с.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Изд-во АН СССР, 1967. – 196 с. (МИА. № 142).
- Посредников В. А., Постников С. А. К вопросу о хронологии памятников катакомбной культуры Северо-Восточного Приазовья // Тезисы докладов Всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности», Запорожье, 1990. – С. 88–91.
- Праслов Н. Д. Открытие мустьерских поселений в Северном Приазовье // Краеведческие записки. Таганрогский краеведческий музей. – 1961. – Вып. 2. – С. 115–130.
- Праслов Н. Д. Югинская палеолитическая стоянка в Приазовье // СА. – 1963. – № 3. – С. 218–220.
- Праслов Н. Д., Филиппов А. К. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях // КСИА. – 1967. – Вып. III. – С. 24–30.
- Природа Украинской ССР. Ландшафты и физико-географическое районирование. – Киев: Наукова думка, 1985. – 224 с.
- Пустовалов С. Ж. Знакова система населення інгульської катакомбної культури та проблема появи писемності у Північному Причорномор'ї. – Киев: КМ – Academia, 2000. – С. 19–40.
- Пустовалов С. Ж. Опыт реконструкции мировоззрения древнего населения Украины в книге Б. Д. Михайлова «Петроглифы Каменной Могилы» // Старожитності Степового Причорномор'я. Зб. наук. праць. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – С. 261–270.
- Рассамакин Ю. Я. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 31–43.
- Ригведа. Избранные гимны / пер., комм. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1972. – 418 с.
- Ригведа. Мандалы I–IV / изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 767 с.
- Ростовцев М. И. Памятники декоративной живописи на юге России. – СПб., 1914. – 537 с.
- Рудинська Є. Я. Кам'яна Могила. – Киев: Мистецтво, 1967. – 61 с.
- Рудинський М. Я. Пам'ятки Лоханського острова // Антропологія. – 1928. – Вип. 1. – С. 143–168.
- Рудинский М. Я. Каменная Могила // КСИАУ. – 1952. – Вып. 1. – С. 21–31.
- Рудинский М. Я. Каменная Могила // КСИАУ. – 1953. – Вып. 2. – С. 69–71.
- Рудинский М. Я. К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могилы // КСИАУ. – 1955. – Вып. 5. – С. 64–70.
- Рудинский М. Я. Петроглифичный комплекс Каменной Могилы // КСИАУ. – 1957. – Вып. 7. – С. 20–31.
- Рудинський М. Я. Кам'яна Могила. – Киев: АН УРСР, 1961. – 140 с.
- Рустамов Д. Н. Наскальные изображения Гобустна // ПИНИ. – М., 1990. – С. 99–103.
- Русева А. С. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 96–116.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. Ч. I, II // СА. – 1965. – № 1–2. – С. 24–47 (ч. I); с. 13–33 (ч. II).
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 606 с.
- Ричков М. О. Про зображення «ступень ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. – 1982. – Вип. 38. – С. 64–69.
- Савинов Д. Г. Наскальные изображения в стиле оленных камней // ПИНИ. – 1990. – С. 174–181.
- Санжаров С. Н. Катакомбное погребение близ с. Северска // СА. – 1983. – № 3. – С. 202–207.
- Сафонов И. Е. О реконструкциях календарных систем населения Восточноевропейской Степи и Лесостепи эпохи бронзы // Археологія. – 2002. – № 3. – С. 127–133.
- Селимханов М. Р. К исследованию металлических предметов из энеолитических памятников Азербайджана и Северного Кавказа // СА. – 1960. – № 2. – С. 89–102.
- Серебрянный Л. Р. Древнее оледенение и жизнь. – М.: Наука, 1980. – 126 с.
- Сиренко Н. А., Турло С. А. Развитие почв и растительности Украины в плиоцене. – Киев: Наукова думка, 1986. – 187 с.
- Смирнов С. В. Палеоліт Дніпровського Надпорожжя. – Киев: Наукова думка, 1973. – 170 с.
- Смирнов С. В. О хозяйственных отличиях позднелитических памятников степной полосы Европейской части СССР // Первобытный человек и природная среда. – М.: Наука, 1974. – С. 152–156.
- Снисаренко А. Б. Властители античных морей. – М.: Мысль, 1986. – 237 с.

- Советова О. С. К вопросу о семантике среднеенисейских петроглифов скифского времени // ПИНИ. – 1990. – С. 169–173.
- Соколова З. П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 212 с.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: АН УССР, 1959. – 175 с.
- Сорокин С. С. Гერальдические композиции в искусстве ранних кочевников: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. – Л., 1964. – С. 12–13.
- Сорокин С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 172–191.
- Список курганов, составленный академиком П. И. Кеппеном // ИТУАК. – 1908. – № 42. – С. 42–55.
- Столяр А. Д. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 31–72.
- Страхов Н. М. Основы исторической геологии: В 2 ч. – М.; Л., 1948. – Ч. II. – 396с.
- Субботин Л. В. Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры в устье Днепра // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытного строя. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 52–63.
- Субботин Л. В., Черняков И. Т. Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из Левобережья Нижнего Дуная // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 160–168.
- Суворов А. В. Сборник документов / под общ. ред. ген.-лейт. А. В. Сухомлина и ген.-май. В. Д. Стырова / в 4-х т. М.: Воениздат, 1951. Т. II. 688 с. (Материалы по истории русской армии. Русские полководцы).
- Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из полтавской области // СА. – 1991. – № 3. – С. 153–160.
- Таранец Т. П. Происхождение и эволюция южных черноземов // Почвоведение. – 1937. – № 8. – С. 1180–1196.
- Татаринов С. И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. – 1977. – № 4. – С. 192–206.
- Телегін Д. Я. Дніпро-донецька культура. – Киев: Наукова думка, 1968. – 258 с.
- Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. – Киев: Наукова думка, 1973. – 168 с.
- Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. – Киев: Наукова думка, 1982. – 252 с.
- Телегин Д. Я. Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 83–108.
- Телегин Д. Я. Новые раскопки поселения Каменная Могила в Приазовье // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей). – Херсон, 1990. – С. 31–33.
- Тереножкин А. И. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г. // КСИИМК, 1956. – Вып. 63. – С. 70–75.
- Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 3–28.
- Тереножкин А. И. Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 221 с.
- Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. – Киев: Наукова думка, 1988. – 260 с.
- Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. – М.: Наука, 1982. – С. 89–145.
- Титова Е. Н. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 5–15.
- Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии // СЭ. – 1982. – № 3. – С. 107–113.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М.: Политическая литература, 1986. – 575 с.
- Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира. В 2-х т. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. С. 311–315.
- Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 77–98.
- Тощев Г. Н. Об одной из культур эпохи ранней бронзы Крыма // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины. 16–18 мая 2001 года. – Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 2001. – С. 37–38.
- Тревер К. В. Сэнмурв-паскудж. Собака-птица. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. – 74 с.
- Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. – М., 1973. – 411 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.
- Физико-географическое районирование Украинской ССР. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1968. – 683 с.
- Формозов А. А. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовка // КСИАУ. – 1955. – Вып. 5. – С. 71–74.

- Формозов А. А. Памятники первобытного искусства. – М.: Наука, 1966. – 124 с.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 254 с.
- Формозов А. А. Искусство эпохи мезолита и неолита: Каменный век на территории СССР // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 194–205. (МИА. № 166).
- Формозов А. А. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // СА. – 1979. – № 3. – С. 5–15.
- Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М.: Наука, 1980. – 133 с.
- Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. – М.: Наука, 1987. – 108 с.
- Фридрих И. История письма. – М.: Наука, 1979. – 463 с.
- Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 172 с.
- Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. – М., 1980. – 831 с.
- Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. – 511 с.
- Хинц В. Государство Элам. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
- Хьюман Ч., Ван У. Тайны китайского секса. Взгляд за ширму. – М.: Вагриус, 1999. – 157 с.
- Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья // История скотоводства в Северном Причерноморье. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 7–109. (МИА. № 53).
- Цвейбель Д. С. Бифас з Макіївки // Археологія. – 1979. – Вип. 32. – С. 44–46.
- Чередниченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 135–150.
- Черемисин Д. В. Петроглифы в устье р. Чун // ПИНИ. – М., 1990. – С. 162–165.
- Черкасов В. Смотритель Камень-горы. Размышление над фактом // Правда. Орган ЦК КПСС. – 1984. – № 281 (7 октября). – С. 6.
- Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 7–30.
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация раннего металла на территории СССР // СА. – 1978. – № 4. – С. 53–82.
- Черниш О. П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. – Киев: Наукова думка, 1975. – 165 с.
- Чеченов И. М. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчик // СА. – 1970. – № 2. – С. 109–124.
- Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амираки. – М.: Наука, 1966. – 327 с.
- Чмихов М. О., Черняков І. Т. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. – Киев: Вища освіта, 1989. – 180 с.
- Чубинишвили Т. Н. Куро-аракская культура в Закавказье в III тыс. до н. э. / VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения. – Наука, 1966. – С. 127–137.
- Чхандогья Упанишада / пер. А. Я. Сыркина. – М.: Наука, 1965. – 256 с. (Памятники письменности Востока. VI).
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (Южно-бугский вариант). – Киев: Наукова думка, 1986. – 157 с. (САИ. Вып. В1–3).
- Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. – М.: Наука, 1971. – 239 с.
- Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1956. – 194 с.
- Шилов В. П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5–15.
- Шилов Ю. А. «Грот Быка» по материалам древнейших курганов // Новые памятники ямной культуры Степной зоны Украины. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 3–14.
- Шовкопляс И. Т. Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднелептине эпоху. – Киев: Наукова думка, 1965. – 328 с.
- Щелинский В. Е. Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале // ПИНИ. – 1990. – С. 47–55.
- Щепинский А. А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. – 1963. – № 3. – С. 38–47.
- Щербаков Ф. А., Куприн П. Н., Забелина Э. К., Скиба С. Н., Парунин О. Б. Палеография Азово-Черноморья в позднем плейстоцене и голоцене // Палеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. – М.: Наука, 1977. – С. 51–60.
- Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. – М.: Художественная литература, 1963. – 408 с.
- Энеолит СССР / отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. – М.: Наука, 1982. – 359 с. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. – М.: Восточная литература, 1995. – 292 с.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959. – 362 с. (МИА. № 63).
- Яневич А. А. Хозяйство мезолитического и неолитического населения горного Крыма // Каменный век на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 102–111.

- Яценко А. В. О водно-болотной и луговой растительности долин степных рек северо-западного Приазовья // Природные условия и хозяйства северо-запада Приазовья. – Л., 1972. – С. 52–61.
- Couraud C. L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément à Gallia Préhistoire. – Paris, 1985. – 184 p.
- Gimbutas M. The destruction of Aegean and Eastern Mediterranean urban civilization around 2300 B. C. // Bronze Age Migrations in the Aegean. – Park Ridge, New Jersey: Duckworth, 1974. – 360 p.
- Gladilin W. Die Felsbilder der Kamennaja Mogila in der Ukraine // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. – 1969. – Bd. 22. – S. 82–92.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. – Krakow: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970. – 126 p.
- Hausler A. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalitischen Einflüsse in Sudrussland // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther-Universität. – 1958. – Bd. VII, H. 2. – S. 498–509.
- Leroi-Gourhan A. Les Religions de la préhistoire. Paléolithique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. – 154 p.
- Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. Paris, 1965. – 482 p.
- Mellaart J. Catal Huyuk: A Neolithic Town in Anatolia. – London: Thames and Hudson, 1967. – 232 p.
- Merlini M., Lazarovici G. Settling discovery circumstances, dating and utilization of the Tărtăria tablets // Acta Terrae Septemcastrensis. – Sibiu, 2008. – Vol. VII. – P. 111–196.
- Robinson H. S. Pottery of the Roman period chronology. – Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1959. – 149 pp. + 76 plates. (The Athenian Agora. Vol. V).
- Tejral I. Naše země a římské podunají na počátku doby stěhování národů // Památky archeologické. – 1985. – LXXVI (2).
- Zaykov A. Alcman and the Image of Scythian Steed // Tuplin C. J. (ed.). Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology. – Leiden; Boston: Brill, 2004. – P. 69–84.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Веселовский Н. И. Каменный курган в селении Терпень Мелитопольского уезда Таврической губернии // Архив ИА РАН (Санкт-Петербург). – Ф. 1. – 1890. – Д. 48.
2. Запорожский областной государственный архив. – Оп. 9. – Д. 412.
3. Карта Мелитопольского уезда Таврической области. 1793 // Ф. ВУА. – Д. 20986.
3. Копылов Б. Д. Отчет об археологических разведках на Каменной Могиле // Архив ИА НАН Украины. – Ф. 1956/9. – Отдельный лист.
4. Михайлов Б. Д. Отчет археологической экспедиции Мелитопольского краеведческого музея за 1985 г. // Архив ИА НАН Украины. – 1985/159.
5. Михайлов Б. Д. Отчет археологической экспедиции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Каменная Могила» за 1992–1999 гг. // Архив ИА НАН Украины. – 1975/143; 1989/218; 1991/60; 1993/65; 1994/56; 1995/41; 1999/57.
6. Петренко В. Г., Елагина Н. Т. Отчет об археологических раскопках, проведенных Ингульской скифостепной экспедицией в 1968 году // Архив ИА НАН Украины. – 1968/54.
7. Суворов А. В. Ведомость, в каких местах почты расставлены внутри и вне Крыма из выкомандированных от малороссийских полков казачьих команд и сколько на оных людей и лошадей, значит под сим. 1778 году октября дня. (Приложение к рапорт П. А. Румянцеву о состоянии почты в Крыму. 1778 г. октября 11) // РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 208. – Л. 286–287 и об. Подлинник. [По: Суворов 1951. С. 129–131].
8. Шапошникова А. Г. и др. Отчет о работах Ингульской экспедиции // Архив ИА НАН Украины. – Ф. 1973/8; 1974/12; 1975/3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Основные библиографические сокращения

АДСВ	Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Уральский государственный университет.
АО	Археологические открытия.
АЖ	Антропологический журнал.
АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АП УССР	Археологические памятники УССР. Киев.
ВУА	Военно-ученый архив Главного штаба
ДГС	Древности Геродотовой Скифии
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва; Ленинград.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИАУ	Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	Отчет Археологической Комиссии
ПИНИ	Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. – 240.
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив. Москва
РА	Российская археология
САИ	Археология СССР. Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СА	Советская археология. Москва.
СЭ	Советская этнография. Москва.
Сообщ. ГАИМК	Сообщения Государственной Академии института материальной культуры.
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика.

СОКРАЩЕНИЯ СЛОВ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПОМЕТ

в., вв.	век, века
вып./ви́п.	выпуск / випуск (укр.)
г., гг.	год, годы
Д.	дело
до н. э.	до нашей эры
инв.	инвентарный номер
Л.	Ленинград
Л., л.	лист
М.	Москва
р.	река
с.	страница, страницы
см.	смотри
сост.	составитель
СПб.	Санкт-Петербург
ср.	сравни
Т.	том
Ф.	фонд

Bd.	Band (нем.)
с., ca	circa
ed(s).	editor(s)
H.	Heft (нем.)
p.	page(s)
P., p.	pars
pl.	plates
S.	Seite (нем.)
t.	tome (фр.)
tab.	tabulae
Taf.	Tafel(n) (нем.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, НАЗВАНИЙ И РЕАЛИЙ

- «буквенные знаки» 113, 225, 227, 231, 237
«домовина» 184, 206
«древо» 184, 210, 218, 221, 239
«хижина» 134, 171, 172
«шалаш» 183, 184, 239
Абзу, шумерское божество 188, 198
Абрамова З. А. 170, 172, 174, 212, 218, 222
Авеста 23, 190, 207, 218
Агжа *также* Аджа,
бог духа лесов в «Ригведе» 210
Адам и Ева 215
Аддаура (близ Палермо) 171
Адилджеваз, рельеф отсюда 210
Адриатика 202
Азербайджан 176, 178, 197, 212
Азия 15, 187, 211, 222, 240
Азовское море 25, 26, 28, 29, 33, 34
Аир, плато (Южная Сахара) 218
Айбабин А. И. 233
Аккад 195, 221
Аккермень, могильник 209, 232
Аладжа-Хююк, гробница 187
Али-Кош 176
Аллах 12
Алтай 233
алтарь, алтари 16, 47, 55, 96, 149, 184, 185,
188, 194, 195, 196, 198
Альтамира 17, 167
Амвросиевка (город; Донецкая Народная
Республика) 17, 27, 40, 168, 169, 170
Ан *также* Ану, шумеро-аккадское
верховное божество 220, 221
Анатолия 22, 239
Англь-сюр-Англен (Франция), 212, 213
Андрей Первозванный
Анимизм 195, 238
Антропоген 27
антропоморфная фигура 54, 57, 58, 62, 65, 67,
70, 74, 75, 80, 86, 99, 100, 103, 104, 110, 114,
130, 133, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143,
145, 148, 150, 168, 170, 174, 178, 181, 209,
212, 217, 222, 223, 224, 225, 233
антропоморфные стелы 10, 22, 44, 55, 183,
192, 194, 196, 198, 201, 203, 204, 205, 212,
218, 224, 231
Аполлон 197
Апсу, божество месопотамской мифологии 220
Аргисса (Греция) 176
Ардзинба В. Г. 221
Арии 23, 199, 206,
Аристотель 34
Армавирский камень 202
Армения 187, 197
Армяне 190
Артемиды 172, 179
Артемиды пещера 114, 179
Артемовск
(город; Донецкая Народная Республика) 33
Асиаб (Южный Загрос) 176
Ассирия 204
Атаки IV 176
Атлантика 42
атлантический период голоцена 176
Аттика 33, 239
Афанасьев А. Н. 215
Афинская агора 233
Африка 40, 176, 177, 179, 218, 221
Афродита 16
Ахматова А. 11
Ашвины, индуистские божества 205
ашельское время, ашельские орудия 27, 167
Бадер О. Н. 10, 15, 23, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 46,
47, 54, 57, 105, 156, 168, 175, 178, 185, 186,
187, 203, 209
Баламутовка (село; Черновицкая обл.) 174
Балканы 22, 176, 182, 239
баран 175, 214, 215
Баратовка (село; Николаевская обл.) 191
Бахчи-Эли
(село; Симферопольский район) 192
Бейда (Иордания) 176
Белогрудовка (курган; Черкасская обл.) 198
белозерская культура 21
Белолесье (село; Одесская обл.) 17

- Белояровка (село; респ. Крым) 168
Бельгия 233
Берда (река) 25, 26, 168
Бердянск 26
Березань (остров) 33
Бессарабия 26
Бессергеновка (стоянка) 27
бизон 28, 29, 45, 84, 129, 145, 169, 170, 171, 173, 175, 181, 238
Бизона пещера 83, 90, 146, 170, 173, 176
бифасы 167
Блаватская Т. В. 192, 202
Ближний Восток 16, 178, 207
Блитта — Сернандера схема 31
Бобр 26
Бог (ветхозаветный); *см. также* Яхве 215
Богур, богатырь 12
Большая Аккаржа 17
бореальный период голоцена 176
Борисковский П. И. 17, 28, 167, 168
Борисфен 34
Бородинский клад 208
Борона 33, 204
Боршоу (Венгрия) 217
Босфорский пролив 29
Бочкарев В. С. 16
Брахман 198
бронзовый век 22, 31, 32, 239
Буг 20, 198
буго-днестровская культура 18, 212, 222
Буго-Ингулецкое междуречье 218
бугский лёсс 27
Бучинский И. Е. 30, 31
Бхимбетка (Индия) 176, 177, 178
бык: ~ дождевой
(также небесный) 59, 179, 187, 189;
~ Грот Быка *см.* Мамонта–Быка грот;
~ солнечный 189; ~ бык/тур 30, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 78, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 104, 105, 106, 107, 114, 117, 125, 127, 129, 131, 133, 134, 137, 139, 144, 145, 149, 153, 156, 157, 163, 164, 165, 166, 168, 170, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 194, 201, 202, 203, 204, 206, 208, 209, 215, 224, 225, 227, 229, 230, 239,
Бэр К. М. 13
Ваал 217
Вавилон 197, 215, 216
Вайшьи 199
Веды 8, 181, 195, 197, 200,
Великая Александровка
(село; Херсонская обл.) 186, 188
Великая Матерь 107, 179, 215
Великая Отечественная война 40
Венгрия 217
Вербовка (село; Черкасская обл.) 184
Верещагин Н. К. 170
Верхнереченская стела 212
Веселовский Н. И. 37, 38, 39, 44, 46, 186
Весёлое (село) 27
Ветхий Завет 185, 236
Виноградный остров (Днепр) 223
Виноградный Сад 21
Вишну 189, 199, 200, 201
владычица зверей 172
Вовчок, остров (Днепр) 166, 223
водоплавающие 116, 178, 179, 180
Вознесенка (село; Запорожская обл.) 21, 26, 27, 210, 222, 231
волк 28, 30, 58, 201
Восток 16, 174, 178, 187, 192, 195, 202, 204, 207, 210, 216, 224, 227
Восточная Европа 42, 168, 169, 174, 193
Вритра 197
Вселенная; *см. также* Космос 15, 180, 181
Вселенский собор, Первый 236
Высокая могила,
курган (Запорожская обл.) 204
Высоцкий А. Л. 183
гадюка степная 14, 55
Гайманова могила,
курган (Запорожская обл.) 232
гарпун 29, 86
Гаспаров М. Л. 208
Гвоздовер М. Д. 168, 187
Гегамские горы (Армения) 187
Геракл 16, 198, 200
геральдические символы 68, 178, 210, 222, 228
Герасимовка
(село; Днепропетровская обл.) 27, 168
Германия 233
Гермес 221
Геродот 214
Гесиод 16
гиена 26
Гильгамеш 189
Гимбутас М. 225
Гиппократ 34
гиппомолги 33
Гладилин В. Н. 44, 46, 49, 105, 175, 185, 202, 240
Глуценко Ю. И. 23
Гобустан (Азербайджан) 212
голоцен 29, 31, 176, 178
готы 21, 225, 231, 232, 239
граветтская культура 170
гравировки 17, 43, 44, 45, 55, 80, 83, 84, 86, 88, 90, 97, 100, 102, 105, 107, 111, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 125, 129, 130, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 147, 149, 164, 168, 169, 170, 174, 175, 176, 178, 207, 214, 220, 234, 235

Граков Б. Н. 21, 34, 36, 231
Гребеники
(мезолитическая стоянка; Одесская обл.) 17
Греция; Древняя Греция; *см. также* Эллада
15, 16, 22, 35, 189, 192, 215,
Грозы бог (хеттская мифология) 221
Грузия 197
Гудеа, правитель Лагаша 216
Гумилевский И. С. 220
Гумилёв Л. Н. 34
гунны 21, 109, 112, 159, 232, 233, 234, 237, 239
гусь 180
Гущин А. С. 172
Дандамаев М. А. 210
Даниленко В. Н. 10, 15, 18, 19, 23, 29, 30, 38,
39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 54, 61, 66, 97,
104, 105, 106, 107, 108, 114, 156, 166, 168,
169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 178,
179, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 199, 203,
204, 205, 209, 212, 220, 222, 223, 225, 240
Двуречье 189, 195, 196
Деметра 16, 179, 208, 215
демиург 180, 197, 201
Демский остров (Днепр) 223
Денисова Е. А. 32, 33
день — ночь 180, 181, 195, 225
Дериевка (село; Кировоградская обл.) 205
Десна (река) 169
Джатаведас, ведийский бог огня,
ипостась Агни 206
Джурджулештский могильник 217
Дзякович П. К. 12, 169
Дикое поле 13, 21
Дионис 208, 209, 217, 221
Днепр, река; *также* Приднепровье 8, 17, 19,
20, 22, 35, 166, 168, 169, 184, 223
Днепровская равнина 17
днепровский горизонт 27
Днепровско-Молочанская равнина
(в Днепровско-Молочанском междуречье) 17
днепро-донецкая культура 18, 19, 160, 182
Днепропетровск 13
Днестр (река) 174, 179
Додонский (эпиклеза Зевса) 176
докембрийская складчатость 26
долото 223
Долуханов П. М. 30
Дольни-Вестонице (Моравия) 174
Дон 20, 28, 35, 36, 168, 169, 192, 223
Донбасс 7, 27, 33, 167
Донецк 27
Донецкая область 26
Донецкая Народная Республика 170, 198
Дорак, царская гробница здесь (Анатолия) 224
дракон 8, 68, 119, 121, 164, 196, 197, 198, 199,
200, 210
Дракона пещера 120, 196
древо жизни; древо; культ дерева (дуба) 54,
62, 66, 75, 78, 94, 180, 183, 184, 192, 208,
210, 215, 216, 218, 222, 229
дрофа 14
Думузи, шумерское божество 215, 216, 217
дунайско-тисский ареал 179
дятел 26
Евразия 15, 16, 46, 107, 179, 204, 208, 211,
221, 234, 237,
Европа (мифологический персонаж) 176, 177
Европа (часть света) 10, 15, 27, 30, 33, 176,
177, 179, 213
Египет 11, 22, 56, 197, 215, 221, 224, 227, 239
Елагина Н. Г. 191
Еленовка
(поселок; Донецкая Народная Республика) 26
Ерофеева Н. Н. 199
Ефименко П. П. 16, 17, 169, 172, 173
Ехидна 16
Желанное
(село; Донецкая Народная Республика) 26
женский символ 56, 86, 120
женщина 8, 45, 56, 85, 86, 104, 106, 116, 120,
130, 134, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 179,
180, 192, 196, 212, 213, 214, 215, 216, 234
жертвоприношение 16, 149, 156, 185, 192,
198, 200, 233
жизнь — смерть 16, 181, 201
жрецы, жрицы 141, 172, 215, 216, 217, 218
завадовский горизонт 27
загробное царство (*также* подземное
царство, царство мёртвых) 188, 196, 201,
209, 214, 215
Закавказье 170, 176, 195
Заморий П. К. 25
Замятин С. Н. 173
Западная Европа 17, 38, 42, 167, 170, 171, 174,
181, 211, 212, 214, 222, 240
Запорожская область 7, 10, 15, 27, 32, 156,
166, 168, 218
Заречное (село; Запорожская обл.) 208, 209,
231, 232
заяц 26, 30, 35
звезда 65, 78, 153, 180, 196, 197, 227, 230
Зевс 176, 189, 197, 208, 209, 215
земледелие, земледельцы 17, 24, 29, 30, 32,
35, 182, 187, 188, 189, 197, 199, 202, 208,
211, 220, 239
Земля 188, 202, 209, 211, 215, 218
Земляков Б. Ф. 40, 42
Зенон, император 236
зеркало 234
Зеров Д. К. 30, 31
змея, змей 45, 65, 68, 74, 78, 85, 88, 91, 94, 118,
120, 121, 131, 136, 140, 164, 170, 171, 175,
196, 198, 207, 208, 209, 210, 215, 220, 222, 225
зодиак 20, 186

Золотарев А. М. 48, 174
 Золотун В. П. 31, 34
 зооморфные изображения 45, 49, 54, 55, 56, 57, 61, 69, 74, 75, 90, 91, 98, 99, 107, 130, 136, 138, 140, 143, 145, 150, 151, 153, 168, 174, 209, 210, 220, 223, 224, 225, 233
 зубр 17, 26, 28, 30, 35, 173
 Игнатьевская пещера 168
 Иерихон 22
 избюккская культура 217
 Иисус Христос,
 его монограмма 102, 235, 236, 237
 Илиада 33, 185, 202
 имеретинская культура 170
 Императорская археологическая комиссия 38
 Инанна, шумерское божество 188, 189, 195, 196, 198, 215, 216, 221, 227
 Ингул (река) 191
 Индия 22, 42, 176, 177, 178, 189, 197, 198
 индоевропейцы
 Индра 181, 190, 197, 198, 199, 200
 Институт археологии
 АН УССР (НАН Украины) 7, 93, 40, 43, 91
 Иран 22
 иранцы 190
 Испания 17, 176, 177
 Испанский Левант 174, 175, 176, 177
 Италия 40, 202
 Иштари так же Иштар 195, 196, 215, 221
 кабан 14, 35, 99
 Кавказ 21, 22, 23, 33, 40, 120, 170, 181, 192, 193, 194, 197, 218, 220, 233
 казаки 37, 184
 Казачий остров (Днепр) 223
 кайдакский горизонт 27
 Калевала 180
 Кальмиус 25, 26, 28, 35
 Камбала (Франция) 181
 Каменная Балка I и II (стоянки) 17, 168, 169
 каменные топоры 22, 164
 Каменское городище 34
 каменско-ливенцовская культура 21
 Канарские острова 218
 Капова пещера 40, 168, 170
 карагана скифская (лат. *Caragana scythica*) 13
 Карелия 180, 236
 Каспийский регион 22, 182
 катакомбная культура
 Каштаева балка 8, 168
 Кая-Араси 18, 20
 Квитяна (балка, Запорожье) 182
 Кейпер Ф. Я. 199
 Келермесский курган 210, 232
 Кемерово 8, 240
 Кеми-Оба
 (курганы; Белогорский р-н Крыма) 182
 кеми-обинская культура 20, 184
 кенотаф 42, 161, 183
 Кёппен П. И. 37
 керамика 18, 21, 130, 154, 157, 159, 160, 161, 179, 193, 194, 205, 212, 222
 Керносовка (село; Днепропетровская обл.) 184, 198, 212, 213, 225
 Керченская катакомба 237
 Киев 8, 10, 210, 240
 Кизиярская балка (Запорожская обл.) 234
 Кизлевый остров (Днепр) 223
 Киевская Русь 184
 киммерийцы 21, 33, 36
 Кирилловка (палеолитическая стоянка) 169
 Китай 233
 Кишинев 8
 Кларк Г. Д. 32, 177
 климатический оптимум 31, 34
 Климент, римский папа 236
 Ключевский В. О. 24, 25
 Кносс 176, 224
 кобылица 33, 78, 206, 207, 230
 Ковалева И. Ф. 194, 199, 235
 Козёл, коза 38, 39, 44, 45, 105, 106, 134, 136, 143, 145, 176, 177, 214
 Козы пещера 8, 90, 131, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 170, 171, 172, 173, 176, 213, 214, 222, 223, 224
 колдун 44, 45, 99, 103, 105, 115, 125, 134, 136, 169, 170, 171, 180, 185, 190, 201, 235, 236
 Колдуна грот (пещера) 44, 45, 102, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 123, 159, 169, 170, 171, 172, 173, 232, 233, 235, 236
 колесница 75, 78, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 232
 колесо 75, 78, 203, 204, 205, 207
 Колосов Ю. Г. 105
 Комбарель (Дордонь) (Франция) 212
 Комороци Г. 210
 коневодство 33, 182
 конкреции 107, 112, 118, 122, 222, 231, 233, 239
 Конские плиты 74, 75, 76, 77, 79, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 232,
 Константиновка (село; Запорожская обл.) 194, 204
 конь 8, 26, 29, 30, 34, 35, 40, 42, 45, 54, 75, 78, 96, 97, 98, 99, 100, 106, 182, 183, 190, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 229, 234, 235
 Копылов Б. Ф. 43, 91
 Корниец Н. Л. 160
 космогония 180, 189, 190, 196, 197, 199, 200, 208
 Космос 177
 Костенки (палеолитическая стоянка) 169, 174
 Костенковско-Борщевский район 168, 169
 кот, кошка 131, 145, 178
 кочевники 32, 34, 35, 36, 182, 231, 232, 234, 239
 Красное озеро 18, 19, 20, 39, 40, 149, 175, 183, 189, 223

кремневая свита 17, 43, 45, 100, 103, 104, 156, 162, 166, 178, 187, 231
 крест 54, 55, 62, 64, 68, 72, 74, 75, 78, 79, 82, 91, 93, 94, 102, 130, 152, 203, 226, 227, 228, 229, 230, 235, 236, 237
 Кривульченко А. И. 25
 Крит 224, 231
 кроманьонцы 238
 Крым 18, 19, 20, 29, 176, 182, 192, 193, 232, 233, 236
 крымско-белолесская культура 17, 18
 Крынка (река) 28
 Кузьмина Е. Е. 206
 кузнецкий этап мезолита 18, 100, 178
 Куксунгур-Могила (останец) 26, 166
 кулик 14
 курган 8, 11, 14, 15, 20, 21, 22, 23, 30, 31, 37, 38, 156, 157, 168, 184, 186, 187, 191, 192, 193, 194, 196, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 218, 224, 231, 232, 234, 239
 курды 190
 куро-аракская культура 217
 куропатка 14, 26
 Курцы 20
 лабрис 96, 150, 200
 ладья; *см. также* лодки 56, 57, 224, 225
 Ла-Мадлен (Франция) 174
 Ла-Рок (Франция) 212, 213,
 Ла-Рош, пещера (Франция) 222
 Ласко 17, 167
 ласточка 180
 лебедь 125, 126, 132, 180
 лев 44, 99, 107, 109, 144, 145, 169, 171, 172, 173, 174
 Левобережье 20, 168
 ледниковая эпоха 26
 Леруа-Гуран А. 167
 лестница 66, 78, 82, 93, 94, 216, 230
 Ле-Труа-Фрер, пещера (Франция) =
 Трех Братьев пещера 201
 ливенцовский период 20
 Лимейль (Франция) 212, 222
 линейно-геометрические начертания 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 49, 54, 55, 58, 62, 65, 66, 67, 71, 74, 78, 86, 87, 88, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 109, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 145, 152, 164, 168, 183, 185, 187, 191, 192, 197, 199, 202, 203, 209, 210, 222, 227, 229, 233
 линии (волнистые, зигзагообразные) 38, 54, 55, 57, 61, 64, 65, 68, 69, 70, 72, 75, 78, 80, 84, 85, 86, 88, 97, 98, 99, 107, 112, 115, 116, 118, 121, 122, 124, 126, 129, 130, 133, 135, 136, 138, 139, 150, 171, 173, 197, 226, 227
 Линх, скифский царь 208
 лодки; *см. также* ладьи; челны-однодревки 65, 80, 94, 136, 196, 223, 224, 225, 227
 Лозоватка 25
 Лосев А. Ф. 177
 лось 14, 35, 86, 125, 126, 131, 176, 178, 180
 Лоханский остров 156
 лошадь *см.* конь 56, 167, 168, 185, 190, 201, 204, 217, 234, 235
 Лука-Врублевская 179
 Лукиан Самосатский 35
 Луконин В. Г. 210
 Луна 177, 214
 лучник 8, 45, 84, 175, 177
 Лысогоровка 168
 Львов 8
 магия 40, 41, 42, 47, 172, 174, 191, 199, 215, 217, 231, 235, 238, 239
 мадлен 28, 40, 169, 170, 222
 майкопская культура 20, 43, 97, 166, 178, 184, 187, 192, 193, 194
 Макаренко Н. Е. 184
 Макеевская стоянка 167
 Малая Азия 187, 195, 215
 мамонт, мамонт-бык 8, 13, 17, 26, 28, 29, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 57, 64, 67, 80, 84, 85, 88, 97, 100, 102, 104, 105, 106, 107, 127, 131, 135, 136, 137, 139, 142, 144, 145, 152, 153, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 179, 181, 186, 187, 212, 213, 222, 238
 Мамонта-Быка грот (*также* грот Быка) 41, 44, 47, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 96, 125, 133, 156, 157, 163, 164, 165, 166, 168, 175, 178, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 190, 192, 194, 206, 227, 239
 Мардук 197, 216
 Мариуполь 27, 183
 Мариупольский могильник 183, 184, 205
 Марковин В. И. 218
 мартоношский горизонт 27
 Мас-д'Азиль (Франция) 176
 маска 44, 56, 99, 103, 104, 105, 145, 170, 171, 180, 181, 206, 222
 Массон В. М. 56, 183, 209
 Матвеев Курган 30, 168
 Матъе М. Э. 215, 216, 225
 Машгула и Ур-Эдинна, персонажи шумерской мифологии, пастухи богини Нидабы сказания 195
 Мгвимеви 195
 медведь 35, 99, 117, 129, 135, 136, 137, 167, 174, 201, 214
 меди-бронзы эпоха 8, 15, 17, 20, 30, 31, 175, 215, 218
 Межлиманский курган 20
 Мезин (позднепалеолитическая стоянка) 169, 218
 мезолит 8, 15, 17, 29, 44, 100, 174, 175, 176, 177, 178, 185, 212, 224, 239
 Мелетинский Е. М. 189

Мелитополь 7, 8, 9, 10, 11, 15, 25, 26, 27, 168, 234
 Мелитопольский (бывш. Приазовский)
 район, уезд 7, 13, 21, 26, 27, 37, 38, 156, 157,
 169, 192, 193, 194, 196, 198, 203, 204, 208,
 218, 231, 234
 Мелитопольский краеведческий музей 7, 39
 Мелитопольский курган 232, 239
 Мелитопольский педагогический институт 23
 Мельгуновский курган 210
 менгиры 45, 151, 156, 184, 218, 221, 231
 Мендес (древнеегипетский город) 214
 Мензбир М. А. 26
 Меотида 34
 Меритсегер, египетская богиня 225
 Мерперт Н. Я. 21, 22, 57, 182, 187, 193
 Месопотамия 22, 57, 186, 193, 219, 224, 226,
 231, 239
 Микены, микенская культура 11, 208
 минойская культура 224
 Минуций Феликс 237
 Мин, эпоха (Китай) 217
 Мирное (село; Запорожская обл.) 233
 мировое дерево 180, 221
 Мироновка (село) 27
 Мистерий пещера 97, 98, 100, 101, 102, 103,
 104, 170, 173, 178
 Миус, река 25, 26, 28, 35
 миф, мифология 16, 47, 48, 121, 125, 127, 131,
 167, 171, 172, 174, 176, 180, 181, 184, 188,
 189, 190, 192, 195, 196, 197, 198, 199, 205,
 206, 208, 210, 211, 213, 214, 215, 220, 221,
 225, 231, 239,
 Михайлов Б. Д. 7, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 21, 25, 30,
 39, 44, 45, 46, 114, 157, 159, 166, 168, 169,
 170, 175, 176, 178, 179, 181, 183, 184, 187,
 192, 193, 194, 196, 197, 198, 201, 202, 203,
 204, 206, 208, 210, 211, 215, 218, 221, 222,
 223, 224, 225, 228, 231, 232, 234, 235, 240
 Михайлова Н. И. 23, 183
 Михайловка (поселение эпохи энеолита;
 Запорожская обл.) 7, 20, 27, 182, 194
 михайловский II период 20
 Михайловское поселение 22, 166, 205
 Мишкольц-Фютёхаз (Венгрия) 217
 Мовша Т. Г. 192, 193
 могильник 21, 180, 183, 184, 205, 217, 221,
 224, 232, 239
 молдаване 190
 Молдова I и Ia 176
 Молочная, река 8, 11, 12, 13, 14, 17, 20, 25, 26,
 28, 30, 37, 80, 120, 166, 168, 169, 170, 183,
 187, 192, 193, 194, 197, 198, 203, 208, 210,
 219, 224, 232, 234
 Молюхов Бугор (Черкасской обл.) 205
 монотеизм 236
 Москва 8, 240
 Моспино 17
 мотыга 29, 33, 35
 мужские изображения 45, 56, 85, 99, 105, 109,
 130, 136, 140, 171, 175, 212, 214, 218, 222, 233
 Музей антропологии
 МГУ им. М. В. Ломоносова 187
 Мулика А. М. 25
 Мураловка 17, 168
 Мурзак-Коба 17
 мустьерский период 27, 28, 168
 Мюрат-а-Рокамадур, пещера (Франция) 211,
 212, 214, 222
 Надеждино (село; Запорожская обл.) 156,
 203, 218, 194, 219
 Надпорожье Днепровское 17, 166
 наконечник дротика, копья 28, 58, 97, 100,
 101, 147, 154, 157, 159, 160, 164, 166, 183
 наконечник стрелы 56, 57, 58, 68, 80, 97, 102,
 110, 114, 122, 123, 157, 159, 160, 161, 164,
 166, 194, 198, 234, 235
 Нальчикская гробница 184
 Напольских В. В. 180
 нарты 14, 23
 Натальевка (село; Днепропетровская обл.) 184
 Натальевская стела 201, 213
 неандертальцы 238
 Неа-Никомидия (Греция) 176
 Небо 49, 180, 188, 189, 190, 197, 199, 206, 207,
 211, 215, 220, 235
 небо — земля — подземный мир
 (верхний мир — средний мир —
 нижний мир) 16, 171, 205, 206
 Ненасытец 17
 неолит 8, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 29,
 30, 31, 32, 36, 39, 40, 42, 44, 45, 100, 101, 117,
 150, 154, 156, 166, 173, 178, 179, 180, 181,
 182, 189, 196, 197, 203, 205, 209, 212, 218,
 220, 222, 224, 230, 239
 Нечитайло А. Л. 45, 192, 193, 218, 220
 Нижнее Подунавье 22
 Николаевская область (Николаевщина) 21, 191
 Нингирсу,
 персонаж шумерской мифологии 198
 Ниневия 195
 Нинлиль 214, 215
 Нинэгал, шумерское божество 216
 Нио (пещера) 167
 Ниппур 214
 Новицкий Е. Ю. 184, 198, 201
 Новоалександровка (село) 26
 Новоданиловка (село; Запорожская обл.) 161,
 183, 205
 Ново-Павловка
 (село; Запорожская обл.) 8, 168, 169
 Новоселовка (село) 184, 198, 213
 Новофилипповка (село; Запорожская обл.)
 157, 193, 194, 232, 234
 Новочеркасск 198

Новозвксинское море 177
 ножи 22, 29, 56, 100, 101, 159, 164, 198, 200, 205
 носороги 13, 26, 29, 45, 86, 85, 107, 167, 168,
 169, 170, 173, 175, 176, 238
 Нубия 215
 нуклеус 17, 18, 127, 130, 153, 159, 160, 162,
 165, 166
 Нунбаршегуну, шумерское божество 214
 Обиточная (река) 25
 Обиточное (село) 26
 обско-угорские племена 214
 овцебык 115, 117, 125, 129, 135
 Океан 29, 49, 180
 Окладников А. П. 168, 172, 181, 213, 214
 Оленеостровский могильник 180
 Оленковский Н. П. 168, 176
 олень 8, 13, 26, 28, 29, 30, 35, 39, 44, 45, 64, 72,
 75, 78, 83, 84, 86, 90, 98, 99, 100, 103, 104,
 105, 106, 107, 117, 127, 129, 131, 134, 136,
 137, 138, 139, 140, 141, 145, 167, 170, 171,
 173, 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 184,
 201, 202, 203, 206, 214, 229, 238
 Олимп 15
 Ольвия 33, 36
 ориньяк 40, 169, 170, 222, 238
 орнаментация:
 шнуровая, резная, рельефная 22, 205
 Оселевцы 176
 осетины 14
 Осирис 196, 214, 217, 221
 Осокоровка 17, 169
 осоковско-рогаликская культура 17, 18
 останцы 12, 26
 острога 29
 отщеп 17, 18, 58, 97, 101, 102, 127, 130, 133,
 153, 154, 160, 162, 164, 165, 166, 179
 охота, охотники 11, 17, 24, 28, 29, 30, 35, 41,
 44, 45, 143, 145, 147, 170, 172, 173, 175, 176,
 177, 178, 179, 199, 211, 223, 238
 охра 57, 80, 114, 187, 198, 202, 224
 Павлов А. П. 26
 Палео-Дон 28
 палеолит 8, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25,
 28, 29, 31, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 100, 106, 107,
 152, 154, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
 174, 175, 181, 185, 196, 201, 203, 211, 212,
 213, 215, 218, 221, 222, 237, 238, 239
 Палермо 171
 Палестина 22, 195
 Пан, древнегреческое божество 214
 Пани, персонаж древнеиндийской
 мифологии 190
 Паннония 233
 Пантикапей 33, 36
 папирусы Гудеа 216
 парус 57, 65, 223, 224, 232
 Пашкевич Г. А. 30
 Перун 184
 печенег 21
 Пешанов В. Ф. 234, 240
 Пешиле (Франция) 222
 Пеш-Мерль (Франция) 107, 173
 Пидопличко И. Г. 31
 пиктография 196, 202, 224, 225, 226, 231
 Пиндар 208
 Пиотровский Б. Б. 210
 писаницы 42, 168
 письма древние 8, 21, 45, 49, 63, 65, 72, 78,
 93, 99, 115, 125, 130, 132, 142, 146, 148, 149,
 152, 156, 179, 191, 192, 218, 219, 223, 224,
 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 238, 239
 Пифагор 198
 пластина кремнёвая 17, 28, 32, 33, 97, 133,
 152, 154, 155, 158, 160, 162, 166, 179
 пластина ножевидная 18, 56, 57, 97, 100, 102,
 114, 128, 132, 133, 152, 153, 154, 155, 156,
 160, 164
 плейстоцен 17, 26, 28, 29, 45, 105, 169, 170,
 173, 176, 179, 238
 плуг; см. также рало 200, 202, 227
 повозки 22, 43
 Подковы пещера 78, 110, 113, 114, 115, 117,
 156, 206
 Поднепровье 18, 20
 Показное (село; Запорожская обл.) 168
 Ползучий камень 68, 70
 полиссуары 41, 43, 45, 47, 57, 58, 61, 78, 80,
 96, 147, 156, 157, 158, 160, 165, 166, 203
 половецкие каменные бабы 10
 половцы 21
 посох (скипетр?) 192, 201
 Похилый остров (Днепр) 223
 прародительница 172
 предков культ 47, 213, 238
 приазовская культура 17, 19, 20, 182
 Приазовье 7, 8, 10, 17, 18, 20, 24, 25, 26, 27, 28,
 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 68, 166,
 167, 168, 169, 170, 174, 178, 182, 196, 199,
 232, 238, 239
 Прибайкалье 220
 Прибалтика 22
 Приднепровье 26, 32, 35, 156, 176, 232
 Прилуковка (село; Запорожская обл.) 8, 178
 прилукский горизонт 27
 Приморск 26
 Присивашско-Приазовская равнина 17
 Причерноморская низменность 17, 25
 протоболгары 21
 птицы 8, 44, 45, 75, 84, 88, 117, 125, 126, 129,
 134, 136, 138, 141, 143, 148, 170, 171, 173, 175,
 178, 179, 180, 181, 195, 205, 219, 227, 228
 Пуруша,
 персонаж индуистской мифологии 198
 Пустовалов С. Ж. 10, 45, 231

Путин В. В. 10
 Ра 197, 225
 радиоуглеродный анализ,
 C_{14} 17, 19, 20, 29, 170
 Раймонден (Франция) 212
 раковина 30, 114, 136, 179
 Ракушечный Яр 20, 30
 рало; *см. также* плуг 32, 33, 82, 94, 191
 распилка (орудие) 29
 Рацкевич Ю. А. 233
 резец 17, 18, 28, 101, 127, 128, 130, 133, 153,
 154, 155, 156, 160, 162, 166, 179,
 религия 24, 47, 103, 167, 170, 174, 179, 182,
 183, 187, 195, 196, 198, 198, 200, 208, 210,
 213, 217, 218, 219, 236, 237, 238
 Репино, хутор (археологический памятник)
 194, 205
 решетчатый квадрат 49, 54, 55, 69, 72, 91, 94,
 112, 113, 122, 125, 126, 135, 206, 226, 227,
 228, 229, 230,
 Ригведа 23, 181, 189, 190, 197, 198, 200, 205,
 206, 207, 210, 215, 239
 рисс-вюрм (микулинская) эпоха 27
 рога (на изображениях) 40, 44, 50, 58, 61, 62,
 65, 67, 74, 75, 78, 83, 84, 85, 93, 94, 97, 98, 99,
 100, 103, 104, 105, 107, 112, 115, 116, 120, 123,
 125, 127, 129, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138,
 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 179, 183,
 201, 208, 209, 210, 222, 223, 229
 Рогалик 17, 168, 173
 Рожок I 27, 168
 Ромейская империя 236
 Россия 8, 10, 13, 174
 Ростовцев М. И. 38
 Рубцы
 (село; Донецкая народная республика) 27
 Рудинская Е. Я. 23, 49
 Рудинский М. Я. 10, 15, 23, 38, 40, 41, 42, 43,
 45, 46, 47, 48, 49, 54, 55, 58, 64, 66, 68, 78, 80,
 82, 91, 93, 94, 95, 156, 157, 178, 185, 187,
 188, 190, 202, 203, 209, 225, 232, 240
 Рудинского кабинет (грот) 82
 рунические письма 62, 102, 180, 224, 225,
 232, 234, 235
 Русская равнина 31
 Руффиньяк (пещера) 167
 рыба 30, 33, 35, 40, 45, 49, 55, 75, 86, 88, 90, 118,
 121, 122, 124, 132, 136, 139, 146, 150, 156, 181,
 192, 195, 196, 220, 221, 223, 224, 227
 Рыбаков Б. А. 180, 184, 190
 рыбочеловек 151, 156, 181, 218, 220
 Рыбы пещера 122, 123, 195, 196, 223
 Рюмин А. В. 168
 сабастиновская культура 21
 Сагбурру,
 существо шумеро-аккадской мифологии 195
 сайгак 14, 29, 35, 86, 104, 106
 салтово-маяцкая культура,
 салтовцы 21, 234, 235
 санки (полозья) 33, 204
 Санкт-Петербург 38
 Сарама, вестница Индры 190
 Сардури, царь 210
 Сарианиди В. И. 56, 183, 209
 сарматский период 8, 13, 16, 17, 24, 35, 40, 42,
 55, 82, 83, 108, 120, 147, 150, 158, 161, 162,
 203, 231, 232
 Сарматское море 12, 13, 136
 сарматы 21, 34, 42, 147, 232, 239
 Сарпаниту, шумерская богиня 216
 Саскатун (Канада) 8, 240
 Сахара 218
 Сватово 198, 213
 Светлогорск (Донецкая Народная Республика) 27
 Священный брак 209, 210, 211, 215, 216, 222, 239
 Северное Причерноморье 10, 13, 15, 17, 18, 19,
 20, 21, 22, 27, 29, 35, 37, 38, 39, 168, 176, 177,
 182, 185, 188, 192, 197, 198, 202, 204, 205, 207,
 213, 218, 225, 231, 232, 234, 236, 237, 238, 239
 Северо-Таврическая степь 109
 Северск
 (город; Донецкая Народная Республика) 198
 сёйки (экзогамные роды у тувинцев) 233
 Секиз (река) 17, 39, 80, 194
 Селимханов И. Р. 33
 Семеновка (село; Запорожская обл.) 8, 117,
 178, 179, 194
 Семеновский курганный могильник
 (Одесская обл.) 224
 серна 170, 201
 серп 29, 32, 33, 35, 112
 Сибирь 42, 168, 174, 180, 181, 213, 214, 232
 Сиваш, так же Присивашье 28
 Симург, так же Сэнмург, Сэнмурв, Симаргл,
 мифологическая собака 190, 191
 Сина, шумерское божество 214
 Сиренко Н. А. 28
 Сирия 195
 Скандинавия 42
 Скифия 33, 35, 37, 208, 232
 Скифская епархия 236
 скифы 21, 34, 35, 36, 37, 210, 232, 239
 склепы 16, 233, 236
 скотоводство 29, 30, 31, 32, 34, 176, 179, 182,
 187, 205, 239
 скребло 17, 19, 158, 160, 162, 179
 скребок 17, 19, 28, 97, 100, 101, 102, 127, 128,
 130, 133, 154, 155, 158, 160, 162, 164, 165,
 166, 178, 179
 скульптура, статуэтки 8, 10, 45, 49, 55, 86, 88,
 90, 118, 120, 121, 122, 124, 134, 144, 145,
 146, 150, 151, 153, 154, 157, 168, 172, 173,
 174, 181, 188, 192, 194, 196, 197, 198, 199,
 204, 211, 218, 220, 221, 222

славяне 21, 190, 215
 слепыш 26
 слон Вюста 26
 слон южный 26
 собака 26, 30, 45, 56, 58, 60, 66, 85, 125, 130, 175, 176, 177, 178, 187, 190, 191
 Собаки грот (*также* плита) 66, 178, 205
 соития сцены; *см. также* эротические сцены 126, 140, 141, 210, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 222
 Соколов М. Н. 181, 221
 Соколова З. П. 174, 201, 214
 солнце 42, 57, 180, 181, 191, 197, 199, 200, 205, 206, 215, 220, 235
 Солоха, курган 232
 солярный знак 42, 55, 57, 66, 77, 78, 79, 91, 203, 205, 223, 229, 230
 Сома, персонаж «Ригведы») 215
 Сорокин С. С. 210
 Сосновка (село; Запорожская обл.) 161, 183, 192, 196, 198, 218
 сосуды 16, 22, 43, 49, 91, 154, 157, 160, 184, 187, 189, 190, 208, 209, 210, 212, 222, 225, 231, 234
 Софиевка (село; Запорожская обл.) 27
 спартанская поэзия 205
 Спасское (село; Запорожская обл.) 218, 219
 Средиземное море, Средиземноморье 16, 17, 177, 189, 225, 239
 средневековые 8, 17, 56, 58, 159, 221,
 Среднего Стога периода культура 20, 40, 182, 201
 Среднесарматское море 136
 Средняя Азия 189
 Средняя полоса 170
 срубная культура 21, 160, 208, 231
 Старый Свет 42, 210
 статуэтки *см.* скульптура
 Степное (село; Запорожская обл.) 27
 стопы-сандалии (их изображения);
 «Плиты стоп» 39, 41, 47, 79, 81, 82, 93, 96, 115, 121, 198, 199, 200, 201, 222, 230, 232
 Страбон 34
 стрелы (изображения) 29, 38, 56, 57, 58, 80, 97, 102, 110, 113, 114, 119, 122, 123, 124, 136, 157, 159, 160, 161, 164, 166, 194, 196, 198, 199, 223, 224, 225, 232, 234, 235
 стрепет 14
 Стрильча Скеля (остров на Днепре) 205
 суббориальное время 30
 Суворов А. В. 37
 Суворово (село; Одесская обл.) 183
 судоходство 222
 сульский горизонт 27
 супряга быков 44, 91, 94, 95, 201, 202, 230
 Супряги быков грот 90, 92
 сурская (сурско-днепровская) культура 18, 45, 100, 179
 Сурский остров (Днепр) 166, 223
 Сурья, ведийский бог 206, 215
 Таврия 37, 109
 Таганрог 17, 26, 27
 Тамань 20, 233
 Тамбовцева А. Т. 23
 тамговый знак 57, 147, 148, 232
 Таммуз 215, 217, 220
 Танаис 33, 36, 233
 Таранец Г. П. 30
 Тассилин-Аджер, плато (Алжир) 218
 Татаринов С. И. 33
 татаро-монгольское нашествие 21
 Таш-Аир (балка недалеко от Качи-кальона, Крым) 192, 193
 Телегин Д. Я. 18, 19, 100, 160, 166, 174, 175, 176, 182, 201
 Телепину, хеттский бог 221
 Телец (знак зодиака) 186
 Теофраст 34
 Тереножкин А. И. 35, 187, 231, 239
 тесло 100, 223
 Тиамат,
 божество месопотамской мифологии 220
 тилигульский горизонт 27
 Тимоновка (Брянская обл.) 170
 Тираса, река Скифии (по Геродоту) 198
 Тирасполь 8, 240
 Титова Е. Н. 199, 200
 Тихоновка (село; Запорожская обл.) 26
 Токмак 7
 Токмак-Могила (останец) 26
 Токмачка (река) 166
 Томские писаницы 168
 топор-молоток 97, 114, 166
 Топоров В. Н. 15, 171, 195, 231
 топор-тесло 133, 179
 тотемизм 47, 195, 213, 238
 трансгрессия Мирового океана 29
 Тревер К. В. 190
 третичная эпоха 12, 13, 27
 треугольник (изображение) 40, 54, 56, 57, 66, 74, 75, 78, 80, 86, 90, 97, 114, 116, 120, 122, 123, 124, 130, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 148, 162, 196, 200, 227, 228, 230
 Триполье, Трипольский регион 182, 192, 193, 201
 трипольская культура 20, 184, 187, 189, 190
 Триптолем 208, 232
 Троя 22, 185, 240
 Тузлово 168
 тур/бык *см.* бык/тур
 Турло С. И. 28
 Турция 176, 177
 тушканчик 26
 Тэртерия (село; Румыния) 239
 тягловый скот 32, 33, 189

Угарит 15
 удайский лёсс 27
 Украина 46, 174, 192, 209, 216
 украшения 22, 168, 220, 231, 232
 Урал (регион) 36, 168, 170, 174
 Урарту 15
 Урук 189, 192
 Усатово (село; Одесская обл.) 187
 Успенровка 168
 утка 14, 117, 131, 143, 180
 Утлюк (Малый и Большой) 25
 фаллос 45, 55, 70, 78, 85, 87, 88, 99, 109, 110, 130, 136, 140, 147, 151, 152, 154, 156, 192, 196, 210, 211, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 233
 Федоровка (село; Полтавская обл.) 184, 198, 213
 Федоровская антропоморфная стела 212, 217
 фетиш, фетишизм 47, 209, 217, 218, 221, 222, 238
 фольклор 22, 191, 214
 Формозов А. А. 17, 22, 43, 169, 174, 175, 178, 180, 184, 199, 212, 236
 франко-кантабрийский регион 167, 171, 214
 Франция 17, 40, 107, 173, 174, 176, 181, 212, 222
 Фрэзер Д. Д. 184, 185, 216
 хазары 21, 225, 234, 239
 Хаманджии (Добруджа), стела отсюда 217
 хаос 16, 189, 220
 Харон 214
 Харьков 8, 210, 240
 Хатхор-Тэфнут, египетское божество 215
 Херсонес Таврический 10, 32, 46, 236
 хобот 45, 56, 58, 61, 80, 84, 127, 133, 134, 135, 136, 145, 152, 175, 179, 187, 188, 189
 Хойслер А. 240
 хомьяк-полевка 26
 христианство 184, 236, 237
 Хрящи (хутор) 27
 хурриты 189, 192
 Цалкин В. И. 35
 цапля 14
 цеп 33
 цимбохазма днепровская (лат. *Cymbochasma borysthena*) 13
 Циркумпонтийская зона 21, 22, 211
 Чатал-Хююк 177
 челны-однодревки; *см. также* лодки 223
 человеческая рука (знак, изображение) 39, 41, 54, 55, 58, 62, 70, 74, 75, 80, 85, 104, 109, 110, 147, 209, 227
 черепаха 30, 58, 70, 71, 227
 Черное море 29, 33
 Черных Е. Н. 33
 Черныш А. П. 174
 Черняков И. Т. 20, 21, 234, 235
 Чертомлык, курган 232
 Чмыхов Н. А. 20, 21
 Чобруч 198
 Чуринг грот (Артемиды) 44, 45, 114, 173
 чуринги 43, 44, 49, 83, 86, 87, 88, 100, 102, 107, 111, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 169, 173, 176
 шаман; *см. также* колдун 60, 99, 129, 180, 190, 233
 Шан-Коба 17, 29
 Шахнаме 190
 Шахнович М. И. 181, 197, 198
 Шилов Ю. А. 32, 49, 61, 186, 187, 192
 Широкино (село; Запорожская обл.) 27
 широчано-баратовский период 20
 шлифование 39, 43, 90, 114, 120, 130, 145, 148, 150, 151, 156, 194, 204
 шнуровой орнамент 22, 205
 шудры 198, 199
 Шулаев остров (Днепр) 223
 Шульговка (село) 38
 Шумер 15, 22, 181, 188, 189, 192, 195, 198, 202, 214, 215, 220, 221, 227, 231, 240
 щука 26, 30
 Эа (шумеро-аккадский бог) 181, 220, 221
 Эврипид 209
 Элам 226
 Эллада; *см. также* Греция 172
 энеолит 24, 29, 36, 44, 45, 56, 100, 106, 107, 151, 161, 166, 179, 182, 183, 184, 188, 190, 191, 192, 193, 199, 201, 203, 204, 205, 209, 217, 220, 231, 238, 239
 Энки (шумерское божество) 188
 Энлиль 214, 215, 220, 221
 Энмеркар (шумерское божество) 188
 эпос 14, 22, 23
 эротические = сексуальные сцены; *см. также* соития сцены 74, 100, 141, 178, 209, 211, 212, 222, 225
 Югино 168
 Юстиниан I 236
 Юшанла (река) 166
 Ююнь-Таш Камень 37
 Язылыккая ущелье (Малая Азия) 215
 язычество 103, 236, 237
 яйцо 131, 136, 143, 180
 Ямбург 17
 ямно-катакомбная культура 31, 36, 107, 183, 196, 197, 199, 205, 231
 Яхве 197
 ящерица 14

СОДЕРЖАНИЕ

[illegible]

Борис Дмитриевич Михайлов

Петроглифы Каменной Могилы
Семантика. Хронология. Интерпретация

Научное издание

Ответственный редактор: А. В. Зайков
Подготовка текста и иллюстраций: Н. И. Михалова, О. В. Заматаева, И. Н. Зыкова
Составление предметно-именного указателя: А. В. Зайков, С. М. Золотарёв
Технический редактор: С. М. Золотарёв
Корректор: Т. Н. Паршина

ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
<https://chersonesos-sev.ru>

Подписано в печать 07.06.2026 г.
Тираж 300. Формат 60×90/16; 16,5 усл. печ. л.